

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4

ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2017. Том 5, № 4

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE=
GOLDEN HORDE REVIEW
2017. Vol. 5, no. 4

Научный журнал

Academic Journal

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории
им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан»

FOUNDER:

State Institution
«Sh.Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Certificate of registration in the mass media
ПИ № ФС77–54682 given by Roskomnadzor
on 9 July 2013

Журнал основан в апреле 2013 г.

Journal was founded in April 2013

Выходит 4 раза в год

Published 4 times a year

РЕДАКЦИЯ:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5 (юррид.)
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная),
292 00 19

EDITORIAL OFFICE:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5 (juridical)
420111, Kazan, Baturin Str., 7
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception),
292 00 19

Подписной индекс в каталоге
«Каталог Российской Прессы» – **31999**

Subscription index in the «Catalogue
of the Russian Press» – **31999**

ЖУРНАЛ ИНДЕКСИРУЕТСЯ В:

Scopus
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
Directory of Open Access Journals (DOAJ)
Ulrich's Periodicals Directory
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ), РГБ
AcademicKeys, WorldCat
Научная электронная библиотека
открытого доступа КиберЛенинка
Google Scholar, СОЦИОНЕТ

THE JOURNAL IS INDEXED BY:

Scopus
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
Directory of Open Access Journals (DOAJ)
Ulrich's Periodicals Directory
Russian Science Citation
Index Database, RSL
AcademicKeys, WorldCat
Scientific Electronic Open Access
Library CyberLeninka
Google Scholar, SOCIONET

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ)

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., адъюнкт-профессор истории, университет Майами (Оксфорд, Огайо, США)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исхаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почкаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александр Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Аксанов Анвар Васильевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

D.V. Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Adjunct Professor of History, Miami University (Oxford, Ohio, USA)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

EDITORIAL OFFICE

English texts editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Anvar V. Aksanov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стивен Поу. Последняя кампания и смерть Джебе-нойона	698
Сайфетдинова Э.Г. Личность султана Бейбарса и его роль в развитии взаимоотношений мамлюкского Египта с Золотой Ордой по арабским источникам	726
Roman Hautala. Russian Chronicles on the Religious Policy of Uzbek Khan (1313–1341) and His Relations with the Principalities of the North-Eastern Rus'	736
Абзалов Л.Ф. «Горячий ключ от кручины болезней»: из практики водолечения в Золотой Орде	756
Nurlan Kenzheakhmet. The Tūqmāq and the Ming China: The Tūqmāq and the Chinese Relations during the Ming Period (1394–1456)	770
Аксанов А.В. От «баскардов» до «башкирцев»: судьба этнонима в XIII–XVI веках	786
Balázs Danko. The Terminology Denoting Political Organization and Common Descent in the Dāftār-i Ġingiz-nāmā	801
Чаба Гёнцель. Филологические заметки к двум генеалогиям крымско-татарского рода Ширин	811

Рецензии

Нарожный Е.И. «Нашествие и пределы катастрофы XIII века» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей	825
Несин М.А. Рецензия на монографию: Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды	837

Наследие

Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (3)	846
Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского	866
Габдрафиков И.М. Урочище Кала-тау – средневековый памятник археологии и эпиграфики Западного Приуралья	921

Хроника

Сайфетдинова Э.Г. По следам Великого татарского пути (отчет о поездке в Польшу 7–8 июня 2017 года)	927
--	-----

CONTENTS

Articles

- Stephen Pow.** The Last Campaign and Death of Jebe Noyan 698
- Sayfetdinova E.G.** The Personality of Sultan Baybars and His Role
in Developing Relations of the Mamluk Egypt with the Golden Horde
according to Arab Sources 726
- Roman Hautala.** Russian Chronicles on the Religious Policy
of Uzbek Khan (1313–1341) and His Relations
with the Principalities of the North-Eastern Rus' 736
- Abzalov L.F.** “Hot Spring for Cure of Diseases”: On the Practice
of Hydropathy in the Golden Horde 756
- Kenzheakhmet N.** The Tūqmāq and the Ming China: The Tūqmāq
and the Chinese Relations during the Ming Period (1394–1456) 770
- Aksanov A.V.** From the “Bascardi” to the “Bashkirs”:
The Fate of an Ethnonym during the 13th–16th centuries 786
- Balázs Danká.** The Terminology Denoting Political Organisation
and Common Descent in the Dāftār-i Čingiz-nāmā 801
- Csaba Göncöl.** Philological Remarks on Two Genealogies
of the Crimean-Tatar Clan Shirin 811

Reviews

- Narozhnyi E.I.** “The Invasion and Limits of the Catastrophe
of the 13th century” in the Assessments of Contemporary Domestic
and Foreign Researchers 825
- Nesin M.A.** Review of the Monograph: Seleznev Yu.V. Russkie knyaz'ya
pri dvore khanov Zolotoy Ordy (Russian Princes at the Court
of the Golden Horde Khans) 837

Legacy

- Khamidova Ch.I.** Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah.
2. The Mongols and Turks (3) 846
- Erusalimskiy K.Yu.** Crimean Khanate, Polish-Lithuanian Commonwealth
and Russian State in 1524–1571: The Diplomatic Correspondence
from the Archive of the Grand Duchy of Lithuania 866
- Gabdrafikov I.M.** Kala-tau Hill as a Medieval Monument of Archaeology
and Epigraphy in the Western Urals 921

Chronicle

- Sayfetdinova E.G.** Following the Great Tatar Way
(a report on the trip to Poland, June 7–8, 2017) 927

СТАТЬИ

УДК 94(47+57).027

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.698-725

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ И СМЕРТЬ ДЖЕБЕ-НОЙОНА¹*Стивен Поу*

*Центрально-Европейский университет
Будапешт, Венгрия
Pow_Stephen@phd.ceu.edu*

Цели: несмотря на важность Джебе-нойона в основании империи Чингиз-хана, он остается призрачной фигурой, и все еще существует большая неопределенность в отношении времени и обстоятельств его смерти. Параллельно с предоставлением обзора его происхождения и военной карьеры, как они запечатлелись в источниках, главной целью исследования является определить, когда и как погиб Джебе-нойон. То есть его целью является найти указания в источниках, которые объясняют исчезновение его упоминаний после 1223 года.

Материалы исследования: в исследовании был учтен широкий спектр первичных источников Средневековья разнообразного происхождения. Наиболее важными из них были «Новгородская» и «Галицко-Волынская» летописи, предоставляющие больше всего подробностей о последней кампании, в которой, как доподлинно известно, принял участие Джебе-нойон. Две биографии из «Юань ши» были рассмотрены в поисках дополнительных деталей. Также были проанализированы персидские (Джувейни, Рашид ад-дин), арабские (Ибн ал-Асир) и кавказские («Грузинская летопись») источники вместе с мнениями многочисленных историков, выраженными в исследовательской литературе.

Результаты и новизна исследования: главным открытием исследования является то, что «Новгородская Первая летопись» описывает гибель Джебе-нойона за неделю до битвы на Калке. Это утверждение выдвигается впервые, поскольку ранее было распространено мнение, что Джебе умер после его мнимого возвращения в Монголию. Другим важным открытием является то, что первичные источники не подтверждают мнения о том, что кампания Джебе и Субедея вокруг Каспия в 1221–1223 годах была всего лишь разведывательным набегом: источники скорее склонны свидетельствовать, что их главной целью были завоевания.

Ключевые слова: Джебе, Монгольская империя, кыпчаки, средневековая Русь, битва на Калке, Чингиз-хан, Золотая Орда, летописи Руси

Для цитирования: Поу С. Последняя кампания и смерть Джебе-нойона // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 698–725. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.698-725

¹ Перевод с английского Романа Хаутала и Дилрабо Тошевой.

Впервые статья опубликована на английском языке издательством Cambridge University Press. Данная статья распространяется на условиях открытого доступа по некоммерческой лицензии Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), которая предусматривает некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии корректного цитирования оригинала работы. На условиях расширенного доступа опубликовано 29 декабря 2017 г.

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan // Journal of the Royal Asiatic Society. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 31–51.

THE LAST CAMPAIGN AND DEATH OF JEBE NOYAN²*Stephen Pow*

Central European University

Budapest, Hungary

Pow_Stephen@phd.ceu.edu

Research objectives: Despite Jebe Noyan's importance to the establishment of Chinggis Khan's empire, he remains a shadowy figure, and much uncertainty still exists on when he died, and in what circumstances. While also providing an overview of his background and military career as it is recorded in the sources, the main objective was to discover when and how Jebe Noyan died. That is, the aim was to find clues in the sources that help make sense of his disappearance from records around 1223.

Research materials: A diverse range of primary sources originating from a variety of medieval societies was consulted. The most important sources were the Russian Novgorod and Galicia-Volhynia Chronicles which offer the most detail on the last campaign that we know Jebe participated in. Two biographies from the Yuan Shi was consulted for additional details. Persian sources (Juvaini, Rashiduddin), Arabic sources (Ibn al-Athir), and Caucasus sources (the Georgian Chronicle) were also explored, along with the views of a number of scholars in secondary literature.

Research results and novelty: The main finding is that the Novgorod First Chronicle appears to describe Jebe Noyan's death roughly a week before the Battle of the Kalka. This is a novel argument as Jebe is widely thought to have died after his putative return to Mongolia. Another important finding is that the primary sources do not support the view that Jebe and Sübe'etei's 1221–1223 campaign around the Caspian Sea was an exploratory raid; rather they tend to record that the objective was conquest.

Keywords: Jebe, Mongol Empire, Kipchaks, Medieval Russia, Battle of the Kalka, Chinggis Khan, Golden Horde, Russian Chronicles

For citation: Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 698–725. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.698-725

После своего подчинения Чингиз-хану в 1201 году Джебе стал одним из выдающихся полководцев рождавшейся Монгольской империи вплоть до своей смерти, которая, по предположению современных исследователей, имела место в 1223 году или вскоре после этого [7, p. 265]. Это тот момент, после которого Джебе по существу исчезает из исторических упоминаний. Что делает его исчезновение особенно странным, это то, что оно произошло вскоре после того, как он добился одного из самых известных военных успехов всего средневекового периода, командуя довольно небольшими монгольскими силами в то время, как они продвинулись на тысячи километров через

² Originally published by Cambridge University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), which permits non-commercial re-use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. Advance Access published on December 29, 2017.

For original publication: Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017. Vol. 27. Is. 1, pp. 31–51.

Иран и Кавказ. Его армия выигрывала сражения и брала враждебные города на своем пути к разгрому и подавлению объединенных сил кыпчаков и русских на реке Калке в мае 1223 года. Остатки сил Джебе после этого, видимо, присоединились к Джучи (старшему сыну Чингиз-хана) в Волго-Уральском регионе прежде, чем вернуться в Монголию [5, p. 10–11]. Можно представить, что после такого военного успеха блестящий полководец должен был стать объектом настолько живейшего интереса, что вне зависимости от того, пережил ли он военную кампанию или же умер в ее ходе, любой последующий этап его карьеры или природа его смерти заслуживали бы упоминания. Исследователи оказались в некоторой растерянности в связи с неясностью исторических сведений о конечной судьбе Джебе³. Вследствие этого, хотя мы признаем, что он был одним из самых важных военных лидеров в первые десятилетия существования Монгольской империи, он как правило остается объектом относительно многословных сносок и коротких энциклопедических статей⁴. Настоящая статья, однако, выдвигает утверждение, что исторический материал XIII века на самом деле указывает, как умер Джебе, и он просто оказался до сих пор незамеченным. После описания контекста проблем, которые встречаются в источниках в особенности в отношении к Джебе, и краткого очерка его жизни и карьеры, я представлю один синхронный отчет о его смерти, различные элементы которого находят подтверждение в ряде источников XIII и XIV веков. Цель данного исследования является ограниченной: оно не анализирует исчерпывающим образом русские и китайские изыскания, которые касались монголов. Но это является простительным, поскольку, насколько я смог установить, не существует ни одного исследования ни на одном языке, которое рассматривало бы личность и судьбу Джебе-нойона в качестве специфичной темы⁵. Я, однако, уверен, что дальнейшее исследование главного вопроса, анализируемого в данной статье, – которая заостряет особое внимание на сложностях историографии Монгольской империи, – могло бы извлечь в дальнейшем только пользу из работ и отзывов российских и китайских специалистов.

³ Поль Д. Бьюэлл утверждает, что Джебе либо умер естественной смертью или был убит, но точная дата его смерти является неопределенной [13, p. 257]. Издатели китайских источников обращают внимание на их противоречивую информацию в отношении того, когда умер Джебе [32, s. 41]. В одном подстрочном примечании Джон Бойль утверждает, что Джебе «исчезает из истории» после западной кампании. Субедей, с другой стороны, продолжил знаменитую в дальнейшем и хорошо задокументированную карьеру после того, как он принял участие в кампании и вернулся в Монголию [10, p. 143].

⁴ Энциклопедические статьи о Джебе у Бьюэлла и Этвуда, упомянутые выше, характерны в своей краткости. См. многословное подстрочное примечание о Джебе в: [34, p. 155–156].

⁵ Приходом к этому заключению я очень многим обязан Иштвану Вашари (университет Этвёша Лоранда) за его консультацию по исследовательской литературе на русском языке. Я также хочу выразить благодарность за его отзыв на всю статью в целом и особенно за критическую оценку ключевого филологического момента, на котором основывается мое утверждение. Я выражаю благодарность как Цзинцзин Ляо (Пекинский Педагогический университет), так и Чжексин Сю (Зальцбургский университет) за консультацию и поиск релевантной литературы на китайском языке.

Лакуны и пропуски: проблемы материала источников по Джебе-нойону

Широко признанным фактом является то, что объединению степи и последующему росту Монгольской империи после 1206 года главным образом способствовали стратегические способности таких полководцев, как Джебе. Пауль Ратчевский отмечал, что победы Чингиз-хана над самыми могущественными государствами Азии в первые годы существования империи не могут быть полностью приписаны превосходству монгольской конницы или использованию таких степных тактических приемов, как притворные отступления, которые на самом деле не были чингизидским нововведением. Скорее, его успехи часто были следствием его склонности назначать людей в верховное командование на основе проявленных способностей, а не происхождения, что способствовало выдвижению опытных и преданных офицеров, которые были обязаны хану своим продвижением. Указывая на трех из самых выдающихся полководцев Чингиз-хана, Ратчевский утверждал, что во вражеских лагерях Хорезма и династии Цзинь не было таких блестящих и исполнительных руководителей, как Мухали, Субедей или Джебе [37, р. 170–171]. Тем не менее, когда редакторы биографического перечня личностей Монгольской империи и династии Юань – «На службе у хана» – решили включить в него Мухали и Субедея, они не представили биографии Джебе. Его исключение может показаться неоправданным⁶. Редакторы указывают на то, что вклады Мухали и Субедея были настолько велики, что их потомки продолжали оставаться частью правящей элиты на протяжении всего монголо-юаньского периода, но то же самое может быть сказано и в отношении потомков Джебе. Рашид ад-дин, чиновник и историк Ильханата, замечал, что брат Джебе и его сыновья, племянники и сыновья племянников были военачальниками в Ильханате в его время. Один из представителей рода Джебе был наместником в правление Угедея, и его родственники все еще оставались «на данный момент» важными фигурами на службе у Юаньского государства Хубилай-хана [38, р. 207–211; 43, р. 110–111].

Если о значении Джебе помнили долгое время после его смерти, мы можем быть уверены в том, что оно признавалось в не меньшей степени в течение его жизни. В 1221 году Чжао Хонг, эмиссар династии Сун, посетил монгольский двор и встретился с Мухали, исполнявшим функции гуо вана или правителя в то время, когда Чингиз-хан вел войну против своих хорезмийских врагов в тысячах километров на западе. Эмиссар закономерно сделал заключение, что Мухали был вторым самым могущественным человеком в империи, так как хан наделил его королевским титулом и поручил ему верховное командование военными операциями против династии Цзинь. Однако, по оценке Чжао Хонга, Джебе был приблизительно сопоставим с доподлинным правителем, пользуясь третьими по степени верховенства полномочиями в формирующейся империи: среди приближенных Чингиз-хана ему было поручено командование над его ударными войсками [32, s. 35].

⁶ Редакторы или авторы этого сборника избрали Мухали и Субедея как двух представителей «четырех коней» и «четырех гончих псов» Чингиз-хана, утверждая, что оба служили примером блестящего таланта государственной деятельности и военных способностей соответственно, и будучи таковыми, были «подлинными звездами монгольских завоеваний» [16, р. XVII–XVIII].

То, что Джебе, считавшийся одним из самых высоких должностных лиц государства в 1221 году, внезапно исчезает из источников всего лишь несколько лет спустя, представляется мистерией. Действительно, фрагментарный характер материала по Джебе, как кажется, делает его лицом, неподходящим для полноценного биографического очерка. Хотя его молниеносная кампания вглубь вражеской территории на протяжении 1220–1223 годов с кульминацией в битве на Калке представляет исходный материал для главных тематических исследований военной истории, мало что известно о Джебе как личности: в первичных источниках попросту имеется слишком много лакун, в особенности в отношении его смерти или какой-либо деятельности после столкновения на Калке. В немалой степени это связано с отсутствием биографии Джебе в «Юань ши», истории династии Юань, составленной в XIV веке на основе официальных записей. Такие военачальники сравнимой важности в правление Чингиз-хана, как Мухали, Субедей, Боорчу и Борохул, удостоились стать объектами биографий. Характерно, что мы также находим биографию некоего Измаила, в некоторой степени загадочного подчиненного Джебе. Этот материал предоставляет нам некоторую информацию о них обоих, но очевидно, что Джебе не был удостоен отдельной биографией [41, р. 2969–2973]⁷. Конечно, это может быть просто следствием недосмотра составителей «Юань ши»: среди 24 официальных династических историй «Юань ши» известна своим поспешным составлением, ошибками и незавершенностью [13, р. 290]. Какова бы ни была причина, его опущение способствовало тому, что Джебе остается призрачной фигурой. Это может компенсироваться в определенной степени описанием этого военачальника и членов его рода, предоставляемым Рашид ад-дином. Однако сразу же за детальной информацией о «убийствах и грабежах» русских в 1223 году этот автор прекращает говорить о какой-либо дальнейшей деятельности, предпринятой самим Джебе [38, р. 210; 43, р. 110]. Данное исследование теперь коротко изложит деятельность Джебе-нойона вплоть до его очевидно финальной кампании, прежде чем представлять свидетельство конкретных обстоятельств его смерти: все это должно позволить нам составить более полное представление об этой важной исторической личности.

Жизнь и военные кампании Джебе-нойона до 1223 года

Изначально Джебе звали Джиргоадам, когда, будучи членом племени Бесут, он сражался на стороне Тайджиутов в качестве их подчиненного. Они были одними из самых ранних и злейших врагов Темуджина, будущего Чингиз-хана, в войне за господство над монгольскими степями. После их решающего поражения в 1201 году Джиргоадай оказался в руках Темуджина. «Сокровенное сказание монголов» сообщает нам, что, когда Темуджин потребовал узнать, кто убил его лошадь в предыдущем сражении, пленник признался в своей вине, но также отметил, что, если бы он был казнен, его смерть не принесла бы никому пользы. Если же, однако, его пощадили бы, он

⁷ Должностное лицо, о котором идет речь, вполне правдоподобно звалось Измаилом; в китайской передаче ‘曷思麦里’.

стал бы верным слугой. Прямота пленника произвела впечатление на Темуджина, заявившего, что такой человек был достоин того, чтобы стать его спутником, и он переименовал его в Джебе в ознаменование этого инцидента [17, р. 68–69]. Эта была игра слов, где имя «Джебе» означало либо оружие, либо стрелу [17, р. 68–69; 34, р. 156]. Сообщение Рашид ад-дина несколько отличается от этого. В его версии Джебе бежал при поражении Тайджиутов и стал блуждающим изгнанником, но в конечном счете последователи Темуджина случайно натолкнулись на него. Боорчу преследовал его на лошади, которая принадлежала будущему хану, но Джебе удалось убить животное стрелой перед бегством. Спустя несколько дней он обратился из безысходности к Темуджину с просьбой сохранить ему жизнь и обещал предоставить своему новому хозяину множество лошадей мышастой (серой) масти в качестве компенсации за ту, которую он убил [38, р. 208; 43, р. 109–110]. Ратчевский высказал мнение, что этот менее точный рассказ, вероятно, более соответствовал реальности [37, р. 64].

Вне зависимости от точности деталей, источники сходятся в том, что Джебе присоединился к Темуджину после того, как сдался ему и получил прощение. Получив сначала под свое командование десять человек, он был повышен в звании во главе сотни человек, потом – тысячи, и наконец – тумена (десяти тысяч человек) [38, р. 207–208; 43, р. 110]. Таким образом, он поднялся из преследуемого беглеца до видного нойона – знатного военачальника. В 1204 году он исполнял ту задачу во главе передовых военных частей, которая стала характерной для него в дальнейшем, продвигаясь с конным дозором, чтобы разведать найманских противников Темуджина, и столкнувшись с их передовыми подразделениями [17, р. 115]. По «Сокровенному сказанию», найманский хан спросил, кто были те люди, гнавшие за его дозором, и получил ответ, что это были «четыре гончих пса» – Джебе, Субедей, Джелме и Кубилай [17, р. 118–119]. Кажущееся поэтическим приемом, это «псиное» название было подтверждено официально в 1206 году, когда Темуджин, объединивший степь, собрал вместе монгольские племена и провозгласил себя Чингиз-ханом. Распределяя почести среди своих верных слуг, он назначил Джебе одним из 95 командующих подразделениями из тысячи человек и признал его одним из своих «четырех псов», которые оказались перед этим незаменимыми в разгроме его соперников [17, р. 142]. По-видимому, ни один из военачальников не был уполномочен в 1206 году руководить числом воинов, превышающим тысячу. Однако Чингиз-хан, вероятно, дал Джебе и Субедею – еще одному из «четырех псов» – особое позволение превысить это число [17, р. 133–134, 151].

С расширением военных действий Чингиз-хана из монгольских степей на просторы евразийского континента Джебе продолжил исполнять роль неутомимого и похожего на «гончего пса» преследователя врагов хана. Гонясь по следам меркитских беглецов, бежавших из монгольских степей, Джебе привел военные силы монголов в землю уйгуров, чей правитель быстро подчинился власти Чингиз-хана в 1209 году. Некоторые бежали дальше на запад после того, как Джебе их разбил, но в конечном счете Субедей настиг их вместе с меркитскими беглецами и уничтожил их в земле канглов в восточной Кыпчакской степи [5, р. 9; 43, р. 226; 16, р. 15]. Когда в 1211 году Чингиз-хан отправился на войну с превосходящими силами династии Цзинь в Северном

Китае, именно авангард Джебе захватил Цзюйюнский перевал, позволив монгольским силам вторгнуться на китайские территории. Согласно «Юань ши», это стало возможно благодаря изменническому соучастию цзиньского генерала. Но согласно «Сокровенному сказанию», Джебе притворным бегством выманил цзиньские силы с выгодных оборонительных позиций, прежде чем внезапно атаковать их [17, р. 175; 37, р. 110]. Рашид ад-дин и «Сокровенное сказание» сходятся в описании стратагемы, примененной позже Джебе для захвата восточной цзиньской столицы Дунцзин (современный Ляоян). После неудачного приступа он быстро отошел от него (на расстояние шести или десяти дней пути), так чтобы внушить оставшимся в городе обманчивое чувство безопасности. Сократив поклажу до минимума, его кавалерия повернулась в обратном направлении и стала продвигаться днем и ночью, время от времени ведя лошадей под уздцы, в направлении к Дунцзину. Появившись из ниоткуда, они набросились на неподготовленных защитников [17, р. 175–176; 38, р. 210–211; 43, р. 111].

В то время как война против Цзинь затянулась, Джебе был направлен на запад в погоню за беглецами из степи. Их возглавлял Кучлук, найманский принц, бежавший ранее от Чингиз-хана после поражения своего отца в 1204 году. В конце концов он узурпировал власть в империи кара-китаев и правил в ней к тому моменту, когда Джебе внезапно прибыл туда во главе 20 тысяч человек в 1217 году. Монгольские силы разбили Кучлука, снова пустившегося в бегство, пока он наконец не был пойман и убит подчиненным Джебе, Измаилом, в 1218 году [13, р. 18]. Провозгласив распоряжение Чингиз-хана о свободе религий, Джебе рассматривался освободителем повсюду в прежних владениях кара-китаев, избавившим главным образом мусульманское население от владычества буддистского идолопоклонника. По приказу Джебе Измаил возил по всему региону голову Кучлука, и кара-китаи вскоре были приведены к покорности монгольской власти [41, р. 2969; 9, р. 402–403; 37, р. 119].

Джебе быстро подчинил монгольской власти остатки этой территории, и распространившийся слух о его власти и успехе вызвал явное подозрение у Чингиз-хана. Не стоит забывать, что Джебе был когда-то его противником, и Чингиз-хан не терпел конкурентов для своей власти. Рашид ад-дин сообщает, что Чингиз-хан отправил тогда послание Джебе, предостерегая его от самонадеянности, поскольку это чувство погубило его противников, включая Кучлука. Джебе вернулся из завоеванного региона, привезя в подарок тысячу мышастых лошадей с белыми ртами, похожими на ту, которую он убил, когда был врагом Чингиз-хана [38, р. 208; 43, р. 110]. Этим впечатляющим и безмолвным выражением лояльности Джебе, вероятно, положил конец подозрениям, поскольку, когда в этом же году началась война с Хорезмийской империей из-за расправы над купцами Чингиз-хана в Отраре, он продолжил играть ведущую роль в военных операциях.

«Сокровенное сказание» сообщает, что в то время, когда в 1219 году основные силы Чингиз-хана продвигались против хорезмийских городов, главным образом расположенных вдоль Сырдарьи и Амударьи, Джебе, исполняя характерную для него «авангардную» роль, был направлен вглубь вражеской территории в погоню за шахом Мухаммедом II. Субедей был послан на по-

мощь Джебе, и Токучар последовал в помощь Субедею [17, р. 189–191]⁸. С этого момента вплоть до внезапного исчезновения из источников около 1223/24 года он, как представляется, выступал в роли главнокомандующего кампанией, увлекшей в конечном итоге монгольские силы через Персию и Кавказ в Кыпчакскую степь и к границам княжеств Руси. По сообщению Рашид ад-дина, Джебе направлял Субедея с войсками перед началом битвы, что предполагало существование иерархии. И современные историки видят в Джебе вероятного предводителя [38, р. 209; 43, р. 110; 13, р. 170]. В 1220 году, после скорого падения нескольких городов и гарнизонов, оборона Хорезма обрушилась ошеломляющим образом, и шах Мухаммед бежал за Амударью в сторону Ирана с Джебе и Субедеем, следовавшими по его горячим следам. В конце концов он нашел убежище на одном острове в Каспийском море, где он умер в конце 1220 года, подавленный падением его огромной империи и потерей своих последователей. Преследование было настолько неутомимым, что султан в определенный момент оставил остров, решив перебраться на более безопасный в тот момент, когда воины Джебе прибыли на его берег в его поисках [38, р. 521; 43, р. 252]. С этой победой Джебе загнал до смерти уже второго правителя другой империи, и, вероятно, он должен рассматриваться как самый эффективный военачальник Чингиз-хана. Несомненно, гибель Хорезмшаха должна была сыграть немаловажную роль в развале сплоченного сопротивления на его прежних территориях в Хорасане и Средней Азии.

Вместо того, чтобы остановиться или вернуться обратно, Джебе и Субедей продвинулись на север вдоль Каспийского моря в Кыпчакскую степь, далеко оторвавшись от других монгольских сил. Согласно биографии Субедея в «Юань ши», он был тем, кто предложил осуществить эту экспедицию, запросив и получив разрешение завоевать кыпчаков от Чингиз-хана [41, р. 2976; 11, р. 297]. Сообщения Рашид ад-дина относительно побуждения к этой экспедиции отличаются от этого. Он утверждает, что Чингиз-хан дал приказ вторгнуться в Кыпчакскую степь уже тогда, когда он отправлял Джебе в погоню за Хорезмшахом [38, р. 517; 43, р. 249]. Однако другой отрывок, очевидно излагающий содержание послания, отправленного Джебе и Субедеем хану, предполагает, что они получили повеление вернуться в Монголию через несколько лет, но могли по своей воле завоевать за это время столько земель, сколько смогли бы, и это означает, что хан дал им чрезвычайно неопределенные директивы, как они должны были вести предстоящую кампанию [38, р. 531; 43, р. 258]. Также не ясно, насколько большие войска были в их распоряжении. Джузджани, враждебный синхронный автор, обосновавшийся в султанате Дели, предполагает, что у Джебе и Субедея было 60 тысяч воинов, по крайней мере, когда они начали преследование Хорезмшаха [23, р. 171; 39, р. 987]. Ан-Несеви, бывший приближенным сына Хорезмшаха и принявший участие в борьбе с монголами, сообщает, что два военачальника располагали 30 тысячами воинов при отправлении. Это число совпадает с указанным Рашид ад-дином, и поэтому оно, вероятно, является более точным [30, р. 67; 25, р. 75. См. оценку Рашид ад-дина в: 43, р. 148, 150]. Согласно сообщению армянского клирика Вардана Аревелци, они насчитывали 20 тысяч, когда вторглись на Кавказ и сражались с грузинами в 1221 году, и при

⁸ Успех Джебе в исполнении этой операции заслужил похвалу Чингиз-хана.

своим возвращении на следующий год они обогнули Армению и Грузию, чтобы избежать столкновения с большим числом скопившихся там врагов [44, р. 213]. Могло быть и так, что у них было 30 тысяч воинов, когда они начали погоню за шахом, но они были вынуждены сделать это без тумена Токучара (которому ранее было поручено взаимодействовать с ними) после того, как тот был убит при осаде Нишапура в ноябре 1220 года⁹. В любом случае, попытка оценить точную численность войск под командованием Джебе и Субедея в 1221–1223 годах кажется практически бесполезной, поскольку они были вовлечены в постоянные столкновения с вытекающими из них потерями в составе. Они также часто пополнялись пленниками и вспомогательными войсками тех, кто им подчинялся¹⁰. Враждебный синхронный автор Ибн ал-Асир сообщает, что по мере того как эти монголы продвигались на запад, большое число мусульманских и неверных воинов примыкало к ним, включая «смутьянов, стремившихся к грабежу и бесчинствам» [40, р. 213].

На мой взгляд, можно сказать с уверенностью, что популярная в современных исследованиях тенденция называть кампанию Джебе и Субедея «набегом» или «разведкой боем»¹¹ противоречит утверждениям источников. Упомянутое выше сообщение Рашид ад-дина о послании двух монгольских военачальников хану отображает их намерение осуществить завоевание как можно большего числа регионов в течение нескольких лет до возвращения в Монголию [38, р. 531; 43, р. 258]. Враждебные и симпатизирующие монголам сообщения также свидетельствуют, что они убивали тех, кто им сопротивлялся, но назначали префектов в те города, которые им подчинялись, как они сделали это в Хамадане, восставшем позже из-за тяжести налогообложения [40, р. 218; 7, р. 521]. Синхронный автор Джувейни, симпатизировавший монголам, ясно указывал на то, что они подчинили, помимо других городов, Тебриз и Нахичевань по мере продвижения через Кавказский регион, и что они вернулись на короткое время в Иран, чтобы уничтожить тех, кто сверг недавно назначенных наместников. Они также планомерно вручали письма с официальными печатями (тамги) местным подчинившимся правителям [36, р. 209, 228; 10, р. 148, 173]. То, что им не удалось подчинить весь регион, было менее всего связано с намеченными целями, а было в большей степени следствием очевидно недостаточного числа войск в распоряжении Джебе и Субедея для исполнения этой задачи наряду с упорным сопротивлением и предрасположенностью к восстаниям местного населения. В подобной ситуации военачальники нередко должны были довольствоваться грабежом и расправой, чтобы по крайней мере устранить сопротивление в будущем.

⁹ Игорь де Рахевильц рассматривает отчет Джувейни об этом инциденте и противоречивые сообщения о роли Токучара в этой кампании: [17, р. 940–941. См. также: 22, р. 241].

¹⁰ См. утверждения переводчика Джузджани в примечаниях в отношении прибытия подкреплений: [39, р. 995].

¹¹ Тенденция полагать, что цели этой западной экспедиции не были такими, как их описывали доступные источники, присуща как популярным, так и академическим монографиям. См. примеры в: [20, р. 89]. Данный автор представляет эту кампанию как разведку боем с целью получить информацию о военном потенциале и т.п. См. также: [14, р. 19; 16, р. 132].

То, что монгольские войска продвинулись настолько далеко через враждебную территорию, чтобы соединиться с сыном Чингиз-хана, Джучи, произвело сильное впечатление как на сочувствующих монголам, так и враждебных хронистов¹². Грузинский хронист XIV века отмечал с изумлением, что эта армия разбила грузин и продвинулась в Кыпчакскую степь несмотря на то, что она имела только луки и неподкованных лошадей, и никакого защитного вооружения [27, р. 320–321]. Победам монголов и их способности уйти живыми из Южного Кавказа в большой степени способствовали решительность и безжалостная изобретательность их военачальников – Джебе и Субедея, – как показывает сообщение Ибн ал-Асира. В 1222 году, обогнув Грузию на своем пути на север по направлению к Дербенту, монголы осадили Шемаху. Монголы соорудили искусственный вал, достигавший верха оборонительных стен, из туш скота и убитых местных жителей. Они сражались с горожанами в течение трех дней, пока вал постепенно не распался и не обрушился. Но даже после этой неудачи монголы продолжили нападения, пока город не был захвачен. Неспособные найти безопасный проход через северные перевалы (которые предположительно были заняты защитниками), они попросили шаха Дербента направить послов для мирных переговоров. Когда те прибыли, монголы казнили одного и угрожали тем же другим, если они не проведут их безопасным путем. Им был показан удобный путь, через который можно было вырваться. Спустившись с гор, они столкнулись после этого с армией алан и кыпчаков, их поджидавших. Неспособные совладать с этими объединенными силами, монгольские предводители подкупили кыпчаков, чтобы те покинули своих союзников, ссылаясь на общее этническое происхождение как обоснование альянса. Кыпчаки покинули своих союзников после получения даров и заверений в мире, позволив монголам разбить алан по-отдельности. После чего монголы вместе с пленными аланами нагнали ничего не подозревавших кыпчаков и перебили их [40, р. 220–221]. Таким образом монголы успешно прибыли в степи Северного Причерноморья, разграбив Судак в Крыму зимой 1222–1223 года, в то время как кыпчаки бежали в поисках помощи на Руси [40, р. 223].

После ожесточенных боев и посредством уловок и применения психологической войны Джебе удалось привести свои войска в степь на заключительной стадии кампании. Тем не менее, несмотря на то что ему удалось удержать целой свою армию, так что в конце концов многие монголы смогли соединиться с силами Джучи в 1224 году, мы считаем, что существует очень убедительное свидетельство тому, что самого Джебе уже не было среди этих оставшихся в живых монголов.

Кампания 1223 года и обстоятельства смерти Джебе-нойона

Экспедиция Джебе и Субедея привлекла так много внимания, что авторы с различным культурным контекстом и происходившие из разных географических регионов зафиксировали ее детали. Источники Руси предоставляют наиболее детальное описание кампании весны 1223 года, завершившейся

¹² Симпатизирующий монголам Джувейни восхваляет это достижение: [36, р. 209–210; 10, р. 149]. При описании быстрого наступления «западных татар» враждебно настроенный Ибн ал-Асир выражает сомнение, что будущие поколения поверят в это, поскольку подобный военный успех был «невиданным в древние и настоящие времена»: [40, р. 215].

сражением русско-кыпчакских сил с монголами на Калке¹³. В синодальном списке «Новгородской Первой летописи» XIII века мы находим сообщение о смерти Джебе, попросту оставшееся незамеченным до настоящего времени¹⁴. «Галицко-Волынская летопись», хоть и не упоминает Джебе, предоставляет множество подробностей, позволяющих составить более полную картину о ходе событий, связанных с его смертью¹⁵.

Обе летописи сходятся в том, что вслед за монгольским нападением несколько кыпчакских вождей бежали к русским князьям и призвали их заключить военный альянс на том основании, что монголы вторглись бы на Русь в дальнейшем, если бы они не были остановлены на кыпчакской территории. Найдя это утверждение убедительным, множество князей постепенно собрали свои войска вместе с их кыпчакскими союзниками на Днепре к концу весны. «Галицко-Волынская летопись» определенно указывает на то, что место встречи различных подразделений располагалось рядом с Хортицей – одним островом у южных оконечностей порогов Днепра [29, р. 64–65; 35, р. 29]¹⁶. Предположения о том, что эти армии собрались на острове, а не на западном берегу Днепра [15, р. 194], имеют мало смысла со стратегических и логистических позиций кавалерии, включавшей в свой состав кочевников. Во время походного передвижения и пока русские собирались вместе, монголы направили к ним послов, чтобы побудить их покинуть их кыпчакских союзников. После того как три посла были убиты, вторая группа послов прибыла только для того, чтобы призвать русских вступить с ними в сражение, после чего, по их словам, их рассудил бы Бог. Эти послы были отпущены [29, р. 65]. Этот отчет достоверен: первый призыв имеет примечательное сходство с более ранним, полученным кыпчаками в предыдущем году с побуждением оставить аланских союзников. Второй напоминает стандартное обращение, вручаемое монголами по всей Евразии всем тем, кто отвергал подчинение¹⁷. После этого извещения монголы двинулись по направлению к русским позициям.

«Галицко-Волынская летопись» сообщает, что, когда стало известно о том, что монгольские передовые подразделения приблизились к восточному

¹³ Следует отметить, что датировка этой кампании была предметом длительной научной дискуссии. Дебаты в основном фокусировались на том, случилось ли это в 1223 или 1224 году. Синодальный список «Новгородской Первой летописи» и «Галицко-Волынская летопись» в Ипатьевском своде помещают ее под 6732 годом, соответствующем 1224 году. Однако М. Степанов отметил, что существовало два стиля датировок в этих летописях, использовавшихся средневековыми летописцами. Н. Бережков утверждал, что 1223 был правильным годом, и его утверждение было, если не совершенно, то широко принято. См. его доводы в: [1, с. 317–318]. См. недавнее рассмотрение дискуссии и некоторых проблем, связанных с 1223 годом в: [46, р. 1–11].

¹⁴ Синодальный список – самая ранняя сохранившаяся версия «Новгородской Первой летописи». Весь короткий отчет о кампании и битве помещен под 6732 годом [3, с. 61–63].

¹⁵ Ее отдельный отчет об этой кампании помещен под 6732 годом [2, стб. 740–745].

¹⁶ Ссылки на английский перевод используются для того, чтобы охватить более широкую аудиторию, за исключением ключевых моментов, где необходимо привести текст подлинника.

¹⁷ Отталкиваясь от созвучия обоих призывов со стандартными примерами монгольского поведения и их соответственной правдоподобности, Чарльз Гальперин утверждает, что сообщения летописей могут быть весьма точными [24, р. 32]. См. один пример стандартного монгольского ультиматума в: [10, р. 25–26].

берегу Днепра, чтобы обозреть русские силы и их судна, несколько русских князей, включая юношу Даниила Галицкого, поспешили к противоположному берегу реки, чтобы рассмотреть до тех пор неведомого врага. Очевидно не впечатленные оснащением кочевнических лучников, некоторые пренебрежительно назвали их «простолюдинами», еще большими чем даже кыпчаки, но один из них, присутствовавший на месте, упомянут, как предостерегший их, что монголы на самом деле были грозными воинами [35, р. 29]. Это напоминает одно из описаний монголов грузинского летописца, где они имеют луки, лишены защитного вооружения и скачут на неподкованных лошадях. Сделав свои первые наблюдения, молодые князья стали призывать старших князей отдать приказ для нападения [35, р. 29].

Русские силы под командованием «Мстислава» переправились через Днепр и бросились в атаку на монгольские передовые подразделения, согласно «Новгородской Первой летописи». Задача историка не упрощается тем фактом, что все три князя, возглавлявшие верховное командование [35, р. 28] во время кампании, звались Мстиславами, а именно – Мстиславом III Романович, князем Киева; Мстиславом, князем Чернигова; и Мстиславом Мстиславичем Удалым, князем Галиции. И летопись равным образом не уточняет, кто из них имеется в виду. Однако косвенные доказательства проясняют, что им должен был быть Мстислав Удалой: в первую очередь именно он настоял на том, чтобы другие князья вступили в альянс с кыпчаками. Его тестем был кыпчакский предводитель Котян, и из последующего текста становится ясно, что тот Мстислав, который бросился в эту первоначальную атаку, сделал это в тесном взаимодействии с кыпчаками [29, р. 64–65]¹⁸. «Никоновская летопись» XVI века определенно указывает на то, что это был Мстислав Удалой [47, р. 287].

Неожиданная атака русов сокрушила эти пограничные силы, потерявшие многих убитыми и отступившие на восток во главе с их командующим (или воеводой, как выразился летописец) к вершине кыпчакского кургана. Не в силах бежать или удержаться, монголы похоронили своего командующего живым на кургане, прежде чем курган был захвачен, по-видимому, надеясь сохранить ему жизнь так, чтобы он был спасен позже. Однако кыпчакские воины попросили разрешения у Мстислава Удалого обследовать курган в поисках их предводителя, предполагая, что он был там захоронен. Вероятно, они должны были настаивать на этом позволении, поскольку его исполнение означало остановку и потерю драгоценного времени в то время, когда враг, как представлялось, пустился в бегство; но эта просьба была удовлетворена. Кыпчаки в конце концов выгнали монгольского командира из его убежища и убили его. «Новгородская Первая летопись» дважды указывает, что именем убитого монгольского командира было «Гемьябѣг»; «Gemya-Beg» в транслитерации Мичелла и Форбса¹⁹. «Галицко-Волынская летопись» не повторяет этого эпизода, но,

¹⁸ «Галицко-Волынская летопись» упоминает борьбу Мстислава Удалого во взаимодействии со своими кыпчакскими союзниками против венгров и поляков всего за несколько лет до столкновения на Калке [см.: 35, р. 27].

¹⁹ В соответствующем фрагменте пишется: «Тѣгда же Мьстислав перебродяся Днѣпръ, прѣиде в 1000 вои на сторожи татарьскыя, и побѣди я, а прокъ ихъ въбѣже съ воевою своимъ Гемьябѣгомъ въ курганъ Половьчьскыи, и ту имъ не бымочи, и погрѣбоша воеводу своего Гемьябега жива въ земли, хотяще животь его ублюсти; и ту и налезоша, испросивъше Половци у Мьстислава, и убиша и» [3, с. 62–63; 29, р. 65].

безусловно, согласуется с общей картиной: два князя по имени Мстислав форсировали реку для атаки, а другие последовали за ними в большой спешке. Монгольские силы были разбиты, и их преследовали далеко вглубь степи, вследствие чего в руки русов попали огромные стада скота [35, р. 29]. Оба источника согласуются в том, что монголы бежали восемь или девять дней до тех пор, пока они не развернулись, чтобы оказать сопротивление.

*Лингвистические и косвенные доказательства того,
что Гемябег является Джебе-нойоном*

У нас есть все основания заключить, что упомянутый выше монгольский командир, захваченный и казненный кыпчаками, был самим Джебе-нойоном. Обращаясь к имени «Гемябѣг», которое может быть транслитерировано различными способами²⁰, открытым остается вопрос, какой согласный звук в начале слова имел в виду средневековый летописец, поскольку буква «Г» (глагол) может отображать велярный гортанный щелевой или велярный прерывистый звук²¹. Хотя «Гемя-Бег», «Хамабек» или гипотетический «Хемя-Бег» не похожи на Джебе-нойона, все они отображают примечательное сходство с тем, как летописец Руси должен был передать имя «Йеме Бег», если бы оно происходило из среды тюркоязычных кыпчаков²². В то время как повсюду в сочинении Рашид ад-дина имя этого военачальника представлено как Джебе (جبه) [см., например: 38, р. 207–211; 40, р. 110–111], как и в «Сокровенном сказании» и «Юань ши» (哲伯), многие другие источники дают его имя в «тюркизированной» форме «Йеме»²³. Джувейни, ан-Несеви и Джузджани, персидские авторы XIII века, все передавали его имя как (يمه), которое может быть транслитерировано по-разному, как Йама, Йеме, Йемах и т.д. [36, р. 207; 30, р. 65; 23, р. 171. См. о транслитерации: 10, р. 142; 25, р. 89; 39, р. 987]²⁴. В грузинской «Столетней летописи» его имя дается как «Иама» вместе с замечанием, что он был также известен как «Джебо» [27, р. 321]. Таким образом, в то время как восточноазиатские источники настойчиво пе-

²⁰ Мичелл и Форбс передали его как «Gemya-Beg», что означает, что они рассматривали титул как отдельную часть от личного имени. Ховорт, использовавший раннюю работу Карамзина в качестве своего единственного источника, передавал его как «Hamabek» [26, р. 96].

²¹ Джулия Верхоланцев, переписка по электронной почте с автором, 31 июля 2015 года. Автор выражает благодарность Джулии Верхоланцев из университета Пенсильвании за любезно предоставленную консультацию и наблюдения в отношении рассматриваемых здесь лингвистических вопросов.

²² Это сходство в особенности бросается в глаза, принимая во внимание мягкость, которую русская гласная «е» придает предыдущей согласной, производя звук, слышимый как «йе». Транслитерация библиотеки Конгресса передает этот гласный как просто «е» без указания мягкости согласной – отсюда настоящая транслитерация «Gemya-Beg». На основании переписки автора по электронной почте с Джулией Верхоланцев 3 августа 2015 года.

²³ Аналогично Пеллио и Бойль отмечали склонность персидских авторов, писавших намного раньше Рашид ад-дина, использовать тюркскую форму имени Джебе [34, р. 155; 10, р. 142].

²⁴ Я хочу выразить мою благодарность Имаду Афхам (Центрально-Европейский университет) за помощь в работе с персидскими материалами.

редают его монгольское имя, источники регионов, затронутых западной кампанией Джебе, склонны фиксировать широко распространенную тюркизованную форму его имени. Аналогично, восточные и западные источники периодически колеблются между тем, чтобы давать только его личное имя или же сделать выбор в пользу прибавления его титула «нойон» [34, р. 155]. В отношении этого монгольского титула, возможно, имевшего китайское происхождение, Пеллио отмечал, что он имел значение главы или высшего военного либо гражданского чина, передававшегося в тюркских языках словом «бег». То, что бей/бег является тюркским эквивалентом «нойона», широко признается исследователями [34, р. 178; 7, р. 412]. В таком случае вполне вероятным представляется, что летописец Руси стремился ассимилировать имя, достигшее русов посредством тюркоязычных кыпчаков: Хемя Бег = Йеме Бег; то есть имя Джебе-нойона.

Косвенные доказательства подтверждают этот вывод. Как уже упоминалось, «Новгородская Первая летопись» указывает на то, что кыпчаки просили у Мстислава позволения остановиться и исследовать курган в поисках вражеского военачальника. Это предполагало то, что при начале наступления на востоке от Днепра и отступлении монгольских передовых отрядов кыпчакские силы «взяли на прицел» этого военачальника. Они должны были искать лично его и поэтому знали, что он «исчез» на кургане. То, что монголы прибегли к отчаянной уловке похоронить своего предводителя заживо, предполагает, что он был очень важным лицом – тем, кого следовало уберечь от смерти любой ценой. Эта уловка напоминает рассказ «Сокровенного сказания» о том, как Чингиз-хан прятался юношей от врагов в реке, оставив только рот над ее поверхностью, хотя летописец Руси не мог знать об этом [17, р. 23]. То, что летопись дает как его имя, так и титул в тюркской передаче, подтверждает сообщение о том, что кыпчаки информировали своих русских союзников, кем он был. Летопись также уделяет внимание достаточно ярким деталям в связи с этим отдельным эпизодом в рамках довольно лаконичного общего отчета о кампании, что предполагает, что автор и его русские информанты имели отдаленное представление о том, что казненный «воевода» был важной фигурой, хотя они вряд ли осознавали, насколько важной.

Нас может удивить то, что именно Джебе-нойон, а не подчиненный ему военный командир (не упоминающийся источниками при других обстоятельствах), находился среди передовых наблюдательных подразделений, когда произошло начальное нападение русов. Тем не менее его военная карьера содержит примеры, когда он исполнял роль авангардного командира, возглавляя передовые части и подвергая свою жизнь серьезному риску. Рашид ад-дин свидетельствует, что во время первой битвы с грузинами в ходе этой западной кампании Джебе продвинулся вперед, чтобы расположиться в засаде с пятью тысячами воинов, приказав Субедею симулировать отступление с главной частью армии. Когда грузины пустились в погоню, Джебе и его войска ударили по врагу с тыла. Рашид ад-дин заключает: «Это было в их обыкновении во многих битвах» [38, р. 209; 40, р. 110]. Таким образом, совсем не маловероятным представляется, что Джебе командовал главной армией в сопровождении меньшего подразделения в том момент, когда началось военное столкновение, поскольку нам сообщается, что это был его *modus operandi* в ходе всей предшествовавшей кампании.

Силы Джебе на Днепре могли просто производить разведку, готовя военную хитрость или стремясь заманить врага в погоню, но внезапность русско-кыпчакской атаки и количество врага ошеломили их. Хотя русские описания прибегают к использованию образного числа, которое редко воспринимается буквально, все же количество княжеств, пославших свои войска, само по себе предполагает, что эта армия должна была быть внушительной, в особенности в сочетании с кочевническими союзниками [35, р. 28–29]. В своем коротком сообщении Рашид ад-дин утверждает, что монголы отступили, увидев, насколько многочисленным был их противник [38, р. 532–535; 40, р. 260]. Сообщение «Галицко-Волынской летописи» о том, что монголы были так глубоко загнаны в степь, что потеряли захваченные врагами колоссальные стада скота, не кажется описанием безусловно осуществленного притворного отступления, во всяком случае в начальной его стадии [35, р. 29]. В действительности оно напоминает отчет, предоставляемый ан-Несеви как очевидцем сражения между монголами и Джелал ад-дином, сыном разгромленного Хорезмшаха. Согласно этом отчету, после ожесточенного столкновения монголы обратились без оглядки в бегство, бросив свои трофеи, оружие и даже съестные припасы (домашний скот). Хорезмийская кавалерия и местные крестьяне преследовали монголов, которые продолжали бегство, не стремясь поймать их во впечатляющую ловушку и не пытаясь в конце концов развернуться, чтобы обратить преследователей в бегство [30, р. 90–91; 25, р. 101–102]. Этот эпизод среди многих других служит примером того, что не все монгольские отступления были блестяще организованными уловками – иногда монголы действительно просто пускались в бегство. Мы также знаем, что русы и их кыпчакские союзники были знакомы со степной тактикой. Таким образом, каким бы ни был план Джебе, когда его войска изначально приблизились к врагу на Днепре, этот план, вероятно, не предполагал в конце того, чтобы он оказался заживо похороненным на кургане, и чтобы мстительные кыпчаки искали бы его там. Возможно, Джебе просто недооценил своих противников, или же та самоуверенность, за которую его порицал Чингиз-хан, оказалась в конце концов фатальной.

Доступные источники согласуются в том, что в конце концов монголы нанесли врагам сокрушительное поражение. После более чем однонедельного отступления они в конце концов развернулись, чтобы столкнуться с переправлявшимися через Калку, под которой понимался Калмиус, впадающий в Азовское море рядом с современным Мариуполем. Это подтверждается холмистым ландшафтом, который сыграл свою роль в сражении – узкие подходы в речной долине могли также оказать влияние на решение монголов расположить там свою позицию [15, р. 195–196]. «Галицко-Волынская летопись» сообщает нам, что Мстислав Удалой и подчиненный ему Даниил Галицкий переправились через реку, чтобы столкнуться с монголами, без того, чтобы проинформировать об этом двух других главнокомандующих из-за серьезных разногласий между ними [35, р. 29]. Мы также можем сделать догадку, что первая атака Мстислава на Днепре достигла настолько большого успеха, что он снова пытался заслужить всю славу единолично. Первые монгольские полки, с которыми они столкнулись, отступили. Но после этого гонящиеся войска галичан попали под ливень стрел, и на этот раз они распались и бежали [35, р. 30].

Кыпчаки, которые, по всей видимости, действовали вместе с ними так же, как и на Днепре, бросились в бегство без оглядки, пронесшись сквозь лагерь других частей русов, приведенных из-за этого в беспорядок [29, р. 66]. Хотя «Новгородская Первая летопись» дипломатично вменяет только кыпчакам в вину приведение в беспорядок неготовых войск русов на западном берегу реки и распространение среди них паники, войска Мстислава Удалого и Даниила должны были броситься в бегство примерно в это же время. Мы знаем, что оба князя остались в живых после сражения, и что Мстислав «еле-еле спасся», разрубив за собой лодки, чтобы оторваться от своих преследователей уже тогда, когда он достиг Днепра [29, р. 66]. Мы знаем, что Котян также смог бежать, поскольку позже он появился в Венгрии во главе тысяч кыпчакских беженцев, предложив Беле IV их военные услуги [8, р. 138–139]²⁵.

Немаловажно, что вышеназванные военачальники остались в живых после сражения, из которого домой вернулось так мало русских князей и регулярных войск (предположительно один из десяти) [29, р. 66]. Это предполагает, что галичане и кыпчаки, первыми вступившие в сражение и бежавшие после этого, были обильно представлены среди тех, кто остался в живых после всей кампании. Следовательно, мы можем предположить, что многие сведения о ходе кампании были предоставлены выжившими галичанами, и, возможно, многие из них являются воспоминаниями выживших князей или их окружения. «Галицко-Волынская летопись», например, фокусируется на деталях опыта, почерпнутого Даниилом лично в сражении, включая то, что он был ранен в руку, но заметил это только тогда, когда стал пить [35, р. 30]. Столь личные, чувственные детали, как кажется, основывались на отчетах людей, которые лично их пережили. Все это имеет важное значение для сообщения о смерти Джебе-нойона. Галичане и кыпчаки, которые бежали первыми и поэтому смогли спастись из разразившейся катастрофы на Калке, включали те группы, которые участвовали в первой атаке на восточном берегу Днепра и заставили пуститься в бегство монгольские передовые отряды. Отчет о нахождении на кургане Джебе-нойона и его убийстве, встречающийся в «Новгородской Первой летописи», вероятно, основывался на свидетельстве участников и очевидцев случившегося, – возможно, самого Мстислава Удалого или его приближенных.

Однако, возвращаясь к битве на Калке, она затянулась даже после того, как монголы перешли в наступление и заставили бежать галичан и кыпчаков. Ибн ал-Асир утверждает, что, хотя русы оказались неготовыми, когда монголы набросились на них, обе стороны выказали невиданную стойкость, и сражение продолжалось еще несколько дней до тех пор, пока русы не были безжалостно убиты [40, р. 223]. Общий смысл его отчета согласуется с «Новгородской Первой летописью», которая сообщает, что Мстислав Киевский и два других князя отказались отступить, возведя укрепление из деревянных досок на вершине холма и оказавшись способными выдерживать нападения монголов в течение нескольких дней. Именно после этого монголы решили начать переговоры о сдаче, послав одного из союзных им бродников, военачальника по имени Пло-

²⁵ Кыпчакский предводитель зовется Кутеном в соответствующем фрагменте: «Nunciis hinc inde sepius destinatis predictus Kuthen cum suis iter arripuit in Hungariam veniendi». В конце концов он был убит расправившейся с ним толпой, небезосновательно питавшей по отношению к нему подозрения при монгольском вторжении в 1241 году.

скиня, обещая сохранить жизнь сдавшимся князьям за выкуп²⁶. Когда три князя решили сдаться, они были связаны и переданы монголам, после чего укрепление было захвачено и его воины безжалостно убиты [29, р. 66].

Здесь летопись упоминает, помимо Плоскини, двух вражеских военачальников, которые присутствовали при осаде укрепления, и можно было бы легко предположить, что речь здесь идет о Джебе и Субедее. Их имена даны как Цыгьркань и Тешюкань²⁷. Мы утверждаем, что эти имена, часто воспринимающиеся в литературе как имена подчиненных военачальников [см., например: 31, р. 66–67]²⁸, являются на самом деле простыми искажениями тюркских форм написания имен Чингиз-хана и его старшего сына, Джучи-хана, которому было поручено подчинение Кыпчакской степи и других северо-западных регионов²⁹. Кто бы ни предоставил первичную информацию этой части сообщения, как кажется, он ошибочно сопоставил монгольских военачальников, находившихся перед укреплением, с теми военачальниками, которые именовались верховными правителями Монгольской империи. Это может предполагать, что во время переговоров о сдаче те, кто были с монгольской стороны, предоставили письмо с тамгой, объясняя, чью власть они представляли. В любом случае ни одно из имен двух монгольских военачальников не позволяет нам идентифицировать их с Джебе-нойоном, в то время как имя военачальника, убитого на кургане на востоке от Днепра, совпадает. Двумя военачальниками, присутствовавшими при осаде укрепления, могли точно так же быть Субедей и подчиненный Джебе Измаил. Летопись отмечает, что плененные русские князья были брошены под доски, на которых монгольские военачальники пировали в празднование своей победы [29, р. 66]. Может быть, один из плененных князей был оставлен в живых, чтобы быть отвезенным к Джучи и казненным там, судя по утверждению в «Юань ши» [41, р. 2970].

Русам, бежавшим назад к Днепру, повезло ненамного больше, чем погибшим в укреплении. «Новгородская Первая летопись» перечисляет шесть князей различных княжеств, убитых во время затянувшегося отступления, включая одного главнокомандующего – Мстислава Черниговского – и его

²⁶ Джон Феннель описывает бродников как народ северо-восточного региона степи, примкнувший к монголам в какой-то момент сражения [19, р. 91, nota 22; см. также: 24, р. 30, 32]. Бродники, как кажется, были степными грабителями, как более поздние казаки, и, вероятно, были смешанного славянского и кочевнического происхождения. Сведения о них крайне скудны, чтобы сделать надежные выводы.

²⁷ В соответствующем фрагменте пишется: «Ини же Татари поидоша по русскыхъ князихъ, быюче до Днѣпрѣ; а у города того оста 2 воеводѣ Цыгьркань и Тешюкань на Мьстислава и на зяти его на Андрѣя и на Ольксандра Дубровьцьскаго» [3, с. 63].

²⁸ Здесь мы видим «Tsugur Khan» и «Teshi Khan» во главе левого фланга (!) монголов на Калке. Нет никакого упоминания их сходства с именами Чингиз-хана и его старшего сына, кому было поручено завоевание кыпчаков.

²⁹ Тюркской формой имени Джучи-хана является Туши-хан. Сходство Тешюкана и Туши-хана особенно поразительно [см.: 21, р. 143–151; 24, р. 31]. В «Новгородской Первой летописи» есть ряд намеков на то, что общение между русами и монголами особенно во время этих переговоров осуществлялось на тюркском языке. Поэтому имена императора и старшего принца были, вероятно, переданы русам на тюркском языке, и именно в это передаче, как кажется, мы находим их в летописи. Этот вопрос требует больше места, чем может быть уделено здесь для его рассмотрения. См. о поручении Джучи управлять северо-западными регионами в: [5, р. 12].

сына [29, р. 66]. Генрих Ливонский, хронист, находившийся в далекой Риге, слышал детали этой катастрофы, передававшие, что татары (монголы) гнались за русами шесть дней по просторам степи, убив десятки тысяч из них [12, р. 205]. Если кто-либо из выживших смог достигнуть берегов Днепра рядом с Хортицей, они не смогли найти там суден, разрубленных Мстиславом Удалым во время его более раннего бегства.

В то время как для русов поражение оказалось столь серьезным, что оно вызвало ограниченный отток беженцев, судя по утверждению Ибн ал-Асира, согласно которому некоторые купцы Руси погрузили после него свою собственность на корабли и направились в поисках убежища в султанат Рума [40, р. 224], существуют указания и на то, что эта кампания и ее последствия оставили болезненный след и среди монголов. У нас есть только одно указание в хрониках о последующем нападении на конкретную территорию Руси, а именно: одно монгольское подразделение безжалостно уничтожило население Новгорода-Северского, вышедшее ему навстречу с крестом для приветствия [35, р. 30]. Они не пытались навязать своего правления, и «Новгородская Первая летопись» отмечает: «Татари же възвратишася от рѣкы Днѣпря; и не съвѣдаемъ, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять» [3, с. 63; 29, р. 66]. В дальнейшем, возвращаясь на восток через Поволжье, они попали в засаду волжских булгар и понесли очень большие потери, хотя Ибн ал-Асир предполагает, что, возможно, четыре тысячи из них остались в живых и смогли наконец соединиться с монгольскими войсками на востоке. Арабский летописец добавляет, что после этого кыпчаки вскоре вернулись на свои территории и возобновили торговлю пушниной, временно прерванную монголами [40, р. 224]. Это напрямую противоречит оптимистичному утверждению «Юань ши», что кыпчаки были «покорены» во время этой кампании [41, р. 2976–2977; 11, р. 299]. Когда брат Юлиан посетил «Великую Венгрию» на Волге в середине 30-х годов XIII века, она все еще была свободна от их правления. Он сообщал, что местные жители нанесли монголам поражение в их первом сражении [42, р. 541]³⁰, и все это подтверждает утверждение Ибн ал-Асира. Таким образом, какое-либо представление того, что западная кампания Субедея и Джебе была абсолютным успехом, является необоснованным. Монголы не смогли установить свое правление где-либо западнее Волги до тех пор, пока они не вернулись с подавляющими силами в конце 30-х годов XIII века.

После экспедиции Джебе и Субедея сам Чингиз-хан снова обратил внимание на кыпчаков. В 1234 году Сунский китайский посол к монгольскому двору сообщал, что кыпчаки продолжали оказывать энергичное сопротивление, используя большую реку (предположительно, Волгу) в качестве защиты. Этот посол также писал, что, когда Чингиз-хан был еще жив (ум. 1227), он имел обыкновение говорить, что для разгрома кыпчаков понадобится десять лет, и поэтому их следовало просто сдерживать до того, пока не будет разгромлена династия Цзинь в Китае, после чего можно было бы предпринять серьезное наступление. И действительно, посол рассказывал, что монголы боялись воинственных кыпчаков более всех других своих врагов и были уверены в том, что по степи пронесся бы иносказательный пожар, если бы они

³⁰ В соответствующем фрагменте пишется: «Gens Tatarorum vicina est illis, set hiidem Tartari commiittentes (sic) cum eis, non poterant eos in bello devincere; imo in primo prelio devicti sunt per eos».

не были разгромлены [32, s. 209–210]. Описывая планирование большой западной кампании 1235 года после разгрома Цзинь, «Сокровенное сказание» лаконично сообщает, что Субедей оказался до этого «в тяжелом положении» во время военных действий против северо-западных народов, включая Русь и кыпчаков. Поэтому Угедей назначил многих принцев ему в помощь в последующей кампании [17, p. 201]. Эти оценки верховного командования Монгольской империи в годы, последовавшие за кампанией 1223–1224 годов, дают понять, что она не рассматривалась как абсолютно успешная. Высокое значение, которое придавалось кыпчакам, становится понятным, если мы примем во внимание тот психологический удар, который последовал за пленением и казнью Джебе. Это также может предполагать влияние личной вендетты, которая могла побудить Субедея возглавить возвращение военных сил в регион после окончательного разгрома Цзинь в 30-х годах XIII столетия.

Остается один вопрос первостепенной важности: предоставляют ли другие источники альтернативную версию судьбы Джебе? По правде говоря, существуют некоторые, по большей части двусмысленные утверждения, которые можно расценить как альтернативу. «Сокровенное сказание» утверждает, что, когда Угедей направился на войну против Цзинь в 1231 году, он отправил Джебе в авангарде [17, p. 202–203]. Современные исследователи не считают это правдоподобным³¹ и обоснованно, поскольку это, как кажется, является единственным упоминанием того, чтобы Джебе делал хоть что-нибудь после западной кампании. К тому же это упоминание содержится в источнике, который, несмотря на свой исторический характер, представляет собой пристрастный нарратив, отображающий определенную заинтересованность и точки зрения имперского двора XIII века, в среде которого он был произведен. Он также настолько обременен анахронизмами, что исследователи ставили под сомнение его историчность, в той или иной степени [6, p. 1–4]³². «Сокровенное сказание», как кажется, описывает смерть Токучара, зятя Чингиз-хана, вразрез с исторической реальностью. Он был одним из главнокомандующих, продвигавшихся с Джебе и Субедеем через Персию в начале западной экспедиции вплоть до его смерти при осаде Нишапура, приведшей к ужасным последствиям для восставших горожан [22, p. 241]. В «Сокровенном сказании» он наказан за грабеж и отстранен от командования Чингиз-ханом: там нет упоминания его смерти под Нишапуром или где-либо еще³³.

Биография Измаила, подчиненного Джебе, в «Юань ши» содержит одно действительное упоминание смерти Джебе, но в неясной форме. Оно утверждает, что они разбили русского князя Мстислава, разбили канглов и покорили кыпчаков. После чего там коротко сообщается: «Армия вернулась, Джебе умер» [41, p. 2970]³⁴. Из биографии становится ясно, что Джебе был

³¹ Современные историки неуклонно помещают смерть Джебе между 1223 и 1225 годами, в ходе или чуть позже этой западной кампании [см.: 7, p. 265; 13, p. 171].

³² Переводчик «Сокровенного сказания» отмечает: «“Сокровенное сказание” является единственным подлинным (не путать с достоверным) нативным сообщением ...» [17, p. xxv].

³³ I. de Rachewiltz, *Secret History*, p. 191.

³⁴ В соответствующем фрагменте пишется: 軍還，哲伯卒。 Будучи переданным традиционными символами без добавления пунктуации: 軍還哲伯卒.

уже мертв, когда Исмаил соединился с Чингиз-ханом условно в 1225 году³⁵. Одним свидетельством является то, что военные трофеи представил Чингиз-хану Исмаил, а не Джебе. Во-вторых, Чингиз-хан с грустью отмечает своим приближенным, как Джебе имел обыкновение говорить, что Исмаил пользовался высокой репутацией несмотря на низкий рост [41, р. 2970]. Другим любопытным пунктом в биографии является передача Исмаилом Джучи одного пленного русского князя, вероятно, Мстислава. Это должно было произойти раньше, в 1224 году, когда силы, оставшиеся в живых по завершению западной экспедиции, соединились с войсками Джучи [5, р. 11]. Мы должны задаться вопросом, почему Исмаил должен был бы выполнять эту задачу, если бы Джебе все еще оставался в живых и предположительно присутствовал на месте? Конечно, биография указывает, что Джебе дал такой приказ Исмаилу, но любопытно, что Джебе ни разу не участвует в событиях или, как представляется, присутствует, когда его войска вступают в контакт с Джучи или Чингиз-ханом. Кроме того, сообщение о его смерти лишено подробностей, даже в отношении того, когда она произошла. Поэтому оно с трудом может восприниматься более достоверным сообщением, чем красочная версия событий, встречающаяся в «Новгородской Первой летописи».

Персидские источники двусмысленны. За описанием разгрома русов и кыпчаков, длившегося неделю, Рашид ад-дин утверждает, что монголы вернулись к Чингиз-хану, но имя Джебе не упомянуто конкретно среди возвратившихся [38, р. 535; 43, р. 260]. Ранее, однако, в представленном введении к фрагменту об этой западной кампании, мы читаем: «Теперь, что делали два военачальника Джебе и Субедей, и какие территории они взяли перед тем, как вернуться домой к Чингиз-хану через Кыпчакскую степь» [38, р. 531; 43, р. 258]³⁶. Это противоречит китайскому сообщению, которое, как представляется, указывает, что Джебе уже был мертв, когда Исмаил отдал трофеи Чингиз-хану. Кроме того, мы не думаем, что его следует принимать слишком всерьез. Описывая одного командира по имени Берке, Рашид ад-дин упоминает в двух местах, что он был назначен Чингиз-ханом для кампании Джебе и Субедея, но умер в ранней стадии ее развертывания [38, р. 70–71, 208; 43, р. 40, 110]. Тем не менее в другом месте Рашид ад-дин делает вызывающее недоумение замечание: «После смерти Чингиз-хана, когда Берке, Джебе и Суюбютей пришли в Иран и вернулись через Темюр Кахалка [Железные ворота], они пришли к ка'ану Угедею и выказали почтение» [38, р. 72, 208; 43, р. 41]. Этот отрывок путает все, включая то, в чье правление имела место западная экспедиция, и упоминает по крайней мере одного командира, которого не было в живых к моменту выражения почтения хану, предположительно, в Монголии. Такие утверждения указывают на то, что Рашид ад-дин мог включить Джебе так же либо случайно, либо намеренно.

Уровень смертности среди высшего командного состава Монгольской империи был высоким. Китайский эмиссар отмечал в 1233–1234 годах, что более половины высших военачальников уже не было в живых [32, s. 194]. Персидские источники часто упоминают гибель этих военачальников в подробностях, даже если они были убиты врагами. Как упоминалось выше, персидские ис-

³⁵ Таково заключение Пеллио [34, р. 270].

³⁶ В случае прямых цитат из работы Такстона сохранена избранная им транслитерация имен собственных.

точники сообщают, что один из главных лидеров западной кампании Токучар был убит у Нишапура, как и о гибели Берке. Поэтому, если Джебе был убит кыпчаками, возможно ли существование определенных оснований для осторожного обхождения с этой темой в источниках, написанных под монгольским патронажем? Мы уверены в существовании определенных обстоятельств, которые могли способствовать запрету упоминания его смерти. Для монгола, особенно статуса Джебе, было позорно кончить свою жизнь в руках врагов. Один грузинский аристократ рассказывал Ибн ал-Асиру, что, когда они взяли в плен одного монгола, он немедленно стал биться головой о камень, пока не умер. «Он отказывался позволить себе быть взятым в плен» [41, р. 221]. Мы должны помнить замечание Рашид ад-дина, сделанное около 1300 года, что многие родичи Джебе все еще занимали высокие посты в Юаньской империи и Ильханате. Если даже такие авторы, как Рашид ад-дин и Джувейни, знали факты, они предпочитали просто избегать их упоминания. Джувейни, бывший должностным лицом при монголах с 40-х годов XIII века, был воодушевлен своими друзьями к написанию истории Монгольской империи, когда он находился с миссией в Каракоруме в 1252–1253 годах³⁷. Таким образом, он писал всего лишь через несколько десятилетий после событий и находился в выгодном положении для того, чтобы предоставить сведения о кампании 1223–1224 годов. Хотя он предоставляет многочисленные подробности кампании Джебе и Субедея в Иране и на Кавказе, непосредственно после того, как монгольская армия прошла на север от Дербента, автор опускает любые подробности о том, что случилось в Кыпчакской степи или в Поволжье. Он не вдается в подробности сражений с кыпчаками, русами или булгарами, а просто делает скачок вперед к соединению «армии» с Джучи (1224) на востоке кыпчакских территорий и к ее продвижению далее к Чингиз-хану, что любопытно настолько, что Бойль заметил этот пропуск [36, р. 209–210; 10, р. 149]. Умалчивание Джувейни, возможно приобретет больший смысл, если мы примем во внимание, что Байджу был верховным монгольским главнокомандующим на Среднем Востоке в течение по крайней мере части периода, когда он составлял свою историю. Байджу сменил Чормаган-нойона в качестве второго военного наместника Среднего Востока приблизительно в 1242 году. Нам сообщается, что он был родственником Джебе [38, р. 210; 43, р. 111]. Аргументы, основанные на умалчении источников, вряд ли являются наиболее вескими доказательствами. Однако трудно не заметить любопытное и стойкое молчание по поводу деятельности Джебе после битвы на Калке.

Выводы

Наиболее убедительное свидетельство предполагает, что Джебе-нойон был убит кыпчаками на кургане или рядом с ним, располагавшимся на востоке от Днепра, в определенной близости от острова Хортица чуть больше чем за неделю до битвы на Калке. В отношении даты этого события, мы обратимся к экспертному мнению Бережкова. Он отмечает, что отчет «Новгородской Первой летописи» в «Лаврентьевском своде» утверждает, что поражение

³⁷ Бойль предоставляет подробные сведения о Джувейни и его исторической работе [10, р. xv–xx].

имело место в день святого мученика Иеремии в 1223 году. Синодальный список дает следующий год (из-за склонности средневековых летописцев Руси использовать два календарных стиля), но повторяет, что разгром случился в день праздника этого мученика, которым, несомненно, было 31 мая. Мы имеем основания быть уверенными в том, что эта дата относится к моменту, когда монголы переломили ход событий на Калке – это произошло в среду после погони в течение восьми или девяти дней. «Галицко-Волынская летопись» отмечает, что переправа через Днепр и нападение на монголов произошли во вторник, что подтверждает вышеназванные временные рамки погони и битвы на Калке [1, с. 317–318]³⁸. Таким образом, у нас есть надежная дата смерти Джебе: вторник 23 мая 1223 года.

Если Джебе-нойон погиб в изначальном столкновении с русо-кыпчакскими силами, это подразумевает ряд заключений. Выглядит довольно ошибочным видеть в его кампании череду односторонних побед, поскольку он был схвачен и казнен в ее ходе. Мы должны также переоценить роль Субедея в этой кампании, приняв во внимание ту тревожную ситуацию, в которой он один принял на себя командование – то, что он смог добиться решающей победы после смерти своего вышестоящего военачальника, свидетельствует о выдающемся военном таланте и присутствии духа, которые он продолжил выказывать от Китая до Венгрии в течение следующих десятилетий. Наконец, мы должны переоценить достижение кыпчаков и русов в этом столкновении с монголами. Хотя они были разбиты, они произвели неизгладимое впечатление на монголов. Уникальный отчет Ц. де Бридии о сражении, который вполне мог иметь монгольское происхождение, сообщает: «Кровь с обеих сторон текла до уздечек лошадей, согласно тем, кто принимали участие в этой войне» [33, р. 72–75]³⁹.

Высшие монгольские военачальники относились с осторожностью к русам, кыпчакам и другим народам на запад от Урала после западной кампании. Это объясняет, почему в 30-х годах XIII века, когда монголы наконец вернулись в этот регион, туда были приведены подавляющие силы. В самом деле, Угедей выразил желание лично возглавить эту кампанию, пока его не отговорил от этого Мунке на курултае 1235 года [43, р. 324]. Таким образом, любое представление великого западного наступления, завершившегося в конечном счете в Венгрии в 1242 году, в качестве второстепенной кампании, незначительной для монгольских приоритетов, должно быть отвергнуто как необоснованное.

Следует рассмотреть последний вопрос: каким образом сопоставление Джебе-нойона с казненным военачальником, описанным в «Новгородской Первой летописи», осталось упущенным в исследованиях до настоящего вре-

³⁸ См. о утверждении «Галицко-Волынской летописи», что изначальное русо-кыпчакское нападение произошло во вторник, в: [35, р. 29].

³⁹ В оригинале отрывок о всем сражении передается как: «Comani autem coadunati cum Ruthenis omnibus pugnaverunt cum Tartaris iuxta duos rivulos nomen unius Calc alterius vero Coniuzzu id est ovium aqua, conii enim tartarice oves dicuntur latine, uzzu vero aqua, et devicti sunt a Tataris. Effusus est sanguis utraque parte usque ad frenos equorum sicut qui bello interfuerant referebant». Мои благодарности Доротье Урин (университет Этвёша Лоранда) за привлечение моего внимания к этому отрывку. См. последнее венгерское исследование Ц. де Бридии, в котором утверждается, что он провел длительный период времени в лагере Бату во время миссии Карпини, что отразилось в его частом использовании монгольских слов и представлении взглядов монгольских информантов: [45, о. 43–59].

мени? В то время как этот фрагмент вызывает поразительно мало интереса в исследовательской литературе, Чарльз Гальперин нашел эпизод убийства «одного Гемябега» очень интересным и обратил на него внимание в своем анализе сообщения летописца. Кроме того, он предположил, что монголы и русы, вероятно, коммуницировали на каком-то тюркском и, возможно, кыпчакском языке, что видно из переговоров на Калке и передаче монгольских имен в летописи [24, р. 30–32]. Однако он не утверждает, что Гемябег было тюркской формой имени Джебе-нойона. Поль Д. Бьюэлл в определенный момент кажется намекающим на вывод, сделанный в данной статье, но не освещает предмет в подробностях. Он писал о западной кампании: «Субедей продолжил свой путь в русскую степь [...] где он сразился в 1223 году с русами в битве на реке Калке. К тому времени или незадолго до этого Джебе умер» [13, р. 35]. То, что он отмечал, что Джебе мог умереть «незадолго» до Калки, подсказывает нам, что Бьюэлл мог иметь в виду эпизод с Гемя-Бегом. В другом месте Бьюэлл допускает возможность того, что он был скорее «убит» во время военных действий на севере от Каспия, чем скончался естественной смертью [13, р. 257]. Когда знаменитый главнокомандующий армии просто теряется в истории в ходе особо ожесточенной кампании, мы должны рассмотреть возможность того, что он был убит, но в действительности точка зрения Бьюэлла является весьма нехарактерной для той исследовательской литературы, с которой я имел возможность ознакомиться⁴⁰.

Мы, однако, утверждаем, что первичная причина, почему Джебе не был идентифицирован, оказалась связана с феноменом, замеченным Томасом Т. Оллсеном. Лингвистические проблемы, представленные источниками по Монгольской империи, привели к своего рода раздроблению ее исследований. Естественным последствием этого стало то, что исследователи были склонны фокусироваться на локальных условиях в определенной зоне, находившейся под монгольским влиянием, не видя, как они были связаны с более крупными изменениями [4, р. 32]. Эта проблема не столь отчетливо выражается современными исследователями, но она представлялась серьезной проблемой в XIX веке, когда западная историография стала производить многословные истории Монгольской империи. Правильной идентификации не было сделано в XIX веке, и поэтому она просто продолжает быть опущенной. Как если бы Джебе скрывался под открытым небом или, возможно, был похоронен на одном кургане.

Абраам Константин Мураджеа д'Оссон смог использовать широкий спектр источников Руси, как и арабских и персидских источников, в своей истории монголов, написанной в первой половине XIX века. Он действительно упоминает эпизод «Новгородской Первой летописи», описывающий захват кыпчаками и убийство «главы передовых частей», но он никогда не сопоставлял его с Джебе-нойоном [18, р. 342]. Ховорт, писавший популярную историю для англоязычных читателей, полагался на «Историю государства Российского» (1816–1826) Николая Михайловича Карамзина в отношении эпизода из кампании, закончившейся битвой на Калке. Описывая изначальное столкнове-

⁴⁰ Бьюэлл не является единственным автором, предположившим, что Джебе, видимо, погиб в бою во время кампании. Интересно, что другой исследователь, работавший с китайскими источниками, полагал, что Джебе был, вероятно, убит в последующей засаде болгар в Поволжье [см.: 28, р. 274].

ние на востоке от Днепра, он просто транслитерировал имя казненного монгольского военачальника как «Намабек», не связывая его с Джебе и не замечая присутствия знатного титула [26, р. 96]. Если мы примем во внимание то огромное влияние, которое д'Оссон, Ховорт и Карамзин оказывали на последующие поколения западных исследователей, можно легко понять причину сохранения склонности не связывать Хамабека с Джебе-нойоном.

Длительная недоступность восточноазиатских источников почти для всех исследователей на Западе, возможно, усугубила эту проблему. «Сокровенное сказание» было «снова открыто» российским архимандритом Палладием в конце XIX века, и небольшие его части стали доступны на русском языке. Это положение изменилось только в середине XX века благодаря переводческой деятельности Эриха Хениша и Поля Пеллио. В отношении китайских источников некоторым авторам можно простить впечатление, что они содержат подробный отчет о смерти Джебе – в исследовательской литературе встречается устойчивое утверждение, несомненно, не основывающееся на каком-либо достоверном источнике, что Джебе умер «от лихорадки» при возвращении из западной кампании [14, р. 31].

То, с чем мы столкнулись в действительности, это умолчание или двусмысленность, окружающие участь Джебе. По существу, он покидает мир деятельности в 1223 году, но всего лишь одним единственным высказыванием в «Сокровенном сказании». Лишь один отчет, встречающийся в «Новгородской Первой летописи», предоставляет яркое описание последних мгновений его жизни, его имя и титул, переданные тюркоязычными посредниками и слегка искаженный рукой летописца. Более того, этот отчет должен был быть написан в течение нескольких лет после самих событий: в самой ранней сохранившейся версии эпизод заканчивается уходом монголов с Руси и их исчезновением в каком-то неизвестном регионе⁴¹. Книжник или книжники не могли представить себе, что приблизительно через 14 лет они вернутся для того, чтобы жестоко подчинить Кыпчакскую степь и княжества Руси.

Посвящение

Эта статья посвящена памяти друга, Джеффа Морриса. Впервые я обсуждал эту историческую проблему с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бережков Н.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 376 с.
2. *Ипатьевская летопись / Шахматов А.А. (ред.) // Полное собрание русских летописей. Том II.* СПб.: Типография А.А. Александрова, 1908. xvi с. + 938 стб. + 87 с.
3. *Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Насонов А.Н. (ред.).* М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 561 с.
4. *Allsen T.T.* Mongol Census Taking in Rus, 1245–1275 // *Harvard Ukrainian Studies.* 1981. No. 5. P. 32–53.
5. *Allsen T.T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1983. No. 3. P. 5–24.

⁴¹ В соответствующем фрагменте пишется: «Татари же възвратишася от рѣкы Днѣпря; и не съвѣдаемъ, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять» [3, с. 63; 29, р. 66].

6. *Atwood C.* The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered // *Journal of Song-Yuan Studies*. 2007. No. 37. P. 1–48.
7. *Atwood C.* The Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. x + 678 p.
8. *Bak J., Rady M.* (trans.). Master Roger's Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars. Budapest: Central European University Press, 2010. 326 p.
9. *Barthold W.* Turkestan down to the Mongol Invasion. Minorsky T., Bosworth C.E. (trans.). London: Luzac, 1968. 596 p.
10. *Boyle J.* (trans.). Ala al-Din Ata Malik Juvaini, The History of the World Conqueror. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 763 p.
11. *Bretschneider E.* Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. 2 Vols. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd., 1910. Vol. 1. xii + 334 p.
12. *Brundage J.* (trans.). The Chronicle of Henry of Livonia. Madison: University of Wisconsin Press, 1961. xliii + 288 p.
13. *Buell P.D.* Historical Dictionary of the Mongol Empire. Lanham: Scarecrow Press, 2003. xlv + 335 p.
14. *Chambers J.* The Devil's Horsemen. Edison: Castle Books, 2003. xii + 190 p.
15. *Davis P.* Masters of the Battlefield. Oxford: Oxford University Press, 2013. xiv + 607 p.
16. *de Rachewiltz I.* (ed.). In the Service of the Khan. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. xlv + 763 p.
17. *de Rachewiltz I.* (trans.). The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden: Brill, 2006. cxxvi + 1347 p.
18. *D'Ohsson C.* Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'au Timour Bey ou Tamerlane. 4 Vols. Amsterdam: Van Cleef, 1834. Vol. 1. xivi + 727 p.
19. *Fennel J.* The Crisis of Medieval Russia. New York: Longman, 1983. xiii + 206 p.
20. *Gabriel R.* Subotai the Valiant: Genghis Khan's Greatest General. Norman: University of Oklahoma Press, 2004. xii + 164 p.
21. *Golden P.* Tushi: The Turkic Name of Jochi // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. No. 55. P. 143–151.
22. *Grousset R.* The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1970. xxx + 687 p.
23. *Habibi A.* (ed.). Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri. 2 Vols. in 1. Tehran, 1984.
24. *Halperin C.* The Tatar Yoke. Columbus: Slavica Pub, 1986. 231 p.
25. *Houdas O.* (trans.). Histoire du Sultan Djelal ed-din Mankobirti Prince du Kharezm par Mohammed en-Nesawi. Paris: Ernest Leroux, 1895.
26. *Howorth H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. 2 Vols. London: Burt Franklin, 1880. Vol. 1.
27. *Jones S.* (trans.). Kartlis Tskhovreba: A History of Georgia. Tbilisi: Artanuji Publishers, 2014. 443 p.
28. *Martin H.D.* The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China. New York: Octagon Books, 1971. xvii + 360 p.
29. *Michell R., Forbes N.* (trans.). The Chronicle of Novgorod 1016–1471. London: Camden Society, 1914. xliii + 237 p.
30. *Nesawi M.* History of Sultan Jalal al-Din Mankobirti or Tarikh-e Jalali. Tehran, 1945.
31. *Nicolle D., Shpakovsky V.* Kalka River 1223. Oxford: Osprey Military, 2001. 96 p.
32. *Olbricht P., Pinks E.* (eds.). Meng-ta Pei-lu und Hei-ta shih-l'ueh: Chinesische Gesandtenberichte über die Frühen Mongolen 1221 und 1237. Wiesbaden: Harrassowitz, 1980. 264 s.
33. *Painter G.* (trans.). The Tatar Relation // The Vinland Map and the Tartar Relation / Skelton R. et al. (ed.). New Haven: Yale University Press, 1995. P. 75–101.

34. *Pelliot P., Hambis L.* (trans.). *Histoire des Campagnes de Gengis Khan, Cheng-wou ts'in-tcheng lou*. Leiden: Brill, 1951. xxvii + 485 p.
35. *Perfecky G.* The Hypatian Codex, Part II: The Galician-Volynian Chronicle. *Harvard Series in Ukrainian Studies* 16:2. Munich, 1973. 159 p.
36. *Qazvini M.* *Alā'-al-Din 'Aṭā-Malek Jovayni, Tariḫ-e jahāngošāy*. Tehran, 2012.
37. *Ratchnevsky P.* *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Oxford: Oxford University Press, 1991. 328 p.
38. *Raušan M., al-Mūsawī M.* (eds.). *Rašīd-ad-Dīn Faḍlallāh, Ġāmi' at-tawārīḫ*. Tihṙān, 1994–1995. Vol. 1.1.
39. *Raverty G.* (trans.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*. London, 1881.
40. *Richards D.S.* (trans.). *Ibn al-Athir, The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-ta'riḫ. Part 3: The Years 589–629/1193–1231: The Ayyubids after Saladin and the Mongol Menace*. Aldershot: Ashgate, 2008. viii + 331 p.
41. *Song Lian 宋濂*. *Yuan Shi 元史 [History of Yuan Dynasty]*. Beijing: Zhong Hua Book Company, 1976.
42. *Szentpétery I.* *Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum*. 2 Vols. Budapestini: Academia litter. hungarica atque Societate histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938. Vol. 2. 681 p.
43. *Thackston W.* (trans.). *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u'tawarikh: Compendium of Chronicles*. Cambridge: Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1999.
44. *Thomson R.* (trans.). *The Historical Compilation of Vardan Arewelc'i // Dumbar-ton Oaks Papers*. 1989. No. 43. P. 141–224.
45. *Uhrin D.* *Kutyafejűek és marhalábúak. Mongol törzsnevek a Historia Tartarorumban // Világtörténet*. 2015. No. 37. O. 43–59.
46. *Yamaguchi I.* *The First Raid of Mongols on Russia // 鳥取環境大学紀要 [Tottori Kankyō Daigaku Kiyō]*. 2003. P. 1–11.
47. *Zenkovsky S., Zenkovsky B.* (trans.). *The Nikonian Chronicle*. 4 Vols. Princeton: Princeton University Press, 1984–1989. Vol. 2. xxxix + 332 p.
48. *Pow S.* *The Last Campaign and Death of Jebe Noyan // Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 31–51.

Сведения об авторе: Стивен Поу – докторант Отдела средневековых исследований Центрально-Европейского университета, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8804-0397> (Nádor utca 9, 1051 Budapest, Hungary). E-mail: Pow_Stephen@phd.ceu.edu

Поступила 23.08.2017 Принята к публикации 16.11.2017

Опубликована 29.12.2017

Dedication

This paper is dedicated to the memory of a friend, Jeff Morris. I first discussed this historical problem with him.

REFERENCES

1. Berezkhov N. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of Russian Chronicles' Writing]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. 376 p. (In Russian)
2. Ipat'evskaya letopis' [Hypathian Chronicle]. Shakhmatov A.A. (red.). *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom II [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tipografiya A.A. Aleksandrova, 1908. xvi p. + 938 cols. + 87 p. (In Russian)

3. *Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle according to the Oldest and Younger Transcripts]. Nasonov A.N. (red.). Moscow–Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950. 561 p. (In Russian)
4. Allsen T.T. Mongol Census Taking in Rus, 1245–1275. *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. No. 5, pp. 32–53.
5. Allsen T.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1983. No. 3, pp. 5–24.
6. Atwood C. The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered. *Journal of Song-Yuan Studies*. 2007. No. 37, pp. 1–48.
7. Atwood C. *The Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York, Facts on File, 2004. x + 678 p.
8. Bak J., Rady M. (trans.). *Master Roger's Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*. Budapest, Central European University Press, 2010. 326 p.
9. Barthold W. *Turkestan down to the Mongol Invasion*. Minorsky T., Bosworth C.E. (trans.). London, Luzac, 1968. 596 p.
10. Boyle J. (trans.). *Ala al-Din Ata Malik Juvaini, The History of the World Conqueror*. Cambridge, Cambridge University Press, 1958. 763 p.
11. Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources*. 2 Vols. London, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd., 1910. Vol. 1. xii + 334 p.
12. Brundage J. (trans.). *The Chronicle of Henry of Livonia*. Madison, University of Wisconsin Press, 1961. xliii + 288 p.
13. Buell P.D. *Historical Dictionary of the Mongol Empire*. Lanham, Scarecrow Press, 2003. xlv + 335 p.
14. Chambers J. *The Devil's Horsemen*. Edison, Castle Books, 2003. xii + 190 p.
15. Davis P. *Masters of the Battlefield*. Oxford, Oxford University Press, 2013. xiv + 607 p.
16. de Rachewiltz I. (ed.). *In the Service of the Khan*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1993. xlv + 763 p.
17. de Rachewiltz I. (trans.). *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden, Brill, 2006. cxxvi + 1347 p.
18. D'Ohsson C. *Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlane*. 4 Vols. Amsterdam, Van Cleef, 1834. Vol. 1. xivi + 727 p. (In French)
19. Fennel J. *The Crisis of Medieval Russia*. New York, Longman, 1983. xiii + 206 p.
20. Gabriel R. *Subotai the Valiant: Genghis Khan's Greatest General*. Norman, University of Oklahoma Press, 2004. xii + 164 p.
21. Golden P. Tushi: The Turkic Name of Jochi. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. No. 55, pp. 143–151.
22. Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, Rutgers University Press, 1970. xxx + 687 p.
23. Habibi A. (ed.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri*. 2 Vols. in 1. Tehran, 1984. (In Persian)
24. Halperin C. *The Tatar Yoke*. Columbus, Slavica Pub, 1986. 231 p.
25. Houdas O. (trans.). *Histoire du Sultan Djelal ed-din Mankobirti Prince du Kharezm par Mohammed en-Nesawi*. Paris, Ernest Leroux, 1895. (In French)
26. Howorth H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. 2 Vols. London, Burt Franklin, 1880. Vol. 1.
27. Jones S. (trans.). *Kartlis Tskhovreba: A History of Georgia*. Tbilisi, Artanuji Publishers, 2014. 443 p.
28. Martin H.D. *The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China*. New York, Octagon Books, 1971. xvii + 360 p.

29. Michell R., Forbes N. (trans.). *The Chronicle of Novgorod 1016–1471*. London, Camden Society, 1914. xliii + 237 p.
30. Nesawi M. *History of Sultan Jalal al-Din Mankobirti or Tarikh-e Jalali*. Tehran, 1945.
31. Nicolle D., Shpakovsky V. *Kalka River 1223*. Oxford, Osprey Military, 2001. 96 p.
32. Olbricht P., Pinks E. (eds.). *Meng-ta Pei-lu und Hei-ta shih-l'ueh: Chinesische Gesandtenberichte über die Frühen Mongolen 1221 und 1237*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1980. 264 p. (In German)
33. Painter G. (trans.). The Tatar Relation. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Skelton R. et al. (ed.). New Haven: Yale University Press, 1995, pp. 75–101.
34. Pelliot P., Hambis L. (trans.). *Histoire des Campagnes de Gengis Khan, Cheng-wou ts'in-tcheng lou*. Leiden, Brill, 1951. xxvii + 485 p. (In French)
35. Perfecky G. *The Hypatian Codex, Part II: The Galician-Volynian Chronicle*. Harvard Series in Ukrainian Studies 16:2. Munich, 1973. 159 p.
36. Qazvini M. *Alā'-al-Din 'Atā-Malek Jovayni, Tariḡ-e jahāngošāy*. Tehran, 2012. (In Persian)
37. Ratchnevsky P. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Oxford, Oxford University Press, 1991. 328 p.
38. Raušan M., al-Mūsawī M. (eds.). *Rašīd-ad-Dīn Faḡlallāh, Ġāmi' at-tawārīḡ*. Tihrān, 1994–1995. Vol. 1.1. (In Persian)
39. Raverty G. (trans.). *Minhaj Siraj Juzjani, Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*. London, 1881.
40. Richards D.S. (trans.). *Ibn al-Athir, The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-ta'rikh*. Part 3: *The Years 589–629/1193–1231: The Ayyubids after Saladin and the Mongol Menace*. Aldershot, Ashgate, 2008. viii + 331 p.
41. Song Lian 宋濂. *Yuan Shi 元史* [History of Yuan Dynasty]. Beijing, Zhong Hua Book Company, 1976. (In Chinese)
42. Szentpétery I. *Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum*. 2 Vols. Budapestini, Academia litter. hungarica atque Societate histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938. Vol. 2. 681 p. (In Latin)
43. Thackston W. (trans.). *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u'tawarikh: Compendium of Chronicles*. Cambridge, Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1999.
44. Thomson R. (trans.). The Historical Compilation of Vardan Arewelc'i. *Dumbarton Oaks Papers*. 1989. No. 43, pp. 141–224.
45. Uhrin D. Kutyafejűek és marhalábúak. Mongol törzsnevek a Historia Tartarorumban. *Világtörténet*. 2015. No. 37, pp. 43–59. (In Hungarian)
46. Yamaguchi I. The First Raid of Mongols on Russia. 鳥取環境大学紀要 [Tottori Kankyō Daigaku Kiyō]. 2003, pp. 1–11.
47. Zenkovsky S., Zenkovsky B. (trans.). *The Nikonian Chronicle*. 4 Vols. Princeton, Princeton University Press, 1984–1989. Vol. 2. xxxix + 332 p.
48. Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017. Vol. 27. Is. 1, pp. 31–51.

About the author: Stephen Pow – M.A. (History), PhD Candidate, Department of Medieval Studies, Central European University, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8804-0397> (Nádor utca 9, 1051 Budapest, Hungary). E-mail: Pow_Stephen@phd.ceu.edu

Received August 23, 2017 Accepted for publication November 16, 2017
Published December 29, 2017

**ЛИЧНОСТЬ СУЛТАНА БЕЙБАРСА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МАМЛЮКСКОГО ЕГИПТА
С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ ПО АРАБСКИМ ИСТОЧНИКАМ**

Э.Г. Сайфетдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
adulya2@yandex.ru*

Цель: рассмотреть личность мамлюкского султана Египта Бейбарса и его роль в развитии взаимоотношений с Золотой Ордой.

Материалы исследования: средневековые арабские летописи первых биографов султана Бейбарса: Абд аз-Захира и Ибн Шаддада; а также сведения более поздних авторов – Рукн-ад-дин Бейбарса, ал-Макризи, ан-Нувеири, ал-Айни и др.

Результаты и научная новизна: известно, что именно при Бейбарсе были установлены тесные взаимоотношения с золотоордынским ханом Берке. Главной целью такого союза явилось желание двух государств нивелировать роль Хулагуидского государства на международной арене. Важной составляющей дружественных взаимоотношений явился и тот факт, что по происхождению сам Бейбарс был из кыпчакских племен. Несмотря на различные сведения средневековых арабских авторов о том, к какому роду принадлежал Бейбарс, согласно данным его основного биографа Абд аз-Захира мы можем вполне определенно сказать, что Бейбарс происходил из рода Барлы. Личность Бейбарса оставила свой след не только в истории мамлюкского Египта, но и во всемирной истории мусульманского мира. В отношении взаимосвязей Бейбарса с золотоордынским ханом Берке большую роль сыграло как продвижение своих политических интересов, так и сохранение культурной идентичности.

Ключевые слова: Золотая Орда, Египет, султан Бейбарс, Берке-хан, арабские источники

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г. Личность султана Бейбарса и его роль в развитии взаимоотношений мамлюкского Египта с Золотой Ордой по арабским источникам // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 726–735. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.726-735

**THE PERSONALITY OF SULTAN BAYBARS AND HIS ROLE
IN DEVELOPING RELATIONS OF THE MAMLUK EGYPT
WITH THE GOLDEN HORDE ACCORDING TO ARAB SOURCES**

E. G. Sayfedinova

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
adulya2@yandex.ru*

Objective: To consider the personality of the Mamluk Sultan Baybars and his role in developing relations with the Golden Horde.

Research materials: The medieval Arabic chronicles of Sultan Baybars' first biographers, Abd al-Zahir and Ibn Shaddad, as well as the information of later authors – Rukn al-Din Baybars, al-Maqrizi, al-Nuwayri, al-Ayni, and others.

Results and novelty of the research: It is known that close relations with Berke Khan of the Golden Horde were developed during the reign of Sultan Baybars. The purpose of this alliance was the desire to neutralize the role of the Hulaguid state in the international arena. The fact that Baybars was of Kipchak origin was an important contributor to friendly relations. Despite the different information of medieval Arab authors regarding which original clan Baybars belonged to, we can quite definitely say that Baybars originated from the Barli tribe, based on the information of his main biographer Abd al-Zahir. The person of Baybars left its mark not only in the history of Mamluk Egypt, but also in the global historical context of the Muslim world. Both the promotion of their political interests and the preservation of cultural identity played an important role in the interrelations of Baybars with Berke Khan of the Golden Horde.

Keywords: Golden Horde, Egypt, Sultan Baybars, Berke Khan, Arab sources

For citation: Sayfetdinova E.G. The Personality of Sultan Baybars and His Role in Developing Relations of the Mamluk Egypt with the Golden Horde according to Arab Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 726–735. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.726-735

История возникновения дипломатических отношений между Египтом и Золотой Ордой напрямую связана с именем мамлюкского султана Бейбарса. Наряду с зарубежными и российскими исследователями, информацию о личности Бейбарса можно почерпнуть и в арабской историографической литературе, в которой существуют исследования, посвященные изучению биографии и деятельности этого мамлюкского султана [6; 13]. В отечественной историографии исследователей истории Золотой Орды интересует именно факт состоявшихся дипломатических отношений и роль Египта в усилении конфронтации между династийными чингизидскими кланами, в частности Берке–Хулагу [4; 6; 7].

В этой связи было бы интересно проанализировать выбор Бейбарса в отношении Золотой Орды. Имело ли стремление сблизиться чисто политическую подоплеку, целью которой являлось объединиться с Золотой Ордой в борьбе против главного врага – язычника Хулагу (Хулагуидского Ирана), либо Бейбарса подтолкнул к установлению связи с Золотой Ордой факт его происхождения из кыпчаков (тюрок), которые составляли большую часть мамлюкской армии?

Основную часть информации о Бейбарсе определенно можно почерпнуть из сведений средневековых арабских летописцев, современников Бейбарса и его приближенных. Можно выделить имена двух авторов, произведения которых посвящены описанию биографии мамлюкского султана Бейбарса: «Сира аз-захир Бейбарс» («Жизнеописание Захира Бейбарса») Мухаммада бин Али Ибрагима *бин Шаддада* ал-Халыби (ум. 1286) и «Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир» («Видный сад в жизнеописании ал-малика аз-Захира») Мохи ад-дина Абдуллаха бин *Абд аз-Захира* бин Нишвана ал-Хазами ал-Масри (ум. 1292). Краткие отрывки из сочинения Ибн Шаддада были представлены Д.Р. Зайнуддиновым [5, с. 13–17]. Труд Ибн Шаддада, касающийся жизнеописания Бейбарса, не сохранился до наших дней в полном объеме, вторая часть была издана в Висбадене в 1983 году [8]. Эта часть

содержит описание жизни султана Бейбарса в период 670–676 г.х./1272–1278 гг., подробности, связанные с его похоронами, рассказы об имуществе, отчужденном от его имени в вакф, а также приложение о положительных качествах султана и его достижениях, где проливается свет на внутреннюю и внешнюю политику Бейбарса. Значимость данной работы в том, что это единственный список книги, состоящей из 270 листов, который хранится в библиотеке Сулеймания в г. Эдирне (Турция), и «основным источником для Ибн Шаддада служили реальные события, свидетелями которых был сам автор, или слышал от людей, достойных доверия» [5, с. 15].

Некоторые отрывки из сочинения «Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир» («Видный сад в жизнеописании ал-малика аз-Захира») Мохи ад-дина Абдуллаха бин *Абд аз-Захира* бин Нишвана ал-Хазами ал-Масри вошли в «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских» В.Г. Тизенгаузена [17, с. 46–64]. В.Г. Тизенгаузену не был доступен полный текст сочинения, свои извлечения он делал из неполной рукописи, хранившейся в Британском музее, которая охватывала сведения 658–663 г.х. (1259–1265) [17, с. 46]. Некоторые списки рукописи данного сочинения были обнаружены в Турции арабским исследователем Габдел-Азиз ал-Хаватиром. Они были сличены с рукописью, находящейся в Британском музее, и более полный текст рукописи «Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир» был опубликован в 1976 году в ар-Рияде (Саудовская Аравия). Арабский исследователь Сафуан Таха Хусейн ан-Насер утверждает, что существует три биографа султана Бейбарса: Ибн Шаддад, Абд аз-Захир и Шафи бин Али [16, с. 80–99]. Хотя, согласно В.Г. Тизенгаузену, в предисловии известной ему рукописи Шафи бин Али говорится, что «книга есть ни что иное, как сокращение подробной биографии султана Эл-мелик Эзахыра, написанной Мухетдином» [17, с. 124].

Как и Ибн Шаддад, Мохи ад-дин Абд аз-Захир являлся одним из приближенных Бейбарса, точнее был судьей и личным писцом султана, и именно его рукой было написано первое послание золотоордынскому хану Берке. Абд аз-Захир, скорее всего, был придворным писателем и создавал это сочинение при личном вмешательстве Бейбарса. Этим и объясняется то, что сочинение не содержит каких-либо данных о детстве и юношестве Бейбарса. Сделано это было, возможно, потому, что сам Бейбарс не желал оставить в своей биографии сведения о том, что он был рабом (мамлюком)¹. Таким образом, и сохраненная копия сочинения Ибн Шаддада, и рукопись Абд аз-Захира содержат сведения, рассказывающие о времени, когда Бейбарс уже взойшел на трон. Однако во введении книги Абд аз-Захира есть такие строки: «Этот султан, малик аз-захир Рукн ад-дин Абу-л Фаттах Бейбарс бин Абдулла ас-Салихи ан-Неджми, тюрк, из рода Барлы, ему было дано великое счастье, он

¹ Мамлюки (от арабского **мамлюк** – раб, белый раб). При предшественнике Туран-шаха – Салихе Наджметдине (1240–1249) – основной костяк египетской армии составляли мамлюки (купленные и обученные военному искусству невольники). Это были в основном выходцы из тюркских народов, плененные монголами и проданные ими в рабство итальянским купцам, которые, в свою очередь, перепродавали их египетским султанам. Молодых невольников обращали в ислам и называли мусульманскими именами, их обучали военному делу и включали в придворную армию.

прибыл из земель Сирийских с всесильным султаном Салихом Неджметдином Аюбом» [12, с. 46]. Эти данные могут значительно пролить свет на происхождение Бейбарса, о котором до сих пор ведутся различные споры, учитывая то, что при создании этой книги султан Бейбарс неоднократно требовал от Абд аз-Захира перечитывать текст, который тот написал. Более того, в тексте сочинения есть слова «султан сказал», что еще раз доказывает то, что султан Бейбарс был очень заинтересован в создании данной биографии, и, возможно, сам приказал личному секретарю написать ее. Неполные сведения из вышеуказанных средневековых арабских летописей заставляют нас черпать информацию о личности Бейбарса в сочинениях уже немного поздних авторов ал-Макризи, ан-Нувейри, ал-Айни и др.

Ал-Макризи в своем труде «Ас-сулук» пишет: «Был Бейбарс родом из тюрок. Его купил Малик ас-Салих Наджметдин Айюб» [11, с. 520]. Египетский историк XIV века ал-Айни в сочинении «Икду ал-джуман фи тарихахл аз-заман» («Жемчужное ожерелье о жителях времени») сообщает, что Бейбарс происходил из племени Бурдж, ссылаясь на слова Бейбарса «мин Бурдж оглы кабиятун мин тюрок» [17, с. 503]. «Бурдж» очень близко к слову «бурджан». У ал-Идриси говорится, что земля бурджан расположена к северу от Черного моря [10, с. 62]. По сведениям ан-Нувейри, Бейбарс был тюрком и происходил из племени Елбарлы [14, с. 3]. В Крыму бытует мнение, что Бейбарс происходил из крымских земель. Больше всего это позиция связана с наличием в Солхате (Старом Крыму) руин мечети под названием Мечеть Бейбарса. Однако в арабских источниках, в частности ал-Макризи, сообщается, что на постройку мечети в Крыму деньги в размере 2000 динаров дал правитель Египта, однако не указывается его имя, зато четко указан 1288 год. У Ибн ал-Фората уточняется имя султана, сделавшего такой подарок, ал-Малик ал-Мансур (Мансур Калавун – Э.С.): «на этой мечети были начертаны прозвища султана ал-Малика ал-Мансура» [17, с. 363]. Несмотря на множество различных мнений по поводу происхождения Бейбарса, мы считаем, что более достоверным источником может служить книга Абд аз-Захира, в которой говорится, что он «тюрком, происходивший из рода Барлы». Это один из известных кыпчакских родов, вождем которого был Бачман, живший на берегу реки Ахтуба [9, с. 101]. По утверждению Д.М. Исакова, «у тех кыпчаков, которые обитали на северных границах Государства хорезмшахов (в их число входило и объединение олберли/илбари во главе с Бачманом), к началу вторжения монголов имелись теснейшие родственные связи с семьей хорезмшахов» [9, с. 103]. Одна из жен Бейбарса была дочерью вождя хорезмийцев Хусам ад-дина Берке-хана ибн Даулет-хана ал-Хорезми, которые были приглашены в Египет еще аюбидским султаном Салихом Аюбом. Является ли это случайностью, либо Бейбарс целенаправленно выбирал в свое окружение людей, которые были связаны с ним родственными (племенными) узами? Этот вопрос остается загадкой.

Что касается истории Бейбарса, то известно, что «Бейбарс был продан в Дамаск за 800 дирхемов одному купцу. Но поскольку у Бейбарса было на глазу бельмо, купец отказался от сделки. В дальнейшем Бейбарса купил эмир ал-Бурундукари и по традиции он стал называться Бейбарсом ал-Бурундукари. Бейбарс был ловким и способным юношей и его заметил аюбидский султан Салих и через некоторое время выдвинул его на пост командира одной из частей своей личной гвардии. Но после смерти Салиха его сын Туран-шах и его

следующий преемник Айбек перестали доверять мамлюкам, вследствие чего вызвали их гнев и стали жертвами заговора, в которой участвовал и Бейбарс» [6, с. 36–37]. Бейбарсу пришлось скрываться некоторое время. Свой карьерный рост Бейбарс начал при правлении мамлюкского султана Кутуза (1259–1260), который поручил ему командование войсками в походе против монголов. В битве при Айн-Джалуте в 1260 году, выиграв которую, Кутуз завладел Сирией, Бейбарс отличился своим бесстрашием и отвагой. Султан щедро наградил всех аюбидских эмиров ленными владениями, но обошел Бейбарса. На обратном пути в Каир, Бейбарс вступил в сговор с эмирами и Кутуз был убит. Военачальники и эмиры единогласно провозгласили Бейбарса правителем Египта, и в конце 1260 г. Бейбарс торжественно вступил в Каир. В официальное имя Бейбарса входит титул «Рукн ад-Дин» (буквально «Столп Веры»). Титул был получен Бейбарсом за успешные войны против крестоносцев. Его целью было полное изгнание крестоносцев с Ближнего Востока, и в этом деле он действительно добился выдающихся успехов. Он сломил сопротивление мощных крестоносных крепостей, заложив фундамент тех побед, которые позже одержал его преемник и друг, султан Калавун, положивший конец независимым христианским владениям в Сирии [6, с. 43].

У мамлюкского султана Бейбарса было три сына (Саид Берке-хан, Саламыш, Масуд Хадар) и семь дочерей. Существовало мнение, что матерью Саида была дочь Берке-хана [3, с. 135]. Но это мнение не подтверждается средневековыми арабскими источниками. Согласно Ибн Шаддаду, первый сын Бейбарса родился в начале 1260 г., что подтверждает, что брак состоялся ещё до того, как Бейбарс стал султаном, и были установлены дипломатические отношения с золотоордынским ханом Берке. В арабских летописях сохранились сведения о присутствии послов хана Берке на празднике по случаю обрезания сына султана Саида Мухаммада Берке: «Султан (Бейбарс) пригласил быть свидетелем этого великого дня послов, находившихся при дворе его, как то: послов царя Берке и визиря Яфы. Они дивились этому (торжеству) и радовались совершению его» [17, с. 126].

Будучи султаном Египта, он оказывал большое содействие переселенцам, прибывшим с территории Золотой Орды. Как сообщает ал-Омари: «Цари из них (т.е. египетские султаны из тюркских мамлюков) чувствовали склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так что Египет заселился ими и стал охраняем ими со всех сторон. Из них были светила государевой свиты, представители собраний, предводители войск и вельможи земли его (Египта) [17, с. 232]. Так, Бейбарс выделил прибывшим в Египет татарам жилища в престижном месте рядом с воротами Каирской крепости Баб ал-Лук (сейчас это центр современного Каира) [17, с. 64].

Встав во главе Египта, Бейбарс стал активно участвовать в международной политике. Главной задачей внешней политики Бейбарса в первые годы правления было создание коалиции против монголов и их союзников, которые, несмотря на поражения при Айн Джалуте (1260) и Хомсе (1260), могли угрожать безопасности страны. Он наладил дипломатические контакты с Конийским султанатом и Грузией, заключил в 1262 году с византийским императором Михаилом VIII, незадолго до этого отнявшим Константинополь, договор о свободном доступе египетских судов в Чёрное море. Бейбарс под-

держивал дружественные отношения с Манфредом Сицилийским и гибеллинской партией на Востоке. Но самого ценного союзника он нашёл в лице золотоордынского правителя Берке, который, будучи не в лучших отношениях с Хулагу, мог сковать армию ильхана военными действиями на Кавказе.

В 1261 году Бейбарс пишет первое письмо Берке, которое отправляет с аланским купцом, в котором «он (Бейбарс) подстрекал его против Хулавуна, возбуждал между ними вражду и ненависть да разбираал довод тому, что для него обязательна священная война с татарами, так как получают одно за другим известия о принятии им ислама и что этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи» [17, с. 55]. Через некоторое время пребывает отряд татар, по сообщению Абу Шама это произошло: «В субботу в день 27-ой этого года (660 г.х.) прибыли в Дамаск войска татар, проклятие на них Аллаха, около 200 всадников и пеших с женами и детьми, бежавшие к мусульманам. Мы вспоминаем, что причина этому было то, что войско Хулагу разгромило войско сына его дяди Берке. И убежал народ Хулагу в разные стороны, и каждая группа пошла в одну сторону, а эта группа убежала в Шам, и обрадовались мусульмане от таких новостей. Обрадовались они таким новостям, которые стали причиной их бегства в Египет» [15, с. 225]. Весть об этом дошла до Бейбарса, встретившись с поданными Берке, он назначил официальное посольство в Золотую Орду, во главе которых стоял эмир Сейфетдин Кушарбек и правовед Меджеддин, с которыми отправились и два человека из прибывшего в Египет отряда татар. С письмами были отправлены подарки и родословная халифа, род которого восходил к самому пророку Мухаммаду, также Бейбарс подготовил и «свое родословное древо, засвидетельствованное главой кадиев Таджеджином» [17, с. 56]. Тем самым Бейбарс как бы подчеркивал важность объединения сторон под знаменем ислама, а собственная родословная была отправлена с намеком на установление не только сугубо дипломатических, но и дружественных отношений. Наверняка, Бейбарс был наслышан о том, что Берке принял мусульманство от рук хорезмийского шейха Сейфетдина ал-Бахарзи, и именно это вызвало у него особое почтение к Берке. Никто из последующих золотоордынских ханов не сыскал столь уважительного отношения мамлюкских султанов. Известно, что Бейбарса упрекали в том, что он приказал почитать все четыре суннитских мазхаба, а не только мазхаб имама аш-Шафиги, как это было принято в Египте раньше. Так было и в Золотой Орде, что подтверждается религиозно-дидактическими произведениями этой эпохи: и «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми, и «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари провозглашали равенство всех четырех мазхабов, не отдавая предпочтения какому-то одному направлению [1; 13].

Отправленные Бейбарсом египетские послы встретили в землях Ласкариса посольство Берке, которое с ответным письмом направлялось в Египет. Об ответном письме Берке мамлюкскому султану Бейбарсу было подробно описано Мари Фаверо [19, с. 101–114]. Воодушевившись положительным ответом золотоордынского хана Берке и особенно его заверениями, что все отвоеванные у Хулагу мусульманские страны будут отданы Бейбарсу: «Я рассудил, чтобы ты двинулся на него с твоей стороны, а я пойду на него с своей стороны. Мы нападём на него сразу и выгоним его из края. Я отдаю тебе (все) мусульманские земли, находящиеся в руках его» [17, с. 189].

Бейбарс решает еще больше показать почитание хана и отправляет ему с ответным письмом дорогие подарки. Кроме того, важным связующим звеном было и то обстоятельство, что Золотая Орда поставляла в Египет через итальянских купцов крупные партии рабов, укрепляя, таким образом, военную касту мамлюков. По мнению М. Фаверо, это было главной целью Бейбарса, поскольку «когда Бейбарс в 1260 году стал султаном, анатолийская ветвь товарооборота, через которую военные рабы поступали из Кипчакской степи в Сирию и Египет, оказалась в руках Хулагу» [18, с. 338]. Бейбарс должен был найти новый маршрут для осуществления товарооборота и поступления воинов для мамлюкской армии. Увеличение количества мамлюков было необходимо и для укрепления и внутренней политики Бейбарса. Народ Египта с недоверием относился к правлению мамлюков, в частности, Бейбарс неоднократно повышал налоги, и это оказалось тяжелым бременем для местных жителей, все чаще на юге стали вспыхивать мятежи, которые необходимо было разрешать. Поэтому султан Бейбарс большое внимание уделял увеличению и укреплению своего войска, в том числе и посредством торговли с Золотой Ордой. Ибн Шаддад писал, что «документы, подписанные им (Бейбарсом – С.Э.), которые находились в руках купцов, странствующих по кыпчакским землям, освобождающие их (от налогов) за экспорт и импорт, действовали где бы они не останавливались из (территорий) дома Берке и Менгучемира, а также стран персов и керманов» [3, с. 17]. По сведению Амина ал-Холи, при Бейбарсе было осуществлено 8 дипломатических посольств [2, с. 25]. Подробная реконструкция дипломатических взаимоотношений Золотой Орды с мамлюкским Египтом была представлена С. Закировым, который отметил, что «дипломатическим взаимоотношениям Золотой Орды и Египта, вызванным экономическими и внешнеполитическими задачами, стоявшими перед обоими государствами, в значительной мере благоприятствовала известная общность культуры их господствующих классов» [6 с. 145].

Бейбарс правил в Египте в течение 17 лет, был похоронен в Дамаске (тогда Египет и Сирия были объединены в одно государство). В Каире до сих пор сохранены архитектурные памятники, построенные в его эпоху. Это медресе и мечеть Бейбарса (рис. 1, 2).

Рис. 1. Вход в мечеть султана Бейбарса
Pic. 1. The entrance to the mosque of Sultan Baybars

Рис. 2. Медресе Захира Бейбарса
Pic. 2. The madrasah of Zahir Baybars

Тамга (герб) Бейбарса и монета его эпохи
The tamga (coat of arms) of Baybars and a coin from his era

Личность Бейбарса оставила свой след не только в истории мамлюкского Египта, но и во всемирной истории мусульманского мира. В отношении взаимосвязей Бейбарса с золотоордынским ханом Берке большую роль сыграло как продвижение своих политических интересов, так и сохранение культурной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Бакр Каландар Руми*. Каландар-наме: избранное / Пер с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой. Общая и научная редакция, пердисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.
2. *Амин ал-Холи*. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.
3. *Бартольд В.В.* Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын, 1993. 192 с.
4. *Вернадский Г.* Золотая Орда, Египет и Византия в царствование Михаила Палеолога // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Vol. 1. P. 73–85.
5. *Зайнуddинов Д.Р.* Сведения Изз ад-дина Ибн Шаддада о Золотой Орде // *Золотоордынская цивилизация*. Вып. 5. Казань, 2012. С. 13–20.
6. *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом в XIII–XIV вв. М., 1966.
7. *Зеленев Е.И., Илюшина М.Ю.* Мамлюкский султанат в Египте: Бейбарс и его эпоха (1260–1277) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 3. С. 41–53.
8. *Ибн Шаддад*. Сира аз-Захир Бейбарс. Висбаден, 1983. 447 с.
9. *Исхаков Д.М.* Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.
10. *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Вост. Лит., 2006. 328 с.
11. *ал-Макризи*. Китаб ас-сулук ли магрфатдувалал-мамлюк. Каир, 1936. Т. 1. 566 с.

12. *Мохи ад-дин Абдуллах бин Абд аз-захир бин Нишван ал-Хазами ал-Масри*. Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир. Ар-Рияд, 1976.
13. *Мэхмүд әл-Болгари*. Нәһжел-фәрадис. Казан: Татар. Кит. Нәшр., 2002. 384 б.
14. *ан-Нувейри*. Нихайатал-араб фи фунун ал-адаб. Т. 30. Каир, 1990. 270 с.
15. Сайфетдинова Э.Г. Краткие сведения по истории Золотой Орды из сочинения Аби Шама ал-Макдиси ал-Димашки «Жизнеописание мужей двух столетий: шестой и седьмой» // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 224–227.
16. *Сафуан Таха Хусейн ан-Насер*. Сира ал-Малик Захир Бейбарс Мухи ад-дина бин Абд аз-захира // Маджальятат-тарбиява-лгыйлм. 2010. Вып. 17. № 3. С. 80–99.
17. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения. СПб., 1884. 564 с.
18. *Фаверо-Думенджу М.* Золотая Орда и мамлюки // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
19. *Фаверо-Думенджу М.* Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань, 2011. С. 101–114.

Сведения об авторе: Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, **ResearcherID:** **K-2746-2017** (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

*Поступила 03.09.2017 Принята к публикации 23.11.2017
Опубликована 29.12.2017*

REFERENCES

1. Abu Bakr Kalandar Rumi. *Kalandar-name: izbrannoe* [Qalandar-name: Selected Fragments]. Per s pers. I.R. Gibadullina, M.R. Shamsimukhametovoy. Obschchaya i nauchnaya redaktsiya, perdislovie, komentarii I.R. Gibudallina. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 1044 p. (In Russian)
2. Amin al-Kholi. *Svyazi mezhdru Nilom i Volgoj v XIII–XIV vv.* [Relations between the Nile and the Volga in the 13th and 14th centuries]. Moscow, 1962. (In Russian)
3. Bartol'd V.V. *Tyurki: Dvenadtsat' lektsiy po istorii turetskikh narodov Sredney Azii* [Turks: Twelve Lectures on the History of the Turkish Peoples of Central Asia]. Almaty, Zhalyln, 1993. 192 p. (In Russian)
4. Vernadskiy G. Zolotaya Orda, Egipet i Vizantiya v tsarstvovanie Mikhaila Paleologa [The Golden Horde, Egypt and Byzantium during the Reign of Michael Palaiologos]. *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Vol. 1, pp. 73–85. (In Russian)
5. Zaynuddinov D.R. Svedeniya Izz ad-dina Ibn Shaddada o Zolotoy Orde [Izz al-Din Ibn Shaddad's (613/1217 – 684/1285) Information about the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Is. 5. Kazan, 2012, pp. 13–20. (In Russian)
6. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordy s Egiptom v XIII–XIV vv.* [Diplomatic Relations of the Golden Horde with Egypt in the 13th and 14th centuries]. Moscow, 1966. (In Russian)
7. Zelenev E.I., Ilyushina M.Yu. *Mamlyukskiy sultanat v Egipte: Beybars i ego epokha (1260–1277)* [Mamluk Sultanate in Egypt: Baybars and His Era (1260–1277)].

Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. Afrikanistika [Bulletin of St. Petersburg University. Series 13. Oriental Studies. African Studies]. 2013. Is. 3, pp. 41–53. (In Russian)

8. Ibn Shaddad. *Sira az-Zakhir Beybars*. Wiesbaden, 1983. 447 p. (In Arabic)

9. Iskhakov D.M. *Arskie knyaz'ya i nukratskie tatary (Istoriko-etnograficheskie svedeniya, genealogii, klanovaya prinadlezhnost', mesto v politicheskoy strukture Kazanskogo khanstva i Russkogo gosudarstva)* [The Arsk Princes and Nukrat Tatars (Historical and ethnographic information, genealogy, clan affiliation, place in the political structure of the Kazan Khanate and the Russian state)]. Kazan, Fen Publ., 2010. 224 p. (In Russian)

10. Konovalova I.G. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoy Evropy: tekst, perevod, kommentariy* [al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe: Text, Translation, Commentary]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2006. 328 p. (In Russian)

11. al-Maqrizi. *Kitab as-suluk li magrfatduvalal-mamlyuk*. Cairo, 1936. Vol. 1. 566 p. (In Arabic)

12. Mokhi al-din Abdullakh bin Abd al-zakhir bin Nishvan al-Khazami al-Masri. *Ar-rauda az-zakhir fi sira al-malik az-Zakhir*. Riyadh, 1976. (In Arabic)

13. Makhmud al-Bolgari. *Nakhdzh al-Faradis*. Kazan, Tatar Book Publ., 2002. 384 p. (In Tatar)

14. an-Nuwayri. *Nikhayatal-arab fi funun al-adab*. Vol. 30. Cairo, 1990. 270 p. (In Arabic)

15. Sayfedinova E.G. *Kratkie svedeniya po istorii Zolotoy Ordy iz sochineniya Abi Shama al-Makdisi al-Dimashki «Zhizneopisaniya muzhey dvukh stoletiy: shestoy i sed'moy»* [Brief Information on the History of the Golden Horde from the Work of Abu Shama al-Maqdisi al-Dimashqi “Biographies of Men of Two Centuries: The Sixth and Seventh”]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2017, no. 10, pp. 224–227. (In Russian)

16. Safuan Takha Khuseyn an-Naser. *Sira al-Malik Zakhir Beybars Mukhi ad-din bin Abd az-zakhir. Madzhalyatat-tarbiyava-Igyilm*. 2010. Is. 17, no. 3, pp. 80–99. (In Arabic)

17. Tiesenhause V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Vol. 1. Izvlecheniya. St. Petersburg, 1884. 564 p. (In Arabic, Russian)

18. Favereau M. *Zolotaya Orda i mamlyuki* [The Golden Horde and the Mamluks]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya* [The Golden Horde in World History. Collective Monograph]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)

19. Favereau-Doumenjou M. *Pervoe pis'mo khana Berke sultanu Beybarsu po mamlyukskim istochnikam (661–1263)* [The First Letter from Berke to Baybars according to the Mamluk Sources (661/1263)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2011. Is. 4, pp. 101–114. (In Russian)

About the author: Elmira G. Sayfedinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, **ResearcherID:** **K-2746-2017** (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

Received August 03, 2017 Accepted for publication November 23, 2017

Published December 29, 2017

**RUSSIAN CHRONICLES ON THE RELIGIOUS POLICY
OF UZBEK KHAN (1313–1341) AND HIS RELATIONS
WITH THE PRINCIPALITIES OF THE NORTH-EASTERN RUS'**

Roman Hautala^{1,2}

¹ *Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu, Finland
romanhautala@gmail.com*

Research objectives: The author of present article examines the overall response of Russian medieval scribes to the ascension to power of Uzbek Khan – the Golden Horde's Muslim ruler who made a major effort to spread Islam in the Jochid Empire. Analyzing Russian sources, the author tries to answer the question regarding to what extent we can trust the reliability of their information about the impact of Uzbek's religious affiliation on the anticipated change in his relations with the Russian principalities.

Research materials: Russian sources are of paramount importance for the study of the Golden Horde's history. On the one hand, Russian chronicles contain a wealth of relevant factual material. The abundance of this material can be explained by the fact that medieval Rus' was subordinated to the Golden Horde, although its numerous and disjointed princes enjoyed considerable autonomy within the Jochid Empire. On the other hand, the accuracy of Russian chronicles' information should not be overestimated for several reasons. The preserved chronicle collections were often composed several centuries after the described events. Therefore, their information underwent the influence of significant ideological changes. In addition, the authors of Russian chronicles focused on the description of only those events that were directly related to the Russian principalities and their rulers.

The novelty of this study emerges from a comparison of the Russian chronicles' content with information found in little-known written sources. In particular, Latin sources compiled within the ulus of Jochi in a relatively large amount exactly during the period under study compensate to some extent for the complete absence of Jochid written sources. In this case, the content of the Latin sources will allow us to reconsider the established opinion about the total Islamization of the ulus of Jochi during Uzbek's reign.

Research results: The use of heterogeneous written sources underlies the significance of the present study. Comparison of the Russian chronicles' content with information of Catholic missionaries, who preached the Gospel in the Golden Horde, allows the author to demonstrate that the Muslim ruler, Uzbek, adhered to the traditional Chinggisid principles of religious tolerance throughout his entire reign.

Keywords: Golden Horde, North-Eastern Rus', reign of Uzbek Khan, Islamization of the Tartars, Russian chronicles, Latin sources

For citation: Hautala R. Russian Chronicles on the Religious Policy of Uzbek Khan (1313–1341) and His Relations with the Principalities of the North-Eastern Rus'. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 736–755. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.736-755

Uzbek Khan's reign in the Golden Horde is particularly interesting for two main reasons. Firstly, Uzbek's period is abundantly described by heterogeneous Oriental, Russian and Latin sources. In particular, Latin sources compiled within the ulus of Jochi in a relatively large amount exactly during this period to some extent compensate the complete absence of Jochid own written sources. Secondly, Uzbek's reign is interesting because he was a Muslim and made a major effort to spread Islam in the Golden Horde.

Uzbek Khan's religious affiliation was to have direct relevance to Rus' since, as we know, its population professed Orthodoxy: North-Eastern Rus' was subordinated to the Golden Horde, although its numerous and disjointed princes enjoyed considerable autonomy within the Jochid Empire. Therefore, a change of religion of supreme ruler of Rus' should have been reflected in Russian written sources and we will pay here our main attention to the consideration of this reflection.

However, anticipating the content analysis of Russian sources, we will pay special attention first of all to both the analysis of the religious situation within the Golden Horde and the confessional changes among nomads that occurred as a result of Uzbek's ascension to power. Information of both Muslim and Catholic written sources will provide us an invaluable service in the process of analysis. In this case, the content of the Latin sources will allow us to reconsider the established opinion about the total Islamization of the ulus of Jochi during Uzbek's reign.

Next, we will consider the overall response of Russian medieval authors to Uzbek Khan's ascension to power and, in particular, the degree of hostility towards religious orientation of the new Golden Horde ruler. We will also pay special attention here to legal acts drawn up by the Office of the khan that most directly reflect Uzbek's attitude to the Christian clergy within his domain.

After that, we will pay attention to two narratives, which enjoyed an increased popularity among Russian medieval scribes and were included in most of the Russian chronicles. We are referring to the "Tale of Michael of Tver" and "Scholkanovschina", which clearly reflect a negative attitude towards new religious sympathies of the Tatar elite. When analyzing both narratives, we will try to answer the question to what extent can we trust the reliability of their information about the impact of Uzbek's religious affiliation on the expected change in his relations with the Russian principalities?

Religious Situation within the Golden Horde

Uzbek Khan's ascension to the Golden Horde power in early 1313 and his almost three-decade long reign was of undeniable importance in rooting Islam in the ulus of Jochi¹. Firstly, Islam became noticeably stronger in Golden Horde urban centers that developed in the Volga and other regions of the ulus of Jochi at the very time of Uzbek Khan's reign. Islamic contemporary sources and the results of archaeological surveys clearly indicate both the expansion of Islamic areas in Golden Horde cities and the widespread construction of Muslim religious buildings. The establishment of urban Islam in the ulus of Jochi clearly showed the influence of the Muslim religion as an obvious consequence of the religious sym-

¹ This statement is the most widely used in studies published in Russian, which obviously prevail among the works analyzing the reign of Uzbek Khan. See, for example: [14, p. 131; 13, p. 608; 39, p. 589, 591; 11, p. 99–100; 15, p. 59, 126]. But cfr. with: [49, passim; 48, p. 7].

pathies of Uzbek Khan and his closest entourage [see, for example: 48, p. 25; 10, p. 48–49; 12, p. 110; 50, p. 82; 16, p. 60–64; 47, p. 179; 39, p. 593].

On the other hand, Muslim written sources paid much less attention to confessional changes in the steppe despite the fact that the nomads continued to play a leading role in the political life of the Golden Horde and most likely, significantly exceeded the urban population, leading Mamluk writer al-Umari to underline the fact that most of Uzbek's subjects consisted of "tents' inhabitants living in the steppes" [45, p. 230].

The nomads represented the main military and political force in the Golden Horde and religious sympathies of the Jochid rulers often depended on the confessional orientation of those political factions of nomads who provided these rulers with crucial military support at the time of their ascension to power [55, p. 121]. In cases where struggle for succession led to a clash between warring nomadic factions with opposing religious orientations, the victory of one of these factions and, consequently, the enthronement of its representative, implied the physical destruction of the new khan's competitors and even the forced religious conversion of their subordinates. In view of these considerations, the Muslim chroniclers presented Uzbek's ascension as a result of a battle between nomads with opposing religious sympathies and assumed the full conversion to Islam of the opponents of the new ruler following the establishment of his power. On the other hand, the Latin sources compiled within the Golden Horde reflect opposing views on the consequences of Uzbek Khan's ascension and allow us to essentially diversify the notion of this Golden Horde ruler's religious policy.

By the time of Tokhta Khan's death in August 1312, a large and influential newly-converted faction of Muslim nomads had formed in the Golden Horde. According to a statement of a number of Egyptian sources, this faction provided direct support to Uzbek during the struggle for power that raged in the second half of 1312². More important, however, was a much more violent conflict that took place within the Golden Horde after Uzbek's ascension at the beginning of 1313. In particular, the earliest report of the Persian chronicler Qashani points on a clash between the new ruler and the adherents of traditional nomadic beliefs. According to Qashani, Uzbek demanded the Tatar amirs abandon the Mongol Yasa in favor of Sharia³. After receiving such an ultimatum from their new ruler, the Golden Horde amirs conspired to kill Uzbek, but their plot was exposed in time and Uzbek ordered the execution of more than one hundred representatives of the Tatar elite [54, p. 107–109]⁴.

Apparently, khan Uzbek introduced a policy to forcibly Islamize the nomads immediately after his enthronement and as a consequence he faced fierce resistance

² Ibn Duqmaq clearly indicates the support received by Uzbek from a Muslim Kutlug-Timur who was formerly a senior amir during Tokhta Khan's reign: [45, p. 323; see also: p. 384–385, 515–516].

³ It should be noted that according to Qashani, Uzbek's conflict with the Tatar amirs took place before his ascension to power. However, it is more logical to assume that Uzbek was able to demand the Tatar emirs convert to Islam only after he had become a khan [18, p. 112]. In any case, Mamluk sources confirm this assumption. So, Ibn Duqmaq specifies that influential Jochid princes Tunguz and Taz revolted after Uzbek's ascension [45, p. 323].

⁴ In the early 15th century, Hafiz-i Abru reproduced almost unchanged Qashani's report [46, p. 141]. See also similar information of Mamluk authors regarding the religious conflict within the Golden Horde: [45, p. 174, 197, 206, 277, 323, 384–385, 515–516].

of his subjects. Having suppressed the Tatar amirs' revolt and executed his main opponents, Uzbek did not fail to notice the Mamluk sultan. In 1314, the khan of the Golden Horde dispatched a solemn embassy to Egypt with the obvious intention of restoring the previously friendly and allied relations with the Mamluk Sultanate that had been interrupted seven years earlier by the previous khan Tokhta [53, p. 170]. According to the Mamluk chronicler an-Nuwayri, in March or April of the same year, Uzbek's ambassadors arrived in Cairo with a message of congratulations addressed to the Egyptian sultan "with the spread of Islam from China to the most distant lands of the west" and with clarification that "there had been one remaining party in his realm which adhered to a religion other than Islam, but the king had offered them the choice between conversion to Islam, or war ... they refused conversion and fought, and he attacked them and annihilated them, slaying or capturing them" [45, p. 163]. Thus, the Golden Horde ambassadors not only informed the Sultan about the suppression of all political opposition in the ulus of Jochi, but also about the conversion of all of its nomads to Islam.

However, an-Nuwayri's statement on the total Islamization of the ulus of Jochi was based on the words of Uzbek's ambassadors and did not necessarily correspond to reality. It is quite possible that the statement regarding the destruction of all "infidels" in the domain of Uzbek contained deliberate exaggeration allowed by diplomatic etiquette and serving as the most appropriate means for resuming political relations between Egypt and the Golden Horde [49, p. 71–72; 55, p. 121; 48, p. 7; 54, p. 94–95].

Here we must turn to the Franciscan sources written within the Golden Horde and during the reign of Uzbek Khan. These sources contain valuable information regarding the religious situation in urban centers and steppe regions of the ulus of Jochi. But more importantly, they completely refute the Uzbek ambassadors' assertion. In March 1314 (in parallel with the arrival of Uzbek's embassy in Cairo), the Golden Horde khan granted yarlik to the Franciscans of Caffa confirming a number of privileges and exemption from military duties and taxes. It is significant to note that Uzbek Khan allowed the Franciscans complete freedom of movement throughout the Golden Horde territory for the purpose of preaching "Christian law" and he also gave them the right to complain to the khan's chancellery when confronted with any obstacles in the course of fulfilling their missionary activity [51, p. 65; 9, p. 35–36, 39]. It is obvious that this authorization of unobstructed preaching of "infidel" priests in the Golden Horde contradicted the alleged intention of Uzbek to force the Jochid ulus' population to adopt the Islamic religion [69, p. 111; 70, p. 399. Cfr.: 13, p. 608].

Catholic missionaries in the Golden Horde immediately took advantage of the khan's permission and, in particular, the Hungarian Franciscan Johanca wrote in his letter addressed in 1320 to the General Minister of his Order, that in 1314 he traveled to the territory of modern Bashkortostan to preach the Gospel. When describing the conditions of Catholic missionary development throughout the territory of the ulus of Jochi, Johanca exalted those of his fellows who had spared no efforts to preach the Gospel in the steppe "following the Tartar camps". At the same time, Friar Johanca did not mention any obstacles from the Golden Horde administration, which he faced in person "in Bascardia" only after allowing himself to publicly question the legitimacy of the Muslim faith [51, p. 66–68; 1, p. 90–93].

Also, the letter by the Franciscans of Caffa in 1323 reported the Franciscans' significant missionary progress through daily preaching of the Gospel in the steppe and Umbrian Minorite Giovanni Elemosina's "Chronicon" of 1336 described how Christian rituals were integrated into nomadic everyday life [66, p. 107; 65, p. 361; 8, p. 96; 60, p. 125].

Contemporary Franciscan sources pointed to a sizeable expansion of Christianity in the ulus of Jochi; however, they also noted with regret the fact that a significant part of the local nomads remained adherents of traditional steppe beliefs [66, p. 111; 65, p. 365; 8, p. 100]. More importantly, these written sources pointed to the preservation of the Chinggisids' traditional principles of religious tolerance during the reign of Uzbek Khan⁵. The same Franciscan authors pointed to a complete confessional autonomy – which was extended to all the religious communities of the Jochid ulus – and also emphasized the strict compliance with autonomous rights by the Golden Horde administration until they did not violate the secular interests of the local legislation [66, p. 107, 111; 65, p. 361; 8, p. 96; 51, p. 66; 1, p. 90; 60, p. 125].

Summing up the various information of sources, we can draw the following conclusions about the religious policy of Uzbek Khan. It is most likely that Uzbek Khan used the example of the bloody suppression of the opposition in order to present to the Egyptian Sultan his domain as a full-fledged Islamic State with predominant Muslim population [53, p. 175]. Apart from the Crimean cities, the Muslim population really prevailed in the Golden Horde urban centers. Nevertheless, Latin contemporary sources show that a significant portion of the Jochid ulus' nomads (who continued to represent a major political and military power of the Golden Horde) remained adherents of traditional beliefs of the steppe, showing their sympathies for the Christian or Muslim religions according to personal preferences.

Apparently, Uzbek Khan actually tried to conduct a program of forced Islamization of his domain, but impressed by the fierce resistance caused by this program among the nomads, he was forced to return to the traditional policy of religious tolerance already in the second year of his reign.

*Uzbek's Enthronement in Russian Chronicles
and Yarlik of Metropolitan Peter*

So, the new ruler came to power in the Golden Horde in 1313 as a result of a fierce internal struggle. In addition, the new Jochid khan was a Muslim. Therefore, Russian subjects of Uzbek Khan had to be interested in the events connected with the change of power. However, in comparison with the abundant information of Oriental sources, Russian chronicles contain very little information about the vicissitudes of Uzbek's enthronement.

We can find several explanations for this phenomenon. First of all, the chronicle *svods* (collections) that we have currently in our possession were compiled in 100–200 years after these events. Probably, Russian compilers of the 15th–16th centuries did not consider events of 1312–1313 so important to give them any attention. In addition, generally speaking the authors of Russian chronicles were little

⁵ See the corresponding letters of gratitude addressed by the Roman Pontiffs to Uzbek during the whole of his reign, who perceived the tolerance of a Jochid ruler as a special Uzbek's predisposition towards Christianity: [61, p. 44, 178–181; 62, p. 227–228, 252, 260].

interested in events in the Horde and focused on the description of only those events that were directly related to the Russian principalities and their rulers.

The latter observation leads us to an even more curious conclusion: that the Russian chroniclers paid so little attention to Muslim sympathies of Uzbek, suggests that change of religious orientation of the new khan of the Golden Horde did not affect his Orthodox subjects [54, p. 93–94]. So, *Sofiyevskaya I chronicle* (in older and younger editions) does not mention any events in the Horde under the year 6821 (1313) [30, col. 371; 29, p. 205]. The Tverite *Rogozhsky chronicle* only limited himself with a mention of Tokhta Khan's death and Uzbek's enthronement [34, p. 36]. A more verbose *Trinity chronicle* explains the reasons for a trip to the Horde of the Tverite prince Michael Yaroslavovich and Metropolitan Peter in the same 1313: the Moscow chronicler of the early 15th century reports that Michael and Peter had to go to the Horde after the death of Tokhta Khan and subsequent enthronement of a Muslim Uzbek [25, p. 354]. *Simeonovskaya chronicle* reproduces this report, together with an indication of the rapid Metropolitan's return to Rus' [35, p. 88]. The *Moscow chronicle svod* of the late 15th century does the same thing, but its author omits references to Uzbek's conversion to Islam [37, p. 160; see also: 36, p. 97; 31, p. 186]. The author of *Nikon collection* considers it appropriate, as usual, to give a more detailed explanation: in connection with Uzbek's enthronement all the princes and prelates had to gather in the Horde and each of them received the personal yarlik authorizing their rule. *Nikon chronicle* also omits references to Uzbek's conversion, but it reports that Metropolitan Peter soon returned from Uzbek "with great honor" [32, p. 178; see also: 4, p. 47–48, nota 35].

Apparently, the initial report on the trip of the Tverite Prince and the Metropolitan to the Horde appeared in the *Tverite svod* of 1327, which has not been preserved to the present day. After that, this report underwent significant changes in the *Moscow svod* and formed the basis of *Trinity chronicle*'s report compiled in 1408. The *Trinity chronicle*'s version was borrowed by a number of those Moscow *svods* that we have at our disposal. Finally, this report underwent a thorough edition of *Nikon collection* in 1520s. In this case, the author of *Nikon chronicle* used additional materials from the Metropolitan archives in Moscow. These documents were used in parallel during the preparation of other important collection – "Extensive edition" of the "Collection of Yarliks Granted to the Russian Metropolitans" [44, p. 51–52].

In turn, the "Collection of Yarliks Granted to the Russian Metropolitans" represent the particular interest as an example of how Russian Orthodox church used the granted charters of the Golden Horde khans to advocate its own material benefits. The very first edition of the "Collection" was composed in the middle of the 15th century as proof of the immutability of ecclesiastical rights to the property, which the Jochid rulers granted to the Russian metropolitans in the past centuries. In addition, the content of khans' yarliks gave reason to the full legal independence of the Orthodox clergy from the local secular authorities. However, the Metropolitan Office in Moscow considered it appropriate to publish "Extensive edition" of the "Collection" in 1540s to more convincingly justify its privileges. In particular, "Extensive edition" was supplemented by Uzbek Khan's yarlik granted to Metropolitan Peter in 1313. To become more convincing the authors of "Extensive edition" anticipated the text of yarlik with an explanatory "Foreword" describing the Metropolitan's trip to the Horde [see the texts of yarlik as well as of "Foreword" in:

42, p. 8–10; 5, p. 112–118]. This “Foreword” is similar to the entry in *Nikon chronicle*, but, as we shall see, it contains additional information [44, p. 49; 24, p. 142–143; 23, p. 182; 22, p. 90; 6, p. 7; 20, p. 464–465].

It was proved as soon as the early 20th century that Uzbek’s yarlik added to “Extensive edition” had been forged [43, passim; 20, p. 464; 23, p. 182]: in addition to an unusually extensive volume of the text, the content of this act is not quite consistent with the standard form of khans’ yarliks. And first of all, the addition of “Extensive edition” contains two contradictory and apparently incorrect datings of the year 1213 (6721) according to the Old Russian calendar and of the year 1315 (of hare) according to the Mongol animal cycle [5, p. 112, 118; 24, p. 144]. For their part, several aforementioned chronicles imply that Uzbek Khan granted yarlik to the Metropolitan in 1313, in connection with Peter’s visit to the Horde.

Despite the fact that Uzbek’s yarlik is preserved only in the form of a counterfeit, there is no doubt that these falsification based on the really existed yarlik. Most likely, the original content of this yarlik corresponded to yarlik of khan Möngke-Timur granted to Metropolitan Kirill on 1 August, 1267 [see the text of Möngke-Timur’s yarlik in: 42, p. 5–6; 5, p. 124–126; 20, p. 467–468]. Accordingly, yarlik of 1313 contained a number of prescriptions for the Golden Horde officials, which confirmed exemption of the Orthodox church from paying a number of taxes and from fulfillment of duties. At the same time, the yarlik’s text had to be addressed to the Grand Prince of Vladimir with the approval of the full legal autonomy of the Metropolitan and his subordinates. Nevertheless, *svodchiki* of the Metropolitan Office of the 16th century felt that these privileges were not described in sufficient detail and significantly expanded the yarlik’s text [24, p. 144–146; 22, p. 89–90; 20, p. 464, 476].

The content of “Foreword” to both the forged yarlik of Uzbek and the whole “Extensive edition” is very interesting as well. Obviously, in his description of the Metropolitan trip to the Horde the author of “Foreword” based on the same source as did the *svodchik* of *Nikon chronicle*. However, this “Foreword” contain additional information about the reasons that prompted the Metropolitan to quickly travel to the Horde. Among these reasons, “Foreword” mentions the desire of Russian prelate to get ahead of “foreign⁶ ambassadors, and Matthew, a Bishop of the Roman Pope” in getting khan’s privileges [5, p. 111]. We can only guess who were these “foreign ambassadors” mentioned by the author of “Foreword”. On the other hand, we can put forward a relatively plausible hypothesis in regard to the Catholic prelate of the “Roman Pope”. The following assumption is made possible thanks to the relatively numerous Latin sources on synchronous activity of Catholic missionaries in Crimea.

First of all, it should be noted here that the anonymous author of “Foreword” apparently confused the name of Catholic Bishop: a Dominican Matteo Manni of Cortona became the second Latin Bishop of Caffa only 12 years after the Metropolitan’s trip [64, p. 113; 63, p. 19; 61, p. 57]. The real leader of Catholic missionaries in the Crimea in 1313 was Bishop Jerome of Catalonia. Jerome arrived in the Crimea as early as 1311 and he was actively involved in negotiations with Uzbek Khan on the return of the Franciscans to Caffa, from where they had been expelled

⁶ Actually, here stays the adjective “nemeckie”, literally “mutes” – generic name of foreigners who did not speak Russian.

by the previous khan Tokhta in 1308. It is quite possible that Jerome was sent to the Crimea as the official representative of the Holy See exactly for the negotiations with the Golden Horde khan [68, p. 156–158; 70, p. 476; 59, p. 302]. He apparently succeeded in negotiating and obtained from Uzbek the granting of yarlik, which has been mentioned above [51, p. 65; 9, p. 36]. Nevertheless, Uzbek granted his yarlik to the Franciscans in 1314 only, that is, about a year after the Metropolitan Peter's trip.

Thus, Metropolitan Peter indeed was able to get yarlik a year earlier than the Franciscans. Although we still do not understand the reasons for his concerns about the possibility that Catholics could have gain privileges before the Orthodox church. Be that as it may, the contents of both Uzbek's yarliks have certain similarities. Both the forged yarlik in Russian translation and authentic yarlik translated by the Franciscans into Latin include the provision of full legal autonomy of the Latin and the Orthodox churches [5, p. 113; 51, p. 65; 9, p. 36]. The presence of both yarliks shows that a Muslim Uzbek was inclined to take into account the religious sympathies of his other-religious subjects: the Golden Horde khan conferred upon the Orthodox and Latin churches considerable privileges and demanded in return only to pray God for himself, "for his wives, children and his lineage" [5, p. 114; 51, p. 65; 9, p. 36]. Uzbek obviously attached great importance to this requirement and according to the author of the "Life of Metropolitan Peter", the Orthodox prelate strictly fulfilled his obligations [57, p. 107–108].

In return of obtained privileges, Peter consistently served the political interests of Uzbek and the Moscow princes – the main allies of the Golden Horde khan in North-Eastern Rus' [56, p. 72–73, 90]. Also, his successor Feognost who replaced Peter on the metropolitan chair in 1326, adhered to the same political line. So, three years later Feognost expelled from Pskov the Tverite prince Alexander Mikhailovich who had previously resisted a representative of the Horde power [28, p. 262–263; 27, p. 90; 37, p. 169; 7, p. 102–103; 67, p. 22; 56, p. 117–118; 21, p. 55]. In 1334, his mediation contributed to reconciliation between the Novgorodians and Grand Prince Ivan Kalita: thanks to Theognost's participation in negotiations the Novgorodians abandoned their transient alliance with Lithuania, and Great Novgorod came back into the sphere of the Golden Horde influence [56, p. 147–148; 2, p. 504]. It is obvious that Uzbek's religious tolerance contributed to the achievement of actual political goals of the Jochid khan.

The Tale of Michael of Tver

Returning to references to Uzbek's conversion to Islam in Russian sources, we should pay special attention here to the narrative of the execution in the Horde of the Tverite prince Michael Yaroslavovich. As it will be shown below, this Tale enjoyed increased popularity among Russian authors and has preserved both in non-chronicle sources, as well as in a number of chronicle *svods*. But first of all, we should briefly describe the events that formed the basis of the Tale.

The Tale's events are connected with the moment of a sharp aggravation of the struggle between Moscow and Tver principalities. At the same time, the Horde's ruler provided direct support to the prince of Moscow Yuri Danilovich. In early 1317, the Tverite prince Michael achieved another submission of the Great Novgorod. At once, Michael suddenly learned that Uzbek Khan decided to take away his

title of Grand Duke and to transmit it to the prince of Moscow. Thus, the Moscow prince returned from the Horde with Tatar reinforcements headed by Kavgadyj and invaded the principality of Tver. Michael did not dare to resist the invading troops for a long time, but on December 22 the prince of Tver inflicted a decisive defeat on the military forces of Yuri Danilovich. As a result of the battle, Konchak, Yuri's Tatar wife and sister of khan Uzbek, was captured by Michael. Konchak died in captivity under unclear circumstances, which became one of the reasons for the subsequent execution of the Tverite prince.

Michael captured the Tatar military commander Kavgadyj as well, but treated him with respect and let him go to the Horde. After that Kavgadyj launched a vigorous activity in the khan's camp and persuaded Uzbek to call both princes in the Horde for trial. For some time Michael doubted the necessity of travel, but the Tatar envoy Akhmyl gave him clearly to understand that it was a matter of the safety of his principality. Upon arriving in the khan's camp in September 1318, Michael learned that Kavgadyj and Yuri of Moscow had already set up against him the main part of the khan's approximates. Russian sources describe further a two-month's trial in the khan's camp in extremely gloomy colors emphasizing its unfair nature. The trial ended with the execution of Michael on 22 November, attended by Kavgadyj and Yuri Danilovich [17, p. 125–163; 34, cols. 36–40; 33, cols. 409–421; 25, p. 356; 30, cols. 375–396; 29, p. 207–215; 37, p. 161–166; 36, p. 98–100; 32, p. 180–186; 41, p. 209, 286–287; 7, p. 98–101; 4, p. 49–52; 56, p. 81–87; 2, p. 468].

The content of the Tale has clear hagiographic character, but nevertheless it is based on real events. Its author was an eyewitness of these events. Probably, he was a confessor of Michael – Alexander – who went to the Horde along with the prince of Tver. After the execution of the prince, Alexander returned to Tver and soon compiled there his narrative, which undergone later numerous editions. The so-called “Extensive edition” represents the most complete and early version of the Tale, whose critical edition was published by Vladimir Kuchkin. Kuchkin considered this edition as the most reliable, though he pointed out that he used copies of the 16th–17th centuries. In turn, John Fennell reasonably pointed to the possibility that preserved copies of “Extensive edition” may contain later interpolations similar to those versions that were included in the chronicle *svods* [17, p. 116; 58, p. 94].

For its part, the Tale developed in two directions in the chronicle *svods*. The stressed anti-Tatar narrative is impressed in the Tverite chronicles, although this version is presented in a much abbreviated form. A more complete and neutral version is presented in the pro-Moscow chronicles, where it first occurs in *Sofiyskaya First chronicle*. In the end, the two branches of the Tale's evolution meet again in the vast *Nikon svod*, whose author gives a number of detailed (and possibly fictitious) explanations to the described events [38, p. 111–112; 58, p. 94–95].

Following the “Extensive edition”, it is the Moscow cycle of the Tale who provides an indication of the changes that occurred in connection with Uzbek Khan's ascension to the Golden Horde power. After describing how Michael Yaroslavovich had received the title of Grand Prince from the previous khan Tokhta and mentioning an unsuccessful attempt of the prince of Moscow to challenge this decision, “Extensive edition” reports on the ascension of the tsar “called by the name of Ozbyak” who entered the “Saracen faith, detestable to God”. In connection with this, the Tale reports that subsequently Uzbek ceased to spare “Christian people”, and he quotes

from the book of Daniel about the Babylonian captivity of the people of Israel. In this quote Uzbek is compared with the cruel Babylonian king Nebuchadnezzar and then the author compares the khan with Emperor Titus who captured Jerusalem, and with Phokas the Cappadocian who took possession of Constantinople [17, p. 132–133; see also: 40, p. 113; 38, p. 117–118]. The Tverite chronicles omit this entire fragment, but the Moscow authors reproduce it necessarily. The only exception is the author of *Nikon svod* distinguished by respectful attitude toward Uzbek [30, cols. 377–378; 29, p. 208; 37, p. 161; 32, p. 182].

It is clear that the author of the Tale wished to emphasize all those negative consequences that were caused, in his view, by Uzbek's ascension to power. His further narrative is equally clear in showing that Uzbek abandoned the traditional support of the Tver principality in favor of the prince of Moscow. According to the author of the Tale, this change in the political line eventually led to the execution of Michael – in his view, of the only legitimate Grand Prince. However, the Tale points to the religious preferences of the Golden Horde khan only in this passage. Subsequently, the author never mentions Uzbek's religious affiliation. Therefore, it remains unclear to us, how Uzbek's conversion to Islam influenced the development of subsequent events.

Later, the author of the Tale evinces a certain reverence for Uzbek. In particular, "Extensive edition" reports Michael's words that the prince of Moscow Yuri received the title of Grand Prince from "God and the tsar" [17, p. 134]. It is possible that in this case "Extensive edition" sought to emphasize Michael's attempt to peacefully resolve the dispute with the prince of Moscow. However, the Moscow editors of the Tale considered it appropriate to omit the mention of God in this phrase [30, col. 378; see also: 29, p. 208; 37, p. 162; 36, p. 99; 32, p. 182]. Probably, they considered unacceptable the possibility of interpretation that Russian princes received investiture yarliks not only by the will of the khan, but also from God.

Throughout the Tale, Uzbek is incited against Michael. However, the biased attitude of Uzbek is imposed as a charge not on khan himself, but on Kavgadyj. Kavgadyj is the main negative character of the narrative, showing furthermore an extreme ingratitude towards the generous act of Michael. The Tverite prince not only saved the Kavgadyj's life after his capture, but he also gave him all kinds of honors and dismissed the Tatar commander unharmed to the Horde. For his part, upon returning to the Horde, Kavgadyj forced the prince of Moscow to compile a number of false testimonies against Michael and he accused the prince of Tver in the concealment of tribute that Michael had to pay to Uzbek [17, p. 138; see also: 30, col. 381; 29, p. 209; 37, p. 162; 36, p. 99; 32, p. 182; 4, p. 50–51; 2, p. 470].

In turn, the Tverite chronicles call Uzbek the "lawless tsar" when describing the trial of Michael [34, col. 39; 33, col. 411]. Obviously, in this way the authors of the Tverites *svods* sought to emphasize the unfair nature of the trial in the Horde. However, we should note that the author of "Extensive edition" did not allow himself to use such a harsh epithet. The same expression is absent in the Moscow chronicles as well. In any case, in all editions of the Tale Uzbek entrusts the trial to the Tatar "princes" and has no direct influence on its course. The same Kavgadyj is the main culprit for rendering an unjust sentence, who simultaneously serves as a judge, prosecutor and false witness in the case [17, p. 141–142; 34, cols. 38–39; 33, col. 411; 30, cols. 383–384; 29, p. 210; 37, p. 163; 36, p. 99]. Curiously, the *Nikon svodchik* presents Uzbek as seeking a just sentence. In his interpretation, Uzbek

rejects Kavgayj's decision after the first judicial session and assigns a second one, since "the tsar's court should be righteous" [32, p. 183].

Description of the events in Uzbek's camp includes the details, which can be interesting to consider the functioning of the Golden Horde court or the route of the khan's horde's movement from the Don steppes to the foothills of the Northern Caucasus. But it was hardly the author's intention to acquaint the readers with the activities of the khan's camp. The author of the Tale was an eyewitness to the events, but he did not deign to attention the fact that during his movement to the south Uzbek was preparing to invade the territory of the neighboring Ilkhanate [46, p. 86–89; 3, p. 146–147; 52, p. 408].

A detailed description of the trial served the purpose to show that Michael was sentenced to death for crimes he did not commit. All editions of the Tale agree that charges of tribute's concealment had no reason. However, the *svodchiks'* opinions are divided with regard to Michael's charges of murdering Konchak – the khan's sister and the wife of Yuri Danilovich. The Tverite chronicles do not consider it appropriate to express their judgments in this regard, but the author of *Sofiyskaya First chronicle* rejects accusations of murder [30, col. 375. Cfr.: 34, col. 38; 33, col. 410]. Nevertheless, other Moscow chronicles clearly accuse Michael of poisoning Konchak. Probably, they are doing it to mitigate the guilt of the prince of Moscow, who took part in the trial and subsequent execution of Michael [25, p. 356; see also: 35, p. 88; 37, p. 161; 36, p. 98]. Only the author of the *Nikon chronicle* expresses some doubts about Michael's crime [32, p. 181].

Regardless of the degree of confidence in Michael's innocence of the authors of various editions of the Tale, all the versions, without an exception, point to the central merit of the Tverite prince, which became the main base for his future canonization. Michael Yaroslavovich faced with a difficult choice before his departure to the Horde: whether to admit the inevitable Tatar attack on his principality or to sacrifice his life for the salvation of his Orthodox subjects? The Tverite prince decided to sacrifice himself and further description of the Tatar unfair trial was to emphasize the degree of Michael's heroism. The author of the Tale collated Michael with the classic martyrs Boris and Gleb and he compared the Tverite prince's self-denial with firmness in the faith of the Chernigov prince Michael, who had been executed in the Golden Horde camp three-quarters of a century before these events [7, p. 99, 101–102; 4, p. 58, nota 111; 2, p. 469]. However, unlike his Chernigov namesake, Michael Yaroslavovich was not compelled to apostasy. Mention of Uzbek's conversion to Islam was to emphasize the unfair nature of subsequent trial of a single figure of Michael. However, the author of the Tale was not trying to look for obvious signs of those tragic consequences for the Orthodox population of the North-Eastern Rus', which could be associated with the change of religion of the new Golden Horde khan. Obviously, he would not failed to do so, if he would had grounds for this.

The Tver Uprising in 1327 or "Scholkanovschina"

Seven years after the execution of Michael of Tver, his son Dmitry was able to avenge his father by killing the Moscow prince Yuri Danilovich in the Horde. Apparently, Dmitry saw Yuri the main culprit in the death of his father. In turn, Uzbek

was forced to punish Dmitry Mikhailovich for arbitrariness, although khan postponed the sentencing for nearly a year: Dmitry Mikhailovich was executed in the Horde September 15, 1326. After the execution, Uzbek faced a difficult choice: whether to give yarlik for the Grand Principdom to the Moscow prince Ivan Kalita or to grant it to the house of Tver? In the end, khan decided to grant yarlik to Alexander Mikhailovich of Tver, brother of the executed Dmitry. Uzbek's decision showed that despite previous executions in the Horde, the Jochid khan continued to trust and give preference to the Tverite princes [7, p. 102; 4, p. 60; 56, p. 101]. Uzbek had to change his sympathy only after the tragic events that followed.

Alexander Mikhailovich probably returned from the Horde to Tver in the spring of 1327. After that, a large Tatar detachment headed by Cholkhan (Shevkan or Schelkan in Russian chronicles) arrived there. Apparently, Cholkhan was entrusted to collect an extraordinary tax from Tverite inhabitants in compensation for yarlik recently received in the Horde by the prince of Tver. Thus, Cholkhan performed a legitimate and ordinary order of the Golden Horde khan on Russian territories. However, while performing this order, the Tatar envoy allowed himself to resort to excessive and imprudent harassment of the local population, which caused the outbreak of spontaneous popular uprising on August 15, 1327. The Tverite prince was compelled to join the uprising, in which all the Tatars in Tver, including Cholkhan, were killed. Six months after that, a punitive Tatar expedition came to Rus', which consisted of five tumens and additional units of the Moscow prince Ivan Kalita. In the course of counter-insurgency operations the main towns of the Tver principality was looted. In turn, Alexander Mikhailovich fled to Pskov, and he was able to return to Tver only 10 years later, after having received Uzbek's consent on that [19, p. 98; 34, cols. 42–44; 33, cols. 415–416; 25, p. 358–359; 28, p. 260–261; 26, p. 16; 27, p. 90–91; 29, p. 217–218; 37, p. 168; 32, p. 194; 7, p. 102, 105–106; 4, p. 60–61; 67, p. 151–152; 56, p. 101, 120].

Such is the brief history of events led to a dramatic weakening of the Tver principality's influence in Rus'. What we are most interested in here, is the evolution of Russian chronicles' representation of Cholkhan's intentions and actions, which led to the only major Tatar campaign in the North-Eastern Rus' for the whole period of Uzbek's reign.

The older edition of *Novgorod First chronicle* – the closest Russian source to the events – does not provide any comment on the matter and is limited to mention that the Tverite prince killed many Tatars with the Bulgar merchants in Tver and other cities of the principality [19, p. 98]. Probably, also a primary Tverite report had an equally impartial nature, which undergone subsequently significant changes. In the earliest edition of *Rogozhsky chronicles* and *Tver collection* this report is complemented by a later author's reflections about how Devil inspired evil intentions towards Christians in the hearts of “godless” Tatars. In particular, Devil inspires the Tatars to kill Alexander Mikhailovich and all the other princes to “obtain power over them”. Here Cholkhan acts as the main initiator of diabolical plan and he obtains Uzbek's permission for its implementation. In turn, Alexander Mikhailovich tries in every way to avoid an open clash with the Tatars and the beginning of revolt is entirely attributed to the citizens of Tver [34, cols. 42–43; see also: 33, col. 415; 4, p. 60–61; 67, p. 151–152; 2, p. 476].

Obviously, the Tverite version of the report had an immediate impact on subsequent editions. However, these editions complemented the narrative with some

significant details based on a common and unpreserved protograph. New version appears in *Novgorod Fourth chronicle*, from where it enters the *Pskovite chronicles*. The same version is reproduced in a similar form in *Sofiyskaya First chronicle*, from where it is borrowed by the author of the *Moscow chronicle svod* of 1479 [7, p. 104; 4, p. 60–61; 56, p. 105–106].

New version of the report on the Tver uprising does not conceal its desire to justify Ivan Kalita's participation in both its suppression as well as the following unsuccessful attempt to arrest the Tverite prince in Pskov: in both cases, the prince of Moscow did not dare to disobey Uzbek's commands. The author of new version does not condemn the fact of uprising, but he attributes its beginning to the initiative of the Tverite prince. Before the beginning of uprising, Alexander Mikhailovich calls upon the Tverites to avenge the death of his father Michael and brother Dmitry. To justify thoughtless actions of Alexander, Cholkhan here is plotting much more serious crimes against Christians: the Tatar envoy intends to occupy the throne of Tver and impose his governors in all the towns of the principality. And, what is more important for the present topic, Cholkhan plans to forcibly convert all Christians to Islam [28, p. 260–261; see also: 26, p. 16; 27, p. 90–91; 29, p. 217–218; 37, p. 168; 4, p. 60–61; 56, p. 105–106]. For its part, *Nikon chronicle* does not complement the narrative with essential details, except for questionable indications that Cholkhan was a cousin of Uzbek. Probably, the author of *Nikon svod* sought to reinforce in such way the soundness of khan's anger, to which description he pays considerable attention [32, p. 194; see also: 7, p. 104].

Summing up this brief analysis of the evolution of the report on the Tver uprising, we should admit that its later editions contain a number of details, which, apparently, did not correspond to the historical reality. Probably, Uzbek commissioned Cholkhan to collect an extraordinary tax in the Tver principality. But the Golden Horde khan did hardly allow his envoy to create a separate Tatar appanage in Rus'. In any case, the Tatars headed by Fedorchuk did not try to do it later, when they suppressed the uprising, even though they had at their disposal sufficient military forces to do it.

In this context, a reference to attempts at forced conversion of the Orthodox population to Islam is interesting as the only indication of the consequences of the gradual Islamization of Tatar elite. However this mention, most likely, was an invention of the later editors of the report as well. Apparently, Russian *svodchiki* of the 15th century attributed to Cholkhan the desire to subjugate Russian towns to the power of Tatar governors under the influence of later events, in particular, of Edigu's invasion of Rus' in the early 15th century [2, p. 491]. Cholkhan was compared with Edigu – his coreligionist – and the presence of Muslim merchants in Tver during the uprising reinforced the conviction of the insidious (though fictional) intentions of Tatar envoy, including the forcible imposition of Islam.

On this we should conclude our consideration of the influence of Uzbek's religious sympathies on the North-Eastern Rus', since Russian medieval sources do not provide additional material for reflection on this subject. In conclusion, it will be appropriate to repeat that scarcity of material on the subject indirectly indicates that the change of religious affiliation of the supreme ruler of Rus' did not have a significant impact on the character of his reign.

REFERENCES

1. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh i vostochnoy Evrope [Reports of Hungarian Missionaries of the 13th–14th centuries about the Tatars and Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1940, no. 3, pp. 71–112. (In Russian)
2. Cherepnin L.V. *Obrazovanie russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh* [Formation of the Russian Centralized State in the 14th–15th centuries]. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1960. 899 p. (In Russian)
3. Cherkas B. *Zakhidni volodinnya Ulusu Dzhuchi: politichna istoriya, teritorial'no-administrativniy ustriy, ekonomika, mista. (XIII–XIV st.)* [Western Possessions of the Ulus of Jochi: Political History, Territorial-Administrative Structure, Economics, Towns (13th–14th centuries)]. Smoliy V.A. (ed.). Kyiv, Institut istorii Ukraïni, 2014. 387 p. (In Ukrainian)
4. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 213 p. (In Russian)
5. Grigor'ev V.V. *O dostovernosti yarlykov, dannykh khanami Zolotoy Ordy russkomu dukhovenstvu. Istoriko-filologicheskoe issledovanie* [On the Reliability of Yarliks Granted by the Golden Horde Khans to the Russian Clergy. Historical and Philological Research]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1842, 132 p. (In Russian)
6. Grigor'ev A.P. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam. Istochniko-vedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov* [Collection of Khans' Yarliks Granted to the Russian Metropolitans. A Source Study Analysis of the Golden Horde Documents]. St. Petersburg, Sankt-Peterburg State Universitet Publ., 2004. 276 p. (In Russian)
7. Halperin Ch. *Tatarskoe igo: obraz mongolov v srednevekovoy Rossii* [The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia]. Kopylova M.E. (tr.). Voronezh, Voronezh State Universitet Publ., 2012. 230 p. (In Russian)
8. Hautala R. Dva pis'ma frantsiskantsev iz Kryma 1323 goda: latinskiy tekst, russkiy perevod i kommentarii [Two Franciscan Letters from the Crimea (1323): Latin Text, Russian Translation, and Commentary]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 7, pp. 87–110. (In Russian)
9. Hautala R. Yarlyk Uzbeka frantsiskantsam Zolotoy Ordy 1314 goda: latinskiy tekst, russkiy perevod i kommentarii [Yarlik of Uzbek Khan Granted to the Franciscans of the Golden Horde in 1314: The Latin Text, Russian Translation, and Commentary]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 3, pp. 31–48. (In Russian)
10. Izmaylov I.L. Islam v Zolotoy Orde [Islam in the Golden Horde]. *Islam i musul'manskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'. Ocherki* [Islam and Muslim Culture in the Middle Volga Region: History and Present. Essays]. Kazan, Master Layn, 2002, pp. 38–61. (In Russian)
11. Izmaylov I.L. Islam i yazychestvo v Uluse Dzhuchi: problemy i diskussii [Islam and Paganism in the Ulus of Jochi: Problems and Discussion]. *Vostok – Zapad: Dialog kul'tur Evrazii. Problemy srednevekovoy istorii i arkheologii* [East–West: Dialogue of Cultures of Eurasia. Questions of Medieval History and Archaeology]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences 2004, no. 4, pp. 99–107. (In Russian)
12. Izmaylov I.L. Prinyatie islama v Uluse Dzhuchi: prichiny i etapy islamizatsii [The Adoption of Islam in the Ulus of Jochi: Causes and Stages of Islamization]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde. Sbornik statey* [Islam and the Power in the Golden Horde. Collected Papers]. Mirgaleev I.M., Sayfedinova E.G. (eds.). Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 98–117. (In Russian)
13. Izmaylov I.L., Usmanov M. Islam v Uluse Dzhuchi [Islam in the Ulus of Jochi]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Tom III: *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda)*. XIII – seredina XV v. [The History of the Tatars from the Earliest Times in Seven

Volumes. Vol. III: The Ulus of Jochi (The Golden Horde). 12th – middle of the 15th centuries]. Usmanov M., Khakimov R. (eds.). Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 599–617. (In Russian)

14. Islaev F.G. K voprosu ob islamizatsii Zolotoy Ordy [On the Islamization of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe nasledie. Vypusk 2: Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy», posvyashchennoy pamyati M.A.Usmanova. Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [Golden Horde Legacy. Iss. 2: Proceedings of the Second International Conference “The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde”, in memory of M.A. Usmanov. Kazan, 29th–30th March, 2011]. Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 129–134. (In Russian)

15. Kobishchanov Yu.M. Imperiya Dzhuchidov [The Empire of the Jochids]. *Ocherki istorii rasprostraneniya islamskoy tsivilizatsii. V dvukh tomakh. Vol. 2: Epokha velikikh musul'manskikh imperiy i Kairskogo Abbasidskogo Khalifata (seredina XIII – seredina XVI v.)* [Essays on the History of the Spread of Islamic Civilization. In Two Volumes. Vol. II: The Era of the Great Muslim Empires and the Abbasid Caliphate in Cairo (middle of the 13th – middle of the 16th centuries)]. Moscow, “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN), 2002, pp. 13–130. (In Russian)

16. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya* [The Man of Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2011. 544 p. (In Russian)

17. Kuchkin V.A. Prostrannaya redaktsiya Povesti o Mikhaile Tverskom [Extensive Edition of the Tale of Michael of Tver]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Moscow, Editorial USSR, 1999, no. 2, pp. 116–163. (In Russian)

18. Lapshina I. Voprosy votsareniya i smerti Uzbek-khana [Questions of Ascension to Power and Death of Uzbek Khan]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 6, pp. 112–120. (In Russian)

19. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Older and Younger Editions of the Novgorod First Chronicle]. Nasonov A.N. (ed.). Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 561 p. (In Russian)

20. *Pamyatniki russkogo prava. Vypusk 3: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv.* [Monuments of the Russian Law. Issue 3: Judicial Monuments from the Period of the Russian Centralized State's Establishment in the 14th–15th centuries]. Cherepnin V.L. (ed.). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1955. 527 p. (In Russian)

21. Pashuto V.T. *Obrazovanie litovskogo gosudarstva* [Formation of the Lithuanian State]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1959. 531 p. (In Russian)

22. Pochekaev R.Yu. Zolotoordynskie yarlyki russkoy tserkvi kak primer pravootnosheniy svetskoy i dukhovnoy vlasti na gosudarstvennom i nadgosudarstvennom urovne [The Golden Horde Yarliks to the Russian Church as an Example of the Legal Relations between Secular and Spiritual Power at the State and supra-State Levels]. *Politiko-pravovye osnovy sotsial'nogo partnerstva gosudarstva i traditsionnykh konfessiy. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 3 iyunya 2004 g.* [Political and Legal Basis for the Social Partnership between the State and Traditional Confessions. Proceedings of the research and practical conference. St. Petersburg, 3rd June, 2004]. St. Petersburg, 2005, pp. 88–92. (In Russian)

23. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [The Law of the Golden Horde]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 259 p. (In Russian)

24. Pochekaev R.Yu. Poddel'nye akty zolotoordynskikh praviteley i ikh real'nye prototipy [Counterfeit Acts of the Golden Horde Rulers and Their Real Prototypes]. *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury tatarskogo naroda. Materialy k uchebnym kursam. V*

chest' yubileya akademika AN RT M.A. Usmanova [Actual Problems of the History and Culture of the Tatar People. Materials for the training course. In honor of the anniversary of academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, M.A. Usmanov]. Kazan, Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Tatarstan, 2010, pp. 142–154. (In Russian)

25. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis'. Rekonstruktsiya teksta* [Trinity Chronicle. Reconstruction of the Text]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 512 p. (In Russian)

26. *Pskovskie letopisi*. Is. I [Pskov Chronicles. Iss. I]. Nasonov A.N. (ed.). Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 146 p. (In Russian)

27. *Pskovskie letopisi*. Is. II [Pskov Chronicles. Iss. II]. Nasonov A.N. (ed.). Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. 363 p. (In Russian)

28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom IV. Part 1: *Novgorodskaya Chetvertaya letopis'*. Is. 1 [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. IV. P. 1: Novgorod Fourth Chronicle. Iss. 1]. Petrograd, Tipografiya Ya. Bashamokv i Ko, 1915. 320 p. (In Russian)

29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom V: *Pskovskie i Sofiyskie letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. V: Pskov and Sofian Chronicles]. St. Petersburg, v Tipografii Eduarda Pratsa, 1851. 275 p. (In Russian)

30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom VI. Is. 1: *Sofiyskaya Pervaya letopis' starshego izvoda* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. VI. Iss. 1: Older Edition of Sofiyskaya First Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy literatury, 2000. 581 p. (In Russian)

31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom VII: *Letopis' po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. VII: Chronicle According to Resurrection Copy]. St. Petersburg, v Tipografii Eduarda Pratsa, 1856. 345 p. (In Russian)

32. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom X: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. X: Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. Saint Petersburg, v Tipografii ministerstva vnutrennikh del, 1885. 244 p. (In Russian)

33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom XV: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Tverskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XV: Chronicle Collection Called Tver Chronicle]. St. Petersburg, v Tipografii Leonida Demisa, 1863. 540 p. (In Russian)

34. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom XV. Is. 1: *Rogozhskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XV. Iss. 1: Rogozhsky Chronicler]. Petrograd, 1922. 216 p. (In Russian)

35. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom XVIII: *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XVIII: Simeonovskaya Chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1913. 316 p. (In Russian)

36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom XXIII: *Ermolinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXIII: Ermolinskaya Chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. 239 p. (In Russian)

37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Tom XXV: *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV: Moscow Chronicle Svod of the end of the 15th century]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 462 p. (In Russian)

38. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII – XV vv.* [The Mongol-Tatars in the Eyes of the Ancient Russian Scribes of the middle of the 13th – 15th centuries]. Moscow, Kvadruga Publ., 2009. 248 p. (In Russian)

39. Schamiloglu U. *Vysokaya islamskaya kultura Zolotoy Ordy* [The Islamic High Culture of the Golden Horde]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Tom III: *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [The History of the Tatars from the Earliest Times in Seven Volumes. Vol. III: The Ulus of Jochi (The Golden Horde). 12th –

middle of the 15th centuries]. Usmanov M., Khakimov R. (red.). Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 589–598. (In Russian)

40. Seleznev Yu.V. *Opisanie svoego (russkogo) i chuzhego (ordynskogo) prostranstva v "Zhitie Mikhaila Tverskogo"* [Description of Own (Russian) and Others' (Horde) Space in the "Life of Michael of Tver"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology]. Voronezh, Voronezh State Universitet Publ., 2007, no. 2, pp. 112–114. (In Russian)

41. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v sostave pravyashchey elity Dzhuchieva Ulusa v XIII–XV vekakh* [Russian Princes as a Part of the Ruling Elite of the Ulus of Jochi in the 13th–15th centuries]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 472 p. (in Russian)

42. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy Kollegii inostrannykh del. Chast' vtoraya, sluzhashchaya dopolnenie k pervoy* [Collection of State Charters and Treaties Preserved in the State Collegium of Foreign Affairs. Part Two Serving as Addition to the First One]. Moscow, v Tipografii Selivanovskogo, 1819. 610 p. (In Russian)

43. Sokolov P.P. *Podlozhnyy yarlyk khana Uzbeka mitropolitu Petru* [Forged Yarlik of Uzbek Khan Granted to Metropolitan Peter]. *Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Russian Historical Journal]. Petrograd, 1918, no. 5, pp. 70–85. (In Russian)

44. Sochnev Yu.V. *K otsenke dostovernosti svedeniy predisloviya k yarlyku khana Uzbeka o konfessional'noy politike ordynskikh vlastiteley* [Regarding the Evaluation of Reliability of the Information on the Golden Horde Rulers' Confessional Policy Containing in the Foreword to Uzbek Khan's Yarlik]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected Papers]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 6, p. 49–60. (In Russian)

45. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Tom 1: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 1: Excerpts from Arab Writings]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1884. 579 p. (In Russian)

46. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Tom 2: Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 2: Excerpts from Persian Writings]. Romaskevich A.A., Volin S.L. (eds.). Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 310 p. (In Russian)

47. Usmanov M.A. *Etapy islamizatsii Dzhuchieva ulusa i musul'manskoe dukhovenstvo v tatarskikh khanstvakh XIII–XVI vekov* [Stages of Islamization of the Ulus of Jochi and Muslim Clergy in the Tatar Khanates of the 13th–16th centuries]. *Dukhovenstvo i politicheskaya zhizn' na Blizhnem i Srednem Vostoke v period feodalizma* [Clergy and Political Life in the Near and Middle East in the Period of Feudalism]. Kim G.F., Girs G.F., Davidovich E.A. (eds.). Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 177–185. (In Russian)

48. Vasil'ev D.V. *Islam v Zolotoy Orde. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Islam in the Golden Horde. Historical and Archaeological Research]. Astrakhan, Izdatel'skiy dom "Astrakhanskiy Kreml'", 2007. 191 p. (In Russian)

49. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek: Mezhdou imperiei i islamom (strukturny povsednevnosti). Kniga-konspekt* [Uzbek Khan: Between Empire and Islam (daily life structures). Compendium Book]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 400 p. (In Russian)

50. Zilivinskaya E.D. *Kul'tovye postroyki vremeni Uzbeka v Zolotoy Orde* [Religious Buildings in the Golden Horde of the Time of Uzbek Khan]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected Papers]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 6, pp. 82–97. (In Russian)

51. Bihl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1924, no. 17, pp. 55–71. (In Latin)
52. Boyle J.A. The Dynastic and Political History of the Il-Khāns. *The Cambridge History of Iran*. Vol. 5: *The Saljuq and Mongol Periods*. Idem (ed.). Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1968, pp. 303–421.
53. Ciociltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Willcocks S. (tr.). Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2012. 321 p.
54. DeWeese D.A. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.
55. DeWeese D.A. Islamization in the Mongol Empire. *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age*. Di Cosmo N., Allen F.J., Golden P.B. (eds.). Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2009, pp. 120–134.
56. Fennell J.L.I. *The Emergence of Moscow: 1304–1359*. London, Secker & Warburg, 1968. 352 p.
57. Fennell J.L.I. The Ideological Role of the Russian Church in the first half of the fourteenth century. *Publications of the Modern Humanities Research Association, 2: A Garland of Essays Offered to Professor Elizabeth Mary Hill*. Hill E.M., Auty R., Lewitter L.R., Vlasto A.P. (eds.). Cambridge, Modern Humanities Research Association, 1970, pp. 105–111.
58. Fennell J.L.I. V.A. Kučkin: Povesti o Michaile Tverskom. Istoriko-tekstologičeskoe issledovanie. *Russia Mediaevalis*. Muenchen, Wilhelm Fink Verlag, 1977, III, pp. 93–98.
59. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. I: *Il secolo decimoterzo (1215–1300)*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1906. 479 p. (In Italian, Latin)
60. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. II: *Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1913. 641 p. (In Italian, Latin)
61. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. III: *Dal 1300 al 1322*. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1919. 496 p. (In Italian, Latin)
62. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. IV: *Dal 1333 al 1345*. Quaracchi, Firenze. Collegio di S. Bonaventura, 1923. 503 p. (In Italian, Latin)
63. Loenertz R.J. Les Missions dominicaines en Orient au quatorzième siècle et la Société des frères pèlerins. *Archivum fratrum praedicatorum*. Romae, Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1932, no. 2, pp. 1–83. (In French)
64. Loenertz R.J. *La Société des Frères Pèlerins*. Vol. I: *Étude sur l'Orient dominicain*. Roma, Istituto Storico Domenicano, 1937. 209 p. (In French)
65. Moule A.C. Fourteenth Century Missionary Letters. *The East & the West: A Quarterly Review for the Study of Missionary Problems*. Westminster, Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts, 1921, no. 19, pp. 357–366.
66. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze, Collegio S. Bonaventura, 1923, no. 16/1–2, pp. 104–112. (In Latin)
67. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 329 p.
68. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1998. 331 p. (In French)

69. Sinor D. Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek. *Essays on Uzbek History, Culture, and Language*. Nazarov B., Sinor D., DeWeese D.A. (eds.). Bloomington, Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1993, pp. 110–119.

70. Soranzo G. *Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari*. Milano, "Vita e pensiero", Pubblicazioni dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. 624 p. (In Italian)

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearcherID:** H-9114-2016 (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland). E-mail: romanhautala@gmail.com

*Received September 14, 2017 Accepted for publication November 28, 2017
Published December 29, 2017*

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ О РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ ХАНА УЗБЕКА (1313–1341) И ЕГО ОТНОШЕНИЯХ С КНЯЖЕСТВАМИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Роман Хаутала^{1,2}

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

² *Университет Оулу
Оулу, Финляндия
romanhautala@gmail.com*

Цель исследования: автор настоящей статьи рассматривает общую реакцию русских средневековых авторов на приход к власти хана Узбека – золотоордынского правителя, который был мусульманином и предпринял значительные усилия для распространения ислама в Золотой Орде. При анализе русских источников автор стремится ответить на вопрос, в какой степени мы можем довериться достоверности их сведений о влиянии конфессиональной принадлежности Узбека на предполагаемое изменение в его отношениях с русскими княжествами?

Материалы исследования: русские источники имеют первостепенное значение для изучения истории Золотой Орды. В особенности русские летописи содержат богатый фактологический материал. Изобилие этого материала объясняется тем фактом, что средневековая Русь была подчинена Золотой Орде, хотя ее многочисленные и разрозненные князья пользовались значительной автономией внутри джучидской империи.

С другой стороны, достоверность информации русских летописей не следует переоценивать по нескольким причинам. Сохранившиеся летописные своды были нередко составлены через несколько столетий после описываемых событий. Поэтому их информация подверглась значительным идеологическим изменениям. Кроме того,

авторы русских летописей фокусировались на описании только тех явлений, которые были непосредственно связаны с русскими княжествами или их правителями.

Новизна данного исследования заключается в сравнении сведений русских летописей с информацией малоизученных письменных источников. В частности, латинские источники, составленные внутри улуса Джучи в относительно большом количестве именно в период времени, который рассматривается в данной статье, в некоторой степени возмещают полное отсутствие собственно джучидских письменных источников. Содержание латинских источников в данном случае позволяет пересмотреть устоявшееся мнение о тотальной исламизации улуса Джучи в правление Узбека.

Результаты исследования: значимость настоящей статьи заключается в использовании разнородных письменных источников. Сравнение содержания русских летописей с информацией католических миссионеров, проповедовавших Евангелие внутри Золотой Орды, позволяет продемонстрировать, что мусульманский хан Узбек продолжал придерживаться принципов традиционной религиозной толерантности Чингизидов в течение всего своего правления.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северо-Восточная Русь, правление хана Узбека, исламизация татар, русские летописи, латинские источники

Для цитирования: Hautala R. Russian Chronicles on the Religious Policy of Uzbek Khan (1313–1341) and His Relations with the Principalities of the North-Eastern Rus' // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 736–755. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.736-755

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearchID: H-9114-2016** (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

*Поступила 14.09.2017 Принята к публикации 28.11.2017
Опубликована 29.12.2017*

**«ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ ОТ КРУЧИНЫ БОЛЕЗНЕЙ»:
ИЗ ПРАКТИКИ ВОДОЛЕЧЕНИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ**

Л.Ф. Абзалов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
len_afzal@mail.ru*

Цели: в данной статье автор, опираясь на достижения гидротерапии и бальнеологии, предпринимает попытку анализа практики водолечения в Золотой Орде.

Материалы и результаты исследования: Представленные ниже материалы способны в значительной мере дополнить наши представления о жизни золотоордынского общества, раскрывая такой малоизученный аспект ее истории, как история медицины, что и определяет *научную новизну исследования*. Анализ кратких сообщений арабских авторов ал-'Умари и Ибн Баттуты позволяет сделать вывод о том, что в Золотой Орде практиковалось водолечение, активно использовались целебные свойства минеральных вод. Водолечебные процедуры осуществлялись в соответствии с определенными нормами, которые могли быть выработаны как эмпирически, так и теоретически на основе трудов знаменитых врачей. Бани, большое распространение которых подтверждено данными археологии, могли использоваться и для лечения болезней. Таким образом, в Золотой Орде были не только известны, но и активно практикуемы водные процедуры для лечения различных заболеваний, и, вполне возможно, что они были более распространены, чем это было принято считать. При этом следует указать и на то, что практически в каждом регионе Золотой Орды могли быть свои целебные и минеральные водные источники, и у каждого народа были свои представления о водной стихии, здоровье и здоровом образе жизни, что и определяло особые приемы водолечения, в основе которых лежали особенности мировоззрения той или иной этнокультурной общности.

Ключевые слова: Золотая Орда, водолечение, гидротерапия, бальнеология, минеральные воды, горячие источники

Для цитирования: Абзалов Л.Ф. «Горячий ключ от кручины болезней»: из практики водолечения в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 756–769. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.756-769

**“HOT SPRING FOR CURE OF DISEASES”:
ON THE PRACTICE OF HYDROPATHY IN THE GOLDEN HORDE**

L.F. Abzalov

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
len_afzal@mail.ru*

Objective: Based on the achievements of hydrotherapy and balneology, the author of this article examines the practice of hydrotherapy in the Golden Horde.

Research materials and results: The materials presented below largely complement our understanding of the Golden Horde's society and shed light on such a poorly studied historical aspect of it as the history of medicine – this determines the novelty of the study. An analysis of the brief reports of the Arab authors al-'Umari and Ibn Battuta allows us to conclude that hydrotherapy was practiced in the Golden Horde along with the active use of mineral waters for their curative properties. Hydrotherapeutic procedures were carried out in accordance with certain norms, which could be empirical or theoretical – that is, based on the works of famous doctors. Archaeological research points to the widespread use of baths that could be used for the treatment of diseases. Thus, water procedures for the treatment of various diseases were not only known in the Golden Horde, but also actively practiced there. It is possible that they were more common than was earlier considered to be the case. At the same time, it should be pointed out that healing and mineral water springs could be found in virtually every region of the Golden Horde, and each constituent people had their own concepts regarding the “element” of water, health, and what constituted a healthy lifestyle. This determined the specific methods of hydrotherapy, based on the features of a particular ethno-cultural community's worldview.

Keywords: Golden Horde, hydropathy, hydrotherapy, balneology, medicinal waters, hot springs

For citation: Abzalov L.F. “Hot Spring for Cure of Diseases”: On the Practice of Hydropathy in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 756–769. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.756-769

Краткие упоминания арабских авторов об использовании воды как особом средстве лечения в Золотой Орде, подтолкнули нас к более детальному рассмотрению этих сведений как на основе исторических источников, так и современных знаний по гидро- и бальнеотерапии¹. Изучение процедуры водолечения может способствовать раскрытию ряда аспектов жизни золотоордынского общества, не нашедших отражения в историографии, поэтому представленный в данной статье материал имеет свою научную новизну.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению темы, при этом не претендуя на полное и исчерпывающее ее раскрытие, следует очертить круг вопросов, требующих своего решения. Основной проблемой является определение уровня развития медицинской практики в Золотой Орде. Но учитывая тематическую ограниченность нашей статьи, мы будем нацелены на выявление приемов водолечения, прежде всего в историко-географических рамках Золотой Орды. В то же время мы предпримем попытку локализации основных регионов водолечения в Золотой Орде. Несомненно также связь представленной темы с гигиеной, но в рамках этой статьи мы затронем лишь некоторые ее аспекты, непосредственно связанные с водолечением.

Как видно из выделенных вопросов, дать ответы на них, в связи с ограниченным характером источниковой базы, чрезвычайно трудно, но все же можно сделать некоторые выводы, большей частью гипотетического характера. Изучение вопроса осложняется практически полным отсутствием собственно золотоордынских письменных источников, характеризующих медицинскую проблематику, необходимых для историко-антропологического анализа.

¹ Гидротерапия – применение в лечебных, реабилитационных и профилактических целях пресной воды; бальнеотерапия (лат. balneum ванна, купание и греч. therapeia лечение) – использование в тех же целях минеральной воды или лечебной грязи.

Методология исследования опирается на историко-сравнительный метод, метод ретроспективного анализа, применяемого на основе междисциплинарного подхода, исходя из достижений современных научных знаний по физиотерапии, бальнеологии, санаторно-курортного лечения.

Люди издревле знали не только о вкусовых, но и о целебных свойствах воды². Особенно широко воду в гигиенических и лечебных целях использовали римляне³.

Номады также активно использовали воду как средство лечения всевозможных болезней. Зачастую именно животные кочевников позволяли раскрыть благотворное влияние минеральных источников и лечебных грязей на здоровье человека. Известно, например, что лошади весьма привередливы в том, что касается воды, и лучше будут страдать от жажды, чем пить грязную или застоявшуюся воду, а больные животные часто валялись и зарывались в грязь, действительно имевшие целебные свойства. Это подмечалось их владельцами, которые со временем стали осознавать их целебную силу.

Помимо скудных данных письменных материалов, об использовании минеральных источников свидетельствуют материалы этнографического характера. Если обратиться к данным по минеральным источникам Казахстана, можно говорить о том, что местное кочевое население использовало водные ресурсы как бальнеологическое средство лечения. Копальский уездный врач А. Прижигодский пишет: «До водворения русских за Аягасом (1846) Арасанские [серные] ключи представляли простые ямы, обложенные камнем; кочевники купались в них, раздеваясь, под открытым небом, или же ставили над ключом юрту, а иные устраивали балаганы» [20, с. 29; см. также: 2, с. 50]. С.И. Замятин, характеризуя грязевой курорт Мойылды, расположенный в 17 км от Павлодара, пишет: «Население казахских аулов, окружающих озеро Муялды, издавна знало о целебных свойствах его воды и грязи. Оно использовало грязь самым примитивным способом: на берегу выкапывались ямы и заполнялись грязью, куда после солнечного нагрева погружались больные, оставляя снаружи одну голову» [12, с. 46].

На территории, некогда входившей в состав владений Джучидов, находились всевозможные водные источники, обладавшие лечебным воздействием на человека (например, это регион Кавказских минеральных вод, Крым, Приазовье, Ундоровские минеральные воды в Ульяновской области и многие др.), большинство из которых используется и на современном этапе [18, с. 230–237].

Как было указано, сведения исторических источников крайне скудны, но даже они позволяют сделать некоторые выводы относительно использования водных процедур для лечения больных в Золотой Орде. Ибн Фадлаллах ал-‘Умари (1301–1349) в своей энциклопедии «Пути взоров по государствам с крупными городами» («Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар») пишет:

² Пифагор (607–582 гг. до н.э.), хорошо знавший технику водолечения Египта, перенес ее в Грецию, где «отец медицины» Гиппократ (ок. 460–370) не только освоил, но и развил дальше учение Пифагора и изложил его в трактате «О воздухах, водах и местностях» [30, с. 3].

³ Страбон (64–24 гг. до н.э.) в своей «Географии» пишет о том, что Италия богата источниками горячих и холодных вод, самой природой созданных для здоровья [9, с. 263].

«Есть там гора, называемая «Горою добра из Хорезма»; на ней ключ, известный тем, что к нему приезжают люди, одержимые хроническими болезнями. Они остаются у него семь дней и каждый день купаются в воде его, утром и вечером, и после каждого купанья пьют ее до тех пор, пока напьются вдоволь и таким образом получается исцеление» [16, с. 242]. Позднее эти же сведения с соответствующей ссылкой на сочинение ал-‘Умари приводит ал-Калкашанди (1355–1418) [10, с. 282].

К сожалению, другие авторы, писавшие о Хорезме не сообщают о подобном целебном источнике в самом городе или его окрестностях [28]. Отсутствие каких-либо сведений о поклонении мусульманским святым у «горы Добра» может натолкнуть нас на мысль о том, что в данном случае речь идет именно о минеральном источнике. Хотя, впрочем, целебные свойства воды могли быть связываемы с местом почитания тех или иных мусульманских святых, которых в Хорезме было немало. Следует отметить, что одной из важных целей паломничества в бытовом исламе является посещение святынь с лечебными целями. Также не следует забывать, что в рассматриваемую эпоху лечение тела было неразрывно связано с лечением души. Паломник, помимо положенных обрядовых действий, совершает на святом месте простые физиотерапевтические процедуры (питье минеральной воды, купание, лежание в горячем песке и др.) или осуществляет контактное взаимодействие (прижимается к деревьям, скатывается по гладким участкам скал и пр.), занимаясь, тем самым, контагиозной магией [24; 27, с. 268].

На данный момент очень сложно говорить о локализации этого минерального источника. Территория, охватываемая золотоордынским Хорезмом, входит в так называемую Скифско-Туранскую провинцию минеральных вод и характеризуется распространением сероводородных, йодобромных, борных, хлоридных, натриевых термальных вод и рассолов [18, с. 237]. Например, на восточном берегу Сарыкамышского озера находится источник минеральных термальных вод, а у священных гор Султан-Увайс в Каракалпакстане, где в соответствии с легендами располагалось святилище богини воды и плодородия Ардвисуры Анахиты [3, с. 100], а в мусульманский период возник мазар Султан Баба, связанный с именем мусульманского святого, покровительствующего дождю и подземным источникам [27, с. 293], также практиковалось водолечение.

В представленном фрагменте сочинения ал-‘Умари обращают на себя внимание лечебные процедуры. Как видно из источника, в течение семи дней делятся бальнеологические процедуры и питьевое лечение. Такой семидневный срок мог определяться как стихийно эмпирически, так рекомендациями местных врачей. Как известно, Ургенч издавна славился своей медициной⁴, а в рассматриваемый период в городе функционировала большая больница [14, с. 122; 15, с. 173]. На такой вывод нас наталкивает профессиональный характер предписаний, где в течение определенного срока сочетается использование минеральных вод для наружного и внутреннего применения. Если обратиться к данным современной медицины, время лечения бальнеологическими процедурами определяется конкретным диагнозом отдельно взятого пациента

⁴ Например, достаточно вспомнить «князя врачей» Ибн Сину, практиковавшего в Хорезме.

[22, с. 129]. Бальнео- и гидротерапия предполагает курсовое лечение. И.П. Мугдусиев пишет: «в основе же оно [водолечение] является патогенетической терапией, влияющей на функциональное состояние организма и прежде всего нервной системы и вызывающей благоприятные перестройки. Такая задача не может быть разрешена однократной процедурой, а требует ряда повторных процедур. Курс продолжается от одного до двух месяцев и состоит из 20–40 процедур» [22, с. 128]. Следует обратить внимание на результаты исследований Степуна, которые показали, что у ряда больных после 10–12 ванн «полипептидная» реакция переставала наблюдаться [22, с. 129]. В целом продолжительность приема бальнеологических процедур варьируется от 10 до 20, чаще всего от 10 до 15 ванн [30, с. 53–68]. Поэтому можно сравнить эти рекомендации с данными ал-‘Умари, который пишет, что больные за весь период лечения принимали около 14 бальнеологических процедур. Очевидно, такое количество ванн определялось на основе эмпирических наблюдений. Следует заметить, что, если количество процедур увеличивается чрезмерно, это приводит к т.н. бальнеологической реакции. М.Н. Сыроечковская пишет: «если же сумма раздражений превышает адаптационные возможности больного, может наступить явление перераздражения и физиологическая реакция переходит в патологическую, реакцию обострения» [30, с. 19]. Указанное у ал-‘Умари количество ванн удивительным образом приближалась к современным показателям, и, надо полагать, не вызывало бальнеологической реакции.

Как было уже указано, ванны процедуры сочетались с питьевым лечением. Современная медицина практикует трехразовый прием минеральной воды в день [21, с. 446]. Ал-‘Умари пишет: «и после каждого купанья пьют ее до тех пор, пока напьются вдоволь». В целом обильное питье минеральных вод практикуется и на современном этапе, в то время как в недавнем прошлом считалось полезным обильное и чрезмерное по современным меркам потребление минеральной воды. Длительное бесконтрольное применение минеральных вод может вызвать нарушения водно-солевого обмена и кислотно-щелочного равновесия в организме [21, с. 446]. Все же арабский автор не пишет о чрезмерном потреблении воды. Больные, лечившиеся у «горы Добра», должны были соблюдать определенные правила приема целебной воды, после утренних и вечерних купаний.

Арабский автор не пишет о том, какие именно болезни лечили у «горы Добра», ограничиваясь лишь сообщением о хронических заболеваниях. В нашем случае сказать что-либо определенно невозможно. Если исходить из названия источника «гора Добра» и, очевидно, большой ее популярности, минеральные воды этого источника имели значительный лечебный эффект. Современная медицина дает как рекомендации, так и противопоказания при лечении бальнеологическими процедурами [см. об общих противопоказаниях к водолечению: 30, с. 159]. Например, на современном этапе общими показаниями к наружному применению минеральных вод являются заболевания сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, центральной и периферической нервной системы, опорно-двигательного аппарата, женских половых органов, урологические и эндокринные заболевания, болезни обмена веществ. Противопоказаниями для наружного применения минеральных

вод служат все заболевания в острой стадии или в период обострения хронического процесса: такие инфекционные болезни, как туберкулез, сифилис и др., беременность, кровотечения и предрасположенность к ним, злокачественные новообразования, прогрессирующая стенокардия и др. [4, с. 204].

Учитывая продолжительность курса лечения, длившегося в течение семи дней, у этого ключа должны были быть временные жилища, речь может идти о юртах или других временных сооружениях. Эта практика была весьма распространенной. Например, с открытием целебных свойств пятигорских источников, здесь стали появляться временные жилища для пациентов, принимавших водные процедуры, каковыми чаще всего были юрты или деревянные бараки, а пациенты Муялдыйских лечебных грязей жили в юртах [12, с. 46; 20, с. 29].

Известный арабский путешественник Ибн Баттута (1304–1377) пишет о минеральных водах другого региона Золотой Орды: «Из города Маджара мы собрались ехать в ставку султана, [находившуюся] в четырех днях [пути] от Маджара, в местности, называемой Бишдаг. Биш – [пишется] через би и ш – значит у них «пять», а даг значит «гора» – пишется через да и г. На этом Пятигорье [находится] ключ горячей воды, в котором Тюрки купаются. Они полагают, что того, кто выкупается в нем, не постигнет кручина болезни» [15, с. 438]. Как видно из сообщения Ибн-Баттуты, ханская ставка находилась в районе горы Биштау, который имел весьма благоприятные природно-климатические условия для ее расположения. Очевидно, этот район являлся традиционным местом расположения орды хана во время его перекочевок, свидетельством чему служат обнаруженные в окрестностях Пятигорска и Эссентуков остатки мавзолеев золотоордынского времени [25]. По мнению археологов Т.Б. Палимпсестовой и А.П. Рунича, на месте Эссентуков находился золотоордынский населенный пункт, который, по их предположению, мог быть назван именем одного из представителей аристократии Эссен-Туги [25, с. 238]⁵.

К числу благоприятных природно-климатических факторов можно отнести и гидроминеральные ресурсы, которыми так богат этот район, ныне именуемый Кавказскими Минеральными Водами⁶. Целебные свойства этих вод были известны в Золотой Орде. Возможно, это обстоятельство играло не последнюю роль в выборе пункта расположения орды, являвшейся местом концентрации золотоордынской знати, использовавшей лечебные свойства минеральных вод.

На современном этапе по своему химическому и газовому составу лечебные источники Пятигорска делятся на различные группы [5, с. 24–25]. Среди них к числу горячих⁷ (температура которых колеблется от 46 до 60 градусов С) относятся углекисло-сероводородные, используемые для наружного применения. Для бальнеотерапии используются сероводородные воды концентрации H₂S от 10 до 250 мг/л.

⁵ Общепринятой версии происхождения названия города не существует. Другие версии этимологии Эссентуков связаны: с его происхождением из карачаевского языка, в переводе означающего «живой волос», из калмыцкого – «девять знамен», с адыгейского языка – «привычный угол», «обжитое место» и др.

⁶ Группа курортов федерального значения и особо охраняемый эколого-курортный регион, располагающийся в трех субъектах Российской Федерации: Ставропольском крае, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии.

⁷ Воду считают горячей при температуре 40 градусов С и выше [30, с. 9].

Очевидно, для купания в горячих или же теплых минеральных водах использовались специальные ванны, выдолбленные из доломита или известкового туфа, на подобие тех, о которых писали российские исследователи XIX в. Этими бассейнами в конце XVIII в. пользовались солдаты Константиногорской крепости (основана в 1780 г.). Ф.Й. Гааз (1780–1853), изучавший минеральные воды Пятигорья, в частности источник на г. Железной, видел небольшой бассейн для приема ванн: «грубо сложенный теми же самыми абазинами бассейн для купания, который, быть может, имеет около 3 аршин длины, 4 ширины и около 1 аршина глубины»⁸. В 1823 г. А.П. Нелюбин (1785–1858) на горе Горячей (Машук) обнаружил остатки высеченных в травертине⁹ ванн, и высказал предположение, что они использовались за двести лет до этого [23, с. 4]. В силу того, что эти ванны не сохранились, трудно делать какие-либо строгие выводы относительно времени их создания, но все же можно предполагать, что и в золотоордынскую эпоху были применяемы такого рода ванны.

Как видно из слов Ибн Баттуты, принятие минеральных ванн¹⁰ являлось основным методом бальнеологического лечения на Бишдаге. Относительно бальнеологических процедур, равно как и о болезнях, которые лечили на горячем источнике, сказать что-либо определенно невозможно. Сегодня бальнеологические процедуры рекомендуют для лечения самых различных заболеваний. Сероводородные ванны способствуют резкому расширению кожных сосудов (реакция покраснения), что значительно облегчает работу сердца. Действие сероводорода резко улучшает функции кожи и течение регенеративных процессов в ней, питает ее. Эти ванны благоприятно влияют на процессы обмена веществ, усиливают выведение из организма продуктов распада белков и нормализуют жировой обмен, а также усиливают процессы иммуногенеза. В результате усиления обмена веществ усиливается выведение из организма различных токсических продуктов, как образующихся в организме, так и поступающих извне. Высокая активность сероводородных ванн делает их весьма ценными при лечении ряда заболеваний, особенно связанных с нарушениями обмена веществ (подагра, ожирение, рахит), при хронических воспалительных и обменных заболеваниях костей, суставов мышц (полиартриты и артриты, травматические поражения мышц, связок и сухожилий), заболеваниях сердечно-сосудистой системы (гипертоническая болезнь I и II стадии, пороки сердца компенсированные, остаточные явления флебитов и

⁸ Аршин – 71,12 см, т.е. около 2 м шириной, 3 м длиной и примерно 70 см глубиной.

⁹ Т.е. известковый туф, или известковые отложения углекислых источников.

¹⁰ Минеральные ванны – лечебное воздействие на больного, погруженного в минеральную воду. В основе действия ванн лежит влияние воды разной температуры на многочисленные нервные окончания (рецепторы) в коже. В результате раздражения кожных терморепродукторов происходят рефлекторные изменения системы кровообращения, интенсивности процессов обмена веществ в организме. При приеме горячих ванн усиливается кровоснабжение кожи и хронических воспалительных очагов. В результате усиления кровообращения в коже в организм поступают из ванны значительные количества тепла, что ведет к повышению интенсивности окислительных процессов, в частности, к окислению патологических продуктов, образующихся в воспалительных очагах, и их выведению из организма, а также к ускорению восстановительных процессов в патологических очагах. Улучшение кровоснабжения кожи способствует и улучшению ее физиологических функций, в частности, функции иммуногенеза [7, с. 203].

тромбофлебитов, атеросклероз сосудов ног при наличии не резко выраженных трофических нарушений), заболеваниях и поражениях нервной системы (радикулиты, плекситы¹¹, невриты, полиневриты, неврозы), при кожных (чешуйчатый лишай, хроническая экзема), гинекологических (аднекситы пери- и параметриты, кольпиты), при болезнях сердечнососудистой системы и других заболеваниях [7, с. 206; 30, с. 67]. Противопоказаниями к бальнеотерапии являются нарушения кровообращения выше I и II степеней, инфекционные заболевания в острой стадии, злокачественные опухоли, туберкулез в активной фазе, циррозы печени, хронические заболевания почек, болезни крови в острой стадии, резкое общее истощение [7, с. 189].

Возможно, что местные минеральные воды использовались не только для наружного применения, но и для питьевого лечения. Из-за отсутствия источников сказать что-либо более конкретно невозможно. Очевидно, полезные свойства воды были известны местному населению, а такого рода информация очень быстро распространяется. В целом, широко распространенным является почитание той воды, которая пробивается прямо из глубин земли, особенно если она горячая (термальная) или оказывает благотворное воздействие благодаря содержанию минералов. Если даже учесть по объективным причинам молочные и кисло-молочные предпочтения татар, можно без особых сомнений говорить об использовании минеральных вод для питья, периодическое применение которого в течение недолгого пребывания орды положительно отражалось на здоровье людей. А если исходить из того, что в рассматриваемом районе располагалось золотоордынское поселение, то можно предположить, что татары использовали минеральные ресурсы для лечения всевозможных недугов. Поэтому эти источники в определенных кругах становятся весьма популярными, не только в связи с их вкусовыми качествами (при этом, естественно, речь не идет о серо-водородных водах, как известно, имеющих специфический запах), но и целебными свойствами, что и было подмечено Ибн Баттутой.

Вода и в народной медицине издревле обладала целительными свойствами [см., например, 31, с. 125, 128]. Особую силу имела наговорная вода. В связи с этим нельзя не вспомнить сведения, приводимые Рашид ад-Дином в «Сборнике летописей»: «Внезапно у каана [Угэдэя] появилась какая-то болезнь. По их обычаю собрались шаманы и камлали, они заговаривали его болезнь и смывали ее [наговорной] водой. В это время вошел Тулуй-хан; со всей искренностью он обратился к нему и сказал: «Боже вечный! Если ты гневаешься за грехи, то у меня больше грехов, чем у него: и людей я больше убил в войнах, и жен и детей их увел в полон, и заставил отцов и матерей их проливать слезы, а если ты хочешь унести своего раба к своему пребыванию за красоту лица, изящество стана и за опытность и искусство, то я достойнее и более [этому] соответствую: вместо Угедей-каана, возьми меня, ему дай исцеление от этого недуга, а его недуг вложи в меня». Он высказал эти слова, с покорнейшей мольбой взял ту чашу с водой, в которой шаманы смывали заговорами болезнь каана, и выпил. По всемогуществу господнему каан поправился, Тулуй-хан, испросив заблаговременно разрешение, отправился к своим обозам» [26, с. 110].

¹¹ Плексит – воспаление нервного сплетения.

Трудно сказать, были ли в ставке хана врачи, практиковавшие бальнеологическое лечение на горячих источниках, или же оно носило стихийно-эмпирический характер. Как известно, профессиональная медицина – в данном случае речь может идти об ордынских врачах – активно и успешно использовала достижения народной медицины. По крайней мере, прославленный Авиценна уделил немало внимания целебным свойствам воды [1, с. 187–193].

Учитывая очевидность присутствия профессиональных целителей в орде, а также т.н. народную целительскую практику, можно признать существование как особых медицинских показаний, так и стихийного их использования. Здесь следует отметить, что уровень медицинского обслуживания в ставках монгольских правителей был достаточно высок для своего времени, так как известно, что монгольская правящая династия придавала особое значение лечению недугов (что, впрочем, вполне естественно). Но при этом нужно делать весьма осторожные выводы, рассматривая отдельные этапы развития Золотой Орды. Медицинская практика эпохи расцвета, упадка и последующего распада, очевидно, имела значительную разницу и двигалась лишь в направлении деградации с началом острого социально-политического кризиса в государстве, начавшегося в 60-х гг. XIV в.

Для сравнения нельзя не упомянуть практику водолечения в средневековой западной медицине. Несмотря на полный упадок водолечения в эпоху Средневековья, по сравнению с предшествующим периодом все же эта практика не исчезает полностью. Ж. Ле Гофф отмечает, что «нам хорошо известно о развитии практики водолечения, прежде всего в Италии [...] особенно в Тоскане, а также и в христианской части Испании, в Англии и Германии рядом с водоемами появлялись водолечебные заведения. Самым знаменитым стало заведение в Пuteолах на севере Неаполитанского королевства» [19, с. 141–142].

Говоря о водолечении нельзя не отметить факта широкого распространения общественных и частных бань в золотоордынских городах [13, с. 174–226]. На Востоке в этот период бани были не только местом очищения жителей, но и представляли собой своего рода водолечебницы. Знаменитый Авиценна в своем «Каноне» подробно пишет о показаниях к лечению, о температуре воды и влажности воздуха в бане, о продолжительности пребывания в ней [1, с. 196, 258, 320, 333]. Несомненно, что в городских центрах Золотой Орды были просвещенные люди, практиковавшие эти предписания великого врача. Например, золотоордынский ученый Шараф ал-Кырыми пользовался творческим наследием последователей Абу Али ибн Сины [32, с. 145]. Косвенным свидетельством этому также могут служить данные по истории постордынских государств [11, с. 70–71] и археографические материалы [9, с. 15, 17, 81]. В отдельных регионах золотоордынского государства нашли свое распространение парные бани, благотворную силу которых хорошо понимали и народные врачеватели, и с их помощью лечили такие болезни, как ревматизм, боли в животе, ущемленную грыжу, простуду, «жоросту» и др. [17, с. 74–75].

В городах Западной Европы также существовали общественные бани, или купальни, хотя они и не имели такого распространения и значения, как в Римской империи или мусульманском мире [19, с. 142]. Отношение церкви к такого рода заведениям было настороженным, прежде всего в связи с тем, что они стали пристанищем проституции. С наступлением пандемии чумы функциони-

рование общественных бань начинают ограничивать. Как пишет Жорж Вигарелло: «временное закрытие бань и парилен, всегда имевшее место во время чумы, отвечало логике изоляции [...] за страхом перед соприкосновением скрываются многие другие, в частности страх перед ненадежностью телесной оболочки. Виновата в том пористость кожи [...] За отказом от контактов стоит весьма специфическое представление о теле: жар и вода способствуют образованию трещин, в которые легко проскользнуть чуме [...] Бани и парильни опасны, поскольку открывают воздуху доступ к телу. Они оказывают почти механическое воздействие на поры, на некоторое время открывая органы любым внешним влиянием. [...] Вымытый организм хуже сопротивляется яду, ибо распахнут ему навстречу и словно бы пронизаем» [8, с. 527–528].

По представлениям европейцев той эпохи, вода, проникающая через кожу, приводит не только к повреждениям. С другой стороны инфильтрация воды через кожу может оказывать и благотворное воздействие на человека: «в некоторых случаях (по крайней мере если речь идет о гидротерапии) ее воздействие может быть целебным. Погружаясь в воды источников в Спа, Пуге или Форже, купальщики надеялись облегчить свои страдания. Горячие минеральные ванны, равно как и ванны «обычные», помогали, например, выводить камни [...] Но чаще всего купание грозит нарушить внутренний баланс. Оно ослабляет, вредит и открывает путь не только чумному воздуху, но и другим опасностям. Уже в самых ранних рассуждениях по поводу парилен и чумной заразы заметны и менее определенные источники беспокойства: «Бани и парильни горячат тело и гуморы, ослабляют естество и открывают поры, а потому ведут к недугам и смерти» [8, с. 530–531].

Наше отвлечение в практику водолечения Западной Европы не случайно. Данный материал был приведен не только для сравнения, но и для лучшего уяснения разбираемой проблематики, прежде всего в плане неоднозначности представлений людей того времени о воздействии воды на здоровье человека, которая могла и исцелять и повреждать его тело и душу.

В рамках этой статьи мы посчитали вполне уместным, рассмотрение тесно связанной с бальнеологией практики грязелечения (пелоидотерапия). К этому нас подтолкнули сообщения русских авторов XIX в., а также этнографические материалы о распространенности грязелечения среди татар [6, с. 27–31; 5, с. 39]. В границах золотоордынского государства находилось немало озер, известных своими целебными грязями. Здесь имеются в виду солончаковые озера степей Нижнего Поволжья и Северного Казахстана, лечебные грязи Сак, Чокрака, а также оз. Тамбукан в районе Пятигорска и многие другие. К сожалению, в источниках нет никаких упоминаний о применении озерного ила для лечения болезней, имеются лишь сведения о добыче соли в этих районах. Поэтому мы можем делать лишь осторожные предположения на основе данных более позднего происхождения. Грязелечение на современном этапе применяется для лечения заболеваний, которые лечатся с использованием бальнеологических процедур, о которых говорилось выше, но особое значение имеют при лечении заболеваний и травм суставов, позвоночника, костей, мышц и сухожилий. Существуют свидетельства того, что раненные и изможденные животные, обваливаясь, лечились этим илом, что могло быть подмечено их владельцами. Но утверждение об использовании озерного

ила в лечебных целях кочевниками XIII–XIV вв. для лечения болезней пока не могут подкреплены какими-либо серьезными доказательствами.

Приведенные выше обобщения не должны затенять всего гидрографического и культурного многообразия золотоордынского государства. Иными словами, практически в каждом регионе Золотой Орды были свои целебные и минеральные водные источники, и у каждого народа были свои представления о водной стихии, здоровье и здоровом образе жизни, что и определяло особые приемы водолечения, в основе которых лежали особенности мировоззрения той или иной этнокультурной общности.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы:

– В Золотой Орде практиковалось водолечение, по крайней мере, можно утверждать об использовании целебных свойств минеральных вод частью золотоордынского общества;

– Водолечебные процедуры осуществлялись в соответствии с определенными правилами, которые могли быть выработаны как эмпирически, так и теоретически на основе трудов знаменитых врачей;

– Бани, большое распространение которых подтверждено данными археологии, могли использоваться и для лечения болезней.

Таким образом, в эпоху расцвета Золотой Орды были не только известны, но и практикуемы водные процедуры для лечения различных заболеваний, и представленные выше материалы позволяют сделать вывод о том, что они были более распространены, чем это было принято считать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Али ибн Сина (Авиценна)*. Канон врачебной науки. Кн. I. Ташкент: Фан, 1981. 552 с.
2. *Андреев И.Г.* Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998.
3. Ардвисура Анахита // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 100–101.
4. Бальнеотерапия // Малая медицинская энциклопедия. Т. I. М.: Медицина, 1991. С. 204–205.
5. *Бернштейн А.* Курорт Пятигорск. Ставрополь, 1968. 176 с.
6. *Брусиловский И.А., Милославский В.Н.* Саки. Краеведческий очерк. Симферополь, 1967. 89 с.
7. *Ветитнев А.М., Журавлева Л.Б.* Курортное дело: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2006. 528 с.
8. *Вигарелло Ж.* Чистое и грязное: телесная гигиена со времен средневековья // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 616 с.
9. *Госманов М.Г.* Каурый каләм эзеннән. Казан: Тат. кит. нәшр., 1994. 463 б.
10. *Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник, 2001. М., 2002. С. 261–303.
11. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с.
12. *Замятин С.И.* Курорты, санатории и лечебные местности Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. 93 с.

13. *Зиливинская Э.Д.* Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001. С. 174–226.
14. Из летописи Шайха ал-Бирзали // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 438 с.
15. *Ибн Баттута.* Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 438 с.
16. *Ибн Фадлаллах ал 'Умари.* Пути взоров по государствам с крупными городами // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 438 с.
17. *Кузьмин М.К.* Медицина в Древнерусском государстве (IX–XIV вв.) // История медицины. М.: Медицина, 1981. С. 72–78.
18. *Куликов Г.В., Жевлаков А.В., Бондаренко С.С.* Минеральные лечебные воды СССР: Справочник. М.: Наука, 1991. 399 с.
19. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / Пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008. 189 с.
20. Минеральные воды Семиреченской области. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1901. 44 с.
21. Минеральные воды // Малая медицинская энциклопедия. Т. III. М.: Медицина, 1992. С. 445–447.
22. *Мугдусиев И.П.* Водолечение. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1951.
23. *Нелюбин А.П.* Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1825. 598 с.
24. *Огудин В.Л.* Природные места поклонения в религиозных представлениях современного населения Ферганы: автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 2003. 56 с.
25. *Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П.* О эссенукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // Советская археология. 1974. № 2.
26. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; прим. Ю.П. Верховского и Б.Н. Панкратова. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
27. *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.
28. Средневековые письменные источники о древнем Ургенче / Сост.: М.А. Мамедов, Р.Г. Мурадов. Ашхабад, 2000.
29. *Страбон.* География. Кн. VI. М., 1995.
30. *Сыроечковская М.Н.* Водолечение. М.: Медицина, 1968. 175 с.
31. Татар мифлары: иялэр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар. Казан: Татар китап нэшрияте, 1996. 388 б.
32. *Якубович М.М.* Становление философской мысли в золотоордынском Крыму: Шараф ал-Кырыми // Золотоордынское обозрение. 2014. №3(5). С. 139–152.

Сведения об авторе: Ленар Фиргатович Абзалов – кандидат исторических наук, доцент Казанского федерального университета (420008, ул. Пушкина, д.1/55, Казань, Российская Федерация). E-mail: len_afzal@mail.ru

Поступила 04.09.2017 Принята к публикации 25.11.2017
Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Abu Ali ibn Sina (Avicenna). *Kanon vrachebnoy nauki* [Canon of Medical Science]. Book I. Tashkent, Fan Publ., 1981. 552 p. (In Russian)
2. Andreev I.G. *Opisanie sredney ordy kirgiz-kaysakov* [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaysaks]. Almaty, Gylym Publ., 1998. (In Russian)
3. Aredvi Sura Anahita. *Mify narodov mira* [Myths of the World Peoples]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1991, pp. 100–101. (In Russian)
4. Bal'neoterapiya [Balneotherapy]. *Malaya meditsinskaya entsiklopediya* [Small Medical Encyclopedia]. Vol. I. Moscow, Meditsina, 1991, pp. 204–205. (In Russian)
5. Bernshtein A. *Kurort Pyatigorsk* [The Resort-city of Pyatigorsk]. Stavropol, 1968. 176 p. (In Russian)
6. Brusilovskiy I.A., Miloslavskiy V.N. *Saki. Kraevedcheskiy ocherk* [The Saka. An Essay of Local History]. Simferopol, 1967. 89 p. (In Russian)
7. Vetitnev A.M., Zhuravleva L.B. *Kurortnoe delo: uchebnoe posobie* [Balneology: A Study Guide]. Moscow, KNORUS, 2006. 528 p. (In Russian)
8. Vigarello G. Chistoe i gryaznoe: telesnaya gigiena so vremen srednevekov'ya [The Dirty and the Clean: The Corporal Hygiene Acting]. *Aromaty i zapakhi v kul'ture*. Kn. 1 [Flavors and Odors in the Culture. Book 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 616 p. (In Russian)
9. Gosmanov M.G. *Kauryy kalām ezennān*. Kazan, Tatar Book Publ., 1994. 463 p. (In Tatar)
10. Grigor'ev A.P., Frolova O.B. Geograficheskoe opisanie Zolotoy Ordy v entsiklopedii al-Kalkashandi [Geographical Description of the Golden Horde in the Encyclopedia of al-Qalqashandi]. *Tyurkologicheskii sbornik* [Turkological Collection]. 2001. Moscow, 2002, pp. 261–303. (In Russian)
11. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th centuries: Ways of Development: Manuscripts, Texts and Sources]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2009. 304 p. (In Russian)
12. Zamyatin S.I. *Kurorty, sanatorii i lechebnye mestnosti Kazakhstana* [Resorts, Sanatoriums and Medical Areas of Kazakhstan]. Alma-Ata, KazSSR, 1956. 93 p. (In Russian)
13. Zilivinskaya E.D. Bani Zolotoy Ordy [Bathhouses of the Golden Horde]. *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy* [Practice and Theory of Archaeological Research]. Moscow, 2001, pp. 174–226. (In Russian)
14. Iz letopisi Shaykha al-Birzali [From the Annals of Sheikh al-Birzali]. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359)* [The Formation and Heyday of the Golden Horde. Sources on the History of the Jochid Ulus (1266–1359)]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2011. 438 p. (In Russian)
15. Ibn Battuta. Podarok nablyudatelyam po chasti dikovin stran i chudes puteshestviy [A Gift to the Observers Concerning the Curiosities of the Cities and the Marvels Encountered in Travels]. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359)* [The Formation and Heyday of the Golden Horde. Sources on the History of the Jochid Ulus (1266–1359)]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2011. 438 p. (In Russian)
16. Ibn Fadl Allah al'Umari. Puti vzorov po gosudarstvam s krupnymi gorodami [Ways of Perception of the Civilized Countries]. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359)* [The Formation and Heyday of the Golden Horde. Sources on the History of the Jochid Ulus (1266–1359)]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2011. 438 p. (In Russian)

17. Kuz'min M.K. *Meditsina v Drevnerusskom gosudarstve (IX–XIV vv.)* [Medicine in the Ancient Rus' (9th–14th centuries.)]. *Istoriya meditsiny* [The History of Medicine]. Moscow, Meditsina, 1981, pp. 72–78. (In Russian)
18. Kulikov G.V., Zhevlakov A.V., Bondarenko S.S. *Mineral'nye lechebnye vody SSSR: Spravochnik* [Mineral Medicinal Waters of the USSR: A Handbook]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 399 p. (In Russian)
19. Le Goff J., Tryuon N. *Istoriya tela v srednie veka* [History of the Human Body in the Middle Ages] Per. s fr. E.Lebedevoy. Moscow, Tekst, 2008. 189 p. (In Russian)
20. *Mineral'nye vody Semirechenskoy oblasti* [Mineral Waters of the Semirechensk Region]. Kazan, Kazan State University Publ., 1901. 44 p. (In Russian)
21. Mineral'nye vody [Mineral Waters]. *Malaya meditsinskaya entsiklopediya* [Small Medical Encyclopedia]. Vol. III. Moscow, Meditsina, 1992, pp. 445–447. (In Russian)
22. Mugdusiev I.P. *Vodolechenie* [Hydrotherapy]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoy literatury, 1951. (In Russian)
23. Nelyubin A.P. *Polnoe istoricheskoe, mediko-topograficheskoe, fiziko-khimi-cheskoe i vrachebnoe opisanie Kavkazskikh mineral'nykh vod* [Full Historical, Medical and Topographical, Physical and Chemical Description of the Caucasian Mineral Waters]. Part. 1. Book 1. St. Petersburg, 1825. 598 p. (In Russian)
24. Ogudin V.L. *Prirodnye mesta pokloneniya v religioznykh predstavleniyakh sovremennogo naseleniya Fergany: avtoref. diss. dokt. ist. nauk* [Natural Places of Worship in Religious Perception of Fergana's Modern Population: The author's abstract of the dissertation of the Doctor of historical studies]. Moscow, 2003. 56 p. (In Russian)
25. Palimpsestova T.B., Runich A.P. O essentukiyskikh mavzoleyakh i stavke Uzbek-khana [About Essentuki Mausoleums and the Camp of Uzbek Khan]. *Sovetskaya arkhologiiya* [Soviet Archaeology]. 1974, no. 2. (In Russian)
26. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Per. s pers. Yu.P. Verkhovskogo; prim. Yu.P. Verkhovskogo i B.N. Pankratova. Vol. II. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1960. 248 p. (In Russian)
27. Snesarev G.P. *Relikty domusul'manskikh verovaniy i obryadov uzbekov Khorezma* [Relics of Pre-Islamic Beliefs and Rites of the Khwarezmian Uzbeks]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 336 p. (In Russian)
28. *Srednevekovye pis'mennye istochniki o drevnem Urgenche* [Medieval Written Sources on Ancient Urgench] Sost.: M.A.Mamedov, R.G. Muradov. Ashkhabad, 2000. (In Russian)
29. Strabon. *Geografiya* [Geography]. Book VI. Moscow, 1995. (In Russian)
30. Syroechkovskaya M.N. *Vodolechenie* [Hydrotherapy]. Moscow, Meditsina, 1968. 175 p. (In Russian)
31. *Tatar miflary [Myths of Tatars]: iyaler, yshanular, yrymnar, fallar, im-tomnar, synamyshlar, yolalar*. Kazan, Tatar Book Publ., 1996. 388 p. (In Tatar)
32. Yakubovich M.M. Stanovlenie filosofskoy mysli v zolotoordynskom Krymu: Sharaf al-Kyrymi [Development of the Philosophical Thought in Crimea during the Golden Horde Period: Sharaf al-Qrimi]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014. №3(5), pp. 139–152. (In Russian)

About the author: Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of Kazan Federal University (1/55, Pushkin Str., Kazan 420008, Russian Federation). E-mail: len_afzal@mail.ru

*Received September 4, 2017 Accepted for publication November 25, 2017
Published December 29, 2017*

**THE TŪQMĀQ AND THE MING CHINA:
THE TŪQMĀQ AND THE CHINESE RELATIONS
DURING THE MING PERIOD (1394–1456)***

Nurlan Kenzheakhmet

*Nazarbayev University
Astana, Kazakhstan
nurlan.kenzheakhmet@nu.edu.kz*

Objective: Little is known about diplomatic relations between the Jūchīd Ulūs and Ming China (1368–1644), even though some evidence of early tributary trade relations exists. The first extant Chinese account about the country of Salai (Saray) dates to around 1394, when accounts of diplomatic exchange between the Ming court and the Jūchīd Ulūs began to appear in the Ming shilu (The Veritable Records of the Ming).

Research materials: This article analyzes the Ming shilu in order to understand the character of Chinese knowledge about the Jūchīd Ulūs during their years of contact between 1394 and 1456. Additional sources like geographic accounts and maps help define the extent of Chinese knowledge about the khanate, clarify the kinds of information that the Chinese sought and the reasons why, and measure the influence of cross-cultural contact on Ming Chinese understanding of the Jūchīd Ulūs.

Results and novelty of the research: The Ming shilu suggests that at least by the end of the fourteenth and the early years of the fifteenth century, Salai (Saray) became an integral, and possibly the most important, element in the name that the Ming court used for the country of the Jūchīd Ulūs. The Persian and Mongol historians used the term Tūqmāq and Togmog to refer to the Jūchīd Ulūs, while Ming Chinese historians used the term Tuohema to refer to the Jūchīd Ulūs or the whole Dasht-i Qipchāq, in post-Mongol Central Eurasia. The diplomatic contact between Ming China and the Tuohuma occurred through the Chinese system of tribute trade during the mid-fifteenth century. Under the reign of Yongle (1402–1424), Zhengtong (1435–1449), and Jingtai (1449–1457), the foundations for a flourishing relationship between Ming China and the Jūchīd Ulūs were established. At that time, the Chinese knew the Jūchīd Ulūs by the name Salai (Saray) and Tuohuma (Tūqmāq). Despite the political turmoil that erupted after the fall of the Jūchīd Ulūs, the Chinese continued to glean new information about the Jūchīd Ulūs from envoys who arrived from Central Asia.

Keywords: Jūchīd Ulūs, Ming China, Sarāy and Salai, Özbek and Yuezubo, Tūqmāq and Tuohuma, Ming Chinese chronicles, Chinese Maps

For citation: Kenzheakhmet N. The Tūqmāq and the Ming China: The Tūqmāq and the Chinese Relations during the Ming Period (1394–1456). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 770–785. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.770-785

* The term *Zolotaya Orda* [Golden Horde] was first used in the second half of the sixteenth century by the Russian chroniclers to refer to the city of Saray. Hence I have used the appellation Tūqmāq throughout this work.

Various names of the Jūchīd Ulūs were in use from Mid-Fourteenth century to the Mid-Fifteenth century. The terminology used in Chinese, Persian and Turkic historical materials:

1. Wilāyat of Sarāy and Salai 撒來

It is necessary to define some of the ethnic terms in use in the Jūchīd Ulūs. By the mid-thirteenth century when the partition of the newly conquered territories was made among Chingīz's Khans sons, the Dasht-i Qipchāq was divided among the sons of Chingīz Khan's eldest son, Jūchī. The eastern territories of the Ulūs which can be called Eastern Dasht-i Qipchāq or the Left Wing (Sol Qol) of the Jūchīd's Ulūs, were originally allotted to Jūchī's eldest son Orda or Orda Ichen, while the western half or the Right Wing (Ong Qol) of the Dasht-i Qipchāq formed an integral part of the patrimony of the Jūchī's second son, Batu. In contemporary Persian, Armenian and Muslim writings, and in the records of the thirteenth and early fourteenth centuries such as the *Jami' al-tawarikh*, the khanate was called the 'ulūs-i Jūchī' ('realm of Jūchī' in Mongolian), Dasht-i Qipchāq (Qipchaq Steppe in Persian) or Qipchāq Bashi (Head of Qipchāq in Turkic) [32, p. 513, 521]. The designation Jūchīd Ulūs (ulūs-i Jūchī), which literally means the people of Jūchī, encompassed the nomadic population of Central Eurasia that had been brought under Jūchīd governance in the first half of the thirteenth century.

The Turkic historians and the early Ming China historians used the term Sarāy or Salai to refer to the Golden Horde. The Eastern Dasht-i Qipchāq ruled by Orda was formally subjected to the khans of Sarāy or Ulūs of Batu but practically enjoyed total independence in matters in inner affairs.

The *Tārīkh-i Dūst Sulṭān* or *Chingīz-nāma*, written by Ūtamīsh Ḥājji b. Maw-lānā Dūstī in Khwārazim in ca.1555 and dedicated to Dūst Muḥammad Khān of Khwārazimian Ōzbek "Arabshāhid" dynasty, Batu's Ulūs was officially known as the Sarāy Wilāyati:

Jān Bik Khānning ānāsī Tāy Duwālī Bīgim imdī "Yūrtaqī khānlīq Shībān Khān ūghlānlārīghah takār" tib Manqutāy ūghlī Khidr Khānnī ūndā yitib iltib Sarāy wilāyatīndah khan qildī. "Şāyin Khān ūghlānlārindīn sung ūl khan takhtindah khānlīq bizgā takkāndūr" ūrlār.

Tāy Duwālī Bīgim, the mother of Jān Bik Khān, decided that khal authority in the country should pass to the line of Shībān Khān's offspring. She went and brought out *Khidr Khān*, the son of Manqutāy, and elevated him as khan in the Wilāyat of Sarāy. "After the descendents of Şāyin Khān, authority over that khal seat passed to us", (the Shībānids) say [39, p. 38b–39a]¹. At the time, since the lineage of Batu had come to an end, according to the *yasa* [Mongol customary law] and the law of inheritance, the ultimate rule was passed on to the descendants of Shiban Khan, Jūchī's fifth son. According to Z.V. Togan (1890–1970), a Bashkurt Turk professor, many Ōzbek uruks in today's Turgay province, in the vicinity of "Ak Göl" [White Lake], raised to the throne, as *Khidr Khān*, who was a descendant of Shiban [37, p. 31].

¹ The usage of the term of *wilāyat* by Central Asian authors is notoriously diffuse, because – to employ a rather awkward distinction – it can be used as an element of either 'political' or 'territorial' vocabulary.

The fourteenth century Ming China chroniclers employed the term Salai for the Jūchīd Ulūs. For instance, *Ming shilu*² refers to the Jūchīd Ulūs as Salai 撒來 [25, Taizu shilu, juan 232, p. 3395]. The *Ming shilu* entry for the day *gengchen* of the fourth month of the twenty seventh year of the reign of Hongwu (11 May 1394), reads as follows: “the seven realms of the Xiyu (Western Region) are Nepal of India, Duogan, Shazhou, Wusizang, Sali-Weiwu’er (Sariy Uiyur), Salai (Saray), and Sama’erhan (Samarqand)”³.

Salai also occurs in the *Ming shilu* entry for the day *kuisi* of the fifth month of the seventh year of the reign of Yongle (4 July 1409):

“Saray, Sali huihui (Sariy Uiyur?), Niebek (?) and others came to Court and offered tribute of horses. Paper money and variegated silks, were conferred upon them” [25, Taizong shilu (Veritable records of the Taizong [Emperor] of the Ming), juan 92, p. 1223]⁴.

2. Özbek and Yuezubo 月祖伯

The Turkic people of the entire Dasht-i Qipchāq [Qipchāq steppe], from the Syr Darya River and Khwārazim to the Idil [Volga] basin and Saqlab, were termed “Özbek” during the reign of the Özbek Khan (1282–1341, r. 1313–1341), the ninth ruler of the Jūchīd Ulūs.

Özbeks are first mentioned in the work of the Ilkhanid historian Ḥamd Allāh Mustaufī Qazvīnī (born around 1280) who, in his *Tārīkh-i guzīda* (Selected History), describes the invasion of Özbek Khan into the Ilkhanate in 1335, calling the Jūchīd Ulūs armies the “Özbeks” (Uzbakiyān), and calls the Jūchīd Ulūs “the kingdom of Özbek” (mamlakat-i Uzbaki) [45, p. 221–223 (text), p. 93 (trans.)]. Ḥamd Allāh Mustaufī Qazvīnī’s son Zain al-Dīn, who added the description of the events that took place in Iran between 1341 and 1390 to the *Tārīkh-i guzīda*, also designates the Jūchīd Ulūs ruled by Jānī Beg Khan (r. 1342–57), the son of Özbek Khan, as “the Özbek Ulūs” (*ulūs-i Uzbak*) [45, p. 226 (text), p. 97 (trans.)]. The ethnonym of Özbek is known from the famous Central Asian histories such as Abū al-Ghāzī Bahādur Khān’s *Shajara-i Türk va Moghūl* and the *Shajarat al-atrāk* or the *Tārīkh-i arba’ ulūs* by Ulūgh Beg, tracing the origin of the designation *Özbek* to Özbek Khan [33, p. 206–207 (trans.), p. 266 (text); 26, p. 138; 6, p. 231–232; 9, p. 101, n. 75]. In the *Shajara-i Türk va Moghūl*, Abū al-Ghāzī Bahādur Khān relates:

“He (Özbek Khan) brought the *il* and *ulus* to the faith of Islam. Thanks to this possessor of good fortune, all the people had the honor of receiving the glory of Islam. It is after him that all the *il* of Jöchi were called the *il* of Özbek (*el ulusni dīn-i islāmga körküzdī barča ḥalq ol šāhib-i davlatning sababindīn šaraf-i islāmga mušarraf boldilar andīn song barča Jochi elini Özbäk eli tedilār*)” [2, p. 178 (text), 183–184 (trans.)].

² *Ming shilu* 明實錄 (The Veritable Records of the Ming). 133 vols. (Taipei: Zhongyang yanjiuyuan lishi yuyan yanjiusuo, 1967). Many editions exist; here we used the photolithographed version compiled by the Academia Sinica in Taiwan over the years 1962 to 1967 under the direction of Huang Zhangjian 黃彰健. It is on the Taiwan edition that this article is based.

³ Chinese text: 西域之部七, 西天泥八剌國, 朶甘, 沙州, 烏思藏, 撒立畏兀兒, 撒來, 撒馬兒罕.

⁴ Chinese text: 撒來, 撒里回回, 聶亂等來朝, 貢馬賜鈔及襲衣.

It is clear that, whether these accounts reflect historical events or not, the designation Özbek began to be used as a term denoting the nomadic people of the Jūchīd Ulūs during the reign of Özbek Khan. Therefore, it may be assumed that the Jūchīd Ulūs also became known as the Özbek Ulūs after Özbek Khan's reign. The designation Yuezubo (Özbek) was also used in the Chinese sources and the Chinese maps to refer to the Jūchīd Ulūs of the fourteenth century.

This name can be found on a Chinese map entitled *Yuan Jingshi dadian xibei dili tu* 元經世大典西北地理圖 (Map from the *Jingshi dadian* of the Yuan, representing countries to the northwest) of the year 1331, as *Yuezubo* 月祖伯, also called *Yuejibie* 月即別 or Yuezubo in the *Yuanshi* 元史 (History of the Yuan) [44, juan 117, p. 2906; 5, II, p. 6]. According to the Yuan chronicle, Yuezubo is the name of the horde or *ulus* of the Dasht-i Qipchāq. In *Tārīkh-i Rashīdī* this country is mentioned as *Uzbeq ulus* or *Uzbeqstan* [10, p. 272, 366, 374].

At the end of the geographical section, the *Yuan shi* (History of the Yuan) offers an appendix entitled 'Xibei di fulu 西北地附錄 (countries to the northwest of the Yuan Dynasty)'. It consists of an enumeration of countries and places; almost all of which can be easily identified with place names found in the *Yuan jingshi dadian dili tu* 元經世大典西北地理圖 (The geographical map from the *Encyclopedia of Yuan dynasty Institutions*), published in 1331, which describes the Mongol dominions in Central and Western Asia [5, II, p. 3–136]. According to the "Yuan shi [44, juan 63, p. 1570], the realm of the Yuezubo includes Sa'erkesi 撒耳柯思 (Circasia or Shirkasia/Cherkess), Alan 阿蘭 (Alans or Alania), Asi 阿思 (Asi/Osi, modern Ossetians), Qincha 欽察 (Qipchāq), Aluosi 阿羅思 (Rus), Buli'a'er 不里阿耳 (Bulghar), Sajila 撒吉刺 (Saqlab), Hualazimo 花刺子模 (Khwārazim), Sailan 賽蘭 (Sabran)⁵, Ba'erchihan 巴耳赤邗 (Bārchīnlīy-kand, Ba'erchili 巴耳赤利 in *Jingshi dadian dili tu*), Zhande 嚧的 (Jend or Jand, Zhande 毡的 in *Jingshi dadian dili tu*). The last two cities appear on the famous Kangnido map, as Balichiyān 八里赤岩 (Bārchīnlīy-kand) and Chande 塵的 (Jend) [17, p. 148–149].

In the first half of the sixteenth century, Ming Chinese chroniclers refer to the Qazaq Khanate as 額即亂, or 額即亂哈辛, the name in *Ming shilu* must be pronounced *Ejibie*, or *Ejibie-Haxin*, a Chinese transcription of "Özbek", or "Özbek-Qazaq" (see below).

3. The Tūqmāq and the Tuohuma

The Central Asian historians, Mongolian chroniclers and Ming China historians used the term Tūqmāq and Tuohuma to refer to the Jūchīd Ulūs [37, p. 27–29; 5, II, p. 161]. For instance, Naṭanzī refers to the Golden Horde as the Tūqmāq Ulūs (ūlūs-i Tūqmāq) [28, p. 138 (trans.), p. 242 (text); 29, p. 435]. The designation Tuohuma was a term used by the Ming chroniclers to refer to the Jūchīd Ulūs in 1415 [25, Taizong shilu, juan 169, p. 1890]. In his *Xiyu fan'guozhi* (A Record of the Barbarian Countries in the Western Region), a report of the Ming dynasty written in 1414–1415 for the Yongle emperor, Chen Cheng (1365–1457), provide a slightly different version of the account about the border of the Beshbalyq, and mentioned the country of Tuohuma [41, p. 102]. In the *Ming shilu*, in a report under the first year of the Zhengtong reign (1436), Toqmaq is also called as

⁵ It must be Sabran, modern Sawran in Kazakhstan.

Tuohuoma 脱火麻 [25, Yingzong shilu (Veritable Records of the Yingzong [Emperor] of the Ming), juan 24, p. 489]. The *Da Ming huidian* 大明會典 (Collected statutes of the Ming Dynasty), in 1587 edition, also mentions Tuohuma together with the names of other countries [8, juan 107, Chaogong 3]. *Ming shi* lists twenty-nine names of dimian 地面 (territories) including Tuohuma, that used to present tribute through Qumul [24, juan 332, p. 8626].

The sixteenth–seventeenth centuries Buddhist Mongolian chroniclers refer to the Jūchīd Ulūs as *Toymay*. The Mongolian anonymous *Čayan Teiike* (White History), written during the reign of Qubilay Khan between 1260 and 1280, revised and edited by Qutugtu Sečen Qong Tayijii (1540–1586), mentioned the conquest of the *Toymay*’s Mang Kulig Sultan qayan and the Sartayul’s Jalildin Sultan by Chinggis Khan [4, p. 123]. Another Mongolian work on the subject known as *Bolur Toli* (The Crystal Mirror), compiled by Jimbadorji, a noble from Urad banner, circa 1834–1837, mentioned Jeliledun Sultan of Sartagul and Manulan Sultan khan of Tomog. In his *Erdeni-yin Tobči* (The Precious Button), Sayang Sečen Qong Tayijii (1604–?) called *Toymay*’s king as Mengūlig sultan qayan [40, p. 163; p. 231 (trans.), p. 584 (text)]. Mongolian chronicle’s usage of Sultan qayan or Sultan khan was identical with that of *Yuan shi*. The biography of Guo Baoyu, a Han Chinese from Shanxi who had been serving to the Mongols at the time of the early Mongol conquests in Central Asia, in the official history of the Yuan dynasty contains much that is of interest. In the *Yuan shi*, Mang Kulig Sultan qayan or Manulan Sultan khan is briefly called as Suandan Han 算端罕 (Sultan Khan). According to the *Yuan shi*, in 1214, Guo Baoyu 郭寶玉 accompanied Chinggis Khan on his campaigns against the Qipchāq and Naiman. The Suandan Han (Sultan Khan) of Kefucha 可弗叉 (Qipchāq) was obeyed, the Naiman country was defeated, and Guo Baoyu was involved in the taking of Xiansigan 擄思干 (Semizkend, i.e. Samarqand) [44, juan 149, p. 3522]⁶. Sayang Sečen refers to the Eastern Dasht-i Qipchāq or Jūchīd Ulūs as *Toymay Ulūs* [40, p. 163, 231 (trans.), p. 584 (text)]. In mentioning the Eastern Dasht-i Qipchāq, Lubsangdanjin, the author of the *Altan Tobči* (The Golden Button), also designates the Jūchīd Ulūs as *Toymay* [19, p. 90, 293].

According to Z.V. Togan, “among the Khiva Özbeks, the term (in Ebūlgazi) known as ‘Togma’; Baskurts ‘Tuvma’; Nogay (according to the *Cevdet Pasha history*) ‘Tokma’ designated individuals without a known lineage, or fugitives to be sold as slaves, being offenders of the law” [37, p. 27].

Naṭanzī also employs the term Tūqmāq to refer to the armies of both Temūr Malik, the son of Urus Khan, and Toqtamīsh [29, p. 336, 425].

The seventeenth century Mongolian chroniclers employed the term *Toymay* for the Dasht-i Qipchāq. For instance, in his *Erdeni-yin Tobči*, Ssanang Ssetsen refers to the nomads of the Jūchīd Ulūs during the reigns of Esen Taishi (r. 1439–1455) and the Qazaq Khaqnazar khan (r. 1538–1580), as *Toymay* without distinction [34, p. 113, 141–142]. In mentioning the names of the Jūchīd khans, Lubsangdanjin, the author of the *Altan Tobči*, also designates both the Özbek khan Muḥammad Shī-bānī and the Qazaq Khaqnazar khan as *Toymay* [20, p. 90].

⁶ Chinese text: [郭寶玉]辛巳，可弗叉國唯算端罕破乃滿國，引兵擄擄思干。

The designation *Toymay* also seems to have been in use in the Ming Dynasty in the early fifteenth century. The Ming historian calls Abū'l-Khayr Khan “the king of the territory of Tuohema” (脱忽麻地面卜刺孩王) [25, *Yingzong shilu* (Veritable Records of the Yingzong [Emperor] of the Ming), juan 224, p. 4851].

The realm of Abū'l-Khayr Khan, the ancestor of the Shībānid Özbeks, are identified with the Tūqmāq and the Jūchīd Ulūs in Persian sources. Khvāndamīr refers to Abū'l-Khayr Khan as “the king of the Ulūs of Jūchīd Khan” (pādshāh-i ulūs-i Jūchī Khān) [18, 4: 50].

The relationships between the Tūqmāq and the Ming dynasty

As we see from the above passage, the Jūchīd Ulūs was recorded in *Ming shilu* as *Salai*, on the day *gengchen* of the fourth month of the twenty seventh year of the reign of Hongwu (11 May 1394) [25, *Taizu shilu* (Veritable Records of the Taizu [Emperor] of the Ming), juan 232, p. 3395].

Another record containing the name *Salai* appears in the *Ming shilu* entry for the day *kuisi* of the fifth month of the seventh year of the reign of Yongle (4 July 1409).

The first record of Tūqmāq was recorded in *Ming shilu* as *Tuohuma*, on the day of *kuisi* 癸巳 in the tenth Chinese lunar month in the thirteenth year of Yongle 永樂 (30 November 1415). This is a report of the Li Da 李達 and Chen Cheng (1365–1457) written in 1414–1415 for the Yongle emperor⁷:

“The country (of Beshbalyq) is bounded on the east by Qāmūl, on the west by Samarqand. After Temūr Kuragan subjugated Samarqand, now (this country) is bounded on the west by the Tuohuma, on the north by the Oyirat⁸ and on the south-east by Khotan and Aduan” [25, *Taizong shilu* (Veritable Records of the Taizong [Emperor] of the Ming), juan 169, p. 1890]⁹.

In his *Xiyu fan'guozhi* (A Record of the Barbarian Countries in the Western Region), Chen Cheng provide a slightly different version of the account about the Tuohuma: “[the country (of Beshbalyq)] is bounded on the east by Qāmūl, on the west by Samarqand. After Temūr fuma (Kuragan) subjugated Samarqand, now (this country) is bounded on the west by Yangyi¹⁰, on the north-west by the Tuohuma, on the north by the Oyirat and on the south-east by Khotan and Aduan” [41, p. 102].

This pattern appears in the appendix in the *Guangyutu* (Broad terrestrial map) entitled *Huayi jianzhi* 華夷建置 (Chinese and Non-Chinese administrative division), a geographic compilation of maps and texts compiled by Luo Hongxian (1504–1564) in 1541 [21, p. 427].

Another record containing the name Tuohuoma 脱火麻 appears in the first year of the reign of Zhengtong (6 January 1437) of *Ming Yingyong shilu*:

“The envoys that had been sent by the three places of the Oyirat, Qāmūl and Tuohuoma, and...all came to Court and offered tribute of horses and local pro-

⁷ Li Da is the eunuch who went on the diplomatic mission with Chen Cheng.

⁸ The Oyirat are the Qalmaqs as they were known in Central Asia.

⁹ Chinese text: 詢其國人，云：故疆東連哈密，西至撒馬兒罕，後為帖木兒駙馬侵奪。今西至脱忽麻，北與瓦剌相接，東南抵于闐，阿端。

¹⁰ Yangī, modern Taraz in southern Kazakhstan.

ducts. A banquet as well as paper money and other goods, as appropriate, were conferred upon them” [25, *Yingzong shilu*, juan 24, p. 489]¹¹.

The King of Tuohuma was recorded in *Ming shilu* as Maheima 馬黑麻, on the day *renxu* of the fourth month of the eleventh year of the reign of Zhengtong (22 May 1447):

“The envoy Tumintu Maheima 秃敏秃馬黑麻 (Tümen tuy Muḥammad) who had been sent by King Maheima (Muḥammad Khan) of Tuohuma (Tūqmāq) and other places... all came to the Court and offered tribute of camels and horses and other products. A banquet as well as variegated silks and other goods, as appropriate, were conferred upon them” [25, *Yingzong shilu*, juan 153, p. 2994]¹².

The name Maheima can easily be recognized as the name (Kuchuk or *Kīčīk*) Muḥammad (1391–1459), the khan of the Jūchīd Ulūs. In the MSL, the name of Muḥammad is translated into Chinese as Maheima 馬黑麻, while the name of Mahmūd is translated as Maheimu 馬黑木¹³.

The King of Tuohuma was recorded in *Ming shilu* as wangzi (prince), on the day *xinmao* of the fifth month of the eleventh year of the reign of Zhengtong (10 July 1447):

“It was ordered that the chief envoy Huozhi Maheima Tumintu 火只馬黑麻秃敏秃 (Khawāja Muḥammad Tümen tuy?) take on the post of Vice Chiliarch, that the deputy envoy Dawu (Dawud?) take on the post of Commander, and that Zhemaluding (Jamal ad-Din) take on the post of Battalion Prison, who had been sent by the prince of Tuohuma” [25, *Yingzong shilu*, juan 154, p. 3020]¹⁴.

The envoy Huozhi Maheima Tumintu is mentioned again in subsequent years by the name of Tumintu Maheima 秃敏秃馬黑麻:

“The envoy Tumintu Maheima and others who had been sent by Maheima, the king of the country Tuohuma, took leave from the Court. It was ordered that they carry Imperial orders, paper money and biao-li of variegated silks, and other goods to confer, on their return, upon their king” [25, *Yingzong shilu*, juan 154, p. 3020]¹⁵.

Who was Tumintu Maheima? An envoy from Samarqand, referred at least three times between 1437–1448, bore the names of Maheima Tumintu

¹¹ Chinese text:

辛酉,瓦剌、哈蜜、脫火麻三地面...等俱來朝貢馬及方物,賜宴并賜綵幣等有差.

¹² Chinese text:

脫忽麻等處馬黑麻王遣使臣秃敏秃馬黑麻...等來朝貢駝馬,玉石,諸物;賜宴及紵絲襲衣綵幣表裏絹布等物有差.

¹³ In the *Ming shilu*, the name of Muḥammad translated into Chinese as Maheima 馬黑麻, while the name of Mahmūd translated as Maheimu 馬黑木. In the Uighur documents *Gaochang guan ke* of Ming dynasty Sutan Maheimu 速壇馬黑麻 (Sultān Muḥammad) was translated into Turkic as Sultan Maqemat [11, p. 62].

¹⁴ Chinese text:

命脫忽麻王子遣來朝貢正使火只馬黑麻秃敏秃為副千戶,副使答兀為百戶,者馬魯丁等俱為所鎮撫.

¹⁵ Chinese text:

脫忽麻等處馬黑麻王使臣秃敏秃馬黑麻等陞辭命賚敕及綵幣表裏歸賜其王.

馬黑麻禿敏禿 [25, Xuanzong shilu, juan 82], Shehei Maheima 捨黑馬黑麻 (Shakh/Sheikh Maḥmūd) [25, Yingzong shili, juan 160, p. 3119] or Shehei Maheima Tumaitu 捨黑馬黑麻禿買禿 (Sheikh Maḥmūd) [25, Yingzong shilu, juan 167, p. 3232]. One of the envoys of Yemili Huozhe was also called as Maheima Tumiantu 馬黑麻禿免禿 (30 May 1435) [25, Yingzong shilu, juan 129, p. 2566]. The first part of his Arabic title, *shehei*, sheikh, was used to designate a learned person, as an Arabic word it is essentially independent of religion. The last part of his “Mongol-Turkic” title is tumintu or tumaitu. Obviously both expressions are transcription of the same words: *tümän tuy* (ten thousand standard or banner), which marked a high rank among the nobility; military unit of ten thousand. The unit of ten thousand is used throughout the *Jami'u't-tawarikh* for the Turkish *tümän*. The subdivisions of the *tümän* were the *ming*, *yüz*, *on*. They were components of the *tümän*, the “divisions” of ten thousand.

The *Ming shilu* also mentioned an envoy from Taolaisi (Tabriz) called Dalahan shehei Maheima minhatu 打刺罕舍黑馬黑麻闕哈禿 (Tarkhān sheikh Muḥammad Minghan tuy?):

“[On the day *wuwu* of the eighth month of the sixth year of the reign of Xuande (2 October 1431)] the envoy Dalahan shehei Maheima minhatu and others who had been sent by wanhu Yisimayin of Taolaisi all came to the Court and offered tribute and other products” [25, Xuanzong shilu, juan 82, p. 1906–1907]¹⁶.

The last part of his “Mongol-Turkic” title, *minha tu*, is transcription of the word *minghan tuy* (thousand standard or banner). *Minghan* is the Mongolian for thousand.

As for “tumintu” or “tumaitu”, the title of the Maheima, I do not know whether this was a title conferred by the Tūqmāq or by the Samarqand (Timurid). Unfortunately, my efforts are confined by the limits of these few materials, and I cannot ascertain who this person was, or ascertain the situation of the administrative relationship between the Tūqmāq and the Samarqand.

The ruler of Tuohuma is referred to as king (wang) in the *Ming Shilu* (10 January 1453: day *yichou* of the twelfth month of the third year Jingtai), where it is recorded that the king of Bulahai (Abū'l-Khayr Khan) sent envoys to the Ming court and his name occurs together with Jānībek, a king of Asibie (Özbek)¹⁷:

“The rulers (in Central Asia) all sent envoys to pay horses as tribute to (the Ming) court. They were Zhongshun wang (Loyalty and Obedience King) Daowadashili (Dawadasiri/Dawadaširi) and headman Tuotuo buhua (Toqto Buqa

¹⁶ Chinese text:

宣德六年八月戊午，討來思萬戶亦思馬因遣使臣打刺罕舍黑馬黑麻·闕哈禿等來朝貢方物。

¹⁷ Chinese text:

哈密忠順王倒瓦答失里，頭目脫脫不花；亦力把里地面也先卜花王并妃虎都速旦，頭目捨刺；土魯番地面也密力虎者王并妃右瓦兒速擅等，頭目馬麻米兒咱等；察力失地面也密力虎者王姊打刺悶等，頭目打刺亂兒的；脫忽麻地面卜刺孩王；賽蘭地面頭目革來壇；把丹沙地面頭目速魯壇馬黑木；速魯壇牙地面頭目速兒卜撒溫；阿思亂地面札尼亂王；捨力灣乃丁地面速壇阿力王等；阿刺毋刺地面賽你阿卜丁，王子阿的罕沙；并克失迷兒，哈刺火州，帖力蠻，掃蘭等一百二十一處地面頭目俱遣使來朝，貢馬；賜宴并綵幣表裏紵絲襲衣等物。

or Toytō Buqa) from Hami (Qamul); King Yexian Buhua (Esän Buqā Khān) and his wife Hudū sudan (Qutluq Sultān?), and headman Shela (Shela) from the Ilbali dimian (the territory of Moghulistan)¹⁸; King Emili Huzhe (Mīr Khwāja)¹⁹ and his wife Guwa'er Sutan (Gawhar Sultān?)²⁰, and headman Mama mi'erza (Mamay Mīrza?) et al., from Tulufān dimian (the territory of Turfan); princess Dalamen et al., who is the elder sister of Emili Huzhe (Mīr Khwāja), and headman Dalabie'erde (Dawlat Berdi?) from the Chalishi dimian (the territory of Chalish); King Bulahai (Abū'l-Khayr) from Tuohuma dimian (the territory of Tūqmāq); headman Gelaitan (Girāy Sultān?) from Sailan dimian (the territory of Sayram); headman Sulutan Maheimu (Sultān Muḥammad) from Badansha (the territory of Badakhshan); headman Su'er Busawen (Sultān Abū Sa'id?) from Sulutanya dimian (the territory of Sultānīya); King Zhanibie (Jānībek) from Asibie dimian (the territory of Özbek); King Sutan Ali (Sultān Ali) from Sheliwan-naiding dimian (the territory of Shirwan-i Ajam?); Prince Adehansha, the son of King Saini Abuding, from Alamula dimian (the territory of Varahamula); and headmen from 121 territories such as Keshimi'er (Kashmir), Hala Huozhou (Qara Qoja), Tieliman (Termez?), Saolan (Sawran); and so on²¹ [25, *Yingzong shilu*, juan 224, p. 4851].

To my knowledge, this is the only passage in the *Yingzong* section of the *Ming shilu* where Bulahai is mentioned as king of the Tuohuma. Bulahai is Chinese form of Abū'l-Khayr. Medieval Chinese sources translated the Arabic personal names 'Abū' into Chinese as 'bu'. For instance, Abū'said, the last Ilkhanid ruler (1316–1335), is mentioned in the *Yuan shi* as Busaiyin 不賽因 [44, juan 63, p. 1571]. Abū'said, a Timurid ruler in Transoxiana, is mentioned in the *Ming shilu* as Busayin 卜撒因 [25, *Yingzong shilu*, juan 267, p. 5676; 15, p. 211]. According to Usmanov, in the late-seventeenth century's *Dāftār-i Čingiz-nāmā*, Abū'l-Khayr Khan is called Bolyar Khan [38, p. 116; 7, p. 37].

As we see from the above passage, the ruler of Asibie dimian (the territory of Asibie) was recorded in *Ming shilu* as Zhanibie, on the day of *jichou* in the twelfth Chinese lunar month in the year of Jingtai (1453). The name Zhanibie can easily be recognized as the name of the first Qazaq khan Jānībek (?–1480), son of Barāq Khan (r. 1425–1428) of the Āq Orda (White Horde). Asibie, Özbek, appears to represent the title of "Özbek Jānībek Khan."

However, as the record in the *Ming shilu* does not provide any direct evidence regarding the year of Jānībek and Girāy's separation from Abū al-Khair Khan, it may be that by 1453 Jānībek and Girāy were acting as independent kings with their own diplomatic initiatives. It was thought for long that with Barāq Khan's death Urūs Khan's line had extinguished, and Abū'l-Khayr Khan eventually conquered the Eastern Dasht-i Qipchāq and ruled over the whole Urūs Khan's house since 1428. Jānībek himself associated with the Asibie dimian (Chinese version of ulus-i

18 According to the Uighur documents *Gaochang guan ke* of the Ming dynasty, Shela 捨刺 was translated into Turkic as Shela. This full name is Shela Mahamushe 捨刺馬哈木捨 (Shela Maqamutsha) [11, p. 46].

¹⁹ Perhaps Mīr Khwāja, the son of Khiḍr Khwāja, see: [27, p. 52].

²⁰ The *Mu'izz al-ansāb fī shajarat al-ansāb* (The Book in Praise of Genealogies) which is a genealogy of the Chingīzid and the Tīmūrid families written in Persian in 1426–1427, mentioned Gawhar Sultān, the daughter of Shah-Jahan, see: [27, p. 52].

²¹ For the countries' names, mentioned in this account, see: [14, p. 4–5].

Uzbaki), which suggests that the Qazaq Khanate should be understood as emerging as a separate political entity, centered in the Syr Darya region. After Barāq Khan's death, the Āq Orda split into several parts: the Abū'l-Khayr's Khanate, the Noyay Horde and the Qazaq Khanate.

Let us pause briefly and look at the state of affairs in the beginning of the 1430s–1440s. Together with other Shībānids, Abū'l-Khayr Khan's ancestors had lived for most of the thirteenth and fourteenth centuries in the region of Western Siberia. After the reign of Jumaduq Khan, in 1428, Abū'l-Khayr Khan established themselves in khal authority at Tura, in the region Ibir-Sibir. According to the *Tārīkh-i Abū'l-Khayr Khānī*, another general history up to Abū'l-Khayr Khan and his descendants, written in Persian by Mas'ūd Kūhistānī, before the conquest of Syr Darya region, Abū'l-Khayr Khan ruled only over the region Ibir-Sibir until 1446.

With the help of Edigū's grandson Vaqqāş Bīy and another followers, Abū'l-Khayr Khan now was about to finish his southward expansion into Khwārazim. In 1431/32 Abū'l-Khayr Khan attacked the brothers Maḥmūd Khan and Aḥmad Khan, the sons of Kuchuk Muḥammad, and they met the Abū'l-Khayr Khan's army at Ikri-Tup [46, p. 36]. Abū'l-Khayr Khan beat two brothers and captured Orda-Bazar, although Maḥmūd Khan and Aḥmad Khan were able to flee [23, p. 154–155; 46, p. 36–37]. According to the *Baḥr al-asrār fī manāqib al- akhyār*, after the battle, Maḥmūd Khan and Aḥmad Khan returned and ruled over their realm [31, p. 157].

Until recently it has been thought that Jānībek and Girāy's fled from Abū al-Khair Khan took place in the fifties or sixties of the fifteenth century, and a large group of Özbek nomads fled from Abū al-Khair Khan's oppressive rule and became the *qazaqs*. I am inclined to think that when Siynaq was occupied by Abū'l-Khayr Khan in 1446, Jānībek and Girāy fled to somewhere in Qazaq Steppe. Thus, Jānībek and Girāy's fled from the Syr Darya region coincided with the occupation of Sighnaq by Abū'l-Khayr Khan in 1446. Then, after ten years of vagrancy, these Qazaq fugitives settled down in the Moghulistan, the region seized by Qūzī Bāshī from Isān Bughā Khan. As K. Akishev put it, “the date of the founding (1428) of the Abū'l-Khayr Khanate, should be *considered* as the beginning of the Özbek and the Qazaq statehood” [3, p. 132]. The Timurid historians also regarded the Jūchīd Ulūs ruled by Urus Khan (r. ca. 1368–1378), the ancestor of the Qazaq khans Jānībek and Girāy, as *Özbek*. In the *Muntakhab altavārīkh-i Mu'īnī*, Naṭanzī refers to the throne of the western wing of the Jochid Ulus, which Urus Khan captured, as “the Özbek throne” (*takht-i Uzbek*) [28, p. 131 (trans.), p. 242 (text)]. It should be noted that the two countries ruled by Abū'l-Khayr Khan and Jānībek Khan, respectively, were called Tuohema and Asibie in the *Ming shilu*. Thus, the Qazaq Khanate should be regarded as a successor state to the Barāq's branch of the Urūsīd lineage, rather than as a new *Qazaq* state.

To our surprise, in the *Ming shilu* mention a Sayram chief is called Gelai 革來壇 (see above). The Chinese form *Gelaitan* most likely a copyist error for Gelai sutan 革來速壇, a Turkic name that would be written Girāy Sultān, great-grandsons of Urūs Khan, a central figure of the formation of the Qazaq Khanate. The name itself appears in the Persian sources as Gadāy in the *Majma' al-ansāb wa-l-ashjār*, which is a genealogy of the Islamic rulers and the Central Asian dynasties written in Persian in the end of the nineteenth century. Girāy must be read for Gadāy. Gadāy is a typical Persian typographical error [1, fol. 347 (text), p. 275 (trans.)]. Sailan is either Sayram, or Sabran in Southern Kazakhstan.

The *Ming shilu* entry for day *guisi* of the ninth month of the seventh year of the reign of Jingtai, reads as follows:

“[On the day *guisi* of the ninth month of the seventh year of the reign of Jingtai (25 October 1456) the envoy-commander Shanxiding (Shams ad-Din or Shamshidin) who had been sent by the countries of Hami and Tuohuma (Tūqmāq) and... all came to the Court and offered tribute of horses and local products. A banquet as well as variegated silks and other goods, as appropriate, were conferred upon them” [25, Yingzong shilu, juan 270, p. 5732]²².

Table of the Jūchīd Ulūs’s tribute to the Ming Dynasty

Year (reign year)	Name of Khanate	Name of Khan or Envoy	Sources
1394 (Hongwu 27)	Salai 撒來		Taizu shilu, juan 232
1409 (Yongle 7)	Salai		Taizong shilu, juan 92
1415 (Yongle 13)	Tuohuma 脫忽麻		Yingzong shilu, juan 224
1437 (Zhengtong 1)	Tuohuoma 脫火麻		Yingzong shilu, juan 24
1447 (Zhengtong 12)	Tuohuma 脫忽麻	Khan: Maheima wang (Muḥammad Khan) Envoy: Tumintu Maheima (Tūmen tuy Muḥammad)	Yingzong shilu, juan 153
1447 (Zhengtong 12)	Tuohuma	Wangzi (Prince) Envoy: Huozhi Maheima Tumintu (Khwāja Muḥammad Tūmen tuy)	Yingzong shilu, juan 154
1453 (Jingtai 3)	Tuohuma	Bulahaī wang (Abū’l-Khayr Khan)	Yingzong shilu, juan 224
1456 (Jingtai 7)	Tuohuma	Shanxiding (Shams ad-Din)	Yingzong shilu, juan 270

After 1456, Tuohuma disappeared from *Ming shilu*. The Eastern Tūqmāq began to split into three parts: the “Özbek Shībān”, the “Özbek Qazaq” and the “Özbek Mangit”. According to Z.V. Togan, the division of the Özbeks into the “Özbek”, the “Qazaq” and the “Mangit-Nogay” took place not in the Idil basin but while they were living in the Syr Darya basin [37, p. 30]. At that time, the western regions of today’s Kazakhstan, as well as Bashkurt and Tura lands, became subjected to Mangit-Nogay in their entirety. In 1486, Muḥammad Shībānī, the real founder of Shībānid power, took control of some fortresses of Khwārazim. At the turn of the sixteenth century, Muḥammad Shībānī led his fellow Shībānids and their non-Chingīzid tribal supporters’ invasion of the Tīmūrid-governed Māwarā al-nahr, conquered Samarqand from Babur in 1500.

In the first half of the sixteenth century, the Ming Chinese chroniclers refer to the Qazaq Khanate as 額即亂, or 額即亂哈辛. The name in *Ming shilu* must be

²² Chinese text: 癸巳哈密并脱忽麻等處使臣指揮陝西丁…等來朝貢馬及方物; 賜宴并綵假表裏等物有差.

pronounced as *Ejibie*, or *Ejibie-Haxin*, a Chinese transcription of “Özbek”, or “Özbek-Qazaq” [16, p. 135–138].

Regarding *Ejibie-Haxin*, *Ming shilu* reports that (16 March 1532):

“As for *Ejibie-Haxin*, according to a report by the Libu 禮部 (Ministry of Rites), [his state] is a *Dada huiyi* 韃靼回夷 (a foreign state of Tatar Muslims)” [25, *Shizong shilu*, juan 135, p. 3192].

Another Ming source, *Shuyu Zhouzi lu* 殊域周咨錄 (Informative records on countries far away), completed by Yan Congjian 嚴從簡 in 1574, contains an account of *Ejibie-Haxin* that includes the following:

“The king of *Haxin*, formerly living in the Northern Mountains of Samarqand in *Ejibie* (Özbek) territory, was also known as being half *Dazi* (half Tatar)²³. Earlier, he had sent an envoy, *Tursun*, to present tribute and check [information] with the archives. So, *Haxin* of today is the *Haxin* of before, which was at that time known as a niche of the Northern Mountains, which now has the place name of *Ejibie* (Özbek)” (43, juan15: 492f).

The Ming Chinese sources refer to the *Shībānīd* Dynasty as *Sama'erhan* (撒馬兒罕, Samarqand) or *Sama'erhan dimian* (撒馬兒罕地面, the Samarqand realm), for the city of Samarqand was its capital in the reviewed period, another name for the *Shībānīd* Dynasty. The designation Samarqand, as a generic term for the *Tīmūrid*-governed *Māwarā al-nahr*, continued to be used in the *Shībānīd*-governed *Māwarā al-nahr* in the Ming sources.

In order to clarify this ambiguity, Ming Chinese historians refer to the khans of the *Shībānīd* Dynasty as the *Sama'erhan fanwang* (Foreign king of Samarqand):

The “*Wuzong shilu*” (Veritable Records of the *Wuzong* [Emperor] of the Ming) transliterated the name of *Muhammad Shākhī Bīk/Shaybak* (or *Shībānī*), the first ruler of the *Shībānīd* Khanate, as *Shayibie* 沙亦兒。The *Ming shilu* refers to *Shībānī* as “*fanwang Shayibie* 番王沙亦兒”, the “foreign king *Shākhī Bīk*” of *Sama'erhan* 撒馬兒罕 (Samarqand), on the day of *guimao* 癸卯 in the eleventh Chinese lunar month in the third year of the reign of *Zhengde* (December 1, 1508):

“The envoy *Maheima Huozhe* 馬黑麻火者 (*Muhammad Khwāja*) and others who had been sent by *Shayibie* (*Shākhī Bīk*), the barbarian king of *Sama'erhan* (Samarqand), presented camels and horses, offered tribute of local products. Variegated silks and other goods, as appropriate, were conferred upon them” [25, *Wuzong shilu*, juan 44, p. 1012]²⁴.

Conclusion

Ming shilu suggests that at least by the end of the fourteenth and the early years of the fifteenth century *Salai* (Saray) became an integral (and possibly the most important) element in the name that the Ming court used for the country of the *Jūchīd Ulūs*. The Persian and the Mongol historians used the term *Tūqmāq* and *Togmog* to refer to the *Jūchīd Ulūs*, while the Ming China historians used the term *Tuohema* to refer to the *Jūchīd Ulūs* or the whole *Dasht-i Qipchāq* in the post-Mongol Central Eurasia. The diplomatic contact between Ming China and the *Tuohuma* occurred

²³ *Dazi* 達子, the other name for Tatars (Mongols), partly survived in the popular language as *Dazi*.

²⁴ Chinese text:

撒馬兒罕番王沙亦兒王等各遣使馬黑麻火者等貢馬駝及方物;賜綵段等物有差。

through the Chinese system of tribute trade during the first half of the fifteenth century. Under the reign of Yongle (1402–1424), Zhengtong (1435–1449) and Jingtai (1449–1457), the foundations for a flourishing relationship between Ming China and the Jūchīd Ulūs were established. At that time, the Chinese knew the Jūchīd Ulūs by the name Salai (Saray) and Tuohuma (Tūqmāq). Despite the political turmoil that erupted after the fall of the Jūchīd Ulūs, Chinese gleaned new information about the Jūchīd Ulūs from envoys who arrived from Central Asia.

REFERENCES

1. Abd al-Qadir ibn Muhammad-Amin. *Majma al-ansab va-l-ashjar*. Trans. and eds. Sh.H. Vohidov, A.K. Muminov, B.B. Aminov. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [The History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. II. Almaty, Dayk, 2005. (In Persian, Russian)
2. Aboul-Ghāzi Béhâdour Khân. *Histoire des Mongols et des Tatares*. Trans. Petr I. Demaisons. St. Petersburg, 1871–1874; repr., Amsterdam, Philo, 1970. (In French)
3. Akishev K., Khabdulina M. Kazakhskoe gosudarstvo XV–XVI vv.: etnicheskaya territoriya, pamyatniki kultury [The Kazakh State of the 15th–16th centuries: The Ethnic Territory, Cultural Monuments]. *Euraziyskoe soobshestvo: obshchestvo, politika, kultura* [The Eurasian Community: Society, Politics, Culture]. №1 (21), 1998. (In Russian)
4. *Belaya Istoriya. Mongolskiy istoriko-pravovoy pamyatnik XIII–XIV vv.* [The White History. The Mongolian Historical and Legal Monument of the 13th–14th centuries]. Vanchikova Ts.P. (ed.). Ulan-Ude, 2001. (In Russian)
5. Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources: Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century*. London, Trübner, 1910 [2 vols.].
6. Col. Miles. *The Shajrat ul Atrak or Genealogical Tree of the Turks and Tatars*. London, 1838.
7. Deftere Chyngyz-name [Däftär-i Ćingiz-nāmä]. Kazan, 2000. (In Tatar)
8. *Da Ming huidian* 大明會典 [Collected Statutes of the Ming Dynasty], by Li Dongyang 李東陽 (1447–1516). Beijing, Zhonghua, 1988. (In Chinese)
9. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, PA, Pennsylvania State University Publ., 1994.
10. Elias Ney (ed.), E. Denison Ross (tr.). *The Tārīh-i Rasīdī of Mīrzā Muḥammad Ḥaidar, Dughlāt: A History of the Moghuls of Central Asia*. London, Sampson Low, 1895 [repr. Leipzig 2005].
11. Hu Zhenhua 胡振華, Huang Runhua 黃潤華, *Mingdai wenxian “Gaochang guan ke”* (Huihu wengao yong Lading wenzi yizhu) 明代文獻“高昌館課” (回鶻文稿用拉丁文字譯注). Beijing, Zhongyang minzu xueyuan keyanchu, 1980. (In Chinese)
12. *Istoriya Kazakhstana v Persidskikh Istochnikakh*, III [The History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. III]. Almaty, Dayk, 2006. (In Russian)
13. Johann Schiltberger. *The Bondage and Travels of Johann Schiltberger: A Native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396–1427*. Trans. J. Buchan Telfer. London, 1879.
14. Kamāl al-Dīn ‘Abd al-Razzāq Samarqandī. Maṭla‘-i sa‘dain va majma‘-i baḥrain. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy*, II. *Izvlcheniya iz Persidskikh sochineniy sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collected Materials Related to the Golden

- Horde History. Vol. II: Extracts from the Persian Sources Collected by V.G. Tiesenhausen]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1941. (In Persian, Russian)
15. Kauz R. *Politik und Handel zwischen Ming und Timuriden: China, Iran und Zentralasian im Spätmittelalter*. Wiesbaden, Reichert verlag, 2005. (In German)
 16. Kenzheakhmet N. The Qazaq Khanate as Documented in Ming Dynasty Sources. *Crossroads – Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World*. 2014, Vol. 8, pp. 131–156.
 17. Kenzheakhmet N. The Place Names of Central Asia in the Kangnido. *Journal of Asian History* (49) 2015, 1/2, pp. 141–160.
 18. Khvāndamīr, Ghiyās al-Dīn b. Humām al-Dīn. *Tārīkh-i Ḥabīb al-siyar fī akhbār-i afrād-i bashar*. Edited by Jalāl al-Dīn Humā'ī. 4 vols. Tehran, Kitābfurūshī-i Khayyām, 1333/1954–55. 3rd repr. ed., 1362/1984. (In Persian)
 19. Lubsan Danzan. *Altan Tobči* [The Golden Tale]. Trans. N.P. Shastina. Moscow, 1973. (In Mongolian, Russian)
 20. Lubsangdanjin. *Altan Tobči: eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts von Blo bzan bstan'jin*. Ed. Hans-Peter Vietze and Gendeng Lubsang. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. (In German)
 21. Luo Hongxian. *Guang yutu* [Broad Terrestrial Map]. Taipei, 1969. (In Chinese)
 22. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov* [Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th–18th centuries]. Comp. and trans. C.K. Ibragimov and others. Alma-Ata, Nauka Kazakhskoy SSR, 1969. (In Russian)
 23. Mas'ūd Kūhīstānī. Tārīkh-i Abū'l-Khayr Khānī. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov* [Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th–18th centuries]. Comp. and trans. C.K. Ibragimov and others. Alma-Ata, Nauka Kazakhskoy SSR, 1969. (In Persian, Russian).
 24. *Ming shi* 明史 [History of the Ming], by Zhang Tingyu 張廷玉 (1762–1755). Taipei, Guofang yanjiuyuan Ming shi biancuan weiyuanhui, 1962. (In Chinese)
 25. *Ming shilu* 明實錄 [The Veritable Records of the Ming]. Taipei, Zhongyang yanjiuyuan lishi yuyan yanjiusuo, 1964–1967. (In Chinese)
 26. Мирзо Улуғбек. *Тўрт улус тарихи*. Тошкент, 1994. (In Uzbek)
 27. Mu'izz al-ansāb fī shajarat al-ansāb, facsimile ed., trans. Sh.Kh. Vohidova and others. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh 3* [The History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. III]. Almaty, Dayk, 2006. (In Persian)
 28. Naṭanzī, Mu'īn al-Dīn. Muntakhab al-tavārīkh-i Mu'īnī. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy, II. Izvlecheniya iz Persidskih sochineniy sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collected Materials Related to the Golden Horde History. Vol. II: Extracts from the Persian Sources Collected by V.G. Tiesenhausen]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1941. (In Persian, Russian)
 29. Naṭanzī, Mu'īn al-Dīn. *Muntakhab al-tavārīkh-i Mu'īnī*. Edited by Jean Aubin. Tehran, Khayyam, 1336/1957. (In Persian)
 30. Pelliot P. *Le Hōja et le Sayyid Ḥusain de l'histoire des Ming*. Leiden, 1948. (In French)
 31. *Qazaqstan Tarihy* [History of Kazakhstan], vol. 2: *Qazaqstan Songghy Orta Ghasyrlar Dawirinde* [Kazakhstan in the Late Medieval Period]. Comp. by Valikhanov Institute of History and Ethnology, Margulan Institute of Archaeology of Kazakhstan. Almaty, Atamura, 1998. (In Kazakh)
 32. Rashiduddin Fazlullah. *Jami 'u't-tawarikh (Compendium of Chronicles): A History of the Mongols*. Translated by W.M. Thackston. 3 pts. Sources of Oriental Languages and Literatures 45. [Cambridge, MA], Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University, 1998–1999.
 33. Shajarat al-atrāk. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy, II. Izvlecheniya iz Persidskih sochineniy sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collected Materials Related to the Golden Horde History. Vol. II: Extracts from the Persian Sources Collected

by V.G. Tiesenhausen]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1941. (In Persian, Russian)

34. Ssanang Ssetsen. *Erdeni-yin Tobci* ('Precious Summary'): *A Mongolian Chronicle of 1662*. Ed. M. Gō, I. de Rachewiltz, J.R. Krueger, and B. Ulaan, vol. 1: *The Urga Text*. Canberra, The Australian National University, 1990.

35. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy*, II. *Iz vlecheniya iz Persidskih sochineniy sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collected Materials Related to the Golden Horde History. Vol. II: Extracts from the Persian Sources Collected by V.G. Tiesenhausen]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1941. (In Russian).

36. Tauarih-i guzida-yi nūsrat-name. *Qazaqstan tarihy turaly türk derektmeler*, vol. 1, XV–XIX Gasyrlar şyğarmalarynan üzindiler. Trans. and ed. M.Q. Äbuseýtova. Almaty, Dayk, 2006. (In Kazakh)

37. Togan Z.V. The Origins Kazaks and the Özbeks. *The Central Asia Reader: The Rediscovery of History*. Ed. H.B. Paskoy. New York/London, M.E. Sharpe, 1994.

38. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar Historical Sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, Kazan State Universitet Publ., 1972. (In Russian)

39. Ütamīsh Hājjī. *Tārīkh-i Dūst Sulṭān*, ed. and tr. V.P. Yudin, with M.Kh. Abu-seitova, as *Chingiz-Name*. Almaty, Ghylym, 1992. (In Turkic, Russian)

40. Wulan. "Menggu yuanliu" yanjiu [The Studies of "Erdeni-yin Tobçi"]. Shenyang, Liaoning minzu chubanshe, 2000. (In Chinese)

41. *Xiyu fan'guo zhi* 西域番國誌 [A Record of the Barbarian Countries in the Western Region], by Chen Cheng 陳誠 (jinshi 1394). Beijing, Zhonghua, 2000. (In Chinese)

42. *Xiyu xingcheng ji* 西域行程記 [Record of a Journey to the Western Regions], by Chen Cheng 陳誠 (jinshi 1394). Beijing, Zhonghua, 2000. (In Chinese)

43. Yan Congjian 嚴從簡 (jinshi 1559). *Shuyu zhouzi lu* 殊域周咨錄 [Informative Records on Countries far away]. Beijing, Zhonghua, 2000. (In Chinese)

44. *Yuan shi* 元史 [The History of the Yuan], comp. by Song Lian 宋廉 (1310–1381). Beijing, Zhonghua, 1976. (In Chinese)

45. Zain al-Dīn b. Ḥamd Allāh Mustaufī Qazvīnī. *Tārīkh-i guzīda*. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy*, II. *Iz vlecheniya iz Persidskih sochineniy sobrannye V.G. Tizengauzenom* [Collected Materials Related to the Golden Horde History. Vol. II: Extracts from the Persian Sources Collected by V.G. Tiesenhausen]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1941. (In Persian, Russian)

46. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, 2004. (In Russian)

About the author: Nurlan Kenzheakhmet – Dr. Sci. (History), Visiting Professor of Department of Kazakh Language and Turkic Studies, School of Humanities and Social Sciences, Nazarbayev University (53, Kabanbay batyr ave., Astana 010000, Kazakhstan). E-mail: nurlan.kenzheakhmet@nu.edu.kz

Received July 5, 2017 Accepted for publication November 25, 2017

Published December 29, 2017

**ТУКМАК И МИНСКИЙ КИТАЙ: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ
ТУКМАК И КИТАЕМ В МИНСКИЙ ПЕРИОД (1394–1456)**

Нурлан Кенжеахмет

*Назарбаев Университет
Астана, Казахстан
nurlan.kenzheakhmet@nu.edu.kz*

Цель исследования: мало что известно о дипломатических отношениях между улусом Джучи и Минским Китаем (1368–1644), несмотря на наличие некоторых сведений о ранних данническо-торговых отношениях. Первый сохранившийся китайский отчет о стране Салай (Сарай) датируется приблизительно 1394 годом, а отчеты о дипломатических обменах между Мин и улусом Джучи впервые появляются в «Мин шилу» («Доподлинные хроники династии Мин»).

Материалы исследования: в данной статье анализируется содержание «Мин шилу» с целью понять характер китайских сведений об улусе Джучи в период контактов между 1394 и 1456 годами. Такие дополнительные источники, как географические отчеты и карты, помогают определить степень осведомленности о ханстве, прояснить, какой тип информации китайцы искали, и для чего, и оценить влияние межкультурного контакта на понимание Минским Китаем улуса Джучи.

Результаты и новизна исследования: «Мин шилу» наводит на мысль, что по крайней мере к концу XIV и первым годам XV века Салай (Сарай) стал неотъемлемым (и, возможно, важнейшим) элементом названия, которое Минский двор использовал по отношению к улусу Джучи. Персидские и монгольские авторы использовали термин Тукмак и Тогмог в отношении к улусу Джучи, тогда как авторы Минского Китая использовали термин Туохума в отношении Джучидского улуса или всего Дашт-и Кипчака в пост-монгольской Центральной Азии. Дипломатический контакт между Минским Китаем и Туохума проходил в рамках китайской системы даннической торговли в течение первой половины XV века. В правления Юнлэ (1402–1424), Чжу Цижэня (1435–1449) и Чжу Циюя (1449–1457) были установлены плодотворные отношения между Минским Китаем и улусом Джучи. В это время китайцы знали улус Джучи под именем Салай (Сарай) и Туохума (Тукмак). Несмотря на политическую нестабильность, возникшую после распада улуса Джучи, китайцы получали новые сведения об улусе Джучи от посланников, прибывавших из Центральной Азии.

Ключевые слова: улус Джучи, Минский Китай, Сарай и Салай, Узбек и Юэдзубо, Тукмак и Туохума, хроники Минского Китая, китайские карты

Для цитирования: Kenzheakhmet N. The Tūqmāq and the Ming China: The Tūqmāq and the Chinese Relations during the Ming Period (1394–1456) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 770–785. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.770-785

Сведения об авторе: Нурлан Кенжеахмет – доктор исторических наук, приглашенный профессор Отделения казахского языка и тюркологии, школа гуманитарных и социальных наук, Назарбаев Университет (53, просп. батыра Кабанбая, Астана 010000, Казахстан). E-mail: nurlan.kenzheakhmet@nu.edu.kz

*Поступила 05.07.2017 Принята к публикации 25.11.2017
Опубликована 29.12.2017*

**ОТ «БАСКАРДОВ» ДО «БАШКИРЦЕВ»:
СУДЬБА ЭТНОНИМА В XIII–XVI ВЕКАХ*****А.В. Аксанов****Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
aksanov571@gmail.com*

Цели: проанализировать сведения источников XIII–XVI вв. о «баскардах», «паскатурах», «баскирдах», «башкирдах», «башкирцах» (вместе с другими разночтениями) и изучить соотношение этих этнонимов и историческую судьбу их носителей.

Материалы исследования: помимо письменных источников (латинские, русские и арабографические), привлечены материалы археологических исследований, данные лингвистики, эпиграфики, исторической этнологии и климатологии.

Результаты и новизна исследования: до монголо-татарского нашествия к востоку от Булгара располагалась Великая Венгрия («Magna Hungaria»), населенная «баскардами» («Bascardi»), которые, по данным письменных источников и археологии, относились к кочевым уграм, являвшимся в основной своей массе язычниками. В результате Великого западного похода Чингизидов большая часть приуральских угров («баскардов») погибла или покинула эту территорию (часть населения бежала от захватчиков, а часть – подверглась депортации). В эпоху Золотой Орды Приуралье было заселено тюрками-мусульманами из Булгара и Средней Азии, которые постепенно ассимилировали остатки «баскардов» Южного Приуралья. В XV–XVI вв. этнонимы «баскирды», «башкирды», «башкирцы» и подобные им не связываются с Южным Приуральем, а связываются с более северными территориями, с верховьями Камы. Вследствие серьезных климатических и политических изменений, начавшихся в 1550-е гг. (один из климатических минимумов Малого ледникового периода, падение Казанского ханства, смута и мор в Ногайской Орде), «башкирцы» начали миграцию в Южное Приуралье, где они и фиксируются источниками XVII века.

Ключевые слова: баскарды, башкирцы, кочевые угры, Великая Венгрия, Булгар, Золотая Орда, Казанское ханство, Ногайская Орда

Для цитирования: Аксанов А.В. От «баскардов» до «башкирцев»: судьба этнонима в XIII–XVI веках // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 786–800. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.786-800

**FROM THE “BASCARDI” TO THE “BASHKIRS”:
THE FATE OF AN ETHNONYM DURING THE 13TH–16TH CENTURIES*****A.V. Aksanov****Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
aksanov571@gmail.com*

Research objectives: To analyse information of the sources of the 13th–16th centuries regarding the “Bascardi”, “Pascatur”, “Baschirdi”, “Bashkirds”, “Bashkirs” (together with

other variations) and to study the interrelation of these ethnonyms and the historical fate of those who bore them.

Research materials: In addition to written sources (Latin, Russian and Arabic), materials from archaeological research, linguistic data, epigraphy, historical ethnology and climatology.

Research results and novelty: Prior to the Mongol-Tatar invasion, “Magna Hungaria”, located east of Bolghar, was inhabited by the “Bascardi” who, according to written sources and archaeology, belonged to the nomadic Ugrians and consisted mostly of pagans. During the Great western campaign of the Mongols, most of the Cisuralic Ugrians (“Bascardi”) perished or left this territory (one part of the population fled from the invaders and the other one was deported). During the Golden Horde period, Muslim Turks from the Bolghar and Central Asia settled in the Cisuralic region and gradually assimilated the remains of the “Bascardi” of the Southern Cis-Urals. In the 15th–16th centuries, the ethnonyms “Baschirdi”, “Bashkirs” and the like are not associated with the Southern Cis-Urals, but with more northern territories – that is, with the upper reaches of the Kama. Due to serious climatic and political changes that began in the 1550s (one of the climatic minima of the Little Ice Age, the fall of the Kazan Khanate, and turbulence combined with epidemics in the Nogai Horde), the “Bashkirs” began to move to the Southern Cis-Urals, as is evidenced by the sources of the late 16th–17th centuries.

Keywords: “Bascardi”, “Bashkirs”, nomadic Ugrians, Magna Hungaria, Bolghar, Golden Horde, Kazan Khanate, Nogai Horde

For citation: Aksanov A.V. From the “Bascardi” to the “Bashkirs”: The Fate of an Ethnonym during the 13th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 786–800. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.786-800

В источниках XIII–XVI вв. упоминаются такие этнонимы, как «баскарды» («Bascardi»), «паскатур» («Pascatur»), «баскирды» («Baschirdi»), «башкирды», «башкирцы» и т.п. В середине XX в. в отечественной историографии прочно утвердилось мнение, согласно которому, эти этнонимы связывались с тюркоязычными предками современных башкир. Утверждалось и то, что эти средневековые «башкиры» в период с XIII по XVI вв. непрерывно занимали территорию современного Башкортостана и прилегающие к нему земли. При этом основные аргументы, подтверждающие тюркоязычную принадлежность и многовековую автохтонность средневековых «башкир», исследователи находили в башкирских шеджере, большая часть которых была записана только в XIX–XX веках! Однако зачастую историки не обращали внимания на то, что синхронные источники содержат сведения, не согласующиеся с этими представлениями¹.

Католические миссионеры, совершившие путешествия в восточном направлении накануне и после Великого западного похода Чингизидов, в своих отчетах упоминают о «баскардах». По сообщениям Юлиана, Иоанна де Плано Карпини, Гийома де Рубрука и других авторов, «баскарды/бастарки/паскатуры» (встречаются и другие варианты написания этого этнонима) являлись «язычниками-венграми» и говорили на венгерском языке, а их страна, являвшаяся прародиной западных венгров-христиан, называлась «Великой (Старшей) Венгрией» («Magna Hungaria») и располагалась к востоку от Волжской Булгари и к северу от «Комании», откуда проистекает р. Яик [34,

¹ Историографию вопроса см.: [2, с. 233–235].

с. 157–170]. Юлиан и Матвей Парижский сообщают о полном опустошении Великой Венгрии татарами, а Гийом де Рубрук, посетивший Улус Джучи уже после завоеваний Батыя, писал о распространенности ислама среди населения Великой Венгрии. Опираясь на эти данные, Р. Хаутала пришел к выводу, что «после завоевания Великой Венгрии в 1236 году татары, по всей видимости, депортировали основную часть заволжских мадьяр из их области обитания в наказание за их длительное сопротивление (в течение 14 лет) и, что тоже вполне вероятно, способствовали притоку в регион нового населения мусульманской ориентации» [34, с. 170].

Выводы, сделанные на основе письменных источников, вполне согласуются и с заключением археологов, обосновавших типологическую близость могильников Венгрии с кушнаренковско-караякуповскими могильниками Приуралья [32, с. 37–42; 33, с. 141–156]. По мнению А.Х. Халикова, оставшиеся в Приуралье венгры жили на данной территории до монголо-татарского завоевания, в результате которого они были включены в состав покоренного населения [31, с. 76].

Таким образом, у нас достаточно оснований полагать, что до установления власти Чингизидов к востоку от Волжской Булгарии располагалась обширная территория так называемой Великой Венгрии, и на ней проживали заволжские венгры-мадьяры («баскарды/паскатуры»), которые только в результате 14-летней войны в 1236 г. были покорены монголо-татарами. Во время Западного похода Чингизидов католические миссионеры в восточных пределах Владимиро-Суздальского княжества повстречали «венгров-язычников», бежавших со своей родины «перед лицом тартар», то есть часть заволжских мадьяр в результате монголо-татарского вторжения бежала на запад². В то же время сохранилось солидное количество сведений, указывающих на то, что другая часть приуральских венгров была расселена по различным улусам Монгольской империи. Такая переселенческая политика зачастую применялась Чингизидами по отношению к народам, оказавшим наиболее серьезное сопротивление при завоевании³. Оставшееся угорское население, которое можно соотнести с археологическими чияликцами конца XIII – начала XV века, относительно быстро исламизируется. На завершающем этапе чияликской культуры (конец XIII – начало XV в.) обнаружены захоронения, осуществленные по канонам ислама, но с многочисленными пережитками «языческого угорского обряда: это круглодонные сосуды с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией, поставленные в изголовье могилы, остатки конской шкуры и бляшки-наглазники (Кушулевский, п. 1, 65; I Аз-

² «Венгры-язычники» – «баскарды», которые бежали от татар и повстречались миссионерам на восточной границе Суздальской земли [34, с. 170], могли быть предками «башкирцев», упомянутых среди населения г. Темникова в грамоте князю Еникееву Тенишеву от 1539 года [3, с. 156]. Правда, в дальнейшем темниковские «башкирцы» не встречаются в источниках, поэтому не исключено, что они вместе с темниковскими татарами были переселены в Приуралье и составили основу башкиро-мещерякского войска.

³ Письменные и археологические источники указывают на то, что оставшиеся после нашествия приуральские угры были переселены на территорию Булгарского улуса и Средней Азии, а оттуда, в свою очередь, население прибыло в Приуралье. Более подробно о депортации приуральских угров см.: [19, с. 8–9; 34, с. 170–173].

метьевский, п. 44, 50, 93), женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с желудевидными бусинами» [6, с. 124].

На основе более поздних сообщений можно допустить, что на обширном пространстве Великой Венгрии Чингизиды учредили несколько новых улусов, основу которых составили переселенцы из Булгара и Средней Азии. Это подтверждается тем, что на данной территории появляются болгарские эпитафии [35, с. 131] и культовые сооружения, построенные в болгарском и среднеазиатском стилях. Г.Н. Гарустович выделил в Волго-Уральском регионе «болгарскую» и «среднеазиатскую периферийную» школы зодчества. По его словам, «строения двух этих школ зодчества легко различаются между собой, поскольку к «болгарской» школе относятся каменные мавзолеи, а к «среднеазиатской периферийной» школе – строения из обожженного квадратного кирпича» [9, с. 178–179]. О близости материальной культуры Среднего Поволжья и Приуралья в золотоордынское время свидетельствуют и другие данные археологии [28, с. 88–100]. К тому же, по сообщению автора «Казанской истории», земли по р. Белой относились к Булгару [27, с. 403]. Учитывая данные письменных источников и археологии об исламизации приуральского населения, напрашивается вывод о том, что во второй половине XIII–XIV веке важную роль в исламизации местного населения сыграли мусульмане из Булгара и Хорезма. Видимо, столь значительная миграция населения не только ускорила исламизацию, но и тюркизацию оставшихся после нашествия приуральских угров.

Однако в северной части Великой Венгрии эти процессы шли намного медленнее. Вероятнее всего, поэтому вплоть до XV–XVI вв. в верховьях р. Камы сохраняются археологические культуры с угорскими чертами, и именно с этой областью синхронные письменные источники соотносят этнонимы «баскирды», «башкирды», «башкирцы» и т.п. Важно учитывать, что обозначенный район уже с раннего средневековья заселялся полукочевыми угорскими общностями. Более 400 памятников Ломоватовской культуры VI–XI вв. с характерными угорскими признаками занимают «правобережье и левобережье среднего и верхнего течения Камы от реки Чусовой и почти до верховий» [7, с. 57]. А с XI до конца XVI в. культуры Пермского Приуралья близки к чияликской археологической культуре [14, с. 97–98]. Важное наблюдение по этому поводу сделал В.А. Оборин. Согласно ему, «остяков, живших в XVI–XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами... Остяки жили в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье. Происхождение этих культур связано с прониканием угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии» [21, с. 28–38; 22, с. 130–135].

Учитывая, что в Приуралье отсутствуют древние топонимы, связанные с корнем «башкир»/«башкорт», можно заключить, что это экзоним, произошедший от тюркского экзоэтнонима «баджа огур» – свояк огур, свояк угров⁴. Такая этнонимия согласуется с тем, что и католические миссионеры, имевшие личные контакты (!) с приуральским населением, называли «баскардов»

⁴ Тюрколог Н.А. Баскаков выдвинул следующее лингвистическое обоснование развития этой этнонимии: «badža oğur (сваяк огур, свояк угров) > badž(a) oğur > badžyar получил форму madž(a) oğur > madžyur > madžyar > madjar, т.е., иначе говоря, этнонимы башкиры и мадьяры имели общее происхождение» [5, с. 13–18].

венграми по языку, то есть уграми, и более ранние сведения Ибн Фадлана, повстречавшего (!) «башкурд», указывают на угорское происхождение этих племен. Во-первых, Ибн Фадлан, знавший тюркские языки, вынужден был общаться с «башкурдами» через переводчика [15, с. 132]⁵. Во-вторых, археологи А. Белавин и В. Иванов, исходя из наличия кушнаренковско-караякуповских материалов в степях Южного Предуралья, пришли к выводу, что «встреченные Ибн Фадланом «башкиры» были кочевые угры. И, скорее всего, деревянная палочка «величиной с фалл», которую (по сведениям Ибн Фадлана. – А.А.) «башкиры» вешали на себя и с которой каждый связывал свое появление на свет, являлась не в буквальном смысле изображением этого органа, а деревянным идолом-оберегом иттерма, подобным найденному в кургане №5 Бакалинского могильника» [6, с. 123].

Письменные источники XV–XVI вв. связывают «баскирд/башкирд» и «Башкирскую землю» с верховьями р. Камы, с территорией Пермского Предуралья. По сообщению автора «Казанской истории», «башкирския улусы» находились «за 700 верст за Казань» [27, с. 403], причем под «за Казаньем» понимались земли, находившиеся к северо-востоку от Казани, поскольку при описании юго-восточных границ Казанского ханства этот летописец, как и С. Герберштейн, и другие авторы рассматриваемого периода, не упоминает «башкир» [2, с. 235].

Такое понимание текста Казанской истории согласуется и с более ранними известиями европейцев. По сообщениям М. Меховского от 1517 года, «за Московией *на северо-востоке* (здесь и далее курсив наш. – А.А.), на краю северной Азии, собственно называемой Скифией, находятся народы и области, подчиненные государю Московии, впервые покоренные князем Московским Иваном, а именно Пермь, *Башкирия*, Чиремисса, Югра и Корела» [27, с. 402]. Аналогичные данные передает Альберт Кампензе (1523/1524 г.): «*К северо-востоку от Московии*, за Вяткою и Устюгом, в расстоянии пяти сот Немецких миль, живут Печоране и Вогуличи», за ними «живут другие Скифские племена, как то: Югры, Карелы, *Башкиры* и Черемисы» [27, с. 402].

Сведения европейцев о соседстве башкир с Пермью, Югрой, вогулами и черемисами не противоречат сообщениям «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (начало XVI в.), Утемиша-хаджи (середина XVI в.), Катиба Челеби (XVII в.) и Абдулгаффара Кырыми (XVIII в.), указывающим на близость «чимги башгырт»/«башкирских татар»/«башкурт» к тюменским татарам и вилайату Чимги-Тура (Тюменскому ханству) [20, с. 233, 237, 244; 27, с. 433; 30, с. 72, 147].

А.М. Курбский, лично участвовавший в походе на Казань в 1552 г. и в последовавших за этим военных экспедициях по покорению народов Казанского ханства, оставил более подробное описание «башкир». В первом случае, характеризуя народонаселение ханства, он указал на то, что «тѣ живут башкирцы *вверхъ великие рѣки Камы* в лѣсах», то есть «башкирцы» населяли леса верховьев Камы. Далее в рассказе о походе 1553–1554 гг. А.М. Курб-

⁵ При этом выражение Ибн Фадлана о том, что «башкурды» – это народ «из числа тюрков», отнюдь не указывает на их языковую принадлежность, поскольку в историописании того времени тюрками назывались не только тюркские по языку кочевники Великой степи (печенги, огузы, хазары и т.д.), но и тесно с ними связанные кочевники-мадьяры, которые по языку являлись уграми [30, с. 72, 147; 35, с. 106, 110, 119–121 и др.].

ский сообщил, что передние полки, преследуя казанцев, «гоняху за ними аже за Уржумъ и Мѣтъ-рѣку, за лѣсы великие, и оттуду аже *до башкирска языка, яже по Камѣ-рѣке вверхъ ко Сибири протяжается*» [27, с. 403–404].

«Башкирцы» упоминаются и в связи с нападением на пермских купцов в верховьях Камы, что зафиксировано в Указной грамоте Ивана IV Строгановым от 1572 г. и летописной статье под 1572 годом [27, с. 405–406]. О проживании «башкирцев» в верховьях Камы свидетельствуют и Ногайские дела, согласно которым в 1578 г. ногайцы «приходили... в Казанский уезд в остяки *на верх Камы воевать*». И далее в источнике уточняется: «*по реке по Каме на башкирцы и на остяки Казанского уезда... и башкирцы и остяки, собрався, иных побили...*»⁶. А в статье Строгановской летописи под 1581 г. дана более конкретная локализация «башкирцов»: «он же злый (пелымский князь. – А.А.) по неволи взя с собою *Сыльянских, и Косвинских, и Иренских, и Ивинских и Обвинских* Татар, и Остяков, и Вогуличь, и Вотяков и *Башкирцов* множество» [27, с. 406]. То есть, как и в предыдущих источниках, речь идет о верховьях Камы, а точнее, о ее притоках, располагавшихся к югу от Великой Перми.

В документах XVII в. на авансцену выходят юго-восточные, уфимские «башкирцы», но еще долгое время единственная «Башкурская волость» сохранялась в составе Тюменского уезда. Здесь необходимо учесть, что до основания Верхотурья (1597 г.) и Туринска (1600 г.) Тюменский уезд включал в себя весь бассейн р. Туры [8, с. 19–20]. В то же время, по наблюдениям Г.Ф. Миллера, тюменско-тобольские татары и башкиры еще долгое время называли друг друга «турали», то есть жителями области Тура [18, с. 194, 262]. Если учесть, что тюменские татары населяли среднее и нижнее течение Туры, то башкиры могли занимать верховья Туры, что опять же полностью согласуется с сообщениями «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», Утемишахаджи, Катиба Челеби и Абдулгаффара Кырыми.

Необходимо обратить внимание и на некоторые источники XVII–XVIII вв., которые повествуют о положении дел в более раннее время. В грамоте царя Михаила Федоровича от 1632 г. говорится о «старинных» владениях «башкирцев» в верховьях р. Камы: «Вотчины за нами *за башкирцы старинные* в Уфимском уезде речка Мулин, да речка Юг, да речка Нытва, да речка Отчера со всеми угоды»⁷. Аналогичная грамота была составлена и в канцелярии Петра I в 1701 году [13, с. 82–83].

Дополнительные географические ориентиры приводятся в исследовании голландского политика и ученого Н. Витсена, неоднократно посетившего Россию (впервые в 1664–1665 гг.). Согласно ему, «*в прошлом столетии* (то есть в XVI в. – А.А.)» «*в области Перми башкиры и черемисы поклонялись идолам*», при этом в другом разделе своей книги он уточняет, что «земли Перми, иначе называемые Пермь Великая, имеет соседями с юга башкир». Подробно описывая путь из Сибири, Н. Витсен обозначил еще один район, некогда занимаемый башкирами: «От этого озера (оз. Исеть – А.А.) до того места, где начинается река Чусовая, по каменным горам 6 миль пути... Эти земли *раньше* были заселены *башкирскими племенами*» [27, с. 431–432].

⁶ Цит. по: [11, с. 120].

⁷ Опять же речь идет о реках Пермского Предуралья [27, с. 429–430].

Таким образом, согласно аутентичным и в основном независимым друг от друга источникам, «Башкирская земля», область расселения «башкирд / башкирцев» локализуется в верховьях Камы, у южных границ Великой Перми, в верховьях Чусовой, Исети, Туры и других сопредельных рек.

Как видно, есть основания полагать, что общность «башкирд/башкирцев», обозначенная в источниках XV–XVI вв., была связана с «баскардами» Великой Венгрии. После включения Великой Венгрии в состав Монгольской империи на ее территории за счет притока мусульманского населения из Булгара и Средней Азии были образованы Беловолжский улус («Беловоложская земля») и улусы верхнекамского бассейна («Костяцкая (Остякская) земля» и «Цыплинская (Сылвенская) земля»), обозначенные в Московском летописном своде конца XV века. Вместе с этими землями Казанского ханства, русский летописец упомянул и «Бакширьскую (Башкирскую) землю» [25, с. 279]⁸, которую, вероятно, населяли потомки северных «баскардов» Великой Венгрии, известные по источникам XV–XVI вв. как «башкирды», «башкирцы» и «чимги башгырт».

Согласно «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» и «Кара таварих», народ «чимги башгырт» и улус «Башкурт» входили в сферу влияния Шибанидов – Хаджи-Мухаммада и Абулхайра [20, с. 233, 237, 244]⁹. Однако, по сообщениям русских летописей, в 1469 г. обширные приуральские земли («Беловоложская», «Костяцкая» (Остякская), «Цыплинская» (Сылвенская) и «Бакширьская» (Башкирская)) уже относились к владениям Казанского ханства [25, с. 279]. Следовательно, на каком-то этапе казанские Тукай-Тимуриды (Улугмухаммадовичи) вытеснили Шибанидов из указанных улусов. Возможно, именно в это время в районе среднего течения р. Белой возникли новые или были восстановлены старые крепости (Уфа («Уфа-2»), Боре («Чертово городище»), городище Кара-Абыз под Благовещенском, Старокалмашевское городище близ Чекмагуша и др.). Такое расположение укрепленных поселений в период единства Золотой Орды не имело смысла, но когда эти земли стали пограничьем двух конкурирующих династий, это могло стать необходимостью. В районе Туратау отмечается присутствие кунгратов, которые первоначально входили в войско Шибана и в более поздний период представляли интересы Шибанидов в Приуралье [12, с. 201]. Тогда как археологическая «Уфа-2», судя по всему, была южным форпостом Беловолжского улуса, с середины XV в. входившего в состав Казанского ханства. Поэтому, вполне возможно, что первые казанские ханы укрепляли свои позиции в этом регионе за счет строительства новых и/или восстановления доордынских крепостей, что должно было сопровождаться переселением сюда новых групп золотоордынских татар.

⁸ Текстологическое обоснование тождественности названий земель (Цыплинская – Сылвенская; Бакширьская – Башкирская) см.: [2, с. 229].

⁹ В «Кара таварих» приводится и уникальная информация о том, что Хаджи-Мухаммад, наряду с улусом «Башкурт», владел и неким «о(у)ланом», расположенным в стороне Булгара («Шэһр-и Болгар тарафында улан» (اولان)) [30, 158]. Под словом «о(у)лан» можно понимать поле, степь, открытую местность, что может соотноситься с персидским понятием «дешт», или с русским – «поле». При этом в исторических преданиях татар Приуралья сохранилось упоминание о городе под названием «Белалан»/«Акалан»/«Алан» [4, с. 54–55]. Поэтому, не исключено, что в «Кара таварих» речь идет об одном из городов-крепостей Беловолжского улуса.

Возможно, «Башкирская земля» вошла в состав Казанского ханства после того, как в 1457 г. Абулхайр потерпел поражения от калмыков, или после его смерти в 1468 году. Но на этом борьба за улус не закончилась. В русских летописях сохранилось косвенное указание на то, что к началу XVI в. эти земли вернулись под власть сибирских Шибанидов: в ответ на установление власти московского наместника в Великой Перми в 1505 г. Кутлук-султан б. Ибрагим организовал военный рейд в Пермское Предуралье [26, с. 99]. Вполне вероятно, что таким образом сибирские Шибаниды пытались противодействовать укреплению позиций великого князя в верхнекамских землях, которые, видимо, были отвоеваны ими у Казанского ханства в ходе противостояния, разгоревшегося в последние годы XV века [1, с. 121–122].

Известия М. Меховского, А. Кампензи¹⁰, А.М. Курбского, Духовная грамота Ивана IV от 1572 г. [27, с. 405] и местный актовый материал XVII в., который порой восходит к грамотам казанских ханов¹¹, свидетельствуют о том, что уже при хане Мухаммад-Амине (видимо, в последний период его правления) «Башкирская земля» вернулась под контроль Казани и находилась в этом положении вплоть до падения ханства.

В ходе завоевания Казанского ханства были подчинены и «башкирцы», которые, согласно официальным летописям, в 1557 г. «пришли, добив челом, и ясак поплатили» [24, с. 282]. Русские летописи не уточняют, откуда именно пришли «башкирцы» для уплаты ясака. Однако А.М. Курбский, участвовавший в кампании 1553–1554 гг., не только рассказал о месте расселения «башкирцев» (верховья Камы), но и сообщил об их политической судьбе: «И что ихъ было осталось, тѣ покоришася намъ» [27, с. 404]. То есть «башкирцы», оставшиеся в верховьях Камы, приняли власть Москвы уже в 1553–1554 гг., при этом А.М. Курбский указал на то, что не подчинившаяся часть «башкирцев» покинула эти земли. Видимо, о «челобитье» бежавших «башкирцев» (или о части их) речь идет в летописной статье под 1557 годом. Но в каком направлении они могли двинуться, спасаясь от воевод в 1553–1554 годах?

Синхронные источники почти ничего не донесли о нахождении «башкирцев» в 1560–1570-е гг., кроме известия о нападении ногайцев на «башкирцев» в верховьях Камы в 1578 году. В наказах русским послам в Ногайскую Орду от 1586 г. говорится о строительстве острога в устье р. Уфы «на Белой волошке... для оберегания Казанского уезда башкирцов (от хана Кучума. – А.А.) и для того, что... з Белой волошки казанским людем многим ходить на Сибирь... до и потом, чтоб казаки беглые с Волги на Белую волжку не ходили...» [23, с. 20]. Но и в этом отрывке не указано точное географическое положение «башкирцев», а учитывая широкий смысловой контекст причин строительства русской крепости в устье Уфы, нельзя сделать однозначных выводов о том, насколько близко к городу проживали «башкирцы». Более конкретные данные о расселении «башкирцев» находим в «Книге Большому

¹⁰ М. Меховский и А. Кампензи сообщают о том, что «башкиры» подчинились Москве при Иване III [27, с. 402]. Такое представление могло сформироваться вследствие того, что Иван III, по информации, распространенной на Западе, «подчинил» своей власти Казанское ханство и все зависимые от ханства земли, включая «Башкирскую».

¹¹ Известны случаи, когда жители Приуральских земель подтверждали свои владельческие права грамотами, восходившими к Ибрагиму, Мухаммад-Амину, Сахиб-Гирею и Сафа-Гирею. Сохранились и данные о ясачных обязательствах населения этой территории перед Казанью [11, с. 26, 145–150].

Чертежу» (1627 г.): «А усть реки Белья Воложки вверх и по реке по Уфе, по обеим сторонам и до Оральной горы и дале, все живут башкирцы» [16, с. 138–139].

Следовательно, «башкирцы», не подчинившиеся московским воеводам в 1553–1554 гг. и покинувшие верховья р. Камы, могли переселиться на более южные территории, находившиеся под контролем Ногайской Орды. Тем более что к этому времени из-за междоусобицы в Орде ногайцы стали покидать Южное Приуралье [29, с. 275], и здесь появились свободные земли для переселения. Причем одним из важнейших факторов данного миграционного процесса являлось резкое похолодание – пик Малого ледникового периода, начало которого отмечается именно с 1550-х годов [10, с. 206–210]. Симптоматично, что синхронная этническая миграция в южном направлении произошла и в Зауралье [17, с. 212–213].

Возвращаясь к вопросу о башкирских шеджере, якобы свидетельствующих о том, что и в XIII–XVI веках башкирские племена занимали территорию Южного Приуралья, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, как уже было сказано, это в основном устные предания записанные только в XIX–XX вв., и потому они скорее отражают историческую память людей того времени нежели историческую реальность XIII–XVI веков. Поэтому их данные нельзя ставить в основу исторических реконструкций даже при полном отсутствии синхронных сведений. Из поздних сказаний допустимо использовать только ту информацию, которая подтверждается синхронными источниками. Во-вторых, большая часть этих родословных была записана, когда за племенами усерган, бурджан, тамьян, табын, айле и другими этническими группами Башкирии уже закрепилась башкирская идентификация. При этом исследователи не учитывали, что события, описанные в шеджере, восходят ко временам, когда процесс формирования башкирской общности был еще далек от завершения и многие из этих племен не вошли в нее. Как было показано выше, источники эпохи Казанского ханства, описывая народы Южного Приуралья, не упоминают башкир (как и другие близкие к нему этнонимы).

Впрочем, о том, как с течением времени приуральские племена переселялись и входили в башкирскую общность (становились башкирами), рассказывается в самих шеджере. В кара-табынском шеджере описывается следующий маршрут миграции: из долины реки Миасс в долину реки Чулман (бассейн Камы выше устья Белой, верховья Камы), а потом на юг, в долину р. Ик [27, с. 456]. Переселение с верховьев Камы на юг помимо официальных документов отразилось и в исторической памяти гайнинцев и юрматинцев [27, с. 453–457]. Причем общим местом в гайнинских эпосах является то, что легендарный батыр Гайна пришел на юг верхом на олене из-за сильного холода, вызванного исчезновением солнца [27, с. 457].

В заключение эпоса сказано: «Гайнинцы – самые первые башкиры» [27, с. 457]. То есть здесь подразумевается, что гайнинцы стали первыми башкирами. Подобный контекст обретения имени «башкир», «башкир-вотчинников» сохранился и в шеджере племени юрматы: сначала для самоидентификации этой общности используется слово «ногай», затем, после ухода основной части ногайцев на юг, оставшееся население именуется «иштяками»,

и только после перехода предков юрматинцев на русскую службу они нарекаются «многоземельными башкирами-вотчинниками» [27, с. 453–456]. Аналогичный процесс прослеживается по грамоте, жалованной Иваном IV после завоевания Казани племенам усерген, кыпчак, бурджан и тамьян. По документу, эти племена получили права на южно-уральские земли, причем одна часть народа получила статус тарханов (освобожденные от уплаты податей), а другая – обязалась выплачивать «лисий ясак». Известно, что в дальнейшем племена усерген, кыпчак, бурджан и тамьян вошли в состав башкир, но в данной грамоте они еще не названы «башкортами» или «башкирцами», хотя здесь уже встречается термин «асаба» в словосочетании «Бөржанның асабуи йириду» (особая земля бурджан), что отражает процесс формирования сословной общности «асаба-башкорт» – башкир-вотчинников [27, с. 438–440].

Очевидно, что в этих источниках отразились события, произошедшие после падения Казани и ногайских усабиц 1550-х гг., связанные с переселением башкир на юг, постепенным вхождением народов Южного Урала под власть Москвы и складыванием сословной общности башкир-вотчинников, включившей в себя, кроме башкир, часть иштяков и ногайцев.

Таким образом, источники XIII–XIV вв. говорят о том, что в результате чингизидских завоеваний значительная часть «баскардов» (восточных венгров) погибла и была рассеяна по улусам Монгольской империи, а в опустошенные южные пределы Великой Венгрии были переселены мусульмане из Булгара и Хорезма. В источниках XV–XVI вв., наряду с народом «башкирды/башкирцы», упоминается «Башкирская земля» или улус «Башкурт», причем сохранились достаточно подробные сведения, по которым эти объекты локализуются в верховьях Камы. Однако по источникам XVII века земли «башкирцев» фиксируются уже намного южнее. Вероятнее всего, их миграция в Южное Приуралье началась в ходе завоевания Казанского ханства. Объяснить феномен этого перемещения можно факторами социально-политического и природно-климатического порядка, упомянутыми выше, но, все же, проведенный анализ показывает, что в этой истории еще много «белых пятен» и гипотез, нуждающихся в дополнительной верификации, поэтому данный вопрос требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Аксанов А.В. Восточные улусы Казанского ханства // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 225–250.
3. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III. М.: «Древлехранилище», 2002. 678 с.
4. Әхмәтҗанов М.И. Татар шәҗәрәләре (Беренче китап). Казан: ТКН, 1995. 127 б.
5. Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984. С. 13–18.
6. Белавин А., Иванов В. Население Западного Приуралья в X–XIV вв. // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 118–127.

7. *Белавин А., Крыласова Н.* Финно-угры в Приуралье // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 51–63.
8. *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Т. 1. Тюмень: Изд-во Мандрика, 1999. 327 с.
9. *Гарустович Г.* Мусульманские мавзолеи золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 177–184.
10. *Жилина Т.Н.* Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 206–211.
11. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
12. *Исхаков Д.М.* Взаимосвязи тюрко-татарских государств Западной Сибири и других регионов // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 195–205.
13. К истории Башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь: Типо-литография Губернского Правления, 1897. С. 77–88.
14. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: «Наука», 1978. 130 с.
15. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского госуниверситета им. А.М. Горького, 1956. 345 с.
16. Книга Большому Чертежу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.
17. *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Климатический фактор в истории Тюменского и Сибирского ханств // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции, г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. С. 211–214.
18. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.
19. *Миргалеев И.М., Аксанов А.В.* Введение // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 6–15.
20. *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010 (2011). Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 228–248.
21. *Оборин В.А.* К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 28–38.
22. *Оборин В.А.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // Археология и этнология Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964. С. 130–135.
23. *Пекарский П.П.* Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? СПб.: Типография императорской академии наук, 1872. 30 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
27. Приложения. Источники по истории татар Западного Приуралья // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские

средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 318–457.

28. Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. 58. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–113.

29. Трепавлов В.В. Южное Приуралье в составе Ногайской Орды // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 263–277.

30. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

31. Халиков А.Х. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа. 1988. С. 67–78.

32. Халикова Е.А. Magna Hungaria // Вопросы истории. 1975. №7. С. 37–42.

33. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. 1976. №3. С. 141–156.

34. Хаутала Р. Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XIV веков // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 156–177.

35. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 512 с.

36. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.: ил.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880>, **ResearcherID:** **K-2763-2017** (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 01.09.2017 Принята к публикации 27.11.2017

Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Aksanov A.V. *Kazanskoe khanstvo i Moskovskaya Rus': Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya v kontekste germeneyticheskogo issledovaniya* [Kazan Khanate and Muscovy: Interstate Relations in the Context of Hermeneutic Research]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 288 p. (In Russian)

2. Aksanov A. *Vostochnye ulusy Kazanskogo khanstva* [The Eastern Uluses of the Kazan Khanate]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 225–250. (In Russian)

3. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of the Serving Land Owners of the 15th – the beginning of the 17th century]. Vol. III. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2002. 678 p. (In Russian)

4. Akhmatjanov M.I. *Tatar shajaralare (Berenche kitap)* [Tatar Family Trees (First book)]. Kazan, TKN Publ., 1995. 127 p. (In Tatar)

5. Baskakov H.A. O proiskhozhdenii etnonima bashkir [About Origin of an Ethnonym of the Bashkirs]. *Etnicheskaya onomastika* [Ethnic Onomastics]. Moscow, 1984, pp. 13–18. (In Russian)
6. Belavin A., Ivanov V. Naselenie Zapadnogo Priural'ya v X–XIV vv. [Population of the Western Cisuralic Region in the 10th–14th centuries]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016, pp. 118–127. (In Russian)
7. Belavin A., Krylasova N. Finno-ugry v Priural'e [Finno-Ugrians in the Cis-Uralic Regions]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 51–63. (In Russian)
8. Butsin'skiy P.N. *Zaselenie Sibiri i byt ee pervykh nasele'nikov* [Settling of Siberia and Life of Its First Immigrants]. Vol. 1. Tyumen, Mandrika Publ., 1999. 327 p. (In Russian)
9. Garustovich G. Musul'manskie mavzolei zolotoordynskogo perioda [Muslim Mausoleums of the Golden Horde Period]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 177–184. (In Russian)
10. Zhilina T.N. Malyy lednikovyy period kak odno iz kolebaniy klimata v golotsene i ego posledstviya v Zapadnoy Sibiri [Small Ice Age as One of Fluctuations of Climate in the Holocene and Its Consequences in Western Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2010, no. 340, pp. 206–211. (In Russian)
11. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni (etnologicheskiy vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)* [From the Medieval Tatars to the Tatars of Modern Times (an ethnological view of history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries)]. Kazan, Master Layn Publ., 1998. 276 p. (In Russian)
12. Iskhakov D.M. Vzaimosvyazi tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri i drugikh regionov [Interrelations of the Tatar States of Western Siberia and Other Regions]. *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and Culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 195–205. (In Russian)
13. K istorii Bashkirskago zemlevladieniya v Permskom uezde i gramoty bashkir [To the History of the Bashkir Land Tenure in the Perm County and Charters of the Bashkirs]. *Trudy Permskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Perm Scientific Archival Commission]. Is. 3. Perm, Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya Publ., 1897, pp. 77–88. (In Russian)
14. Kazakov E.P. *Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh rayonakh Tatarii* [Monuments of the Bulgarian Time in Eastern Regions of Tataria]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 130 p. (In Russian)
15. *Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The Book by Ahmed ibn-Fadlan about His Travel to the Volga in 921–922]. Kharkiv, Khar'kovskogo gosuniversiteta im. A.M. Gor'kogo Publ., 1956. 345 p. (In Russian)
16. *Kniga Bol'shomu Chertezhu* [Book to the Big Drawing]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk Publ., 1950. 232 p. (In Russian)
17. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Klimaticheskiy faktor v istorii Tyumenskogo i Sibirskogo khanstv [Climatic Factor in the History of the Tyumen and Siberian Khanates]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Tyumen', 7–11 noyabrya 2016 g.* [The Ecology of Ancient and

Traditional Societies: Proceedings of the Fifth International Scientific Conference, Tyumen, November 7–11, 2016]. Tyumen, TyumGU Publ., 2016, pp. 211–214. (In Russian)

18. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Volume I. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1937. 607 p. (In Russian)

19. Mirgaleev I., Aksanov A. Vvedenie [Introduction]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovyye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 6–15. (In Russian)

20. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov [Information of “Tavarikh-i guzida – Nusrat-nama” about Dominions of Some Jochids]. *Turkological collection. 2009–2010* (2011). *Turkic People of Eurasia in Ancient Time and Middle Ages*. Moscow, pp. 228–248. (In Russian)

21. Oborin V.A. K istorii naseleniya Srednego Prikam'ya v epokhu zheleza [To the History of the Cis-Kama Region's Population during the Iron Era]. *Iz istorii Urala* [From the History of the Urals]. Sverdlovsk, 1960, pp. 28–38. (In Russian)

22. Oborin V.A. O svyazyakh plemen Verkhnego i Srednego Prikam'ya s plemenami Bashkirii v epokhu zheleza [On the Relations of the Tribes of the Upper and Middle Cis-Kama Region with the Tribes of Bashkiria in the Iron Age]. *Arkheologiya i etnologiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnology of Bashkiria]. Vol. 2. Ufa, 1964, pp. 130–135. (In Russian)

23. Pekarskiy P.P. *Kogda i dlya chego osnovany goroda Ufa i Samara?* [When and for What the Cities of Ufa and Samara Were Founded?] St. Petersburg, Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 1872. 30 p. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. Part 1. *Patriarshaja ili Nikonovskaja letopis'* [Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, Skorokhodov's Publ., 1904. 302 p. (In Russian)

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. *Moskovskij letopisnyj svod konca XV v.* [Moscow Annalistic Svod of the end of the 15th century]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 464 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 37. *Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVII vv.* [Ustyug and Vologda Chronicles of the 16th–17th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 228 p. (In Russian)

27. Prilozheniya. Istochniki po istorii tatar Zapadnogo Priural'ya [Appendixes. Sources on the History of Tatars of the Western Cisuralic Region]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Tom I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovyye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 318–457. (In Russian)

28. Smirnov A.P. Zheleznyy vek Bashkirii [The Iron Age of Bashkiria]. *Materialy i issledovaniya po ar-kheologii SSSR. 58. Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR. 58. Culture of the Ancient Tribes of the Cisuralic Region and Western Siberia]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1957, pp. 5–113. (In Russian)

29. Trepavlov V. Yuzhnoe Priural'e v sostave Nogayskoy Ordy [The Southern Cisuralic Region as a Part of the Nogai Horde]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Tom I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovyye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 263–277. (In Russian)

30. . *Utemish-khadzhi. Kara tavarikh* [Ötemish Hajji. Qara Tavarikh]. Transcription I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfedinova, Z.T. Khafizov, translation to Russian language

I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfedinova. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 312 p. (In Tatar)

31. Khalikov A.Kh. Novye dannye o prebyvanii drevnikh vengrov mezhdru Kamoy i Uralom [New Data on the Stay of the Ancient Hungarians between the Kama and Ural]. *Problemy drevnikh ugrov na Yuzhnom Urale* [Issues of the Ancient Ugrains in the Southern Urals]. Ufa, 1988, pp. 67–78. (In Russian)

32. Khalikova E.A. Magna Hungaria. *Voprosy istorii* [Question of History]. 1975, no. 7, pp. 37–42. (In Russian)

33. Khalikova E.A. Rannevengerskie pamyatniki Nizhnego Prikam'ya i Priural'ya [Early Hungarian Monuments of the lower Cis-Kama and Cisuralic Regions]. *Sovetskaya arkhologiy* [Soviet Archaeology]. 1976, no. 3, pp. 141–156. (In Russian)

34. Hautala R. Svedeniya o zavolzhsikh mad'yarakh v latinskikh istochnikakh XIII–XIV vekov [Latin Sources of the 13th–15th centuries on the Trans-Volga Magyars]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya. Vol. I. Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekoye gosudarstva* [History of Tatars of the Western Cisuralic Region. Vol. I: Nomads of the Great Steppe in Cisuralic Region. Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. pp. 156–177. (In Russian)

35. Shusharin V.P. *Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya* [Early Stages of the Ethnic History of the Hungarians. Issues of the Ethnic Consciousness]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 1997. 512 p. (In Russian)

36. Yusupov G.V. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku* [Introduction to the Bulgar-Tatar Epigraphy]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 322 p.: ill. (In Russian)

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8970-5880>, **ResearchID:** K-2763-2017 (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

*Received September 1, 2017 Accepted for publication November 27, 2017
Published December 29, 2017*

**THE TERMINOLOGY DENOTING POLITICAL ORGANISATION
AND COMMON DESCENT IN THE *DÄFTÄR-I ČINGIZ-NĀMĀ*****Balázs Danka**

*Turkological Research Group of the Hungarian
Academy of Sciences and University of Szeged
Szeged, Hungary
dankab.szte@gmail.com*

Research objective and materials: The paper examines selected lists of terminologies which define certain features (common descent and political organisation) of ethnic identity in the *Däftär-i Čingiz-nāmā*. These words often occur in coordinate compounds in the text. Compounding is not very well researched in Turkic linguistics, nor was it being considered in earlier philological works on Turkic historical texts. The author defines the problem of identification of such compounds in the text, and offers a morpho-syntactic criterion which can be used as a tool for identification.

Novelty and results of the research: Based on the semantic relation between the compound's components, the author distinguishes two types:

1. Those compounds, the components of which have identical meaning: These were probably used for elaborate speech.

2. Those compounds, the components of which do not have identical meaning: These arrived at a new, different concept from the components' meaning.

Three such compounds have been identified, which more or less arrive at a similar concept to *ethnos*. Finally, the author compares the meaning of these compounds to that of Old Turkic *bodun* – 'people', and *el* – 'realm'.

Keywords: compounding, historical semantics, *ethnos*, Chinggis-name

For citation: Danka B. The Terminology Denoting Political Organisation and Common Descent in the *Däftär-i Čingiz-nāmā*. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 801–810. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.801-810

"*The historical identity of Turkic-speaking groups*" is the working title of a broader project of which the initial steps are being made at the Szeged University, by the *Turkological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences and the University of Szeged*.

As a narrower field of research within this project, the author chose to assemble a terminological list which was used to characterise ethnic identity in Turkic historical texts, based on the general criteria defined by András Róna-Tas [5, p. 5–15], on a selected corpus of texts. According to Róna-Tas, the required characteristics of the *ethnos* are the following: *Ethnos* is a historically evolved group of people which has a) common semiotic system, b) self-distinction from other groups, c) permanent self-designation. There are *formative elements*, which are important, but not necessary characteristics of *ethnos*. These are: d) consciousness of common descent, e) common land, f) common political organisation, and g) common religion. In the present paper, I will examine the terminology of three formative elements d), and e), with a short detour on f), in the *Däftär-i Čingiz-nāmā* [3], which

is an important literary source written in the 1680's by an unknown author. The reason of the choice is that it contains rich information about the folklore concerning identity of the historical Turkic-speaking groups of the former Golden Horde (13th–16th centuries), probably based on oral tradition. As a working hypothesis, I assumed that the intuitive translations given in the Dictionary (Wörterbuch) part of [3, p. 97–203] are correct. As the lexicon of the *Dāftār-i Čingiz-nāmā* is translated to German, I must have found an English equivalent for the German translations.

In the selected corpus, we find enough terminological material which denote a group of people, which is the basic requirement for the definition of the concept *ethnos*. These are the following: (T)¹ *awıl*, 'Aul village', (T+M) *el kün* 'friendly people', (M) *ulus* 'people', (A) *halq* 'people, humanity', (A) *halāyiq* 'creatures, people', (A) *qawim* 'people, stem'. I symbolized the concept *a group of people* with a triangle, which represent hierarchically more or less organized society. We see that almost all the words have a meaning 'people'.

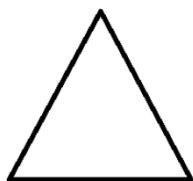

Figure 1. A group of people

There is also a list of words which express a concept which is related to descent: (T) *toħum*, 'seed, progeny', (T) *tüb* 'foundation, base, root, origin', (T) *uruğ/ruw*² '(seed), lineage, progeny, clan', (T) *tamur* 'root, clan', (T) *töš töl* 'the masculine seed', (M) *duyin* 'offspring, dregs, seed', (A) *aşıl* 'root, lineage, valuable, genuine, noble', (A) *nāsl* 'origin, progeny, seed, lineage'. All the words are given with at least one of the following meanings by [3]: 'seed, progeny, root, origin, clan'. I gave the symbol for the concept *descent* of a root branching off

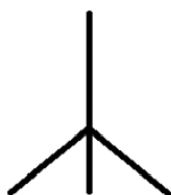

Figure 2. Common descent

¹ The capital letter in parenthesis before each given data refers to the origin of the word, see the abbreviations.

² This word occurs in two forms in the text and the glossary: *uruğ* [3, p. 122] and *ruw* [3, p. 176]. The meaning 'seed' is given only at the entry of the latter, which is the reason I put it in parenthesis. The Old Turkic etymon of the word is *uruğ* 'seed, pip, kernel' with the metaphorical meaning 'progeny, descendants, clan' [2, p. 214].

I found only two words which are related to political organisation, (T) *el/il*³ ‘people, (land), (state)’ and (T) *hānliq* ‘authority or power of the khan’. The first two meanings of *el/il* occur at a terminological list of different concepts, namely *descent* (see above) and *land* (see below). The symbol I gave for political organisation is supposed to represent a ruler above a group of people

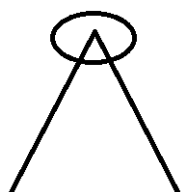

Figure 3. Political organisation

There is also a list for the concept ‘land or territory’. The list consists of the following members (T) *orun*, ‘place, throne’ (T) *yurt* ‘land, homeland’, (A) *māqām* ‘place, land’ and (A) *šāhār* ‘town, land’. All the members of the list have a meaning ‘place’ or ‘land’. The concept *land* is symbolized by a laid down hexagon.

Figure 4. Common land

We saw that the individual members of terminological list have overlapping meanings. In the case of *el*, we saw that it is given a meaning which is found in other lists. We must ask the following: can be the members of the lists used synonymously? If not, what concept do they really denote?

What I am going to present here is a linguistic approach which I recommend using during the translation of historical sources to define a word’s or expression’s meaning. Many members of the lists occur in combination with another member of the same or a different list, constituting a so-called *coordinate compound*⁴. I must mention that neither sufficient linguistic research has been made so far on the process compounding in the Turkological literature nor sufficient consideration of compounds were taken during the translations and editions of Turkic historical sources. Generally, in Turkic, coordinate compounds possess the following morpho-syntactic structure: A coordinate compound consists of two (or more) juxtaposed nouns: $N(\text{oun})_1$ and N_2 . For example, Turkish *anne* ‘mother’ and *baba* ‘father’. The meaning of the compound *anne baba* is neither ‘mother’ or ‘father’, but the union of them, i.e. ‘parents’. Either the second or both elements of the compound may take inflectional suffixes, such as *anne-ø baba-sı*. ‘his/her parents’ and *anne-m baba-m* ‘my parents’ (it is not allowed that the first element takes suffix,

³ See the note on *urug/ruw*. The meanings ‘land, state’ are given only at the entry *el* [3, p. 109]. The Old Turkic correspondent of the word is *el*: ‘a political unit organized and ruled by an independent ruler’ [2, p. 121].

⁴ A. Bisetto and S Scalise [1] gives a concise summary about a possible classification and problems of existing classifications of compounds.

but the second doesn't). Such compound structures have several types on which I will talk below. The elements of a compound help to define each other's meaning. Provided that the members of the above lists occur in coordinate compounds, we must ask an additional question: What concept do these compounds grasp, or in other words, how do they grasp the concept of 'a group of people', 'common descent', 'political organisation' or 'common land'?

The first problem we must overcome with this approach is that the morpho-syntactic structure of a coordinate compound may be identical with the structure of two independent inflected or uninflected nouns which appear in an enumeration, and which do not constitute a compound. The general formula of a coordinate compound in Turkic is the following: $[N_1(\text{infl.}) + N_2(\text{infl.})]$. This means that two different nouns (N_1 and N_2) constitute a compound which is a new lexeme (they are bracketed together), and both, only the second, or none of the elements may be inflected (see the example above). The formula for two independent nouns which are enumerated after each other can be described as $[N_1(\text{infl.})] + [N_2(\text{infl.})]$. This means that there are two different nouns again, which *do not* constitute a compound (they are bracketed separately). Both or none of the elements may be inflected. For example, Turkish *araba* 'car' and *çocuk* 'child' means 'car and child' and *araba-m çocuğ-u-m* will mean 'my car and my child' but they do not constitute a new lexeme. This means that structurally a coordinate compound may look identical with two enumerated inflected or uninflected nouns (note the differences between the bracketing). Keeping forward that different Turkic languages may behave differently in this respect, let's see the possibilities one by one, demonstrated on the above-mentioned Turkish examples.

$[N_1(\text{infl.})+N_2](\text{infl.})$	vs.	$[N_1(\text{infl.})+N_2](\text{infl.})$
1. $[N_1+N_2]$ <i>anne baba</i> 'mother+father'='parents'	vs. vs. vs.	$[N_1]+[N_2]$ <i>araba çocuk</i> 'car and child'
2. $[N_1\text{infl.}+N_2]\text{infl.}$ <i>anne-m baba-m</i> 'my parents'	vs. vs. vs.	$[N_1]\text{infl.}+[N_2]\text{infl.}$ <i>araba-m çocuğ-um</i> 'my car and my child'
3. $[N_1+N_2]\text{infl.}$ <i>anne baba-sı</i> 'his/her parents'	vs. vs. vs.	— <i>*araba çocuğ-u</i> '*car's child'

In the right column of the third possibility, the expression cannot be a *coordinate* compound (if at all, it will be a *subordinate* compound, which is a different type and does not concern us here). Thus, if there are two juxtaposed nouns and only the second one is inflected, we have a morpho-syntactic criterion which assures that compound-suspicious structure is really a coordinate compound. Also, if both nouns are inflected or uninflected, but they are subordinated to a single syntactic element, such as a postposition or a verb, we can expect again that the two nouns constitute a compound. Now let us turn to the data found in the *Däftär-i*

Čingiz-nāmā. The expressions given below are those constructions which contain at least one element of the following lists, yet we must decide whether they are compounds or not.

Surely compounds:

[*ruw ɣalq*]**imiz** (18v15)⁵
 [*ruw il*]**ing** (20r7)
 [*el ulus*]**i** (27v3)
 [[*el kün*] *šähär*]**lär** (31r3)
 [*töš töl*] *bolub* (8r7, 11r13)
 [*ruw*]**i** [*tamur*]**i** **birlä** (37v10, 37v15)
 [*mäqām*] [*yurt*] **tut-** (8 times)
 [*yurt*] [*šähär*] **sal-** (36v19)

Possibly compounds:

[*ruw ɣalq*] (18v3)
 [*aşl*]**i** [*tüb*]**i** (5r18, 7r16, 30r13)
 [*tüb*]**in** [*aşl*]**in** (9v2)
 [*näsl*]**i** [*läškär*]**i** (22v10)
 [*hän*]**nä** [*ɣalq*]**nä** (40v2)
 [*el*]**lärini** [*manaşir*]**larini** (48r20)
 [*balä*]**sin** [*ulus*]**in** (45v16)
 [*orun*] [*mäqām*] (22v14)
 [*näsl*]**indä** [*ruw*]**inda** (30r14)
 [*tohum*]**i** [*näsl*]**i** [*ruw*]**i** (22r7)

The meanings of these constructions will be dealt with below. In the right column, we find compounds which has a sure morpho-syntactic criterion, the element assuring it is highlighted with bold. In the left column, we find expression which *may be* compounds, but we cannot tell if for sure, because of their syntactic structure. Consider for example *ruw ɣalq* it occurs with only *ɣalq* inflected, and without any inflectional suffixes. Probably we can consider the uninflected instance also as a compound. Some words which were listed in the above lists do not appear in such a combination (*awil*, *duyin*, and *hanliq*). Further on, I will deal only with the combinations given here.

Now let us see what is the semantic typology of two coordinated nouns. If they constitute a compound, depending on the relation of the components, the meaning of the compound can be the cross-section or the union of the meanings of the components (see Fig.5). If the components individually possess already a similar meaning, we encounter the first case. If the components have different meanings, the meaning of the compound will be the union of them, and the compound will grasp a new concept. Or, if the components do not constitute a compound, we will have two disjunctive meaning with the relation 'and' between them.

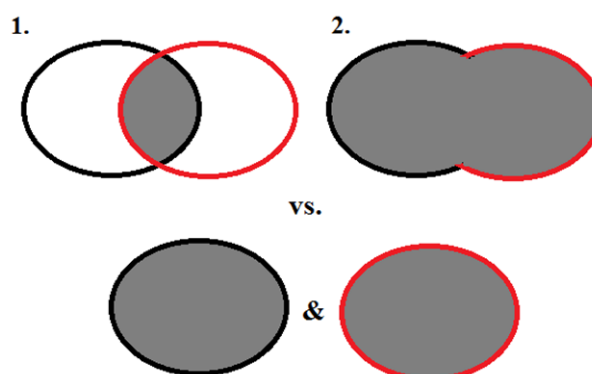

Figure 5. Semantic structures of coordinate nominal compounds vs. non-compounds

⁵ References in the parenthesis show number of the folio and line of the manuscript as they are given in the transcription (Transkription) part of [3, p. 31–93], where the letter *r* stands for *recto* (front page), and *v* stands for *verso* (back page) of a folio.

Let us see these cases on our list one by one. There is a set of compounds or possibly compounds which do or do not have the morpho-syntactic criterion (highlighted with bold).

<i>[aʃl]i [tüb]i</i> (5r18, 7r16, 30r13)	(A+T)
<i>[tüb]in [aʃl]in</i> (9v2)	(T+A)
<i>[[toħum]i [näsl]i [ruw]]i</i> (22r7)	(T+(A+T))
<i>[näsl]indä [ruw]ında</i> (30r14)	(A+T)
<i>[ruw]i [tamur]i birlä</i> (37v10, 37v15)	(T+T)

Both the components of the above constructions have the meaning which is connected to the concept ‘descent’ (Fig. 6). The components are words of different origin. If they are compounds, they still express the same concept, and both the compounds and its components can practically be considered synonymous. They were probably used in the contemporary language by an elaborate style.

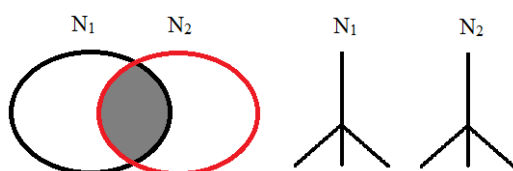

Figure 6. Coordinate compounds denoting common descent

The same can be said about the words and compounds meaning connected with the concept ‘land’ (Fig.7). There are compounds among them with morpho-syntactic criterion, but not necessarily.

<i>[mäqām] [yurt] tut-</i> (8 times)	(A+T)
<i>[šähär]lär [yurt]lar al-</i> (27v9)	(A+T)
<i>[yurt] [šähär] sal-</i> (36v19)	(T+A)
<i>[orun] [mäqām]</i> (22v14)	(A+T)

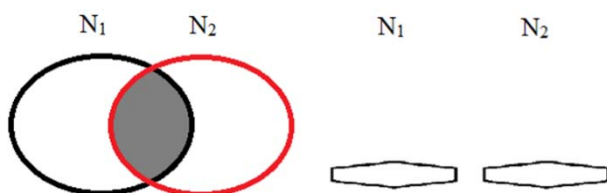

Figure 7. Coordinate compounds denoting common land

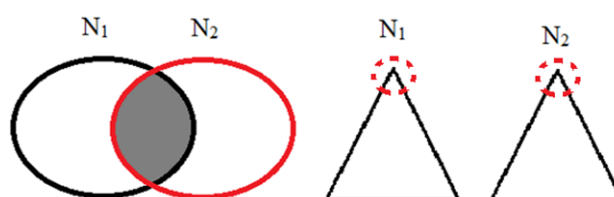
The case is somewhat different if we consider the example *el ulus*:

[el ulus]i el ‘people, (land), (state)’ + *ulus* ‘people’ (T+M)
*jingiz hān [...] taqı ekinçi oğlı jadayni **el ulusı** anda bolur teb tümän dürlü*
halq anda bolur uluğ yurtduur teb Hindustan orda-singa hānliqğa qoydı [3, p. 62]

Chinggis Khan [...] said: ‘his (i.e. Chagatay’s) people/state (?) is there⁶, various people are there, it is a great country’ and made his second son, Chagatay khan in the Horde of Hindustan.

In the glossary, both are given with the meaning ‘people’ [3, p. 109, 121], but we know that both words had a meaning referring to a political organisation in earlier sources [2, p. 121, 152]. The context allows both the readings ‘people’ and ‘state’. As ‘people’ are mentioned also in the sentence, I would prefer the meaning ‘state’ in which case the compound would be used as an expression for political organisation.

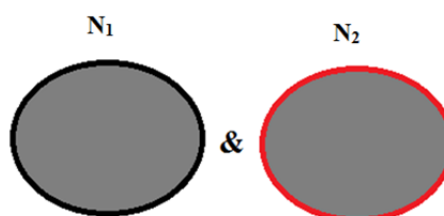
Figure 8. The semantic structure of *el ulus*: A compound denoting political organisation

There is a set of word-pairs which do not possess a morpho-syntactic criterion. As the individual components seem to have completely disjunctive meaning, I consider them as different words with the relation ‘and’ between them.

[*el*]lärini [*manaşır*]larini (48r20) ‘people and cloisters’ (T+A)
 [*balā*]sīn [*ulus*]in (45v16) ‘his son and people’ (T+M)
 [*nāsl*]i [*lāşkār*]i (22v10) ‘his progeny and army’ (A+P)
 [*hān*]ni [*halq*]ni (40v2) ‘ruler and (his) people’ (T+A)

Figure 9. Two different words with disjunctive meaning

To the most interesting group belong those compounds which possess a sure morpho-syntactic criterion, yet their components designate different concepts. The data are the following:

⁶ English translation by me, based on the Hungarian translation of the text, which is recently published by M. Ivanics, where the translation of the sentence in question is “Dzsingisz kán így szólt: [...] ‘Sok nemzetség, töménytelen, különféle nép él ott, nagy ország’ – mondta, s azzal második fiát, Csagatájt, Hindusztán Hordájában kánná tette” [4, p. 234]. I think the translation of the part *el ulusī anda bolur* ‘sok nemzetség [...] él ott’ ‘many clans live there’ is problematic (personal communication), and ultimately not entirely correct. My interpretation is that *el ulus* is a coordinate compound, where both the components mean ‘state, country’ with a first person singular possessive suffix on the second component (morpho-syntactic criterion). The possessive suffix refers to the possessor Chagatay.

1. *[ruw halq]* (18v3) ‘progeny and people’ (T+A)
1. *[ruw halq]imiz* (18v15) ‘progeny and people’ (T+A)
1. *[ruw il]ing* (20r7) ‘progeny and people’ (T+T)

2. *[[el kün] šähär]lär* (31r3) ‘people (belonging to a) land’ ((T+M)+A)

On Figure 10, I illustrated the concept grasped by the above expression with the combinations of the ‘basic’ concepts discussed above.

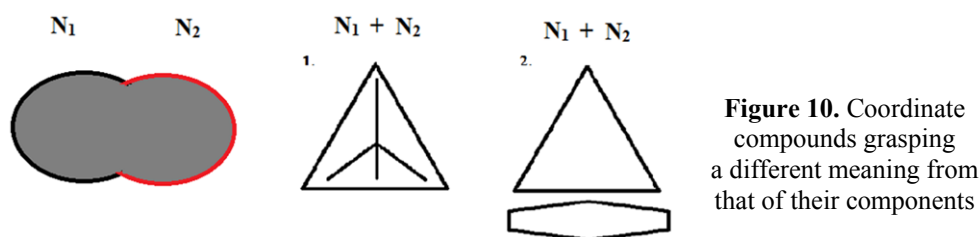

Figure 10. Coordinate compounds grasping a different meaning from that of their components

The compounds which belong to the first group are a group of people which possess a common descent. Note that *el* is among the components, here with the meaning *a group of people*. This is the expression among our data which grasps a concept which is closest to an *ethnos*. Based on its components, *el kün šähär* may mean sedentary people in opposition of nomadic, however, the context does not tell us much about such an opposition.

With this in hand, let us see whether these described concepts correspond to those denoted by *bodun* and *el* in the Old Turkic runic inscriptions. The concepts grasped by the term *bodun* (based on [6] cf. also [2, p. 306]) are the following:

<i>Bodun:</i> (primarily)	<i>Bodun:</i> (secondarily)
Community with common progeny	Subjects of the ruler
Political community	Common people
Tradition community	Auxiliary people

Among the primary meanings of *bodun*, we find ‘community with common progeny’, which was denoted by *ruw halq* and *ruw il*. Another meaning of *bodun* is ‘political community’, which may have been denoted by *el ulus* as we saw above. The secondary meanings of *bodun* mostly grasp some parts of the whole of the primary meanings.

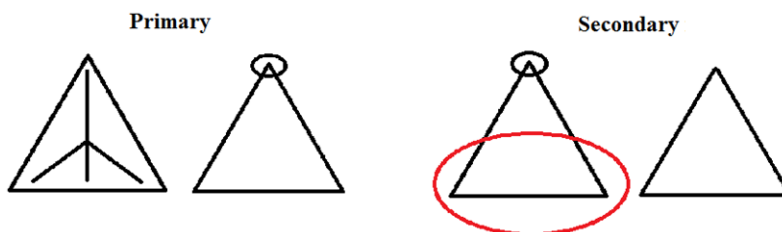

Figure 11. The primary and secondary meanings of Old Turkic *bodun*

El on the other hand, originally meant the political power over one or more tribes or tribal confederations. We did not see such a concept among our data, but *el ulus* grasped something similar, may be not so complex political organisation. The symbol used here is a combination of political organization over several distinct group of peoples.

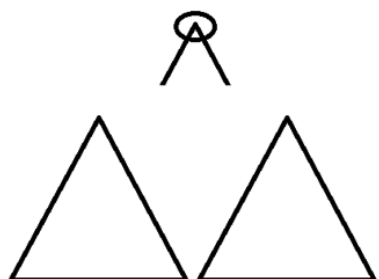

Figure 12. The original meaning of Old Turkic *el*

As a conclusion, we can draw the following: the concepts originally denoted by *bodun* and *el* are designated by new, different expressions from *bodun* and *el*. For *bodun*, these are *ruw halq*, *ruw il*, ‘people with common descent’ and *el ulus* ‘political organisation’. For *el*, we find one correspondent which, however, does not really cover the original meaning of *el*: *el ulus*. The original concept of *el* seems to be changed. The meaning of the word became vague, but the word itself is present in the language. The word *bodun* is also present in the language in the form *boyun*, *moyun* [3, p. 135, 172]. At the 17th century, it lost its meaning ‘people (with a common descent)’, started from its original meaning its stem *bod* ‘stature, size’ [2, p. 296] it changed to ‘neck’.

Abbreviations:

A – Arabic	N – Noun
Infl. – Inflectional suffix	P – Persian
M – Mongolian	T – Turkic

REFERENCES

1. Bisetto A., Scalise S. *The Classification of Compounds*. 2005. Available at: http://www.morbocomp.sslmit.unibo.it/download/classification_of_compounds.pdf (last access: 15.04.2017)
2. Clauson Sir G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford, The Clarendon Press, 1972. 989 p.
3. Ivanics M., Usmanov M.A. *Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nāmā)* Vol. I. Szeged, Department of Altaic Studies, University of Szeged, 2002. 324 p. (In German)
4. Ivanics M. *Hatalomgyakorlás a steppén – A Dzsingisz-náme nomád világa* [Wielding Power on the Steppe – The Nomadic World of the Chinggis-name]. Budapest, MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, Történettudományi Intézet, 2017. 336 p. (In Hungarian)
5. Róna-Tas A. *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages*. Budapest, Central European University Press, 1999. 566 p.
6. Zimonyi I. *Bodun und El im Frühmittelalter. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2003, No. 56/1, pp. 57–79. (In German)

About the author: Balázs Danka – PhD, Research Fellow, Turkological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences and University of Szeged (Department of Altaic Studies, University of Szeged, 6726 Szeged, Hungary, Egyetem u. 2). E-mail: dankab.szte@gmail.com

*Received July 13, 2017 Accepted for publication November 25, 2017
Published December 29, 2017*

ТЕРМИНОЛОГИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ОБЩЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ В «ДЕФТЕР-И ЧИНГИЗ-НАМЕ»

Балаш Данка

*Тюркологическая исследовательская группа
Академии наук Венгрии и университета Сегеда
Сегед, Венгрия
dankab.szte@gmail.com*

Цель и материалы исследования: в статье рассматриваются избранные перечни терминов, определяющие некоторые особенности (общее происхождение и политическая организация) этнической идентичности в «Дефтер-и Чингиз-наме». Эти слова часто встречаются в координированных сложносоставных словах в этом тексте. Сложносоставность недостаточно изучена в тюркской лингвистике, не говоря уже о филологических исследованиях тюркских исторических текстов. Автор определяет проблему идентификации подобных сложносоставных слов в тексте и предлагает морфо-синтаксический критерий, который может быть использован в качестве инструмента идентификации.

Новизна и результаты исследования: основываясь на семантическом отношении между компонентами сложносоставного слова, автор выделяет два типа:

1. Те сложносоставные слова, значения компонентов которых являются идентичными: они, вероятно, использовались в сложной речи.

2. Те сложносоставные слова, значения компонентов которых не являются идентичными: в них улавливается новое понятие, отличающееся от значений компонентов.

Здесь было идентифицировано три подобных сложносоставных слова, в которые в большей или меньшей степени улавливается понятие, аналогичное этносу. Наконец, автор сравнивает значение этих сложносоставных слов с древнетюркскими «бодун» (народ) и «эль» (держава).

Ключевые слова: сложносоставность, историческая семантика, этнос, Чингиз-наме

Для цитирования: Danka B. The Terminology Denoting Political Organisation and Common Descent in the Däftär-i Ćingiz-nāmā // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 801–810. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.801-810

Сведения об авторе: Балаш Данка – PhD, научный сотрудник, тюркологическая исследовательская группа Академии наук Венгрии и университета Сегеда (6726, Egyetem u. 2, отделение алтаистики, университет Сегеда, Сегед, Венгрия). E-mail: dankab.szte@gmail.com

*Поступила 13.07.2017 Принята к публикации 25.11.2017
Опубликована 29.12.2017*

УДК 801.82

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.811-824

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ДВУМ ГЕНЕАЛОГИЯМ
КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО РОДА ШИРИН*****Чаба Гёнцёл***

*Тюркологическая Исследовательская Группа
Венгерской Академии Наук при Сегедском Университете
Сегед, Венгрия
csaba986@gmail.com*

Цель: филологический анализ двух генеалогий крымско-татарского рода Ширин, анализ гипотетического общего источника генеалогий.

Материалы исследования: две генеалогии (родословные древа) сохранились от Ширин – от самого значительного рода Крымского ханства. Одна из них сохранилась в хронике Абдулгаффара Кырыми, в «Умдет ал-ахбар» – «Суть известий» (1748), историка Крымского ханства и судьбы в родовых владениях рода Ширин. Другую генеалогию члены рода представили в Таврическое дворянское собрание после 1807 года в качестве доказательства их благородного происхождения и права на владения. Этот вариант был переведён на русский язык и опубликован Лашковым. Возникает вопрос о том, могут ли рассматриваемые генеалогии иметь общий источник?

Результат и научная новизна: Целью автора было сравнить оба текста и тем самым показать, что генеалогии рода Ширин сходны по содержанию, структуре и тексту. Автор предполагает, что генеалогия Абдулгаффара Кырыми и текст генеалогии в русском переводе происходят из одного источника, возможно, «изначальной», более ранней генеалогии Ширинов. Основываясь на содержании текстов, автор датирует создание «изначальной» генеалогии периодом около 1660-х годов.

Ключевые слова: Абдулгаффар Кырыми, Крымское ханство, род Ширин, генеалогия, историография

Для цитирования: Гёнцёл Ч. Филологические заметки к двум генеалогиям крымско-татарского рода Ширин // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 811–824. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.811-824

**PHILOLOGICAL REMARKS ON TWO GENEALOGIES
OF THE CRIMEAN-TATAR CLAN SHIRIN*****Csaba Göncöl***

*Turkological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences
and University of Szeged
Szeged, Hungary
csaba986@gmail.com*

Objectives: Philological analysis of two genealogies of the Crimean-Tatar clan termed the Shirin, and an identification of a possible common source of these genealogies.

© Гёнцёл Ч., 2017

Research materials: Two genealogies (family-trees) of the most prominent clan of the Crimean Khanate, the Shirin, have survived. The earlier one was preserved in the chronicle of the 'Umdetü l aḥbār 'Essence of Histories' (1748), written by 'Abdu l Ġaffār Qırımī, a historian of the Crimean Khanate and judge on Shirin estates. The later one was presented by clan-members after 1807 to the Crimean Assembly of Nobility (Таврическое дворянское собрание) for the recognition of their noble status and estates. This version was translated into Russian and published by Lashkov. Therefore, the question arises: can the two genealogies have a common source?

Results and the novelty of the research: Through a philological comparison of the material, the aim of the author was to demonstrate that the genealogies of the Shirin clan show similarities in content, structure, and text. The author supposes that the texts of 'Abdu l Ġaffār Qırımī and the genealogy preserved in Russian translation could have been compiled from the same source, perhaps a preliminary Shirin genealogy which, judging from its content, the author dates to the 1660s.

Keywords: 'Abdu l-Ġaffār Qırımī, Crimean Khanate, clan Shirin, genealogy, historiography

For citation: Göncöl Cs. Philological Remarks on Two Genealogies of the Crimean-Tatar Clan Shirin. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 811–824. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.811-824

В государствах-наследниках Золотой Орды имена и деяния предков поначалу передавались потомкам в устных преданиях, а позднее фиксировались в форме генеалогий. Чрезвычайная распространенность этой практики подтверждается тем, что сохранилось множество башкирских, татарских, казахских и крымско-татарских генеалогий XVI–XIX веков. Эти генеалогии, по словам Р.Г. Кузеева, служат «генеалогическими летописями» [3, с. 7] и являются уникальными источниками исторических, демографических, юридических и этнических знаний для народов и государственных образований, возникших на территории Золотой Орды.

У нас имеется крайне мало информации о генеалогиях родов Крымского ханства [3, с. 206–211], хотя несколько из них и были изданы [6]. Несмотря на то, что данные «генеалогических летописей» во многих случаях неточны и противоречивы и в исторических исследованиях должны использоваться с большой осторожностью, этот тип источников занимает значительное место как в историографии ханства и его родов, так и в историческом сознании, и как таковой заслуживает особенного внимания.

Известно две генеалогии одного из самых значительных родов Крымского ханства – рода Ширин. Более ранняя генеалогия дошла до нас в хронике «Умдетульахбар» крымского историографа Абдулгаффара Кырыми [20, л. 318r–322v; 18, с. 193–203; 1, с. 222–234], которую автор, согласно исследованию Н.С. Сейтягьяева, завершил в 1748 году [8, с. 235–237]. Генеалогию более позднего происхождения, которая вероятно является выдержкой какой-то другой, после 1807 года члены рода представили в Таврическое дворянское собрание для того, чтобы царское правительство признало их благородное происхождение и права на владения. Этот вариант сохранился в

русском переводе, который опубликовал Ф.Ф. Лашков [6, с. 96, 98–100; 7, с. 123–126; 3, с. 207–208]¹.

В 1986 году Юлай Шамильоглу в своей докторской диссертации указывал на то, что текст первой части сохранившейся на русском языке генеалогии очень близок к соответствующей главе труда Абдулгаффара [19, с. 51–52], а И.В. Зайцев в 2009 году допустил возможность того, что обе генеалогии восходят к одному источнику [3, с. 209]; однако эти авторы не проводили подробного сравнительного анализа текстов². При сравнении двух версий не трудно заметить, что, наряду с совпадениями содержания, во многих случаях имеется сходство и в изложении генеалогии³. Так как Абдулгаффар Кырыми был судьей во владениях рода Ширин [4, с. 383] и таким образом мог иметь доступ к архивам рода, возникает законный вопрос, могут ли генеалогия Абдулгаффара Кырыми и генеалогия, сохранившаяся на русском языке, иметь один источник; и если да, то когда могла быть составлена «изначальная» генеалогия? Ответ на этот вопрос позволит расширить наши знания об истории родов Крымского ханства.

На первый взгляд структура текста двух генеалогий отличается одна от другой, что схематично можно отобразить следующим образом:

Таблица 1

Абдулгаффар		Русский перевод
Структура и работа <i>дивана</i> в Крымском ханстве (роды <i>карачи</i>)	≠	Положение рода Ширин в Крыму, его представители
Главы рода Ширин в XIV–XV веках – Дангы бей, Руктемир, Яхшы-ходжа, Тэгинэ	=	Главы рода Ширин в XIV–XV веках – Дангы бей, Руктемир (роды <i>карачи</i>), Мамак, Тэгинэ
Список <i>баш карачи</i> , генеалогия Ширин	≠	Возведения на трон Менгли I Гирея – Эминек-бей – Мехмед II Завоевателя; переход под влияние Османской империи
время службы <i>баш карачи</i> XIV–XV веков (датировка по животному календарю), история некоторых беев Ширин	≠	Список владений и доходов рода

¹ В текстах генеалогии, опубликованных Ф.Ф. Лашковым в 1889 и 1895 годах, во многих местах есть расхождения, некоторые даже смысловые. Нам не понятно, почему автор изменил текст издания 1895 года? Так как текст 1895 года содержит больше данных, в нашей статье мы приводим выдержки из этого издания, однако в каждом случае в сносках приводится также текст издания 1889 года.

² Д. Дерин Пашаоглу посвятила генеалогии рода Ширин, составленной Абдулгаффаром, объемную статью, в которой в первую очередь приводит данные Абдулгаффара, не привлекая большого количества источников [12, с. 160–187]. В то же время основательный и критический анализ генеалогии Абдулгаффара мог бы послужить источником многих ценных данных для дальнейших исторических, историко-культурных и филологических исследований.

³ В качестве рабочей гипотезы мы предполагаем существование генеалогии, на которой основывается как генеалогия Абдулгаффара, так и генеалогия XIX века. Текст этой генеалогии был изменен Абдулгаффаром и составителем другой генеалогии, не говоря уже о возможных искажениях при переводе на русский язык. Под совпадениями в изложении мы имеем в виду части текста, которые, вероятно, несмотря на искажения, близко стоят друг к другу.

Из таблицы видно, что структуры двух генеалогий отличаются друг от друга, совпадение по содержанию видно только во второй строке таблицы 1, и на первый взгляд трудно предположить, что авторы/составители двух генеалогий использовали один источник. Однако при более подробном анализе можно обнаружить много совпадений и по содержанию, и в изложении. Рассмотрим эти совпадения.

С точки зрения содержания общим является то, что в качестве родоначальника рода Ширин упоминается Дангы бей (XIV век). Род Ширин в источниках Золотой Орды появляется в связи с событиями XIV века [14, с. 30], о Дангы бее кроме упоминания в двух генеалогиях ничего не известно. Интересно, что имя Дангы бея не упоминается ни в хронике Утемиш Хаджи, на которого как на первоначальный источник ссылается сам Абдулгаффар, ни в использовавшихся им хрониках Тимуридов, сочинении Шараф ад-Дина Али Язди «Зафар-наме». Таким образом, можно предположить, что и к Абдулгаффару, и в русский перевод имя родоначальника рода Ширин попало из одного неизвестного нам источника или предания.

Обе генеалогии указывают на роль четырех родов *карачи* в *диване* Крымского ханства. В данном случае для того, чтобы сделать предположение об общем источнике, просто содержательного совпадения не достаточно. Однако видно, что несмотря на то, что генеалогии сохранились на разных языках, в изложении они очень близки.

Таблица 1/а

Абдулгаффар	Русский перевод
<p>... anlağın <i>re'yi olmadıqça bir emr-i 'azıme mübāşeret olmamaq qānūnları degildür dört rüknüñ evveli Şirīn sānīyen Manşūr oğlu ve sālisen Bārīn ve rābi'en Siğivüt ta'bir olunub lisān-ı Tātārda bunlar dört qaraçı dərler</i> [20, л. 318 г; 18, с. 193; 1, с. 222]</p>	<p>Потомки Дангы бея Ширинского и во время ханов имели всегда власть на правление народами, которое ханы составляли из четырех родов беев, а именно: первый Ширин, второй Мансур, третий Барын и четвертый – Сиджеут, называвшиеся тогда по татарски дорт-карачи; и без согласия сих четырех беев, хан сам собою ничего относящегося к управлению народом, не мог предпринимать [7, с. 124]⁴.</p>

Обе генеалогии сообщают о первом предводителе рода Ширин, известном и по другим источникам, – Руктемир-бее (умер до 1387 г.)⁵. Они описывают оказанные им хану Токтамышу (1380–1406) услуги, упоминают о том, что он спас хану жизнь. Кроме того, источники указывают на возвышение Руктемир-бея при хане Токтамыше, на получение им должности бейлербея и главы правого крыла. Мы также узнаем о том, что хан выдал за Ширин-бея

⁴ Потомки Дангы-бея Ширинского и во времена ханов имели обширную политическую власть, которую ханы предоставляли четверем родам беев: первый Ширин, второй Мансур, третий Барын и четвертый – Сиджеут, называвшиеся тогда по татарски Дорт Караги [опечатка, правильно «карачи» – прим. автора]; и без согласия сих четырех беев, хан сам собою ничего относящегося к управлению народом не мог предпринимать [6, с. 98].

⁵ Относительно этой личности см. [14, с. 33–37; 2, с. 193].

свою сестру⁶, и от этого брака родился сын Руктемира, Тэгинэ (умер после 1432 г.). С точки зрения нашего исследования очень важно, что, согласно генеалогиям, хан Токтамыш жалованной грамотой гарантировал главе рода Ширин, что без его согласия не будет начато никакое государственное дело, а также даровал *тугру* и право на миндалевидную печать *бадемы мугыр*, что являлось символом ханского достоинства. Обе генеалогии в этой части текста очень близки по изложению.

Таблица 1/6

Абдулгаффар	Русский перевод
<i>her umür-ı 'azîme[de] işdâr olunan yarlıg-i belîg-i hazret-i hânî müğibi üzere Şîrîn begleriniñ dahî senedi olmadıqça dastûru l-âmel olmamaq üzere qânûn êtmîşlerdür ve hân tuğrasından küçük tuğrâyı çekerler ve bâdemî mühr taşurlar ve şahh çekerler</i> [20, л. 328r–318v; 18, с. 195; 1, с. 223–224]	...хан [т.е. Токтамыш – Ч.Г.] уполномочил его Руктемир бей во всем его (ханстве) ханском правлении участником, <i>пожаловал его в том грамотою с тем, что без воли и согласия Ширинскаго бей никакия важныя государственныя дела не начинались и не оканчивались</i> ; почему Ширинский бей считался хану товарищем, для чего и пожалован от хана <i>вензелем, коковой сам он хан имел</i> , и печатью, называемою по татарски „ <i>Бадемы Мугыр</i> “... [7, с. 124] ⁷ .

В генеалогии Абдулгаффара упоминается также первый сын Руктемира – Яхшы-ходжа, о котором в русском переводе XIX века не говорится ни слова, что достаточно заметно в генеалогии. Если учесть, что цель Абдулгаффара – запечатлеть связанные с родом Ширин события; становится понятно, почему Яхшы-ходжа занял свое место в его генеалогии. А если принять во внимание цель составления генеалогии в XIX веке, можно понять, почему он в ней не упоминается: потомки Яхшы-ходжа обосновались в Касимовском ханстве [2, с. 193–194] и не принадлежали к крымской ветви рода Ширин, которая вела свое происхождение от сына Руктемира, Тэгинэ [20, л. 318r–319v; 18, с. 195–197, 1, с. 225–228]. В XIX веке, когда род обратился в Таврическое дворянское собрание с целью доказать благородное происхождение и сохранить владения, ветвь рода, с XV века живущая на другой территории, не имела значения, и в генеалогии не были включены относящиеся к ней части.

Генеалогия рода Ширин, сохранившаяся на русском языке, сообщает о внутренней распри в Крыму, последовавшей за смертью Хаджи Гирея (1441–

⁶ Генеалогии дают отличающиеся личные имена. Абдулгаффар упоминает Бий С(у)лу ханыш (жену Кият Мамай), которую он называет то дочерью хана Джанибека или сестрой хана Бердибека, то сестрой хана Токтамыша [20, л. 268–269v, 318r; 18, с. 53–54, 194; 1, с. 88–89, 223]. В русском переводе сестра хана Токтамыша зовется Джанике С(у)лу хани, которая является женой Идегея (Эдиге) бей (умер около 1419 г.). Мария Иванович считает, что личности этих женщин в исторической традиции слились в одну [15, с. 251].

⁷ ...хан (т.е. Токтамыш – Ч.Г.) уполномочил Руктемир бей во всем его ханском правлении участником, пожаловал его в том грамотою с тем, что без воли и согласия Ширинскаго бей никакия важныя государственныя дела не начинались бы и не оканчивались. Почему Ширинский бей считался хану товарищем, для чего и пожалован от хана вензелем, коковой сам хан имел и печатью, называемою по татарски Бадемы Мугыр, ... [6, с. 99].

1446), а также о том, какую роль сыграл Эминек, Ширин-бей (умер в 1482 г.) в возведении на ханский трон Менгли I Гирея (1466–1467, 1469–1475, 1478–1515). Эти данные не содержатся в генеалогии Абдулгаффара, однако глава его хроники, посвященная Хаджи Гирею, показывает значительные совпадения с изложенным выше [20, л. 278v–279r; 18, с. 97–98; 1, с. 114–116]⁸. Структура текстов следующая:

Таблица 2

Абдулгаффар		Русский перевод
Смерть Хаджи Гирея – борьба за престол в Крыму	=	Смерть Хаджи Гирея – борьба за престол в Крыму
Менгли Гирей спасается в крепости Мангуп – расположение крепости Мангуп, ее начальник	=	Менгли Гирей спасается в крепости Мангуп
Поход Гедик Ахмед-паши на города побережья Крыма – Менгли Гирея как пленника везут в Константинополь	=	Поход Гедик Ахмед-паши на города побережья Крыма – Менгли Гирея как пленника везут в Константинополь
План Мехмеда II Завоевателя относительно Крыма и Гиреев		
Эминек-бей едет в Константинополь просить утверждения на трон Менгли Гирея	=	Эминек-бей едет в Константинополь просить утверждения на трон Менгли Гирея
Восшествие на трон Менгли Гирея, награды (Эминек)	=	Восшествие на трон Менгли Гирея, награды (Эминек)
		Сотрудничество рода Ширин и Порты при выборе хана
		Владения рода Ширин

Из таблицы 2 хорошо видно, что структура главы, посвященной Хаджи Гирею, у Абдулгаффара Кырыми и в русском переводе генеалогии во многом совпадает. Существующие между ними различия могут объясняться разными целями, с которыми создавались эти документы. Абдулгаффар запечатлевал истории (заметки о начальнике крепости Мангуп), он был связан правилами османской историографии (приведенная речь Мехмеда II Завоевателя), а также сообщал дополнительную информацию незнакомым с крымскими реалиями читателям (расположение крепости Мангуп). В сохранившейся в русском переводе генеалогии, напротив, события используются в целях легитимации, поэтому, среди прочего, автор объясняет условия, на которых Порта и род Ширин выбирали ханов («что по требованию их (т.е. беев Ширинских – Ч.Г.) Турецкая Порта сменяла и определяла в Крыму ханов»). Также целям легитимации служит прилагаемый к генеалогии список владений и некоторых доходов.

⁸ Русский перевод генеалогии рода Ширин упоминает в нескольких словах о восшествии на трон хана Улуг Мухаммада (умер в 1445 г.), чего нет у Абдулгаффара в генеалогии, но описано в другой главе его хроники [20, л. 274r; 18, с. 74–75; 1, с. 101].

Таблица 2/а

Абдулгаффар	Русский перевод
<p>birāderlerinden yā-ḥūd oğullarından birini velī-‘ahd etmedügi (т. е. Хаджи Гирей – Ч. Г.) için <i>mābeynlerinde ğeng ü qttāl vāqi’ olur</i> hiġretiñ sekiz yüz yetmiş senesinde <i>işbu fitretler olıġaq Mengli Girāy bin Ḥāġġī Girāy nām oġlu firāren varub Mānkūp nām qal’e</i> ki Qıḡm diyārında Balıqlaġı semtindedür metāneti ile meşhūrdur anıñ zābıtı mülük-ı nazārādan Boġdān pādīşāhıñ vekli imiş⁹ ve anda bir miqdār Aş ta‘bīr olunur Tātār qabīlesi bulunmaġla <i>anlarıñ içine varub</i> [20, л. 328r–318v; 18, с. 97; 1, с. 114–115]</p>	<p>... а когда Хаджи Гирей хан на 16-м году своего царствования умер, то по смерти сего хана <i>произошло между наследниками его и народами за первенство междоусобие до того что старший сын его Менгли Гирей принужден был удалиться под защиту</i> генуэзцев <i>в крепость Мангуп</i>, где и находился до того времени, пока, ... [7, с. 124–125]¹⁰.</p>

Генеалогия на русском языке с этого места продолжает историю, а Абдулгаффар делает краткое отступление. Это отступление могло попасть в произведение Абдулгаффара из османской или крымско-татарской хроники, так как он таким образом сообщает о планах Мехмеда II Завоевателя относительно Крыма и Гиреев в соответствии с традициями османской историографии. После отступления изложение в двух текстах идет параллельно.

Таблица 2/б

Абдулгаффар	Русский перевод
<p>(Мехмед II Завоеватель – Ч.Г.) <i>deryādan donanma ile Gedik Aḥmed paşa nām vezīrini irsāl eyledi zarb-ı dest ile Ğeneve keferesinden Keḡe ve Şūġdāġı aldı</i> ve naşārā keferesinden <i>Mānkūbı fetḡ edüb eline düşen usārāya ḡalt edüb teġāhülāne Mengli Girāy sultānı daḡı getirür ġider sultān Muḡammede vardıqda</i> [20, л. 279r; 18, с. 97; 1, с. 115]</p>	<p>... в крепость Мангуп, где и находился до того времени, пока, <i>при завоевании турецким флотом под предводительством верховного визиря Кадык Амет наши находившимся города Феодосии и крепостей Судак и Мангуп, в числе прочих пленников и он Менгли Гирей хан пленен и доставлен на турецком флоте в Константинополь к Фати Султану Мегмету</i> [7, с. 125]¹¹.</p>

Приведенные в таблицах 2/а и 2/б отрывки позволяют сделать дальнейшие выводы. Приведенный выше рассказ укоренен в османской и крымско-татарской исторической традиции, за исключением одной не-

⁹ Речь идет об Александре Мангупском, который с поддержкой своего шурина, Стефана III Великого, господаря Молдавии (*Boġdān pādīşāhi*), отнял мангупский престол у своего дяди, Исаака [10, с. 78–86].

¹⁰ ... а когда Хаджи Гирей хан на 16-м году своего царствования умер, то по смерти сего хана произошло между наследниками его междоусобие, вследствие которого старший сын его Менгли Гирей хан принужден был удалиться под защиту генуэзцев в крепость Мангуп, откуда пленным отвезен в Константинополъ [6, с. 99].

¹¹ Вариант издания Ф.Ф. Лашкова 1889 года см. в примечании 10.

большой детали: там генуэзцы держали Менгли Гирея I не в крепости Мангупе, а в Кефе (современная Феодосия), откуда его освободили османские войска Гедик Ахмед-паши [12, с. 187–188]. Об этом свидетельствует одно из писем Менгли Гирея, адресованное Мехмеду II Завоевателю, в котором он упоминает тюрьму Кефе [17, с. 88; 11, с. 56–57]¹². Из этого следует, что эта часть хроники Абдулгаффара и в сохранившейся в русском переводе генеалогии рода Ширин основывались на одном и том же предании, предположительно, при использовании одного и того же источника.

Давно известно, что значительную роль в возвращении Менгли Гирея на трон играл тогдашний глава рода Ширин, Эминек-бей. Об этом сообщается и в хронике Абдулгаффара, и в русском переводе.

Таблица 2/с

Абдулгаффар	Русский перевод
<p>āmma <i>vilāyet-i Dešt-i Qıpçāq iħtilāl-i kemālına érmege</i> ol ‘aşırda <i>mīr-i mīrān-ı Šīrānīyān olan Eminek beg bin Mamaq beg bin Tegene beg bin Rüktemür beg baş qaraçı olmağla bir qaç eyyām nızām-ı vilāyete sa’y eder āmma hadd mekānda olmadığında devlet-i ‘alīyeye istinād birle işbu iħtilāl-i def’ éderüm <i>mulāhaza édüb sefīne ile İstanbūla gider</i> ve ‘arz-ħāl édüb gendüyi bildürür ve <i>hān-zādesini riğā éder pes pādīšāh-ı ‘ālem-penāh daħi gāyet hāzı édüb</i> mīr-i mezkūrı nevāziš-i šāhāne ile ikrām éder ve <i>Mengli Girāyı hān naşb édüb gendü devletine be’iyet étdürür ve envā’-ı ‘uhūd u mīsāq ile itimād alur</i> ve gendüye daħi yazlıq ve qıslaqlar ve arpalıqlar ve hāşşlar ta’yīn éder ve bir veğh-le riğāsi redd olunmamaq bābında defter-i hāqānīde dastūru l-‘amel olmaq üzere tahrīr étdürür ve <i>Emink bege daħi haddan ziyāde ikrāmlar ve vezā’if ü ‘avā’if ve fuğ</i> ve mehter-ħāne <i>ihsān éder qadırğalara bindürüb gelür Kefeye çıkarlar</i> [20, л. 279r; 18, с. 98; 1, с. 115–116]</i></p>	<p>Между тем первый завоеватель Крыма <i>Мамак бей</i> Ширинский умер, а на место его поступил беем <i>родной сын его Эменек бей, который при всем старании не мог прекратить продолжавшегося</i> в Крыму <i>междоусобия, принужден был отправиться сам в Константинополь</i> к султану Фати Султан Мегмеду, <i>у котораго и требовал возвращения наследника</i> крымского вышеописанного Менгли-Гирея хана с тем, что Крым и народ в оном обитающий должен состоять под властью Турецкой Порты, на каковое предложение <i>султан охотно согласился</i>, на таком при том положении, чтобы впредь крымские ханы были определяемы с утверждения Турецкой Порты. Почему как <i>Менгли-Гирей хан</i>, так равно и Эменек бей <i>приняли на верность подданства султану присягу. Первый из них утвержден крымским ханом</i>, а последний <i>Эменек бей пожалован от султана важными подарками бунчуком прочими драгоценностями и знаменами</i>. Оба <i>они</i> вместе быв великолепно <i>отправлены султаном</i> из Константинополя морем <i>прибыли в город Феодосию</i>, а оттоль в Старый-Крым, что было от эгиры в 890, а от Рождества Христова в 1478 году [7, с. 125]¹³.</p>

¹² Ризван паша-заде в XVII веке также упоминает Мангуп [22, с. 32–33], однако маловероятно, что источником послужило это упоминание.

¹³ Между тем первый завоеватель Крыма Маман (sic!) бей Ширинский умер, а на место его поступил родной сын его Эменек бей, который при всем старании, не могли прекратить продолжавшегося в Крыму междоусобия, принужден был отправиться сам в

Видно, что обе истории строятся из одних и тех же элементов с мелкими отступлениями. Кроме того, в отрывок 2/с также попали данные, которые противоречат данным других источников. Например, упомянутый Эминек был не сыном, а братом Мамак-бея [11, с. 319]. Известно также, что Эминек-бей не приезжал лично ко двору султана, а просил его отправить Менгли Гирея в Крым в письме, о чем свидетельствует его послание, сохранившееся среди документов во дворце Топкапы [17, с. 101–106; 11, с. 64–66]. Кроме совпадений двух отрывков по содержанию, структуре и изложению, они содержат также данные, которые могли происходить из одного предания, что еще больше укрепляет наше предположение о том, что Абдулгаффар и генеалогия рода Ширин XIX века пользовались одним источником.

Выше мы видели, какие наблюдаются содержательные и структурные и совпадения двух текстов, а также где сближается их изложение. Все это указывает на наличие «изначальной» генеалогии рода Ширин, которую мог использовать как Абдулгаффар, так и составитель генеалогии XIX века на русском языке. Если принять предположение об «изначальной» генеалогии, возникает вопрос о времени ее создания. В данный момент мы имеем единственное указание, которое может помочь сравнительной датировке «изначальной» генеалогии – это *тугра* и право на миндалевидную печать *бадемы мугыр* (см. таблицу 1/б).

Обе генеалогии относят время получения родом Ширин права на *тугру* и *бадемы мугыр* к правлению хана Токтамышша. Во времена Токтамышша, в конце XIV века в канцелярии Золотой Орды не использовались ни *турга*, ни миндалевидная печать, а в Крымском ханстве они использовались гораздо позже, в XVI–XVII веках. Это значит, что названный нами «изначальной генеалогией» источник должен отражать практику своего времени, которая восходит к XIV веку. Учитывая это, мы получаем три основания для датирования «изначальной» генеалогии.

Во время существования Золотой Орды ханские грамоты заверялись квадратной печатью (*тамга, нишан*) золотого, синего и красного цвета, эту практику продолжила и канцелярия Крымского ханства [9, с. 143–151; 21, с. 46–50, 56–57]. *Terminus post quem*, то есть самым ранним временем появления «изначальной» генеалогии, можно считать время прекращения этой практики. Согласно опубликованным польско-литовским дипломатическим документам, применение квадратной печати прекратилось в начале XVII века. Последняя известная печать относится к 1592 году и связана с Газы Гиреем II. Эта дата может быть передвинута еще по крайней мере на два десятка лет, так как в польском переводе документа 1609 года имеется упоминание об использовании квадратной печати (*złotą pieczęcią naszą*) [16,

Константинополь к Султану Фатти Мегмету, у котораго и просил возвращения Менгли-Гирея хана с условием, что Крым и народ, в оном обитающий, должен состоять под властью турецкой Порты. На каковое предложение Султан охотно согласился, оставив с своей стороны требование, чтобы впредь Крымские ханы были определяемы с утверждения Турецкой Порты. Почему как Менгли-Гирей хан, так равно и Эменек бей приняли на верность подданства Султану присягу. Первый из них утвержден Крымским ханом, а последний пожалован от Султана важными подарками: бунчуком и прочим драгоценностями и знаменами. Оба они морем прибили в город Феодосию, а потом в Старый Крым в 1478 году [6, с. 99].

с. 328–331]. Дипломатические отношения с Москвой были более консервативны, поэтому можно представить себе, что употребление квадратной печати прекратилось после этой даты.

Турга в канцелярии Золотой Орды была неизвестна, из государственных наследников Золотой Орды она распространилась только в Крымском ханстве под влиянием османов. В документах XVI века уже появляются инвокации, похожие на *тургу*, но о *турге* в классическом смысле можно говорить только начиная с первой половины XVII века [13, с. 178–179; 16, с. 346–349]. На данный момент мы не располагаем данными о том, использовали ли *тургу* Ширин-бей¹⁴, да это и не важно. Для нашего исследования важно, что дата создания «изначальной» генеалогии относится ко времени, когда в канцелярии крымских ханов уже не применялась квадратная печать, но уже использовалась *турга*, то есть самым ранним временем можно считать первую половину XVII века.

У нас также нет данных о применении во времена Золотой Орды миндалевидной печати, в Крымском ханстве она появляется только в XVI веке. Поначалу эту форму печати применял только хан, позднее право распространилось на других членов династии Гиреев [9, с. 142–143, 170; 13, с. 177; 16, с. 334–335]; по этой причине М.А. Усманов в 1979 г. отверг связанную с этим часть в русскоязычной генеалогии XIX века как вымышленную [9, с. 171]. С тех пор появились данные о том, что по крайней мере один Ширин-бей пользовался миндалевидной печатью. Подгаецкий мирный договор между Крымом и Речью Посполитой Ширин-бей Менгли Гирей в 1667 году скрепил миндалевидной печатью [16, с. 335–336]. Д. Колодзейчик при публикации мирного договора заметил, что эту печать Ширин-бей Менгли Гирей использовал уже между 1661–1664 годами; поэтому Д. Колодзейчик относит связанную с этим моментом часть генеалогии XIX века к 1660-м годам [16, с. 336, прим. 274]. Предположение Д. Колодзейчика имеет смысл дополнить упоминанием Абдулгаффара о скрепляющем знаке, а также уже упомянутым замечанием о Ширин-бее Менгли Гирее, которое обошел своим вниманием польский исследователь:

«И рисовали тургу меньшие турги хана, носили миндалевидную печать и [документы] скрепляли. Эта обыкновение (hüşüş) упоминалась и имело силу вплоть до Менгли Гирей бея, а затем немного утратило значение»¹⁵.

Из приведенной цитаты ясно, что применение Ширин-беем *турги* и миндалевидной печати после Менгли Гирей бея начало сходиться на нет. Принимая во внимание приведенные выше данные Абдулгаффара, а также то, что нам неизвестно о другом Ширин-бее, который использовал бы перстень с миндалевидной печатью, мы можем подкрепить предположение Д. Колод-

¹⁴ Трудно также представить, что Абдулгаффар под *тургой* Ширин-беев понимал *пендже*, которая использовалась османскими чиновниками, так как, будучи писцом канцелярии Крымского ханства [4, с. 383], автор должен был понимать разницу между *пендже* и *тугой*.

¹⁵ *ve hân tuğrasından küçük tuğrâyı çekerler ve bâdemî mühür taşurlar ve şahh çekerler ve işbu hüşüş Mengli Girey beğe değin mezkûr u mer'î idi bad'ehu biraz tenezzül êtdiler* [20, л. 318v; 18, с. 195; 1, с. 224].

зейчика о том, что генеалогия XIX века, следовательно, «изначальная» генеалогия, была создана около 1660-х годов.

Можно видеть, что две генеалогии рода Ширин, а именно, генеалогия из хроники Абдулгаффара и сохранившаяся в русском переводе генеалогия XIX века, показывают значительные совпадения по содержанию, а в отдельных частях – и по структуре и изложению; а различия между ними можно объяснить различными целями их составления. С учетом всего этого, можно предположить существование общего источника – «изначальной» генеалогии рода Ширин, которую по содержанию можно отнести к середине XVII века. Если принять приведенный выше результат анализа¹⁶, есть основания полагать, что роды Крымского ханства начиная самое позднее с XVII века в письменной форме сохраняли сведения о своей истории и происхождении. В этих генеалогиях могло уделяться особое внимание десятилетиям формирования Крымского ханства¹⁷, однако этот вопрос требует дальнейшего изучения. Далее, если согласиться с существованием «изначальной генеалогии», в связи с хроникой Абдулгаффара возникают дальнейшие вопросы, например о датировке крымских родов по животному календарю, о существовании историографии крымских родов и т.п.¹⁸ Эти темы ждут своей разработки и могут дать новые сведения о культуре и письменности родов Крымского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу. Ред. Миргалеев И.М. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
2. *Акчури М.М.* Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды» посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 года. Выпуск 2. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани НА РТ, 2011. С. 191–202.
3. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература РАН, 2009. 304 с.
4. *Келлер-Хайнкеле Б.* Кто был Абдулгаффар ал-Кырыми (Заметки о крымско-татарском историке XVIII века) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой

¹⁶ В примечании 1 мы уже указывали на расхождения в русском тексте издания генеалогии рода Ширин 1889 и переиздания 1895 года, которые, хоть и не в полной мере, но могут повлиять на результаты филологических исследований. Однако не ясно, объясняются ли эти расхождения наличием двух самостоятельных источников, или Ф.Ф. Лашков дополнил текст (например, из крымских хроник и документов)? Было бы желательно найти и опубликовать оригинальные документы, по которым можно было бы точнее судить об истории рода, его владениях и хозяйственной деятельности.

¹⁷ В статье 1889 года Ф.Ф. Лашков приводит длинную цитату из генеалогии рода Яшлав, в которой, как и в генеалогии Ширин, говорится о завоевании Крыма [6, с. 105–106].

¹⁸ Абдулгаффар среди своих источников упоминает хронику Хайреддин-заде Мухаммад еш-Ширини [20, л. 243r; 1, с. 21, в транскрипции ошибочно Хайреддинзаде Мухаммад Ширини], что опять же указывает на то, что Ширини имели какие-то историографические традиции. Однако бросается в глаза, что в свою генеалогическую таблицу Абдулгаффар не включил этого историка рода Ширин.

Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань: Издательство «Мастер Лайн», 2002. С. 378–390.

5. Кузеев Р.Г. Башкирские шеджере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.

6. Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском Ханстве // Труды IV археологического съезда в Одессе, 1884, No. 4. С. 96–110.

7. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения (Продолжение) // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии, 1895, No. 23. С. 117–129.

8. Сейтягьяев Н.С. Ученый из Карасу Абдильгаффар Кырми и его историческое сочинение (История, проблемы и перспективы изучения) // Мир Бекира Чобан-заде. Сборник материалов I крымской международной тюркологической конференции Белогорск (Карасубазар) 23–25 мая 2012 / Ред.: Эмиров А.Р. Симферополь: НАТА, 2013. С. 222–242.

9. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 318 с.

10. Фадеева Т.М., Шапошкинов А.К. Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник. Симферополь: Бизнес-Информ 2011. 396 с.

11. Bennigsen A., Boratav P. N., Desai D., Lemerrier-Quelquejey Ch. Le Chanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales – Mouton, 1978. 458 p.

12. Derin Paşaoğlu D. Altın Orda ve Kırım Sahasında Bozkır Aristokrasisinin Güçlü Temsilcileri: Emir Rektemür ve Şirin Mirzalar // Ankara Üniversitesi Tarih Araştırmalar Dergisi 2014, No. 56. P. 147–190. Режим доступа: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/18/1956/20482.pdf>

12. İnalçık H. Yeni vesikalara göre Kırım Hanlığının osmanlı tâbiliğine girmes ve ahidname meselesi // Belleten 1944, No. 8 P. 185–229.

13. Ivanics M. Die Beglaubigungsmittel der krimtatarischen Urkunden // Proceedings of the 35th Permanent International Altaistic Conference. Taipei, 12. 09. 1992. – 17. 09. 1992 / Ed.: Chen J. Taipei: National Taiwan University, 1993. P. 175–182.

14. Ivanics M. Die Şirin. Abstammung und Aufstieg einer Sippe in der Steppe // The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century) / Ed.: Klein D. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 27–41.

15. Ivanics M. Hatalomgyakorlás a steppén. A Dzsingisz-náme nomád világa. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, Történettudományi Intézet, 2017. 336 p.

16. Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties followed by Annotated Documents. Leiden, Boston: Brill, 2011. 1049 p. XVII Facsimiles, 2 Maps.

17. Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul: Bürhaneddin Matbaası 1940. 212 p.

18. Qırīmī el-Hāğğ ‘Abdu l-Gaffār ‘Umdetü t-tevārīh. ‘Aşım N. İstānbül: Maṭba‘a-ı ‘āmiri, 1343. 257 p.

19. Schamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde [PhD Dissertation]. Columbia University, 1986.

20. Süleymaniye Yazma Eserler Kütüphanesi, Esad ef. 2331.

21. Vásáry I. Az Arany Horda cancelláriája. Budapest: Kőrösi Csoma Társaság, 1987. 87 p.

22. Zajęczkowski A. La chronique des steppes Kiptchak Tevārīh-i Dešt-i Qıpçaq du XVIIe siècle. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. 180 p.

Сведения об авторе: Чаба Гёнцэль – аспирант по историческим наукам (Сегедский университет), младший научный сотрудник Тюркологической Исследовательской Группы Венгерской Академии Наук при Сегедском университете (6722 Сегед, Egyetem u. 2, Венгрия). E-mail: csaba986@gmail.com

Поступила 30.06.2017 Принята к публикации 09.11.2017
Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-akhbar*. Kniga 1: Transkriptsiya, faksimile. Seriya «Yazma Miras, Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage.» Is. 1. [Kyrymi Abdulgaffar. Essence of Histories. Transcription, facsimile. “Textual Heritage Series”] Transkriptsiya Der'ya Serin Pashaoglu. Red.: Mirgaleev I.M. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014. 420 p. (In Ottoman Turkish with Russian Introduction)
2. Akchurin M.M. Nachaln'aya genealogiya shirinskich knyazei [The Preliminary Genealogy of the Shirin Beys] *Zolotoordynskoe Nasledie*. Materialy vtoroy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy» posvyashchennoy pamyati M.A. Usmanova. Kazan', 29–30 marta 2011 goda. Is. 2. [Golden Horde Heritage. Proceedings of the Second International Scientific Conference on the “Political and Socio-economical History of the Golden Horde” Dedicated to the Memory of M.A. Usmanov. Kazan', 29–30 March 2011]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 191–202. (In Russian)
3. Zaitsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov. Puti razvitiya. Rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th Centuries. Ways of Development. Manuscripts, Text and Sources.] Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. 304 p. (In Russian)
4. Kellner-Heinkele B. Kto byl Abdulgaffar al-Kyrymi (Zametki o krymsko-tatarskom istrike XVIII veka) [Who Was Abdulgaffar Qırımī. Notes on the Crimean-Tatar Historian of the 18th Century.] *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Source Study of the History of the Ulus of Juchi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan, 1223–1556]. Kazan, Master Lain, 2002, pp. 378–390. (In Russian)
5. Kuzeev R. G. *Bashkirskie shedzhere* [Bashkir Genealogies]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 304 p. (In Russian)
6. Lashkov F.F. Arkhivnyya dannyya o beylikakh v Krymskom Khanstve [Archival Materials about the Beyliks of the Crimean Khanate]. *Trudy IV arkhelogicheskogo s'ezda v Odessa* [Materials of the 4th Archeological Meeting in Odessa], 1884, no. 4, pp. 96–110. (In Russian)
7. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii Krymsko-tatarskogo zemlevladieniya (Prilozhenie) [A Collection of Documents Concerning the History of the Crimean Tatar Land-owning (Supplement)] *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii* [Proceedings of the Crimean Scientific Archival Committee], 1895, No. 23, pp. 117–129. (In Russian)
8. Seytyag'yaev N.S. Uchenyi iz Karasu Abdul'gaffar Kyrymi i ego istoricheskoe sochinenie (Istoriya, problemy i perspektivy izucheniya) [A Scholar from Karasu, Abdulgaffar Kyrymi and His Historical Work (History, Problems and Perspective of Research)]. *Mir Bekira Choban-zade. Sbornik materialov I-oy krymskoy mezhdunarodnoy tyurkologicheskoy konferentsii, Belogorsk (Karasubazar) 23–25 maya 2012* [The World of Bekir Choban-zade. Proceedings of the 1st Crimean International Turkological Conference,

Belogorsk, the 23–25 of May 2012]. Red.: Emirov A.R. Simfepopol, NATA, 2013, pp. 222–242. (In Russian)

9. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Charters of Grand of the Ulus of Juchi of the 14th–16th Centuries]. Kazan, Kazan State University Publ., 1979. 318 p. (In Russian)

10. Fadeeva T.M., Shaposhkinov A.K. *Knjazhestvo Feodoro i ego knyazyia. Krymsko-gotskiy sbornik* [The Principality of Theodoro and Its Princes A Crimea-Gothian Collection]. Simfepopol, Biznes-Inform 2011. 396 p. (In Russian)

11. Bennigsen A., Boratav P.N., Desaive D., Lemerrier-Quelquejay Ch. *Le Chanaat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı.* Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales – Mouton, 1978. 458 p. (In French)

12. Derin Paşaoğlu D. Altın Orda ve Kırım Sahasında Bozkır Aristokrasisinin Güçlü Temsilcileri: Emir Rektemür ve Şirin Mirzalar. *Ankara Üniversitesi Tarih Araştırmalar Dergisi* 2014, No. 56. pp. 147–190. Available at: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/18/1956/20482.pdf> (In Turkish)

12. İnalçık H. Yeni vesikalara göre Kırım Hanlığının osmanlı tâbilğine girmes ve ahidname meselesi. *Belleten* 1944, No. 8. pp. 185–229. (In Turkish)

13. Ivanics M. Die Beglaubigungsmittel der krimtatarischen Urkunden. *Proceedings of the 35th Permanent International Altaistic Conference. Taipei, 12. 09. 1992. – 17. 09. 1992.* Ed.: Chen J. Taipei: National Taiwan University, 1993. pp. 175–182. (In German)

14. Ivanics M. Die Şirin. Abstammung und Aufstieg einer Sippe in der Steppe. *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century).* Ed.: Klein, D. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. pp. 27–41. (In German)

15. Ivanics M. *Hatalomgyakorlás a steppén. A Dzsingisz-náme nomád világa.* Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, Történettudományi Intézet, 2017. 336 p. (In Hungarian)

16. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties followed by Annotated Documents.* Leiden, Boston: Brill, 2011. 1049 p. XVII Facsimiles, 2 Maps.

17. Kurat A.N. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler.* İstanbul: Bürhaneddin Matbaası 1940. 212 p. (In Turkish)

18. *Qurîmî el-Hâğğ ‘Abdu l-Gaffâr ‘Umdetü t-tevârîh.* ‘Âşım N. İstānbül: Matba‘a-ı ‘āmiri, 1343. 257 p. (In Ottoman Turkish)

19. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde* [PhD Dissertation]. Columbia University, 1986.

20. *Süleymaniye Yazma Eserler Kütüphanesi*, Esad ef. 2331.

21. Vásáry I. *Az Arany Horda kancelláriája.* Budapest: Kőrösi Csoma Társaság, 1987. 87 p. (In Hungarian)

22. Zajaczkowski A. *La chronique des steppes Kiptchak Tevārîh-i Dešt-i Qıpçaq du XVIIe siècle.* Warsawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. 180 p. (In Ottoman Turkish with French translation)

About the author: Csaba Göncöl – PhD Student in History (University of Szeged), Assistant Research Fellow at the Turkological Research group of the Hungarian Academy of Sciences – University of Szeged (Szeged 6723, Hungary). E-mail: csaba986@gmail.com

*Received June 30, 2017 Accepted for publication November 9, 2017
Published December 29, 2017*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 902/904

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836

**«НАШЕСТВИЕ И ПРЕДЕЛЫ КАТАСТРОФЫ XIII ВЕКА»*
В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ*****Е.И. Нарожный****НАО «Наследие Кубани»
Краснодар, Российская Федерация
zai_ein@mail.ru*

В обзоре статей журнала «Stratum plus» (2016, №5), тематически полностью посвященного обсуждению проблемы монголо-татарское нашествия, оцениваются работы нескольких авторов, опубликовавших свои статьи в журнале. Авторы – ученые из России, Украины, Беларуси, Молдовы и Румынии, – опираясь на данные археологии, музейные экспонаты, письменные источники, церковной и бытовой архитектуры, оценивают характер и масштабы последствий этого нашествия в пределах европейского континента. Характеризуя выявленные разрушения, людские потери и пр. трагические последствия, в некоторых случаях авторы ставят и вопрос о том, что подобные потрясения были связаны не с интересующим нас нашествием, а более поздними событиями. Охватывая весь спектр высказанных мнений, в рецензии подчеркивается позитивный опыт представления всего журнального объема в качестве такой площадки. Удачный и позитивный опыт подобных обсуждений, проведенных на высоком научном уровне сделал рассматриваемый выпуск журнала важной публикацией оценок последствий событий XIII века. Это, вне всякого сомнения, станет не только интересным, но и полезным для широкого круга заинтересованных читателей.

Ключевые слова: монголо-татары, вторжение XIII века, монголы в Европе и Азии, Монгольская империя, Золотая Орда

Для цитирования: Нарожный Е.И. «Нашествие и пределы катастрофы XIII века» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 825–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836

* Stratum plus. №5. Санкт–Петербург–Одесса–Кишинев–Бухарест, 2016. 395 с.

**“THE INVASION AND LIMITS OF THE CATASTROPHE
OF THE 13TH CENTURY”* IN THE ASSESSMENTS
OF CONTEMPORARY DOMESTIC AND FOREIGN RESEARCHERS**

E.I. Narozhnyi

*Non-public Joint-stock company “Nasledie Kubani”
Krasnodar, Russian Federation
zai_ein@mail.ru*

This review evaluates the works of several authors who published their articles in the journal, *Stratum plus* (2016, No. 5), which was entirely devoted to the issue of the Mongol-Tatar invasion. Authors from Russia, Ukraine, Belarus, Moldova and Romania assess the nature and extent of the consequences of this invasion on the European continent based on archaeological data, museum exhibits, written sources, church and household architecture. Considering the entire range of opinions expressed as a whole, the review evaluates the successful attempt to address the aforementioned topics in a single issue of the journal. Thanks to the success of the attempt, this issue of the journal has become an important collection of articles for assessing the consequences of the relevant events of the 13th century. Without a doubt, this journal's issue will not only be interesting, but also useful, for a wide range of interested readers.

Keywords: Mongol-Tatars, invasion of the 13th century, Mongols in Europe and Asia, Mongol Empire, Golden Horde

For citation: Narozhnyi E.I. “The Invasion and Limits of the Catastrophe of the 13th century” in the Assessments of Contemporary Domestic and Foreign Researchers. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 825–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836

История событий первой половины XIII века, как представляется, является одной из традиционных историографических проблем, периодически привлекающих внимание специалистов. На этот раз проблема прошла еще одну апробацию на страницах международного научного журнала «Stratum plus. Археология и культурная антропология» (издание университета «Высшая антропологическая школа», г. Кишинев, Республика Молдова). Редколлегия предложила специалистам – не только историкам, археологам, нумизматам, но и музейным работниками, – высказать свое мнение в русле заданной для этого темы, представив им, практически, полный журнальный номер [14]. Развитие эта идея получила в следующем номере (№6) того же журнала [15]. Первая обсуждаемая тема – «Нашествие. Пределы катастрофы XIII века» – вызвала интерес исследователей сразу из нескольких стран Европы, отнесшихся к ней далеко не формально. Вторая тема, поднятая в №6 журнала, звучала уже по-другому: «Рах Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков», но она требует отдельного обзора.

* Stratum plus. No. 5. Saint Petersburg–Odessa–Kishinev–Bucharest, 2016. 395 p.

На мой взгляд, реализованный в пятом номере журнала исследовательский опыт оказался не просто интересным, но и удачным, весьма полезным. Полагаю, что его краткий обзор вызовет определенный интерес и у других исследователей, занимающихся изучением истории и археологии Золотой Орды.

Пятый номер журнала его редколлекцией был поделен на несколько неравных по объему разделов, объединивших некоторое количество статей, близких между собой по затронутым в них аспектам золотоордынской истории. *Раздел I: «Монгольское нашествие как трансформационный рубеж»*, открывает статья Н.Н. Крадина (Владивосток, Россия): «Восточная Европа и монгольская глобализация» [14, с. 17–26]. Вопреки принципам традиционного наследия отечественных историков и, в особенности, представителей т.н. «формационной» методики оценок последствий периода, наступившего после окончания завоевательных войн, Н.Н. Крадин формулирует совершенно иной подход. Справедливо акцентируя внимание на том, что никоим образом и никогда не будет оправдания всему злу, разрушениям и насилию, с которым многие народы Евразии столкнулись в ходе этого нашествия, исследователь концентрирует внимание читателей на другом и, прежде всего, на последовавших после нашествия процессах формирования разновекторных – культурных, торгово-экономических и политических – обменах, возрождению и развитию торговли, в прокладке и формировании устойчивых, как «длинных», так и «коротких» международных торгово-экономических трасс и магистралей. Исследователь объединяет эти, впрочем, как и многие другие явления в понятие средневековой, «монгольской глобализации» XIII–XIV вв. На наш взгляд, «ростки» данного подхода постепенно начали формироваться еще в недрах «формационной» истории и вопреки ее «методологическим установкам».

Я имею в виду, например, идею Г.А. Федорова-Давыдова о формировании внутри Золотой Орды «синкретической» материальной и духовной культур [13, с. 105–188], что было возможно, на наш взгляд, только в результате межэтнического взаимовоздействия и этнокультурного смешения. Этому не противоречили и наблюдения А.О. Добролюбского, в свое время попытавшегося определить подмеченные им процессы глобальной смены в погребальной обрядности кочевников Золотой Орды традиционных («домонгольских» и, как правило, «этнических») ориентировок на одну, глобально-«всеобщую» (головой на запад), хотя причину такой смены он объяснял достаточно лаконично: «Остается предполагать, что к этому периоду (эпоха Золотой Орды – Е.Н.), процесс этнокультурной ассимиляции многих групп кочевников выразился, в частности, в отказе от сознательного сохранения ориентировок могил по странам света – они потеряли для них былой смысл, или же приобрели какой-то новый» [2, с. 41]. Условия для подобных явлений формировались, во-первых, в результате мощных и почти повсеместных (на территории Золотой Орды) миксационно-ассимиляционных процессов [9, с. 125–136 и сл.], впоследствии усиленного не менее глобальным воздействием характером исламизации населения Золотой Орды [9, с. 125–137, 163–198; 10, с. 93–98].

А уже эти изменения, в свою очередь, «подтолкнули», к примеру, значимые процессы у половцев XIV в., приведшие не только к массовому отказу от традиционного обряда изготовления, установки и почитания статуй, вызвав к жизни и т.н. «обряд захоронения статуй», как обряда «похорон символа» первопредка (?) в прежней (традиционной) идеологии и религии [8, с. 245–274], хотя при этом где-то, наверняка, сохранялась некая их часть, так и не подавшаяся подобным инновациям. Идеи Н.Н. Крадина во многом нам близки и по другой причине: еще в первой половине 1990-х гг. была опубликована коллективная, сначала брошюра, а затем – статья, в которой предлагался т.н. «событийно-интеграционный» принцип подходов в восприятии различных событий, явлений и процессов в истории. В нем любые события, даже самые трагические и драматические, так или иначе, в конечном итоге не препятствовали процессам как вынужденной, так и сознательно проводимой интеграции и интеграционным процессам, в т.ч. и достаточно глобального характера [1, с. 125–135].

Не менее интересной является следующая подборка статей в журнале. С.В. Томсинский (Санкт-Петербург, Россия) рассматривает специфику «Кризиса Древней Руси в XIII в.: возможности познания реалий исторической действительности» [14, с. 27–38]. Суть этого кризиса автор статьи видит не столько как следствие трансформации хозяйственного уклада и, даже, не в качестве последствий монгольского нашествия, а рассматривает его как итог длительной «динамичной стагнации», сложившейся на Руси еще задолго до событий на Калке. Работа А.И. Филюшкина (Санкт-Петербург, Россия): «От тех царей Золотой Орды начало нашей Русской земли». Обозначенный автором вопрос, повлияла ли Золотая Орда на политическую культуру средневековой Руси, далеко не праздный. Интерес к нему, как это четко и достаточно исчерпывающе представлено в статье, был обусловлен историографическим опытом, сложившимся совсем недавно, в основном в период второй половины XX столетия, когда отдельными авторами декларировалось доминирующее влияние Золотой Орды на процесс формирования и дальнейшую эволюцию политической системы российского царства. Рассматривая такой опыт на примерах сторонников этой концепции, кстати сказать, иногда высказывающихся и в настоящее время, А.И. Филюшкин настаивает на том, что образ Золотой Орды и золотоордынских ханов в русской средневековой источниковой традиции был преимущественно, категорично и однозначно, негативным. Автор этой статьи справедливо ведет речь и о доминировании на Руси идеи обретения своей легитимности посредством победы над Золотой Ордой и пр. С ним следует согласиться и в той части рассуждений, в которой влияние Золотой Орды на политическую культуру Руси и русского царства он видит неоднозначно и многограннее и призывает других видеть это гораздо более сложное, нежели это представляется авторам концепции «преемственности восточной деспотии», выработанной историографией XX в.

А.В. Майоров (Санкт-Петербург, Россия) рассматривает проблему: «Русские князья после нашествия Батые: борьба за Галич и Киев». Исходя из летописных свидетельств, базируясь на конкретных примерах, исследователь

демонстрирует систему отношений русских князей – Даниила Романовича, Ярослава Всеволодовича и Ростислава Михайловича – с монголо-татарами после завершения ими похода в Центральную Европу. В результате, как считает автор статьи, черниговские князья, проиграв борьбу за Киев и Галич, так и не сумели доказать свое расположение и лояльность Батью, и в развернувшейся борьбе за политическое лидерство на Руси одними из главных «игроков» становятся галицко-волыньские и владими́ро-суздальские князья. А основным залогом успеха этих князей в этой борьбе являлось лишь стремление любым способом и средствами заручиться поддержкой золотоордынских ханов.

Второй раздел рассматриваемого номера журнала назван: «Города и веси»; открывается он двумя взаимодополняющими статьями украинских коллег, хорошо иллюстрирующими давно известные по обобщающим работам [3, с. 193–196 и сл., с. 195, фото] описания драматической ситуации, связанной с обороной и захватом Киева и его Десятинной церкви. Авторы первой публикации – Г.Ю. Ивакин, А.В. Комар (Киев, Украина) – оценивают ситуацию: «После катастрофы: Киев в 1241 г.» [14, с. 59–72]; рассматривая несколько погребальных комплексов с коллективными останками средневековых жителей Киева, погибших не только «в декабре 1240 г.», но и тех, кто «оборонялся там вплоть до весны 1241 года». Авторы выделяют разные группы таких захоронений, характеризующихся разной степенью травм скелетов, связывая их с разными этапами драматических событий. Их выводы дополняет статья А.Д. Козака (Киев, Украина): «Коллективное погребение возле Десятинной церкви: тафономия и палеопатология» [14, с. 73–82]. Опираясь на костные останки людей из археологических материалов (одна из ям) возле Десятинной церкви, автор статьи определяет индивидуальные половозрастные характеристики основной массы всех 13-ти погребенных в этой яме. Затем он пытается определить и характер «прижизненных, искусственных «присмертных» и «посмертных» повреждений костных останков этих погребенных. Его наблюдения заставляют более реально воспринимать сведения письменных источников об этих же событиях.

Е.Е. Черненко (Чернигов, Украина) рассматривает проблему: «Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований» [14, с. 83–98]. Публикуя археологический материал последних лет с территории исторического Чернигова, он сопоставляет его с летописными описаниями разгрома Чернигова в 1239 года. В результате, как подчеркивает исследователь, погром 1239 г. был не единственным драматическим событием с точно такими же последствиями для средневекового города, поскольку подобные погромы и вооруженные конфликты случались здесь и позднее 1239 г. Это, как свидетельствует автор, хорошо иллюстрируют не только многочисленные следы зафиксированного здесь мощного пожарища. Подтверждают это и различные разрушения, выявленные в ходе многолетних археологических раскопок, в т.ч. и на многих других городищах и селищах средневековой Руси [4, с. 50–60; 12, с. 62–71 и др.].

В развитие наблюдений предшествующего автора следует еще одна публикация – Е.М. Веремейчик (Чернигов, Украина): «Усадьба ювелира середины XIII в. в Любече» [14, с. 99–116]. Указанная работа вводит в научный оборот раскопанные материалы 2010–2011 гг. с городища Замковая Гора в Любече. Открытая там мастерская связывается с ремесленной деятельностью ювелира. Мастерская эта, как показывает автор, погибла в результате пожара середины XIII в. Находки отсюда – литейные формы для отливки украшений, тигли, наковальня, слитки серебра и пр. – вполне определенно характеризуют основные направления деятельности неизвестного средневекового мастера, который, к тому же, вполне мог специализироваться, подчеркивает автор статьи, и на производстве украшений из стекла, о чем свидетельствует, например, находка остатков высокотемпературной печи со скоплениями стеклянной массы и браслетов в ней.

Формированию представлений об особенностях развития различных территорий Руси в XIII–XIV вв. посвящена и статья В.А. Лапшина (Санкт-Петербург, Россия), который знакомит читателей журнала с «Тверью в XIII–XIV вв. (К проблеме преемственности городской культуры в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия)» [14, с. 117–124]. Анализируя археологический материал из работ на территории средневековой Твери, автор статьи раскрывает не только своеобразие организации внутренней хозяйственно-экономической жизни этого «молодого» города Северо-Восточной Руси, но и особенности его ремесленных производств и пр. В конечном итоге В.А. Лапшин делает вывод, вполне убеждающий в том, что и Тверь рассматриваемого времени испытала на себе сильное и негативное воздействие золотоордынского владычества.

С.Г. Бочаров (Симферополь, Крым; Казань, Россия) комплексно рассмотрел: «Изменения городской культуры в Крыму во второй половине XIII – первой половине XIV в. (на примере возникновения местного производства поливной керамики)» [14, с. 125–132]. Опираясь на результаты изучения поливной керамики с территории Крыма, С.Г. Бочаров ставит перед собой достаточно актуальную задачу проверки предположения: может ли установленный факт такого производства стать и одним из надежных признаков (критериев), достоверно характеризующих уровень городского развития?

Н.А. Тропин (Елец, Россия) исследует вопрос: «О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII в.» [14, с. 133–142]. В статье исследователь рассматривает коллекцию разнообразных предметов, относящихся к артефактам «аскизской культуры». Все они происходят с территорий ряда средневековых поселений Юго-Восточной Руси. Н.А. Тропин справедливо указывает на наличие многочисленных аналогий им, например, в Поволжье, где такие предметы – южносибирского происхождения, как правило, «домонгольского» периода (обзор см.: [11, с. 268–269]). Распространение таких предметов в Подонье Н.А. Тропин связывает с представителями «вооруженной охраны» (из числа носителей «аскизской культуры»), возможно, как считает исследователь, специализировавшихся на охране «купеческих караванов» на восстановленных монголами торгово-караванных

путях. Вместе с тем, хотя и в значительно меньшем количестве, предметы «аскизского круга» ныне известны и на Северном Кавказе. Здесь же такие предметы связывают с выходцами из ареала «аскизской культуры», но ставшими одними из многочисленных участников военных кампаний Чингизидов, «увлекших» их и в военные вторжения на Северный Кавказ в конце 1230-х гг. [6, с. 16–20].

Очередной, *третий раздел* рассматриваемого журнала включает в себя статьи и публикации, объединенные рубрикой: «Ремесло». Статьи этой рубрики наглядно демонстрируют особенности развития различных ремесел на разных территориях Восточной Европы. Статья В.Н. Гурьянова и Е.А. Шинакова (Брянск, Россия) посвящена изучению «Вооружения конца XII – начала XIV вв. с территории Среднего Подесенья и кросс-культурные контакты (в свете монгольского нашествия)» [14, с. 143–156]. В.И. Завьялов и Н.Н. Терехова (Москва, Россия) рассмотрели специфику «Древнерусских кузнечных традиций в деструктивный период (вторая половина XIII–XIV вв.)» [14, с. 157–162]. Е.П. Королёва (Могилёв, Беларусь), А.Н. Егорьков (Санкт-Петербург, Россия) анализируют «Состав стекла артефактов из некоторых средневековых памятников Беларуси в контексте влияния татаро-монгольского нашествия на традиции древнерусского стеклоделия» [14, с. 153–174]. В.Ю. Коваль (Москва, Россия) представляет «Керамику Рязанской земли в XIII веке» [14, с. 175–188]. А.В. Курбатов (Санкт-Петербург, Россия) характеризует особенности «Кожевенного ремесла лесной зоны Руси в XIII–XIV вв.» [14, с. 189–214]. К.А. Лавыш (Минск, Беларусь) публикует свои наблюдения о «Подражаниях золотоордынским изделиям из кости в Западной Руси» [14, с. 215–222]. Во всех выше перечисленных публикациях – не только результаты многолетних скрупулезных исследований различных ремесел, их организации или своеобразной, «панорамной» специфики в условиях развития после нашествия.

В *четвертый раздел* журнала – «Костюм и украшения» – включены несколько важных статей: Н.В. Жилина (Москва, Россия) делится своими наблюдениями по проблеме: «Русские и ордынцы: культурное восприятие и неприятие» [14, с. 223–230]. Опираясь на данные письменных источников, вещественные материалы и изобразительные источники, исследователь разбирается в степени влияния золотоордынской культуры на культуру Руси и наоборот, также определяя основные причины восприятия или неприятия воздействия культуры разных стран. Выявлены и обозначены основные препятствия для воздействующих в процессе взаимного влияния в costume, украшениях и пр.

Используя новые методики, О.В. Орфинская (Москва, Россия) предлагает новые «Размышления на тему влияния Золотой Орды на одежду Руси» [14, с. 231–268], перечисляя некоторые типы верхней одежды, которые могли войти в обиход населения Руси под влиянием Золотой Орды, и какие из них распространились и без этого влияния. Н.М. Калашникова, А.И. Корниенко (Санкт-Петербург, Россия) и С.С. Рябцева (Кишинёв, Молдова) рассматривают «Створчатые браслеты. Традиции до и после Нашествия» [14, с. 269–300]. Рассматривая такую специфичную категорию украшений, как створ-

чатые браслеты с территории Руси, бытовавшие там с домонгольского времени, авторы считают, что драматические события XIII в. никак не повлияли на их спрос и лишь столетие спустя браслеты постепенно вытесняются браслетами с гравировкой, литыми и витыми их подражаниями.

С. Оца и М. Джорджеску (Бухарест, Румыния) в своей статье «К вопросу об уточнении датировки клада из Войнешть (жудец Яссы)» [14, с. 300–320], вновь возвращаются к хорошо известному (найден еще в 1826 г.) вещевому кладу, неоднократно, в полном объеме или частично публиковавшемуся разными специалистами. С. Оца и М. Джорджеску, опираясь на целый ряд новых наблюдений, совсем не исключают того, что наиболее вероятной датой сокрытия данного клада следует рассматривать конец XIII, или даже, начало XIV в., увязывая это обстоятельство с периодом противостояния Ногая с Токтой, или же их преемниками. Предлагаемая ими датировка нам представляется вероятной, поскольку отдельные предметы из состава этого клада [14, с. 303, рис. 1, 6, с. 304, рис. 2, 2, 4], впрочем, как и бусины [14, с. 304, рис. 2, 6], но нанизанные на стержни в виде «знака вопроса» либо же в виде самостоятельного «бубенчика», нам хорошо известны по археологическим материалам XIV в. из высокогорной зоны Северного Кавказа [7, с. 144, рис. 4. 11. с. 145, рис. 5, 7–10 и др.; 5, с. 381, рис. 3, 13–15].

Публикация С.М. Новаковской-Бухман (Санкт-Петербург, Россия) «Украшения из разрозненных древнерусских кладов в собрании Русского музея» [14, с. 321–339] завершает раздел, который сменяется другим: «Архитектура».

Открывает этот раздел публикация М.В. Малевской-Малевич (1918–2011 гг.): «Церковь XIV в. на детинце Новогрудка» [14, с. 339–354]. Она была раскопана еще в 1960 г., но публикуется только сейчас, и в посмертной статье данного автора в научный оборот вводятся совершенно новые археологические материалы. Продолжает серию статей в этом разделе работа И.В. Антипова (Санкт-Петербург, Россия): «Древнерусская архитектура в первое столетие после монголо-татарского нашествия» [14, с. 355–368]. Рассматривая доступные сведения о строительстве на Руси новых храмов, оборонительных сооружений, их ремонтах во второй половине XIII – первой четверти XIV в. и характеризуя как неравномерное развитие архитектуры на Руси этого периода, автор статьи стремится разобраться в причинах, обусловивших подобное состояние дел. В результате, как полагает он, основные причины этого кроются не только в следствии и результатах монгольского нашествия, явившегося, отнюдь, не единственным фактором такой ситуации. Не менее значимыми он называет и другие факторы, например, нехватку достаточных средств на строительство, особенно, в результате тяжелых ордынских побед, а также – из-за междоусобных столкновений, нехватки мастеров и т.п.; хотя именно в это время формировалась основа для будущей эволюции древнерусской архитектуры.

Завершает основную часть публикаций журнала еще два важных раздела – «Рецензии и дискуссии» [14, с. 369–384], а также – «История науки» [14, с. 385–390] и др. Несмотря на их содержательность и интерес, тематически они «выпадают» из нашего обзора и по этой причине не рассматриваются.

Завершая свой обзор статей, замечу: представляемый номер журнала «Stratum plus», читаемый легко и с интересом и воодушевлением, убеждает в одном. Выпуск журнала, ставший своеобразной «площадкой» для заинтересованного обмена мнениями по многим и разнообразным направлениям заведомо определенной тематики «Нашествие. Пределы катастрофы XIII века», наглядно продемонстрировал существующие различия в современных подходах в оценке событий первой половины XIII в. и их последствий; наметив также и возможности и перспективы для дальнейшего и подобного, разнообразного (в чем-то даже «пестрого» по выбору изучаемых аспектов), коллективного, международного, а самое главное – беспристрастного обмена мнениями по этой проблеме. Многомерность взглядов самых разных специалистов – не только археологов, но и историков, нумизматов и др. – была обеспечена участием ученых из различных научных учреждений, учебных заведений и музеев сразу нескольких стран: России, Украины, Беларуси, Молдовы и Румынии. Все они наглядно продемонстрировали высокий уровень современного понимания обсуждаемой проблемы, с сохранением при этом своего собственного, нередко принципиального отношения к разным мнениям по той или иной обсуждаемой проблематике. И сделано это на самых разных примерах и под различным углом зрения. В ряде случаев можно заметить некоторые противоречия в предлагаемых авторами выводах, обеспечивающих некую полифонию, как обязательный залог будущих успехов. Тем не менее, реализованный опыт оказался вполне позитивным и, в первую очередь, за счет широкого спектра затронутых проблем и направлений, которые и обеспечили некоторую авторскую доминанту и пр. Этот опыт получил свое развитие и продолжение в следующем номере (№6) этого же журнала [15], общая тематика которого была несколько иной. Однако его обзор требует отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. Афро-азиатские сообщества. История и современность. №5. М.: Наука, 1995. С. 125–135.
2. Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: «Наукова Думка», 1986. 137 с.
3. История Киева в 3-х томах, 4-х книгах. Т. 1: Древний и средневековый Киев. Киев: «Наукова Думка», 1982. 460 с.
4. Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // Советская археология. №2. 1966. С. 50–60.
5. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Горная зона Восточного Приднестрелья и золотоордынские владения (к изучению динамики взаимоотношений) // Донские древности. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября–3 октября 2008 г.). Азов, 2009. С. 373–387.

6. Нарожный Е.И. О находках дальневосточных и южносибирских предметов XIII века на Северном Кавказе // Вопросы северокавказской истории. Вып. 5 Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 2000. С. 16–20.

7. Нарожный Е.И. Черные клубуки на Северном Кавказе. О времени и условиях перемещения // Археология европейской лесостепи. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2000. С. 138–150.

8. Нарожный Е.И. О половецких статуях и святилищах XIII–XIV веков Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк: Изд-во Донецкого государственного университета, 2003. С. 245–274.

9. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой орды). Армавир: ОАО «Армавирское полиграфпредприятие», 2005. 210 с.

10. Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (МИА Северного Кавказа. Вып. 7) Армавир–Ставрополь: «Полиграфик», 2007. 172 с.

11. Руденко К.А., Казаков Е.П. К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды // Поволжская археология. № 4(14), 2015. С. 266–273.

12. Сытый Ю.Н., Скорород В.Н. Находки предметов вооружения как свидетельство погромов городищ в селах Выползов и Шестовица (к постановке проблемы) // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула: «Куликово поле», 2014. С. 62–71.

13. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976. 228 с.

14. Stratum plus. №5. «Нашествие. Пределы катастрофы XIII века». Санкт-Петербург–Одесса–Кишинев–Бухарест: «Stratum», 2016. 395 с.

15. Stratum plus. № 6. «Рах Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков». Санкт-Петербург–Одесса–Кишинев–Бухарест: «Stratum», 2016. 419 с.

Сведения об авторе: Евгений Иванович Нарожный – доктор исторических наук, главный специалист НАО «Наследие Кубани» (350063, ул. Красноармейская, 16, Краснодар, Российская Федерация). E-mail: zai_ein@mail.ru

Поступила 20.07.2017 Принята к публикации 30.11.2017

Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Vinogradov V.B., Dudarev S.L., Narozhnyi E.I. Osnovnye etapy vseмирnoy istorii. Metodicheskiy material [The Main Stages of World History. Methodical Materials]. *Vostok. Afro-aziatskie soobshchestva. Istoriya i sovremennost'* [Orient. Afro-Asian Communities. History and Modernity]. No. 5. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 125–135. (In Russian).

2. Dobrolyubskiy A.O. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu srednevekov'ya* [Nomads of the North-Western Black Sea Region in the Middle Ages]. Kyiv, «Naukova Dumka», 1986. 137 p. (In Russian).

3. *Istoriya Kieva v 3-kh tomakh, 4-kh knigakh*. Vol. 1: *Drevniy i srednevekovyy Kiev* [History of Kyiv in 3 volumes, 4 books. T. 1: Ancient and Medieval Kyiv]. Kyiv, «Naukova Dumka», 1982. 460 p. (In Russian).

4. Medvedev A.F. Tataro-mongol'skie nakonechniki strel v Vostochnoy Evrope [Tatar-Mongol Arrowheads in Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1966, no. 2, pp. 50–60. (In Russian).

5. Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I. Gornaya zona Vostochnogo Pridar'yal'ya i zolotoordynskie vladeniya (k izucheniyu dinamiki vzaimootnosheniy) [The Mountain Zone of the Eastern Cis-Aralic Region and the Golden Horde Dominions (to the study of the dynamics of mutual relations)]. *Donskie drevnosti*. Is. 10: *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve. Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati prof. Moscow State University G.A. Fedorova-Davydova (30 sentyabrya-3 oktyabrya 2008 g.)* [Dialogue of Urban and Steppe Cultures on the Eurasian Space. Materials of the IV International Conference Dedicated to the Memory of Moscow State University's Prof. Fedorov-Davydov (September 30–October 3, 2008)]. Azov, 2009, pp. 373–387. (In Russian).

6. Narozhnyi E.I. O nakhodkakh dal'nevostochnykh i yuzhnosibirskikh predmetov XIII veka na Severnom Kavkaze [On the Findings of Far Eastern and South Siberian Objects of the 13th century in the North Caucasus]. *Voprosy severokavkazskoy istorii* [Issues of North Caucasian History]. Is. 5 Armavir, Armavir State Pedagog. Institute's Publ., 2000, pp. 16–20. (In Russian).

7. Narozhnyi E.I. Chernye klobuki na Severnom Kavkaze. O vremeni i usloviyakh peremeshcheniya [Black Hoods in the North Caucasus. About the Time and Conditions of Moving]. *Arkheologiya evropeyskoy lesostepi*. Is. 14: *Evrasiyskaya step' i lesostep' v epokhu rannego srednevekov'ya* [Archaeology of the European Forest-Steppe Zone. Issue. 14: Eurasian Steppe and Forest-Steppe in the Era of the Early Middle Ages]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2000, pp. 138–150. (In Russian).

8. Narozhnyi E.I. O polovetskikh statuyakh i svyatilishchakh XIII–XIV vekov Severnogo Kavkaza i Dona [About the Polovtsian Statues and Sanctuaries of the 13th–14th centuries of the North Caucasus and the Don]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [The Steppes of Europe in the Middle Ages]. Vol. 3. Donetsk, Donetsk State University Publ., 2003, pp. 245–274. (In Russian).

9. Narozhnyi E.I. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimovozdeystviya epokhi Zolotoy ordy)* [Medieval Nomads of the North Caucasus (some debatable problems of ethnocultural interaction during the Golden Horde era)]. Armavir, OAO «Armavirskoe poligrafpredpriyatie», 2005. 210 p. (In Russian).

10. Narozhnyi E.I., Okhon'ko N.A. *Novopavlovskiy mogil'nik KhIV veka v sisteme evraziyskikh drevnostey (MIA Severnogo Kavkaza. Is. 7)* [Novopavlovsky Burial Ground of the 14th century in the System of Eurasian Antiquities]. Armavir-Stavropol', «Poligrafik», 2007. 172 p. (In Russian).

11. Rudenko K.A., Kazakov E.P. K voprosu o roli kochevnikov v razvitii material'noy kul'tury Volzhskoy Bulgarii i Bulgarskogo ulusa Zolotoy Ordyy [On the Role of Nomads in the Development of the Material Culture of the Volga Bulgaria and the Bulgarian Ulus of

the Golden Horde]. *Povolzhskaya areologiya* [Archaeology of the Volga Region]. No. 4(14), 2015, pp. 266–273. (In Russian).

12. Sytyy Yu.N., Skorokhod V.N. Nakhodki predmetov vooruzheniya kak svidetel'stvo pogromov gorodishch v selakh Vypolzov i Shestovitsa (k postanovke problemy) [Findings of Armament Items as Evidence of Pogroms of Fortified Settlements in the Villages of Vypolzov and Shestovitsa (to the formulation of the problem)]. *Voinskie traditsii v arkhelogicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya* [Military Traditions in the Archaeological Context: From the Late Latin to the Late Middle Ages]. Tula, «Kulikovo pole», 2014, pp. 62–71. (In Russian).

13. Fedorov-Davydov G.A. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ordyy* [The Art of Nomads and the Golden Horde]. Moscow, Iskusstvo, 1976. 228 p. (In Russian).

14. *Stratum plus. No. 5. «Nashestvie. Predely katastrofy XIII veka»* [Stratum plus. 2016. No. 5. “Invasion. Limits of the Catastrophe of the 13th century”]. Sankt-Peterburg–Odessa–Kishinev–Bukharest: «Stratum», 2016. 395 p. (In Russian).

15. *Stratum plus. No. 6. «Pax Mongolica i evraziyskie potryaseniya XIII–XIV vekov»* [Stratum plus. 2016. No. 6. “Pax Mongolica and the Eurasian Turmoil of the 13th–14th centuries”]. Sankt-Peterburg–Odessa–Kishinev–Bukharest: «Stratum», 2016. 419 p. (In Russian).

About the author: Evgeniy I. Narozhnyi – Dr. Sci. (History), chief specialist of Non-public Joint-stock company «Nasledie Kubani» (16, Krasnoarmeyskaya Str., Krasnodar 350063, Russian Federation). E-mail: zai_ein@mail.ru

*Received July 20, 2017 Accepted for publication November 30, 2017
Published December 29, 2017*

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.837-845

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: СЕЛЕЗНЕВ Ю.В. РУССКИЕ
КНЯЗЬЯ ПРИ ДВОРЕ ХАНОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ*****М.А. Несин***

*Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи
Санкт-Петербург, Российская Федерация
petergof-history@yandex.ru*

Данная работа содержит рецензию на опубликованную в начале 2017 г. монографию Ю.В. Селезнева, посвященную отношениям русских князей с ордынскими ханами и их положению среди ордынской знати. Этот труд автора является первым в историографии комплексным исследованием данной проблематики за весь почти двух с половиной вековой период ордынского владычества. Впервые монография была издана в 2013 г., послужив основой для докторской диссертации, защищенной в 2015 г. В 2017 г. она была переиздана с определенными изменениями.

Книгу отличает обилие фактологического материала, с использованием разнообразных источников и историографии. Автор рассматривает социальную терминологию русско-ордынских отношений, структуру ордынской знати и поездки князей в Орду, обращая внимание не только на положение великих владимирских и московских, но и иных великих, а также удельных князей. При этом Ю.В. Селезнев вносит значительный вклад в решение дискуссионного вопроса о характере ордынского владычества на Руси, обстоятельно рассматривая взаимоотношения русских князей с ордынскими властями в разные годы. Исследователь предложил разделить ордынское «иго» на семь периодов «изменения степени суверенитета и юрисдикции хана в отношении русских княжеств».

Автор настоящей работы выражает согласие с основными положениями рецензируемой книги, но в то же время делает отдельные оговорки и критические замечания, которые, впрочем, не снижают научного уровня монографии.

Ключевые слова: Орда, русские князья, ордынская элита, хан, Иван III, стояние на Угре, ордынское иго, Ю.В. Селезнев

Для цитирования: Несин М.А. Рецензия на монографию: Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 837–845. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.837-845

**REVIEW OF THE MONOGRAPH: SELEZNEV YU.V. RUSSKIE KNYAZ'YA
PRI DVORE KHANOV ZOLOTROY ORDY
(RUSSIAN PRINCES AT THE COURT OF THE GOLDEN HORDE)**

M.A. Nesin

*Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps
Saint Petersburg, Russian Federation
petergof-history@yandex.ru*

This article contains a review of the monograph by Yu.V. Seleznev published in early 2017 and dedicated to the relations of Russian princes with the Golden Horde's khans and their status among the Golden Horde's nobility. This work is the first comprehensive study in the historiography of this issue for all two and a half centuries of the Tartar domination. The monograph was published for the first time in 2013 and served as the basis for a doctoral dissertation, which Seleznev defended in 2015. The book was reprinted with certain changes in 2017.

The book commendably contains an abundance of factual material through the use of diverse sources and strands of historiography. Seleznev examines the social terminology of Golden Horde-Russian relations, the structure of the Golden Horde's nobility and the trips of princes to the Horde, drawing attention not only to the status of the great Vladimir and Moscow princes, but also that of other great and appanage princes. He makes a significant contribution to the resolving the debate regarding the nature of the Golden Horde's domination in Rus' by examining in detail the relationship of the Russian princes with the Golden Horde's authorities in different years. The book's author proposed to divide the Golden Horde's "yoke" into seven periods characterized by "changes in the degree of sovereignty and jurisdiction of the khan in relation to Russian principalities".

The author of this review agrees with the main conclusions of the book under review, but at the same time he notes some reservations and criticisms, which do not, however, reduce the academic caliber of the monograph.

Keywords: Horde, Russian princes, Horde elite, khan, Ivan III, Great stand on the Ugra river, Horde's yoke, Yu.V. Seleznev

For citation: Nesin M.A. Review of the Monograph: Seleznev Yu.V. Russkie knyaz'ya pri dvore khanov Zolotoy OrdY (Russian Princes at the Court of the Golden Horde Khans). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 837–845. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.837-845

В самом начале 2017 г. в московском издательстве «Ломоносовъ» вышла монография известного отечественного исследователя русско-ордынских отношений Юрия Васильевича Селезнева «Русские князья при дворе ханов Золотой Орды» [16]. Ю.В. Селезнев в течении ряда лет плодотворно занимается такими проблемами, как структура ордынской элиты и взаимоотношения русских князей с Ордой.

Еще в вышедшей в 2009 г. монографии, посвященной элите Золотой Орды, Ю.В. Селезнев высказал положение о вхождении в ее состав русских князей [13]. Оно было признано убедительным другим современным исследователем ордынской тематики – Р.Ю. Почекаевым [11, с. 234].

В 2013 г. в Воронеже вышла первая монография ученого, посвященная русским князьям в системе элиты – «Русские князья в составе правящей

элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках» [15]. Она послужила основой для докторской диссертации, успешно защищенной Ю.В. Селезневым в 2015 г. в ВГУ.

Стоит отметить, что на данную монографию Ю.В. Селезнева в 2015 г. вышла рецензия В.А. Иванова и И.А. Картунова [4, с. 153–156], где содержатся некоторые критические замечания, касаемые прежде всего статуса русских князей в составе ордынской элиты.

Как нетрудно заметить, рецензируемое издание фактически является переизданием вышеуказанной монографии 2013 г., отличаясь от него названием и отсутствием первого раздела, посвященного истории вопроса и характеристике изучаемых источников. В новом издании своего монографического исследования ученый решил не повторять этот кусок из своей книги 2013 г. [15; 16]. В то же время в монографии 2017 г. добавлен параграф про отношения с Ордой черниговских и турово-пинских князей [16, с. 135–144], отсутствующий в прошлом издании.

Рецензируемая монография представляет собой фундаментальное исследование, посвященное русско-ордынским отношениям. Не секрет, что для того, чтобы успешно изучить столь сложную и обширную тему, необходимо комплексно изучить разнообразные источники и историографию заявленной проблематики. Ю.В. Селезнев безусловно справился с этой задачей.

На основе богатого фактологического материала, с привлечением различных источников и учетом историографического опыта предшественников Ю.В. Селезнев впервые комплексно исследовал эту проблематику за весь почти двух с половиной вековой период ордынского владычества. Более того, стоит признать, что на современном этапе работу Ю.В. Селезнева по данной теме следует признать исчерпывающей: до введения в научный оборот новых материалов вряд ли возможно появление нового оригинального фундаментального исследования этой проблематики (что, конечно, не исключает появления полемических работ или статей, содержащих отдельные наблюдения).

Два года назад авторы вышеназванной рецензии на первую монографию ученого о князьях в составе ордынской элиты – В.А. Иванов и А.И. Картунов – предположили, что книга Ю.В. Селезнева вызовет острую полемику как со стороны «евразийцев», так и сторонников традиционного для отечественной историографии с советских времен подхода к русско-ордынским отношениям в период ордынского «ига» [4, с. 153]. В действительности до сих пор этого не произошло, несмотря на появления отдельных полемических замечаний со стороны тех же авторов оной рецензии. Не исключено, что не в последнюю очередь это связано с тем, что рецензируемая монография Ю.В. Селезнева представляет собой крупное, обстоятельное, взвешенное, насыщенное обширным фактическим материалом исследование, с которым открытую серьезную полемику вести не просто – для этого необходимо проработать множество разнообразного материала.

Следует отметить, что монография написана хорошим научным языком и очень четко структурирована – первая часть посвящена терминологии княжеско-ордынских отношений и свержению ордынского владычества при великом московском князе Иване III в изображении современных книжников. Вторая часть посвящена структуре и символике ордынской элиты (где опять же делаются важные замечания, касающиеся типологического сходства

между возведениями в великокняжеское достоинство и в нойоны [16, с. 97–98]). Наконец, третья часть посвящена изучению такой важной части княжеско-ордынских отношений, как поездки князей в орду, исследование которых также – и это наглядно показано автором – необходимо для реконструкции взаимоотношений русских князей с ордынскими ханами в динамике. Ученый комплексно изучил как событийную историю этих поездок так и их хронологию, в результате чего составил как богатый статистический материал, так и создал широкое полотно взаимоотношения князей с ордынскими «царями» – ханами.

Наконец, в «Заключении» автор приводит основные выводы исследования, а также созданную им уникальную систему периодизации ордынского владычества.

В целом, по моему мнению, с основными положениями и выводами монографии следует согласиться.

Весьма любопытным и на мой взгляд, верным, является вывод Ю.В. Селезева о том, что русские князья были в некотором смысле включены в состав ордынской элиты – они участвовали в курултаях, хотя их роль и не имела реального влияния в решении важных государственных ордынских вопросов. Правда, этот вывод в свое время, как было сказано выше, вызвал критические замечания В.А. Иванова и И.А. Кортунова [4, с. 153–156], которое отмечали особое положение русских князей в ордынской элите (в том числе и со ссылками на некоторые соответствующие наблюдения самого Ю.В. Селезева). И все же, это отнюдь не исключает сам факт вовлеченности князей в круг ордынской знати. К тому же собственного видения ситуации ученые взамен фактически не предложили.

Другое дело, что вывод о вхождении русских князей в состав ордынской элиты, на мой взгляд, нуждается в некоторой оговорке. В Орде они определенно занимали уникальное положение: как отметили В.А. Иванов и А.И. Ковтунов, в монографии 2013 г. историк сам отмечал, что русские князья не стремились родниться с ордынской верхушкой (браки между ними были редчайшими случаями) [4, с. 153] (То же он констатирует и в рецензируемом издании 2017 г., являющемся фактическим переизданием монографии 2013 г. [16, с. 180]). На этом основании ученый резонно отмечает, что говорить «о слиянии русской знати с аристократией орды нельзя» [16, с. 180]. Сам он связывает это с разной конфессиональной принадлежностью русских князей и ордынцев [16, с. 180–181]. Вместе с тем особое положение русских князей в составе ордынской знати логичнее всего связывать с тем фактом, что русские земли не входили в состав Орды, хотя и находились от нее в заметной зависимости. Рубежи ближайшего к ним улуса Джучи проходили южнее, и не охватывали их территорию – это видно и из работы самого Ю.В. Селезева, обстоятельно описавшего границы улуса [16, с. 80–81]. Кстати, это обстоятельство, вероятно, и обеспечило сохранение на Руси той же Православной конфессии, подчиняющейся византийскому патриарху, никак не связанного с Ордой.

Мне уже приходилось отмечать, что до Ю.В. Селезева исследователи крайне мало уделяли внимание различию во взаимоотношениях с Ордой между разными ветвями князей, фактически создавая московцентристскую картину. Квинтэссенцией такого подхода служит новейшее издание моно-

графии Ю.В. Кривошеева, где все «княжье» Северо-Восточной Руси показано в виде единой массы [5, с. 336–356; 8, с. 68]. Согласно устному замечанию Ю.В. Селезнева, это связано со скудным и избирательным характером источниковой базы, где внимания удельным князьям в этом отношении практически не уделялось. Замечу, что у нас, к примеру, нет данных даже о том, выдавались ли удельным князьям ярлыки в Орде, или нет.

Тем не менее в монографии Ю.В. Селезнева было сделано многое, а может быть и практически все возможное на сегодняшний день, учитывая скудный характер источников, чтобы преодолеть эту досадную лакуну.

К примеру Ю.В. Селезнев отмечал наличие иерархии среди великих князей, а также, со ссылкой на работу В.В. Трепавлова, провел аналогию между системами великих и удельных русских княжеств и монгольских улусов туменов и тысяч [16, с. 18, 40]. Кроме того, автор не ограничился изучением Северо-Восточной Руси, а посвятил отдельные параграфы третьей главы отношениям с Ордой князей южной и юго-западной Руси [16, с. 128–143].

Конечно, изучение взаимоотношения русских князей с ордынскими властями не может не способствовать попытке решения такой фундаментальной «общей» проблемы, как характер ордынского владычества на Руси. В настоящее время эта тема весьма спорная в отечественной историографии.

И надо сказать, что Ю.В. Селезнев достаточно обстоятельно и аргументированно показывает, что в XIII–XV вв. Русь и ее князья находились в сильной зависимости от Орды, причем в разные периоды характер этой зависимости и отношения к ней на Руси менялся. Сам Ю.В. Селезнев, со ссылкой на статью В.Н. Рудакова, специально посвященной термину «иго», считает оправданным употреблять это слово применительно к ордынскому владычеству [16, с. 176–177] (сам Ю.В. Селезнев тоже написал в 2012 г. специальную статью, посвященную термину иго» [14]. На мой взгляд, ученый убедительно обосновал его актуальность).

В заключении ученый выделил семь периодов «изменения степени суверенитета и юрисдикции хана в отношении русских княжеств». При этом, для последних пяти он предложил уникальные критерии [16, с. 177]. Годы ордынского завоевания и оформления владычества над Русью неоднократно упоминались в историографии в контексте эволюции ига, другое дело, что именно Ю.В. Селезнев классифицировал их как отдельные этапы ордынского владычества. Предложенная ученым периодизация не вызывает возражений. Другое дело, что период с 1389 по 1434 г. можно поделить на две части – до и после Едигеевой рати 1408 г., после которой князья вновь, как в старину, стали регулярно платить дань. То же самое относится к последнему выделенному ученым периоду с 1434 по 1480 г. Период правления великого московского князя Ивана III следует считать особой страницей в истории русско-ордынских отношений. Так, он выделен в трудах А.А. Горского и самого Ю.В. Селезнева, который в рецензируемой монографии уделил специальную главу «периоду правления Ивана III [2, с. 153; 16, с. 32]. Согласно утверждению Ю.В. Селезнева, в выделенный им последний, седьмой период выплата дани была «единственным признаком зависимости» русских князей от большеордынских ханов [16, с. 177]. В то же время, не следует исключать, что великий московский князь Иван III был заочно, при жизни своего отца Василия II, утвержден в Орде на московское великое княжение [2, с. 153]. Если бы

Иван III занял великокняжеский стол без большеордынской санкции, то тот же хан Ахмат, вероятно, где-нибудь упомянул бы об этом обстоятельстве. Но он неоднократно обвинял московского князя в непочтении к ханской власти и неуплате дани, а не в самовольном и нелегитимном княжении. Но в целом, ярлыки на великое княжение уже если и выдавались, то, конечно, носили в основном уже формальный характер: московские князья не опасались, что могут по воле ордынского хана потерять власть в Москве. А вот обязательство русских великих и удельных князей, а также новгородцев, выплачивать дань в Орду неоднократно фигурирует в источниках. В этой связи Ю.В. Селезнев совершенно справедливо полагает, что дань являлась в то время «основным» признаком ига. И удачно «условно» назвал этот период «данническим» [16, с. 177].

Должен заметить также, что Ю.В. Селезнев совершенно прав, полагая, что концом ордынского ига стоит считать 1480 г. [16, с. 177]. В настоящее время большим авторитетом пользуется точка зрения А.А. Горского, согласно которой реальное освобождение от ордынской зависимости произошло еще в 1472 г. после неудачного для ордынцев похода под г. Алексин [2, с. 183–185]. При том такого же мнения, как показал ученый, придерживались и некоторые современники. Тогда же, согласно предположению ученого, Иван III твердо решил не платить дань Орде, хотя, как показал сам ученый, по факту выплаты прекратились еще как минимум в 1471 г. [2, с. 159–162]. Это предположение в некотором смысле подтверждается словами скрепленной 11 августа 1471 г. московской грамоты с условиями Коростынского перемирия с Новгородом: «а коли приведется князем великимъ взяти черной боръ, и намъ черной боръ дати по старине» [3, с. 49]. Т.е. уже во второй половине 1471 г. великий московский князь допускал, что, возможно, ему еще придется когда-нибудь взимать с новгородцев «черный бор» – ордынский «выход». По-видимому, лишь произошедшее почти год спустя поражение войска Ахмата под г. Алексиным в ночь на 1 августа 1472 г. дало основание Ивану III твердо считать себя свободным от подобных обязательств.

Тем не менее, окончательно вопрос о падении без малого двух с половиной векового ордынского владычества был решен лишь в 1480 г., в результате знаменитого стояния на Угре, когда тот же самый большеордынский хан Ахмат тщетно пытался заставить Ивана III подчиниться своей власти и компенсировать более чем восьмилетнюю неуплату дани, а в итоге вынужден был уйти ни с чем [6]. Как показал Ю.В. Селезнев, противостояние Москвы и Орды на реке Угре с точки зрения современных московских архиереев должно было кончиться богоугодной боевой победой православного государя Ивана III над нечестивым и незаконным «царем» Ахматом [16, с. 32–42]. Победа русским досталась не в результате генерального сражения. По причине отсутствия оно летописцам пришлось связывать уход ордынцев с р. Угры с чудом Богородицы. Но это никак не снижает ее политического и исторического значения. С этих пор ни Ахмат, ни его наследники не могли требовать с Руси регулярных выплат дани и утверждать кандидатуры русских князей. А Иван III, убедившись, что Орда не может им отныне служить реальной угрозой, в том же десятилетии понемногу начал бороться со своим западным соседом – Великим княжеством литовским – за

собрание древнерусских земель, нарушив установившийся со времен деда и отца некий статус кво между двумя восточноевропейскими центрами объединения древнерусских областей.

Правда, вероятно, несколько спорным является утверждение Ю.В. Селезнева, сделанное со ссылкой на А.В. Белякова, что московские князья в XV в. принимали на службу Чингизидов, прежде всего, из-за их относительно высокого статуса [16, с. 134]. Вопрос о положении служилых Чингизидов на московской службе окончательно не решен [1; 12]. Тем не менее первый касимовский царевич – Касим – по данным источников считался вассальным, служилым царевичем и подчинялся указаниям московского великого князя, а маневренная малочисленная касимовская конница Касима и его сына Данияра сослужила хорошую службу москвичам в войнах с ордынцами и новгородцами [7; 9; 10]. Но это мало связано с основной тематикой и главными выводами исследования и несколько не снижает уровень рассматриваемой монографии.

В целом можно заключить, что работа Ю.В. Селезнева представляется фундаментальным исследованием, выполненным на высоком уровне и отвечающим всем высоким требованиям, предъявляемым к историческим изысканиям. Все, кто в дальнейшем будут добросовестно изучать проблемы, связанные с русско-ордынскими отношениями, структурой Орды и ее элиты и ордынским игом, не смогут пройти мимо этой книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А.В. «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI вв.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и средневековье. 2005. Т. XVII. С. 172–175.
2. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л.: АН СССР. 1949. 409 с.
4. Иванов В.А., Кортунов А.И. Рец. на: Ю.В. Селезнёв. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса XIII–XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с. // Российская история. 2015. № 4. С. 154–155.
5. Кривошеев Ю.В. Русь и Монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.
6. Несин М.А. К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч.1. С. 110–132 [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5/ (Дата обращения: 23.10.2015).
7. Несин М.А. Военный поход на Новгород великого князя Московского Ивана III на Новгород в 1477–1478 гг. // Бомбардир. 2016. № 26. С. 58–80.
8. Несин М.А. Северо-Восточная Русь при монголах. Рец. на кн.: Кривошеев Ю.В. Русь и Монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с. // Valla 2016. Т. 2. № 6. С. 64–82.
9. Несин М.А. Участие касимовского царевича Данияра в военных походах великокняжеских войск 1471–1472 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 14–22.

10. Несин М.А. Царевич Касим на службе Василию II // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 186–193.
11. Почакаев Р.Ю. Рецензия на книгу: Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2010. № 3. С. 231–236.
12. Сафаргалиев Ю.В. Эволюция статуса Касимовского ханства в рамках русской государственности // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 118–123.
13. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: ФЭН, 2009. 232 с.
14. Селезнёв Ю.В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // Российская история. 2012. № 4. С. 107–110.
15. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 475 с.
16. Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. 272 с.

Сведения об авторе: Михаил Александрович Несин – младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (197046, Александровский парк, 7, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: petergof-history@yandex.ru

*Поступила 05.08.2017 Принята к публикации 13.11.2017
Опубликована 29.12.2017*

REFERENCES

1. Belyakov A.V. «Kasimovskoe carstvo» rannego perioda (XV – pervaya polovina XVI vv.): problema interpretacii istochnikov. [The “Qasim Khanate” of the Early Period (15th – first half of 16th centuries.): Problem of Interpretation of Sources]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e – Eastern Europe in Ancient and Medieval Times*, 2005, v. XVII, pp. 172–175. (In Russian)
2. Gorskij A.A. *Moskva i Orda*. [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p. (In Russian)
3. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*. [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 409 p. (In Russian)
4. Ivanov V.A., Kortunov A.I. Rec. na: Yu. V. Seleznyov. Russkie knyaz'ya v sostave pravyyashchej ehliny Dzhuchieva Ulusa XIII–XV vv. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 472 s. [Review of: Seleznev Yu.V. Russian Princes among the Ruling Elite of the Jochid Ulus of the 13th–15th centuries. Voronezh: Central Black Mould's Publishing House, 2013. 472 p]. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*, 2015, no. 4, pp. 154–155. (In Russian)
5. Krivosheev YU.V. *Rus' i Mongoly: Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII–XIV vv. 3-e izd., ispr. i dop.* [Russia and the Mongols: Research on the History of the North-Eastern Rus' of the 12th–14th centuries. 3rd ed., rev. and exp.]. St. Petersburg, Cultural Research Academy, 2015. 452 p. (In Russian)
6. Nesin M.A. K voprosu o prichine otstupleniya tatarskogo vojska posle stoyaniya na Ugre [To the Question about the Reason for the Retreat of Tatar Troops after the Standing on the Ugra]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2015. Spetsial'nyy vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480–2015* [The History of Warfare: Researches and Sources. 2015. Special Issue V. Standing on the Ugra River (1480–2015)] Parta I, pp. 110–132.

Available at: http://www.milhist.info/2015/10/23/nesin_5/ (last access – 23.10.2015). (In Russian)

7. Nesin M.A. Voennyj pohod na Novgorod velikogo knyazya Moskovskogo Ivana III na Novgorod v 1477 – 1478 gg. [Campaign against Novgorod of the Great Prince of Moscow, Ivan III in 1477–1478]. *Bombardir – Bombardier*, 2016, no. 26, pp. 58–80. (In Russian)

8. Nesin M.A. Severo-Vostochnaya Rus' pri mongolah. Rec. na kn.: Krivosheev Yu.V. Rus' i Mongoly: Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII–XIV vv. 3-e izd., ispr. i dop. St. Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury, 2015. 452 p. [The Northeastern Rus' under the Mongols. Review of the book: Krivosheev Y. Rus' and the Mongols: Research on the History of the North-Eastern Russia of the 12th–14th centuries. 3rd ed., rev. and exp. St. Petersburg, Cultural Research Academy, 2015. 452 p.]. *Valla*, 2016, v. 2, no 6, pp. 64–82. (In Russian)

9. Nesin M.A. Uchastie kasimovskogo tsarevicha Daniyara v voennyh pohodah velikoknyazheskih vojsk 1471–1472 gg. [The Kasimov Prince Daniar's Participation in the Military Campaigns of the Troops of the Great Prince of Moscow in 1471–1472]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva – Medieval Turkic-Tatar States*, 2016, no 8, pp. 14–22. (In Russian)

10. Nesin M.A. Carevich Kasim na sluzhbe Vasiliyu II [Prince Kasim in the Service of Basil II]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva – Medieval Turkic-Tatar States*, 2016, no. 8, pp. 186–193. (In Russian)

11. Pochekaev R.Yu. Retsenziya na knigu: Seleznev Yu.V. Elita Zolotoy Ordy [Book Review: Yu.V Seleznev. The Elite of the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2010. No. 3, pp. 231–236. (In Russian)

12. Safargaliev Yu.V. Evolyuciya statusa Kasimovskogo hanstva v ramkah russkoj gosudarstvennosti [Evolution of Kasimov Khanate's Status within the Russian Statehood]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Bulletin of the University of Chuvashia. Humanitarian Sciences*, 2008, no 4, pp. 118–123. (In Russian)

13. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoj Ordy. Nauchno-spravocnoe izdanie*. [The elite of the Golden Horde. Research and reference book]. Kazan, Fen Publ., 2009. 232 p. (In Russian)

14. Seleznev Yu.V. Proiskhozhdenie ponyatiya «mongolo-tatarskoe igo» (terminologicheskaya zametka) [The Origin of the Concept of the “Mongol-Tatar Yoke” (terminological note)]. *Rossijskaya istoriya – Russian History*, 2012, no 4, pp. 107–110. (In Russian)

15. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v sostave pravyashchej ehlity Dzhuchieva Ulusa v XIII–XV vekah*. [Russian Princes among the Ruling Elite of the Jochid Ulus of the 13th–15th centuries]. Voronezh, Central Black Mould Publ., 2013. 475 p. (In Russian)

16. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya pri dvore khanov Zolotoy Ordy*. [Russian Princes at the Court of the Golden Horde Khans]. Moscow, Lomonosov, 2017. 272 p. (In Russian)

About the author: Mikhail A. Nesin – junior researcher of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps (7, Aleksandrovskiy Park, Saint Petersburg 197046, Russian Federation). E-mail: petergof-history@yandex.ru

Received August 5, 2017 Accepted for publication November 13, 2017

Published December 29, 2017

НАСЛЕДИЕ

УДК 929.522(470)"1238/1480"(093)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846-865

РАШИД АД-ДИН. ШУАБ-И ПАНДЖГАНА. 2. МОНГОЛЫ И ТЮРКИ (3)*

Ч.И. Хамидова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
zahragizza@gmail.com*

Данная статья посвящена части перевода средневековой персидской рукописи Рашид ад-дина «Шуаб-и панджгана». В статье приводятся данные рукописи, касающиеся генеалогий Чагатая, Угедей хана, Тулуй хана, Мунка-каана и их потомков, известных Рашид ад-дину. «Шуаб-и панджгана», являясь приложением к основному историческому труду средневекового персидского историка Рашид ад-дина, во многом повторяет данные «Джами ат-таварих», однако назвать эти генеалогические данные полностью идентичными нельзя. Судя по сравнительному анализу данных двух сочинений историка, Рашид ад-дин для составления «Шуаб-и панджгана» проводил отдельные исследования, стараясь привлечь обновленные данные. В данном отрывке генеалогического сочинения обращает на себя внимание следующий факт: в генеалогии потомков Чагатая среди дочерей Буйри, сына Муватукана, сына Чагатая Рашид ад-дин помещает имя Улджетай, указывая при этом, что она не является дочерью Буйри, а записана она там потому, что имена ее родителей неизвестны. Чем объясняется этот факт, на данный момент неясно. Результаты перевода и анализа текста рукописи могут быть применены в различных сферах научных изысканий: исследование наследия Рашид ад-дина, политическая история Золотой Орды, генеалогическая история чингизидских правителей и их потомков. Перевод данной части «Шуаб-и панджгана» публикуется впервые.

Ключевые слова: Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана, Джами ат-таварих, Сборник летописей, Чагатай, Угедей, Тулуй, Мунка-каан

Для цитирования: Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (3) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 846–865. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846-865

* Продолжение статьи. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 668–680; Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 868–880. Перевод с персидского языка, предисловие и комментарии Ч.И. Хамидовой.

**RASHID AL-DIN. SHU'AB-I PANJGANAH.
2. THE MONGOLS AND TURKS (3)***

Ch.I. Khamidova

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
zahragizza@gmail.com*

Research objectives and materials: The article presents a section of the translation from Persian of the 2nd chapter of the manuscript. This part contains a genealogical tree of Chaghadaï, Ögedei Khan, Tölui, Möngke Khan (containing their descendants as known by Rashid al-Din).

Research results and novelty: The results of translation and analyses of the text of the manuscript could serve in various purposes: study of Rashid al-Din's heritage, Golden Horde history, genealogical history of the Chinggisid rulers and their descendants, etc. The translation of the manuscript has heretofore never been published in part or fully.

Keywords: Rashid al-Din, Shu'ab-i Panjganah, Jami al-tawarikh, Compendium of Chronicles, Rashid al-Din's heritage, Chaghadaï, Ögedei Khan, Tölui, Möngke Khan

For citation: Khamidova Ch.I. Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and Turks (3). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 846–865. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846-865

Генеалогии Чагатая, Угедей хана, Тулуй хана, Мунка-каана

Приводится перевод третьей части генеалогии монголов и тюрков в рукописи Рашид ад-дина «Шуаб-и панджгана» – Чагатая, Угедей хана, Тулуй хана, Мунка-каана (всего 26 листов). Курсивом выделен текст, отсутствующий в рукописи, но необходимый для более адекватного отображения информации в оригинале.

С частью данных, полученных при изучении рукописи, можно познакомиться в статьях И.М. Миргалеева и Ч.И. Хамидовой [1; 2; 5]. С оригинальным текстом рукописи можно ознакомиться в Музее Топкапы (Стамбул) [6] либо посредством факсимиле [4].

Данный отрывок из генеалогии тюрко-монголов снабжен немалым количеством комментариев с данными, которые не всегда можно найти в «Сборнике летописей». В данном отрывке комментарии в основном касаются политических событий в улусе Чагатая.

В части о потомках Буйри, сына Муватукана, сына Чагатая, обращает на себя следующий комментарий: «Это та Улджетай, от которой родилась жена Менгу Тимура, брата Абака хана. Имена ее отца и матери не были известны, поэтому ее записали тут». Интересен тот факт, почему именно Рашид ад-дин поместил эту женщину именно в эту ветку генеалогии. В самом «Сборнике летописей» о дочерях Буйри ничего не написано.

* Continuation of the article. Beginning see: *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 668–680; *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 868–880. The translation from Persian, foreword and comments by *Ch.I. Khamidova*.

Стоит отметить, что и в этой части генеалогии Чингизидов дополнены по сравнению со «Сборником летописей», например, там приводятся потомки лишь старшего сына Чагатая – Муватукана [СЛ], в то время как в «Шуаб-и панджгана» есть родословные линии остальных пяти сыновей Чагатая; у Угедея указано 8 сыновей вместо семи. О потомках Гуйук хана «Сборник летописей» сообщает следующее: «имел трех сыновей – имя самого старшего Ходжа-Огул, а второго – Наку... У Наку был сын по имени Чапат... Имя второго сына было Хуку, он родился от наложницы и имел сына по имени Токма, а у этого Токмы есть сын, имя его тоже Токма... Сыновья Ходжа-Огула не выяснены» [СЛ, 114]. На этом описание потомков Гуйук хана в «Сборнике летописей» заканчивается, в «Шуаб-и панджгана» же Рашид ад-дин приводит имена 38 его потомков.

[Описание Джадая и ветвей его потомков]

Пояснение об эмирах, бывших в его время

Берулатай караджар из рода берулас, был эмиром тысячи. Чингиз хан отдал его Джагатаю вместе с его тысячей во время разделения войска.

Муке нойон из джалаир, был великим эмиром, Чингиз хан отдал его Джагатаю с войском. Во время Джагатая был великим.

Джагатай кучек из племени сунит, был эмиром тысячи. Стал известен под именем Сунтай. Когда отец Тагаджара Куту-бука умер, его место занял Сунтай. Он был из числа тех эмиров, кого Чингиз хан отдал Джагатаю во время раздела войска.

Кухук нойон – из рода джалаир.

Вазир – был очень красноречивым, смелым человеком, был очень близок к Джагатаю. Несмотря на то, что у него не было войска и десяти тысяч, но с помощью знания историй Чингиз хана он добился расположения Джагатая и стал его приближенным. Он достиг таких высот, что крикнул на жену Джагатая и приказал убить одну из его невест, Джагатай это одобрил. Его история описана более подробно в истории.

Хабаш Амид – по происхождению тазик, был наибом Джагатая.

Караджар нойон – из рода баруласиз рода берзанджар – ванкетак.

Нурхан нойон из рода сулдус.

Кишлык – из племени сулдус. Этот Кишлык – сулдус, а Кишлык-терхан – другой (человек).

Бука – из рода убар.

У Джагатая было много эмиров, но имена не всех известны, по этой причине они не были записаны.

Пояснение о его женах

Йесулун хатун – дочь Фена нойона, сына Даритая, правителя племени кунгират, была старшей среди жен.

Букан хатун – сестра упомянутой Йесулун хатун, когда не стало Йесулун хатун, она заняла ее место.

У Джагатая было много жен, однако наиболее важными были те, кого упомянули, имена других не известны, по этой причине они не записаны.

Пояснение о его наложницах

У Джагатая было много наложниц, поэтому их имена неизвестны, по этой причине они не были записаны.

Сыновья Джагатай хана:

Муватукан – этот Муватукан во время взятия крепости Бамьян во время Чингиз хана был убит стрелой. Его матерью была Йесулун хатун из кунгират, она была самой старшей из всех жен Джагатая.

Муйхайа – мать этого Муйхайа занималась постелью в орде Йесулун хатун. Как-то она занималась постелью, Джагатай привлек ее, после этого она понесла, тем самым заслужив внимание. Ему [*Муйхайа*] были даны войско, земли и снаряжение.

Билкиси – мать этого Билкиси умерла еще в его детстве и других потомков не имела.

Сарбан –

Йесу-мункка

Пайдар –

[Сыновья Муватукана]:

Байху (мать этого Байху пришла из рода найман) –

Сын Байху – Тудан –

Сын Тудана – Буйджи –

Сын Буйджи – ‘Абдулла

Дочери Тудана – Амкан – Амкан умерла не оставив потомства.

Йесуджин – эту Йесуджин отдали за Кутлук Тимур-Куркана, сына Кара Байху, сына Куная, который был далуджи Чингизхана, из племени кунгират. Алмитурмиш хатун родилась от нее. У этого Кутлуг Тимура были и другие потомки, а именно – Турагай, Мухаммед ходже, Текзи Тимур, но от другой женщины.

Буйри (мать этого Буйри пришла из рода найман) –

Сыновья Буйри – 1. Кадаки Саджан (мать этого Кадаки Саджана была Йесу хатун из племени кунгират. Саджаном его назвал Менгу каан. По правилам шаманов он был стрижен. Отправился с Менгу кааном в Хитай, но умер по дороге. Его род и поныне продолжается) –

Сыновья Кадаки Саджана – Налику (Этот Налику родился от дочери султана Кутб ад-дин Керман Таркана, его звали также Хызр), Туку (этот Туку родился от упомянутой Серкан, в него выстрелили, стрела попала в голову, так он умер в восемнадцать лет), Бука Тимур (этот Бука Тимур владел улусом Джадая после Ник Би. И так случилось, что Мекба захватил Балигу и этого Бука Тимур с Бука – всех троих. И после их ... с его войском пришел к согласию, и они заставили Ник Би обещать и передать правление Бука Тимуру), Бука

Сын Налику – [пустой квадрат] –

Сыновья [...] – Туман, Уру Кудай, Тимур

Сыновья Туку – ‘Али, Зу-л-карнейн

Сыновья Бука Тимура – Урукгур, Улджи Тимур

Сын Уруктимура – Йесуур

2. Ахмад –

Сыновья Ахмада: Баба (Этот Баба сначала проживал возле Барака, а за тем с Джуби и кааном, и ушел к каану).

Сати

Сыновья Баба – Хабил Тимур, Кабил Тимур, Йулдуз Тимур

3. Аджиги – Урук, Аршил Туракан

Сыновья Урука – Ил Бука, Казан

4. Абишка – Урук

5. Абукен

Дочь Буйри – Улджетай – Это та Улджетай, от которой родилась жена Менку Тимура, брата Абака хана. Имена ее отца и матери не были известны, поэтому ее записали тут.

Йесун Тука (мать этого Йесун Тука пришла из племени найман) –

Кара Хулаку (мать этого Кара Хулаку пришла из племени найман) –

**[Ветви Йесун Тува, сына Мува Тукана, сына Джадайа,
сына Чингиз хана]**

Булги – эта дочь появилась на свет от матери Мумина, и ее отдали Барак Куркану, сыну Бука Куайкджи, который был из величайших куйакджи Джадайа, он из племени майут.

Басар – Куту Бука, Кутлуг, Акбука, Тукал Бука, Йайа ходже, Малекшах, Малек Тимур, *дочери* Кутлуг (эта Кутлуг тоже была из старших потомков, ее отдали [*неразборчиво*] из племени некрин, он был великим эмиром), Йул Кутлуг, *пустой круг* – эту дочь отдали Йесу Бука из племени джалаир, он был из великих эмиров.

Сын Акбуки – Нарин Каран

Про Малекшаха и Малек Тимура: Эти два других сына были там, их поместили сюда.

Барак – этого Барака Кубилай каан отправил сражаться с Кайдун; он стал могущественным, не был бунтарем.

Сыновья Барака – Бик Тимур – Салар, Санду

Дува – это Тука. В настоящее время является падишахом улуса на месте отца

–

Бузе –

Ултадай – Куту Бука, Улджай Бука, Туклук Тимур

Туктака – Хоразми

Мумин – Йайы – Билка Тимур

Урус Бука

[Ветви Дува, сына Барака, сына Йесун Тува из рода Джадайа]

Сыновья Бузе: Тиклик Тимур, Ит Кули, Абукан, Купак, Кубилай, Ин Бука, Тимур Бука, Кунджак, Калкан Каман Бука, Кутлуг ходже, *пустой квадрат*

Сыновья Тимур Бука: два пустых квадрата
Сыновья Кутлуг ходже: Малек Тимур

[Ветви Бузе, сына Барака, сына Йесун Тува из рода Джадайя]

Сыновья Бузе: Булуган, Тукан Бука, Туклук Бука, Туклук Тимур, Кутлуг Тимур, пустой квадрат

[Ветви Кара Хулаву, сына Мува Тукана, сына Джадайя]

Дочери: Бирам
Туклуг Шах

Сын: Мубарек Шах – этот Мубарек Шах занял место отца.
Сыновья Мубарек Шаха – Улджай Бука, Буралги, Хуркудак, Исан Пулад, Кадак
Сын Улджай Бука: Кутлуг Шах, был еще известен как Шукур Шах
Сын Буралги: пустой квадрат

[Потомки Муйхайя]

1. Такши –
Сын Такши: Байдуган –
Сыновья Байдугана: Тукуган, Уладай, Турик Би,
Кутлуг Тимур
2. Такудар – этот Такудар вместе с Хулаку ханом был отправлен сюда [*в Иран*] и поднял мятеж против Абака хана.
Сын Такудара: Асам, Мубарекшах, Сугату
Сыновья Асама: Кутлуг Тимур, Ику Тимур (его род уже продолжился), Йул
Кутлуг
3. Ахмад
4. Тамудар
5. Кунан
6. Хедже – этого Хедже звали также Седже.
7. Хеджекту – этого Хеджекту также звали Седжекту.
Сыновья Хеджекту: Кушмак, Шатра
8. Исал – Улкадай, Турик Би
9. Тукуган – Турик Би
10. Бук Бука
11. Нум Кули

[Ветви Сармана, сына Джадайя, сына Чингиз хана]

Ник Би
Кушикай – *пустой круг*

[Ветви Байдара, сына Джадайя, сына Чингиз хана]

Дочь Бурукан Кули
Сын Алгуй –

Сыновья Алгуя: пустой квадрат, Кабан, Джуби, Тук Тимур, *дочь: Ирихан* (ее также в свой улус отдали Кудака-куркану)

Сын Кабана: Мунгкажин

Сын Джуби: Кунджак Дурджи, Минк Таш, Джиргу Гадай, Кабсу Дурджи, Давуд, Кута Тамиш, Сати, Акбука, Джикин Тимур, Нум Кули, Буйан Таш, Иджил Бука, Дукулас, Басар, Туктака

Сын Нум Кули: Нум Таш

Сыновья Туктимура: Исан Бука, Угрукджи

[Описание Укедей хана и ветвей его потомков]

Пояснение об эмирах, бывших в его время

Бугурджи из племени арлат, был великим эмиром во время Чингиз хана, был эмиром эмиров и эмиром тумана. В это же время отправился в путь и там умер, на его место пришел Буралдай.

Буралдай после Бугурджи нойона занял его место.

Бугул Нумак сын Мармани Кумака из племени джалаир.

Джурмагун нойон из племени сунит, во время Укедай каана стал могущественнее, чем был во время Чингиз хана, ему дали четыре тумана войска и отправили в земли Ирана и назначили туда. Также внимания заслуживает то, что когда его назначили, он вызвал к себе из каждой тысячи и сотни и здесь оставил.

Байху нойон из племени хесут, был из эмиров тумана, которых призвали с Джурмагуном. Поскольку Джурмагуна не стало, каан назначил его на место Джурмагуна.

Кутуку нойон из племени татар. Этот эмир был очень великим. То, что стоит внимания и необходимо о нем рассказать, упомянуто в части об эмирах Чингиз хана. Он во времена Чингиз хана был почитаем, во время Укедай хана стал еще более уважаем, сидел выше царевичей Мункка каана и других, что написано, где следует.

Амкукай, сын Тудана из джалаир. Был великим эмиром. Его Чингиз хан отдал Укедай каану вместе с войском. По этой причине он удостоился уважения и стал командующим войском.

Малекшах был эмиром тумана. Его отправили в эти земли вместе с Джурмагун нойоном. В его войске были уйгуры, карлуки, туркмены, кашгари, лухаи.

Алмеке – брат Кубду из племени кераит, из числа великих бикджийан и из приближенных эмиров правителя.

Йисил нойон из племени тумайут кераит, был великим эмиром. Его вместе с Джеку отправили в земли Ирана раньше Хулаку хана.

Джинтимур из племени анкагут, был из великого племени. Прибыл в земли Ирана до Хулаку хана вместе с Йисил нойоном.

Кул Пулад из племени найман, был великим эмиром. Его отправили в Иран вместе с Йисил-нойоном в качестве йаргуджи.

Куркуз из племени аригур. Его в качестве битикчи вместе с Йисил-нойоном. Когда Джинтимур умер, Куркуз прибыл к каану на услужение. Ему

оказали благоволение и назначили баскаком в земли Ирана вместо сторонников Чинтимура, вернули назад. На одном из собраний он произнес громкие слова в адрес нукеров Джагатая. По указу Манкку каана его казнили, набив ему рот землей.

Амку тимур – сын Чинтимура из племени алкунут. Должность баскака земель Ирана вслед за Куркузом была пожалована и ему, по этой причине между ними постоянно возникали ссоры.

Аргун из племени уйрат. Когда борьба за должность баскака земель Ирана между Чинтимуром и Куркузом усилилась, Укедай каан убрал их обоих и на их место назначил Аргун-ага.

Уджган нойон из племени манкагут, во время Чингизхана был великим эмиром. Стал еще могущественнее. Стал эмиром всего войска, находившегося в государстве Хитай. И правительства стран Хитая приглашались с изъявлениями покорности ему так, что бы каждый падишазаде и эмир, который был в этих странах и на границах, а так же визирь подчинялись ему.

Буре нойон из племени манкагут. Во время Чингиз хана был эмиром своей тысячи. Затем стал могущественнее, и все правители государств Хитая подчинились ему.

Йесубука Манси из племени урманкагут, во время Чингиз хана был очень великим, ныне состарился, вконец стал немощным.

Демир Йесу из племени илхидай, великий эмир. Укедай каан отправил его нукером к баскаку Аргун-ага.

Буралтай – брат Бергуджи нойона из нумкеган, великий эмир. И один туман войска, которым владел Бергуджи, был отдан ему в подчинение.

Хубулур кубила – сын Тугула из племени хушин, был великим эмиром. И после отца туман отца был отдан ему в подчинение.

Шедун нойон – сын Хилавуган бахадера из племени сулдус менджан. Был великим, эмиром эмиров правого крыла.

Джеди нойон из племени манкагут. Во время Чингиз хана был из числа великих эмиров правого крыла войска. Ныне могущественен и уважаем.

Дабер из племени манкагут, был великим эмиром. Он был из числа тех эмиров, кого Чингиз хан вместе с войском передал Укетай каану.

Мамака нойон из племени барин, великий и могущественный эмир. Со времен Тугултайа относился к приближенным Чингиз хана.

Амлад-Куа – из рода устухан тамгалиги племени сулдус, из числа тех эмиров, которых Чингиз хан с тысячами воинов отдал Укедай каану.

Кубла нойон из племени джалаир.

Мулгир-беки из племени манкагут, великий эмир, прибыл в земли Ирана вместе с Джурмагуном.

Тегай бахадур из племени сулдус.

Курмеш-беки из племени джалаир.

Текан из племени баарин алтан. Он охранял дочь Чингиз хана, кроме него и людей из его рода не могли видеть эту дочь.

Хекгай-беки из племени уйгур, был аркавулом.

Сулай бикхи из рода уйгур, был молочным братом Караджара, сына каана, и ведал тетрадами дивана.

Данешманд-хаджиб – человек из карлуков. Был очень уважаемым мусульманином. Был очень приближен к Чингиз хану и каану и пил воду с Алджуне.

Пояснение о его женах

Бура Фуджин – из старших жен Укетай кана.

Йуркене хатун из рода ухат меркит, вторая жена Укетай кана, после Укетай кана 6 лет правила и была матерью Купак кана и еще трех других сыновей, поэтому дано это пояснение, из рода махйан, дочь Кутубука текина.

Нукай хатун из рода мекин, была женой Чингиз хана. После Чингиз хана ею владел Укетай кан.

Хохин хатун из рода кунгират, четвертая жена Укетай кана.

Куркене хатун. Была женой Чингиз хана, после Чингизхана ею владел Укетай кан.

Нургуй хатун

Меркес хатун

Сермахес хатун

Ухин хатун

Алмехи хатун

Эберкиси хатун – мать Кедана из рода махан текин.

У Укетай кана было много жен и шестьсот наложниц, однако важнейшими женами были те, кого упомянули.

Пояснение о его наложницах

Укедай кан имел около шестисот наложниц, поэтому их имена остались неизвестными и не были записаны.

Сыновья Укедая:

1. Куйук хан – этот Куйук занял место отца. Его матерью была Туракине хатун из племени меркит. Говорят, что в то время, когда Чингиз хан воевал с племенем меркит, тогда правителем меркит был Куду. Тогда захватили Тукта-бики и некоторых его братьев. Тогда у Куду осталось три брата: первый – Джуйук, второй – Каджу, третий – Кал Джилавун. когда их захватили, привели и их жен. Укедай каан взял Туракине, которая была женой Каджу. Двух других женщин отдали другим.

Сыновья Гуйук хана: Ходже угул, Навуку, Хуку

Сыновья Ходже угула: Тумке, Кутлук (мать этих двух, Азизе хатун, была дочерью Кипчак хана), Бусджу-Абукан

Сыновья Тумке: Йушмут, Йесукан, Улджукукан, Абаджи, Куртка

Дочери Йушмута: Амкан (ее отдали Уз-тимуру из племени ойрат, боата Бубана), *пустой квадрат* (ее отдали Хорезми-куркану из племени сулдус, он был великим эмиром).

Сыновья Бусджу-Абукана: Джакуту, Куйке-тимур

Сыновья Хуку: Уйрале, Кумбу, Кунджак, Ишкеб, Дурджи, Тубшин, Иркemasин, Талузбука, Текши, Дарбунек, Икирадай

Дочери Хуку:

Иринхибин – ее получил правитель уламит Онг-нанкедай, сын Кибука.

Кундари – ее отдали Селкуке, из племени ойрат.

Кутуктай – ее отдали Байану, сыну Бука-тимура из племени ойрат.

Нумкули

Букан Мули

Сыновья Уйрале: Тармасела, Аратанадурджи, Куйакан

Сын Кумбу:

Такудар

Сын Дурджи:

Курин

Сын Тубшина:

Джушкаб

Сын Иркemasина:

Арташири

2. Ширамун – он был пятым сыном.

3. Кутан

4. Куджу – Каан этого Куджу назначил своим наследником, однако тот умер до отца.

5. Карачар

6. Каши – Название области Танкгут по-китайски называют хуши. Монголы это слово не могли правильно произносить, поэтому в монгольских книгах это название записали как Каши, объясняя это тем, что между «син» и «шин» нет разницы. Поскольку Каши родился тогда, когда Чингиз хан захватил эту область, его называли Каши. Сейчас эту область называют Танкгут.

7. Кадакан Угул

8. Малек

[Ветви Кутена, сына Укедая, сына Чингизхана]

Сыновья Кутена: Ченк Тимур, Ирпехан, Йисубука, Джипек Тимур, Манкту

Сыновья Йисубука:

Кулук

Нембула

[Ветви Куджу, сына Укедай хана, сына Чингизхана]

Сыновья Куджу: Супе, Булауджи, Шираму (Он был наследником престола каана, но он не подчинился).

Сын Шираму:

Пулауджи

Сыновья Пулауджи: Кунхи (Он был при Кайду, однако ныне ушел с Малек Тимуром к каану), Кадай (был при каане), Алгуй (был при Кайду, ушел с Малек Тимуром к каану), Садур (был при каане).

[Ветви Караджара, сына Укедаёя, сына Чингизхана]

Дочери Караджара: Багай – ее отдали за Турхийан-Куркана, сына Кайду из племени кунгират, из рода ки салджан.

Йисудар – поскольку Тура, которая была первой женой Йесукура и сестрой этой Йисудар, умерла, она заняла место сестры.

Тайлуган – ее отдали за Йесу Бука-Куркана из племени кунгират, который принадлежал Бату.

Тура – ее отдали за Йеке Йесукура из племени джалаир из улуса Джаяя.

Тукак

Круги не соединены с основной линией.

Сын Караджара: Тукак

Дочери Тукака: Мунккалун – ее отдали за Намитая, сына Барс Бука из племени уйрат.

Дурчешман – ее отдали за Йесу-Куркана из рода вей из племени кунгират.

[Ветви Каши, сына Укедаёя, сына Чингизхана]

Пустой квадрат, от него:

Кунджи

Бурча Эбукан

Кедай

дочь – Кутуджин – Эту Кутуджин отдали сыну Тайзе-куркана по имени Тушин из племени Алгунут. Своего зятя Кайду хан казнил по причине того, что тот полюбил одну невольницу и хотел убежать от каана. Об этом он рассказал конюшему, а тот донес на него и выдал тайну.

Дурджи

Шеджили

Икубука

Суркабука

дочь – Кутулун-хаган – Она вела себя очень по-мужски и желала управлять войском и страной отца. Какое-то время она не принимала предложений замужества. В конце концов, из-за упреков людей, ее выдали замуж.

Курил

Тудару

Сарман

Сыновья Сармана – Буджир, Бурункедай

Илгутар

Сыновья Илгутара – Тарйекджи, Омар ходже

Шах

Тудакан

Сын Тудакана – Чунк тан

Керай

Уруктимур

Урус

Сыновья Уруса – Хуладжу и Алгу – эти двое родились от Аткин.
Шикиджар

Сыновья Шикиджара – Уладай и Угурджи

Кунчак

Чапар – этот Чапар в настоящее время в этом улусе занимает место отца.

Сыновья Чапара – Бури Тимур, Улджа Тимур, Кумтук Тимур,
Джихакту, Туктимур, Джарикту, Улкадай

Сын Бури Тимура – Лала

[Ветви Кадан Угула, сына Укедаёя, сына Чингизхана]

Эбукан

Куруши

Йисуур

Йайе

Сыновья Йайе – Иштимур

Сыновья Иштимура – Тулак Кутлук, Чехбари, Али ходже, Джушкаб

Сын Чехбари – Найдуту

Дочери Иштимура – Буркан Кули, Туклук Шах (ее отдала Берат ходже)

Уруктимур

Сыновья Уруктимура – Кутлук Тимур, Казан, Али, Мухаммад, Аргун, Чин

Пулад, Чин Тимур, Куджтимур, Абаджи, Туклуктимур, Кутлук ходже,

Кутлук Бука, Курсаба

Сын Курсаба – Йихун Зенки

Дочь Курсаба – Нум Кули

Дочери Йайе – Кутуган Ага, Илтуза Ака, Шерф Шах, Буйанджук,

Булукан Ага, Улджай Ака

Эбук

Сыновья Эбука – Мубарек Шах, Лахури, Хемарун, Будащери

Кипчак – этот Кипчак – тот, кто установил мир между Кайду и Бараком.

Кайду отправил его на помощь Бараку, тот с хитростью отказался.

Сын Кипчака – Курил

Дочь Курила – Керасеман Ака

Дурджи

Сыновья Дурджи – Сусе, Эскебе – Джушкаб, Анур, Найака, Курсаба,

Дочери Дурджи – Нулукан Ака (ее отдала Али беку из племени кунгират,

который ныне в Далай, из племени кунгират), Йубандже, Урук (ее отдала

Урису из племени Джалаир)

[Ветви Малёка, сына Укедаёя, сына Чингизхана]

Дочь Булукан Ака

Сыновья:

Кутлук тумиш –

Сын Кутлук-тумиша – Туклук

Сын Туклука – Тузун

Туктимур

Тукан –

Сын Тукана – Алти

Джиджекту –

Сын Джиджекту – Табик

Тукан-Бука –

Сыновья Тукан-Бука – Бак-бука, Биклимиш, Масгуд, Йисудар, Улкуту (Хайдар) – они сейчас все в улусе Кайду.

Турджакан –

Сыновья Турджакана – Бука-кули (ему дали дочь Джалаиртая из племени сулдус, он великий эмир Кайду), Тукджи, Суркаду

Туку –

Сын Туку – Урус

Туканджар –

Сын Туканджара – Алти Куртка

Абдулла

Туман – в настоящее время все еще жив.

Сын Тумана – Кабан

[Описание Тулуй хана и ветвей его потомков]

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Хусдай нойон – из племени бургут, почтенный эмир при Чингиз хане. Из тех эмиров, что во время разделения перешли к Тулуй хану, был эмиром тысячи.

Мулхе из племени татар. Был почитаемым эмиром при Чингиз хане

Бурумджу бахадер – из рода алджигин племени кунгират, был великим эмиром.

Йисур курджи – из племени катаган, почтенный эмир Чингиз хана.

Пармак бахадер из алджигин кунгират, был великим эмиром.

Купалай курчи из племени джабай байавут, был великим эмиром во время Чингиз хана, ныне тоже велик и почитаем.

Мукдусаур из йесун, брат Мекедже, был великим эмиром.

Уджган из племени манкгут, эмир своей тысячи. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Алтимур баурджи из племени сунит, сотник в личной тысяче. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Йурке баурджи, предок Пулад Ака, который здесь состоит на службе. Был сотником в личной тысяче. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Улдакуй курджи из племени джалаир, сотник в личной тысяче. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Албакар баурджи из рода албан племени кераит, сотник в личной тысяче. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Джамаль ходже из племени меркит, сотник в личной тысяче. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Кутлуктадай – сотник в личной тысяче. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Йесун туа из племени татар, сотник в личной тысяче. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Букурджи нойон из племени арлат, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Буркун нойон из племени хушин, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Байхамай нойон из племени улкунут, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Булун-черби из племени мукган, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Сукату-черби из племени кунгкай, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Бала нойон из племени джалаир, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Аргайкар нойон из племени джалаир, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Тугрел из племени сулдус, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Шейдун нойон из племени сулдус, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Дуйсуге из племени дурбан, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Кутуке бики из уйрат, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Балуган кулха из племени барулас, был эмиром тысячи правой руки. После смерти Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Манкгал куркан из племени баарин, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Тайху куркан из племени улкунут, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Секнек-амиде из племени мекган, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Йесу Бука-мали из племени урйанкагут, был эмиром тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Алджи нойон и Хуку нойон – два брата, главы племени кунгират, были эмирами тысячи левой руки. После Чингиз хана перешли к Тулуй хану. У них было пять тысяч.

Джалаирбай хесдур из племени джалаир, из эмиров-тысяцких левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Дукулту черби из племени арлат, из эмиров-тысяцких левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Укле черби из племени сунит, из эмиров-тысяцких левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Мунгка калджи из племени манкгут, был эмиром тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Бумур куран из племени хадаркин, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Ахука-Алакуш бики и Шекуй из племени уйкут, были эмирами тысячи правой руки. После Чингиз хана перешли к Тулуй хану.

Кехатай нойон и Буджер – два брата, из племени урут, были эмирами тысячи левой руки. После Чингиз хана перешли к Тулуй хану.

Кубутдар саджан из племени манкагут, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Уйкур бусан из племени бабавут, из эмиров тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Удаджи из племени хушин урманкагут, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Укар калджа и Курус калджа из племени баарин из эмиров тысячи левой руки. После Чингиз хана перешли к Тулуй хану.

Усар вайши из племени карахай, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Йесари курджи нойон из племени баарин, эмир тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Йисун-туа Таракай из племени урманкагут, эмир тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Куки нойон и Кулдухан из племени кийат. Были эмирами тысячи правой руки. После Чингиз хана перешли к Тулуй хану. Их тысячи составляли один туман.

Йуту-куркан – эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Утай укуджу из племени джалаир, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Худар нойон из племени сунит, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Селкуки нойон был братом Чингиз хана, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Туган вайши из племени джурдже, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Бала нойон из племени баарин, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Кедан Кавул из племени сунит, тысячей кавулов ведал он, был эмиром тысячи правой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Мукели гуйанг из джалаир, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану. Его тысячи составляли три тысячи.

Секе кубукут нойон из племени татар, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Суту нойон из племени мекесан, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Сухай бахадер из племени уманкагут, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Селу куркан из племени кунгират, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Кусавул-хусук из племени махерат, эмир тысячи левой руки. После Чингиз хана перешел к Тулуй хану.

Пояснение о его женах

Сурмеги бики – дочь Хамлу, брата Унк хана, старшая жена Тулуй хана и мать четырех сыновей – Мунк кана, Кубилай кана, Хулагу хана и Арик Бука.

Бумур хатун – дочь Ангу сына Унк хана

Легур хатун – дочь Кублук хана из племени бахан.

Байан хатун – из племени кунгират

У Тулуй хана было много жен, однако наиболее важные были упомянуты, а оставшиеся не записаны, так как не известны.

Сыновья Тулуя:

Ветви Хулаку хана -

Ветви Арик Буки -

Ветви Кубилай каана -

Ветви Мункка каана -

Джурике

Кутукту –

Сын Кутукту – Тукелбука (Этот Тукелбука умер в детстве, был рожден от наложницы из племени кипчак).

Дочери Кутукту – Килмиш Ака (ее мужем был Сабджуки-куркан из племени кункиран. Она жила в улусе Бату в почете и уважении), Ширин Ака (ее мужем был Кунджи-куркан из племени ушин).

Бучак –

Сыновья Бучака – Балакар

Сыновья Балакара – Саинбука –

Дочери Саинбуки – Тукулун, Танигуй, Тукутай

Сыновья Саинбуки – Дашмен, Иладдар

Джавуту –

Сыновья Джавуту – Туратимур, Мубарек, Тукта

Такджи

Тубшин –

Сыновья Тубшина – Белдаджар, Шарет, Бектай, Буралги

Амкиратай

Сыновья Амкиртая – Туктимур, Тукукаджи

Муке –

Сыновья Муке – Джиктум

Сыновья Джиктума – Казан, Хитай, Кукадай, Ширин (отдали Джалаиртай-куркану – возможно, текст относится к дочери Ширин)

Дочери Джиктума – Кумакан и Ширин

Абукан

Таштимур

Пулад

Суйуктай – этот Суйуктай прибыл вместе с Хулагу ханом и умер в Самарканде, его гроб вернули.

Сын Суйуктая – Туктимур

Дочь Туктимура – Тудай – ее отдали Тауваю из племени улкунут.

Сын Туктимура – Туган

Сын Тугана – Кадгасун

Суйуктай – этот Суйуктай находился при Мункка каане, у него не было потомков.

[Описание Мунка – каана и ветвей его потомков]

Пояснение о его женах:

Кутуктай – дочь Укедая, сына Буту-куркана из кирас, зятя Чингиз хана. Эта женщина была первой женой Мункка-каана.

Укул тутмиш хатун – из ойрат, была очень умной женщиной. Поначалу была нареченной Тулуй хана, после его смерти Мункка-каан взял ее.

У Мункагана и другие жены были, но их имена не были записаны, поскольку неизвестны.

Пояснение о его наложницах:

Байауджин из племени байаут. Ширки родился от нее.

Куйтай – из племени алджигин. Асутай родился от нее.

У Мункагана и другие наложницы были, но их имена не были записаны, поскольку неизвестны.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Мункасар нойон из джалаир из племени джат, почтенный эмир среди йаргуджиев, очень великий и почитаемый, пользовался доверием.

Салджик нойон – сын Буралтая из кунгкан. Туманом Буралтая ведал он, был почтенным эмиром.

Хукету – был почтенным эмиром. После смерти Мулдара его место занял он.

Харан баурджи из сулдуса, был великим эмиром и баурджи.

Хуктал куркан из племени кераит, вместе с Мункасаром разоблачил принцев, замышлявших козни против Мункка-каана.

Джеган нойон из манкгута, был почитаемым эмиром, и во всех пределах Хитая имел право приказывать.

Алджи нойон из кунгират, был почитаемым эмиром.

Манкду – был почитаемым эмиром, командовал двумя туманами войска.

Салджик – сын Буралтая из кунгтан. Туманом Буралтая ведал он¹.

Шеламун-битикчи, был из числа почтенных эмиров.

¹ Этот эмир в списке указан дважды.

Уджухсай из улгунут, был почтенным эмиром. Был женат на дочери Манкку-каана.

Алимдар битикчи – был из числа почтенных эмиров.

Бука нойон – был великим эмиром, его с двумя туманами войска отправили к границам Фармиван нувахи (?).

Данешманд хаджеб – из приближенных эмиров.

Мермуд-бик – сын Мелваха, он также был из числа почитаемых везирей.

Аргун ака – во время Укетай-каана был почитаемым эмиром, был отправлен в земли Ирана, тогда стал еще более почитаемым. Все управление Ираном было передано ему, так что число подданных на землях Ирана обновлял он.

Харкасун – из числа великих эмиров, был почитаем. Во время второго воцарения Манкку-каана его смена была согласна.

Мубарек курджи из племени сунит, из числа приближенных эмиров.

Сали нойон из племени татар, был почитаемым эмиром, был из числа приближенных Манкку-каана.

Тега ака – был очень почитаемым эмиром, был мукаддам-е визара (*предводитель везирей*), а также хаджибов и наибов (заместителей).

Беркай нойон – был очень почитаемым эмиром, его отправили с двумя туманами войска к храницам Алгетакван нувахи (?).

Али Малек – был великим эмиром, был отправлен вместе с Аргун-ака в Иран, где был назначен правителем областей Нишапур и Исфакан с присвоением звания великого эмира.

Кехай нойон из урут – во время Чингиз хана был великим и почитаемым. Ныне еще более почитаем.

Сендуджан – сын Малекшаха, который прибыл в Иран вместе с Джамакун нойоном. Когда его отца Малекшаха не стало, место его отца отдали ему. Когда он Малек Кума без вины убил, эмир Аргун-ака его по ярлыку Манкку-каана убил за Малек Кума.

Кенедкай нойон – был почитаемым эмиром. Во время гибели Манкку-каана он был во главе войск, осаждавших крепость Дували-Шанд.

Махсин куркан из кунгират, был великим эмиром, зятем.

Урмалкедай бахадер – сын Сунамай бахадера, был почитаемым эмиром, командовал войском, ведал туманом.

Сала баурджи – из числа почитаемых эмиров.

Махмуд Мелвах – был почитаемым везирем.

Курумиши – сын Кукли-куйанека, был из числа почитаемых эмиров.

Дарки куркан – из племени интирас, почитаемый эмир, также был зятем.

Хебадер нойон – сын Джалавун-куйанека, сына Мукали-куйанека из джалаир, был почитаемым эмиром, командовал войском.

Мурджи нойон из племени урувут, был почитаемым эмиром.

Мунка калджа из манкагут, был почитаемым эмиром.

Арке нойон – сын Булкан калджи из племени барулас, был великим эмиром.

[Потомки Мунка каана]

Сыновья –

Балту –

Сын Балту – Туратимур

Урункташ –

Сыновья Урункташа – Сарбан, пустой квадрат

Ширки –

Сыновья Ширки – Улусбука

Сын Улусбуки – Кунантимур – этот Кунантимур ныне должен быть при каане.

Туратимур – он находится при Малек Тимуре.

Сыновья Туратимура – Туклуктимур, Нукукан, Ирлукул

Бузамур

Тубан тимур – ныне должен быть при каане, йурт которого в Каракоруме.

Асуки –

Сыновья Асуки – Улджай Бука, Хентум, Хуладжу, Улджай

Сыновья Улджая – Бахаритай, Хемкету

Дочери – Байалун, Ширин (ее отдали Джухака. Когда она умерла, вместо нее

отдали ее сестру Джехака), Джехака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миргалеев И.М.* «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 57–64.
2. *Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И.* Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 22–26.
3. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М., Л.: издательство АН СССР, 1960. 316 с.
4. *Рашид ад-дин.* «Шуаб-и панджгана». Факсимиле / Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 460 с.
5. *Хамидова Ч.И.* Генеалогии Джучидов в сочинениях Рашид ад-дина и Хафиза Абру // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 79–84.
6. *Şu'b-i pençgâne.* Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapu Saraye Muzeye Kitapkhane, shift A.III 2937.

Сведения об авторе: Чулпан Ильдаровна Хамидова – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: zahragizza@gmail.com

Поступила 23.08.2017 Принята к публикации 13.11.2017
Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Mirgaleev I.M. «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-Dina: perspektivy izucheniya [Rashid al-Din's "Shuab-i pahjganah": Research Perspectives]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 57–64. (In Russian)
2. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. Genealogiya predkov Uzbek-khana po dannym «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-dina [The Genealogy of Uzbek Khan's Ancestors according to the Rashid al-Din's "Shuab-i pandzhgana"]. *Golden Horde Civilization*. 2013, no. 6, pp. 22–26. (In Russian)
3. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey*. Vol. II [Compendium of Chronicles. Vol. II]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 316 p. (In Russian)
4. Rashid ad-din. «Shuab-i pandzhgana». *Faksimile* ["Shuab-i pahjganah". Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 460 p. (In Russian)
5. Khamidova Ch.I. Genealogii Dzhuchidov v sochineniyakh Rashid ad-dina i Khafiza Abru [Juchids' Genealogy in the Writings of Rashid al-Din and Hafiz Abru]. *Golden Horde Civilization*. 2016, no. 9, pp. 79–84. (In Russian)
6. Şu'b-ipeñçgâne. *Topkapı*. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Tupkapu Saraye Muzeye Kitapkhane, shifr A. III 2937. (In Persian)

About the author: Chulpan I. Khamidova – Post-graduate, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: zahragizza@gmail.com

*Received August 23, 2017 Accepted for publication November 13, 2017
Published December 29, 2017*

УДК 93/94(09)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920

**КРЫМСКОЕ ХАНСТВО, РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И РОССИЙСКОЕ
ГОСУДАРСТВО В 1524–1571 ГГ.: ПОСОЛЬСКАЯ ПЕРЕПИСКА
ИЗ АРХИВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО¹**

К.Ю. Ерусалимский

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
kerusalimski@mail.ru*

Цель: провести источниковедческое исследование и подготовить к публикации новонайденную и малоизвестную переписку Великого княжества Литовского с Крымским ханством.

Материалы: списки посольских посланий и миссий из рукописи Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie. №2893.

Новизна: предложены и уточнены датировки посольской переписки Великого княжества Литовского с Крымской ордой в 1524–1571 гг. Обнаружены новые данные о походах крымских ханов на Московское государство за тот же период.

Результаты: в рукописи Библиотеки Чарторьских № 2893 содержится переписка крымско-казанских Гиреев с королями Короны Польской и Великого княжества Литовского в переводе на русский язык («просту мову»). Подборка писем восходит к архиву Радзивиллов и датируется, согласно приведенным в статье аргументам, 1524–1571 гг. К этой переписке примыкает подборка писем из фонда Варшавского Главного архива древних актов, ф. Архив Радзивиллов, отд. 2, № 3294. В статье рассмотрена датировка этих копий и предложено новое понимание их адресантов. Отправителями являются Сахиб-Гирей (королю Сигизмунду I около 1521–1524 гг., за июнь – июль 1530 г., за сентябрь – октябрь 1537 г.), Сафа-Гирей (два послания Сигизмунду I, весна – лето 1524 г.), Амин-Гирей-Салтан (Сигизмунду I за сентябрь – октябрь 1537 г.) и Сигизмунд I Старый (хану Сахиб-Гирею за конец декабря 1537 г. – начало января 1538 г.). Особый комплекс писем в составе кодекса из Библиотеки Чарторьских представляет не вошедшая в канцелярские посольские книги Великого княжества Литовского деловая корреспонденция хана Девлет-Гирея I с Сигизмундом II Августом в связи с походом крымского войска на Московское государство. В статье предлагается датировка этих материалов и анализ содержащейся в них информации (послание Сигизмунду II около 5 апреля 1571 г. и посольство около 5 июля 1571 г.). В Посольских счетах Королевской Казны Варшавского архива обнаружен список разоренных ханом 27-ми городов Московского государства, составленный с пропагандистской целью, отражающий движение крымского войска к Москве и перечисляющий те города с уездами, которые были разорены после сожжения Москвы 24 мая 1574 г.

Ключевые слова: Крымско-литовская дипломатия, дипломатическая переписка, Московско-Крымские войны, Гирей, Иван Грозный, архив Радзивиллов

Для цитирования: Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920

¹ Исследование и публикация источников осуществлены при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10091).

**CRIMEAN KHANATE, POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH AND
RUSSIAN STATE IN 1524–1571: THE DIPLOMATIC CORRESPONDENCE
FROM THE ARCHIVE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA**

K. Yu. Erusalimskiy

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
kerusalimski@mail.ru*

The manuscript of the Czartoryskis' Library in Krakow № 2893 contains, among other sources, the correspondence of the Crimean-Kazan Gireys with the kings of Polish Crown and Grand Duchy of Lithuania in Ruthenian translation ("prosta mowa"). The collection of letters springs from the Radziwills' archive and can be dated back to 1524–1571 based on the reasons outlined in this article. The manuscript from the Warsaw Main Archive of the Ancient Acts (Radziwills coll., part II, № 3294) contains a part of the same correspondence, which is present in the Czartoryski manuscript № 2893. The author reinterprets the historical context of the Warsaw manuscript. The senders of the letters are Sahib-Giray (to Sigismund I, 1st: ca. 1521–1524, 2nd: June–July 1530, 3rd: September–October 1537), Safa-Giray (two letters to Sigismund I, spring or summer of 1524), Amin-Giray-Saltan (a letter to Sigismund I, September–October 1537) and Poland's King Sigismund I the Old (to Khan Sahib-Giray at end of December 1537 or the beginning of January 1538). The latest-dated part of the Polish-Lithuanian and Crimean-Kazan correspondence in the Czartoryski manuscript contains the materials of Devlet-Giray's diplomatic correspondence with Sigismund II Augustus, which sheds a new light on the Crimean march against the Muscovite state in 1571. These materials are contextualized and studied with respect to the new information they may provide on the history of Russian-Crimean relations (letter to Sigismund II ca. April 5, 1571 and Ardy-Berdey's embassy ca. July 5, 1571). The author found a list of 27 towns devastated by the khan during the war against Moscow recorded in the embassy accounts of the Polish Royal Treasury at the Warsaw Archive. It was composed as a means of propaganda, but it reflects the marching route of the Crimean troops to Moscow and the ravaging of other Russian districts after Moscow had been burned on May 24, 1574.

Keywords: Crimean-Lithuanian diplomacy, diplomatic correspondence, Muscovite-Crimean wars, Gireys, Ivan the Terrible, Radziwills' archive

For citation: Erusalimskiy K.Yu. Crimean Khanate, Polish-Lithuanian Commonwealth and Russian State in 1524–1571: The Diplomatic Correspondence from the Archive of the Grand Duchy of Lithuania. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 866–920. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.866-920

В Краковской Библиотеке князей Чарторыйских хранится рукопись под названием «Сборник военных и трибунальских актов, относящихся к русским землям 1554–1790 гг.»², представляющая собой конвюлют, в составе которого до нас дошли уникальные источники. Прежде всего – материалы посольских миссий между Крымской и Казанской ордами и Великим княжеством Литовским за время правления Сигизмунда I Старого. Они отражают не только крымско- и казанско-литовские отношения, но также расстановку сил в степ-

² Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie (далее – BCz). № 2893 V. Zbiór akt trybunalskich i wojskowych dotycz. ziem ruskich z lat 1554–1790. 330 s. Далее в тексте статьи принимаем сокращение для данной рукописи – БЧ № 2893. Большую помощь при работе с рукописью мне оказал Г. Лесмайгис, за что выражаю коллеге благодарность.

ных ордах и отношении степных правителей и польско-литовского монарха к Великому княжеству Московскому³. Еще один комплекс крымско-татарской переписки в данной рукописи – рутенский перевод посланий и посольского наказа крымского хана Девлет-Гирея I польскому королю Сигизмунду II Августу⁴. Этот источник сохранил свидетельства хана Крымской орды о подготовке похода его войска против Ивана IV, самом походе и сожжении Москвы в мае 1571 года. Это один из немногих памятников крымско-польской посольской переписки, раскрывающий ряд слабо освещенных особенностей дипломатических отношений между двумя крупными восточноевропейскими государствами. Наконец, и на этом мы также остановимся в данной статье, материалы посольства Девлет-Гирея к королю Сигизмунду освещают интересы Крыма в международной ситуации кануна битвы при Лепанто и показывают степень участия литовской дипломатической службы во внешней политике Польско-Литовского государства, воссоединившегося в 1569 г. в Речь Посполитую.

Обратимся к рукописи, в составе которой обнаружены послания и посольская реляция (наказ) крымского хана польскому королю. Рукопись – кодекс-конвюлт. Переплет (высота – ширина – толщина кодекса по крышкам) 407–245–45 мм из цветного картона и белой кожи на корешке. Корешок первоначально на 6 клеточек (ныне сохранилось 5 верхних). Низ корешка книги оторван. Во второй вклейка 62–57 мм из красной кожи с золотым тиснением и надписью: «Русские трибунальские и войсковые 1554–1790 гг.» (“*Ruskie / trybunalskie / i / wojskowi / 1554–1790*”). В 4-й белая бумажная бирка 15–35 мм с надписью черными чернилами: «2893». Этот же номер на лицевой стороне припереплетного л. [I]₁ в правом верхнем углу с печатным номером отделения «V». В левом верхнем углу оборота верхней крышки белая бумажная бирка 28–41 мм с печатным: “A. BINANT / 5 et 7, Rue de Cléry / A PARIS”. На л. 13 (на первом подшитом деле) штампель Библиотеки Чарторыйских 45–12 мм, прописью: «Из архива князя воеводы Ад.-Е. Чарторыйского» (“*Z archiwum x. w-dy / Ad. J. Czartoryskiego*”). Пагинация в кодексе библиотечная сплошная, охватывает листы, подшитые в начале кодекса (с. 1–11), но не охватывает припереплетных листов. Таким образом, всего в рукописи два защитных листа переплета [I]₁ и [I]₂ и 329 страниц «россыпи» основного блока.

Акты в разное время реконструировались подклейками. Материалы переписки и посольства Девлет-Гирея подшиты после папки-«фасцикула» “A 31 Fasc. 4 Publicznych” и содержат особую нумерацию дел XVI в. кириллицей в левом верхнем углу на первом листе каждого дела: «Первыи» (с. 31), «Другии» (с. 33). Третье дело на с. 35 не пронумеровано. Все дело охватывает 4 л. на с. 31–38. Их отличает единство формата в составе разноформатных листов кодекса: 315–211 мм. На с. 38 номер дела тот же, что и в предыдущей подшивке, сверху вниз по правой стороне страницы от верхнего поля: “Ad № 31. Fasc. 4. Publicznych”. По центру здесь же: «От царя татарского копии

³ BCz. № 2893. S. 19–24. Текст опубликован в приложении к наст. статье. Далее – Приложения I–IV.

⁴ BCz. № 2893. S. 31–36. Текст опубликован в приложении к наст. статье. Далее – Приложения V–VII. Данная подборка материалов упомянута по нашему описанию: [5, с. 639].

писем Королю Августу» (“*Od cara tatarskiego / copie listow do Krola Augusta*”, на каждой строке почерк особый).

Разделы рукописи на с. 19–36 по времени возникновения бумаги и почеркам представляют собой два несходных комплекса. На листе с номерами страниц 19–20 и 29–30 водяной знак Вепрь (просматриваются 2 уха, 2 усика, сзади 2 кружка, морда вытянутая). Сходный вариант: Лауцявичюс № 3666. – 1535 г.⁵ На с. 27–28 знак Корона под крестом, близкий к: Пиккард № 52690. – 1566 г.; № 52433. – 1572 г. На с. 31–32 знак Jelita ок. 36 мм, близкий к: Лауцявичюс № 1512. – 1581 г. и Синярская-Чаплицкая № 338. – 1571 г.; № 339. – 1571, 1574, 1577, 1578 гг.⁶

На с. 19–36 три почерка, все – рутенская деловая скоропись XVI в.: 1-й – с. 19–24, 2-й – 25–28, 3-й – 31–36. На с. 18 есть обозначение иного шифра, по внутреннему полю: “*A. 7 Fasc. 4 Publicznuch*”. При этом по центру особым почерком XVI или XVII в. написано в 3 строки (текст перевернут на 180 градусов по отношению к основному тексту): «Копия посольства от Князя Московского к Его Королевской Милости, чтобы сестру воеводы Волосского и митрополита его отпустил в Москву» (“*Kopiiia od X Moskiewskie-o poselstw do Je-o Kro- M aby sio/sthry Bohdana woiewody Woloskie-o u mithropolithu / iego do Moskwy wupuscil*”). Эти записи относятся к рутенской копии грамоты Ивана Грозного ноября 7085 (1576) г. на с. 15–16 и показывают, что данный раздел современной рукописи первоначально хранился в особой папке. Сразу после материалов «Посольства» особое дело на с. 39–42 – послание Сигизмунда II Августа подчашему, справце Троцкого воеводства, державце василишскому и белицкому Миколаю Радзивиллу 3 февраля 1550 г. – оригинал, хранившийся в особой папке (на с. 42 по верхнему полю, запись на 180 градусов к основному тексту): “*№ 10. Fasc. 7 Publicznuch*”.

На основе представленного описания можно реконструировать предысторию рукописи. Кодекс Библиотеки Чарторыйских, как уже сказано, представляет собой конволют из разноформатных листов, сшитых «русских» дел под поздним переплетом. Под «русскими» делами понимается подборка текстов, написанных на кириллице. Очевидно, как и многие другие рукописи-сборники из собрания князей Чарторыйских, данная книга возникла как целое значительно позже времени создания содержащихся в ней документов. Шифр “*№ 31. Fasc. 4. Publicznuch*” является знаком происхождения рукописи из архива Радзивиллов. В той же подборке хранились грамоты кн. А.И. Ногтева Суздальского воеводе С.М. Пацу 1572 г., остающиеся до сих пор в фонде Радзивиллов Варшавского архива и – одна из них – в Собрании пергаменных документов того же Варшавского архива. Их старые номера в рамках «Фасцикула 4 Публичных дел» – 13, 16, 17, 24 и 29. Они предшествуют номерам татарских материалов из изучаемой рукописи⁷. В конволюте БЧ № 2893 также хранятся два столбца переписки кн. А.И. Ногтева Суздальского. Один из

⁵ Данная датировка условна. См. об этом здесь ниже.

⁶ Использованы альбомы: [44; 45; 36; 54].

⁷ Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. II. № 76, 77, 79, Suppl. 39 (1a) (последний шифр ныне изменен на: AGAD. AR. Dz. II. № 3338). См. также: [8, с. 11, 21, 42, 43, 44, 45].

них является окончанием столбца Suppl. № 39 (1a) (AR. Dz. II. № 3338)⁸, а второй – видимо, фрагментом какого-то «Обидного списка», составленного не ранее конца октября 1571 г.⁹ В других частях изучаемой рукописи Р. Яворский обнаружил ряд номеров из фасцикула 58 той же подборки «публичных дел». Это тоже лишь фрагменты некогда единой папки, другие номера из которой в рукописях Курницкой библиотеки №№ 1535 и 1536 из собрания Т. Дзялынського [41, s. 94. Przym. 22].

Архивные маркеры позволяют сделать вывод, что копия перевода татарских материалов в сборнике БЧ № 2893 была выполнена для канцлера Великого княжества Литовского виленского воеводы Миколая Юрьевича Радзивилла Рыжего [53; 39].

Фрагменты Архива Радзивиллов, вошедшие в состав рукописи БЧ № 2893, еще в первой половине XIX в. представляли собой россыпь отдельных листов и тетрадей. В таком виде они до 1810 г. были украдены из Несвижского архива библиотекарем Доминика Радзивилла Кайетаном Квятковским и к сентябрю 1813 г. или вскоре после этого проданы Адаму-Ежи Чарторыйскому с условием допуска к ним лично Квятковского для исторических исследований. Другие несвижские материалы тайно проданы Квятковским Титусу Дзялынському и хранятся вплоть до наших дней в родовом замке Дзялынских в Курнике под Познанью [41, s. 92–94].

После революции 1831 г. собрание рукописей Чарторыйских было эвакуировано из Пулав и хранилось в Отель Ламбер в Париже (упомянутый на обороте верхней крышки рукописи А. Бинан – парижский переплетчик). Переплет, выполненный с использованием обрывков старых рукописей, осуществлен между 1838/9 – 1872 гг. под руководством А.-Е. Чарторыйского либо Владислава Чарторыйского. Проводили работы библиотекари – вероятно, Д. Ростковский (не ранее 1848 г.) или А. Рутковский (не ранее 1855 г.)

⁸ ВСz. № 2893. S. 301–304 (Полоцк, 26 августа 1571 г.). Столбец без начала. Верх ровно срезан. В нынешнем виде 870×281 мм. Из трех склеек, два сстава, верхний склеен бумажной полоской шириной ок. 22–24 мм, нижний – внахлест 2–5 мм. Водяной знак – на верхней склейке перчатка с пятилепестковым цветком 64 мм (ширина рукава ок. 18, в сужении – 13). На средней – перчатка с трехлепестковым цветком 67 мм. Почерк 1 – деловая скоропись XVI в., жирно выделены инициалы. На обороте в верхнем левом углу запись почерком XVIII (?) в.: “№ 25 Fasc. N. Publicznych”. Начинается со слов «...туровские стрелцы Василева прибору Огарева» и т.д. Первые упомянутые в тексте события относятся к 14 июля (1571 г.). Предположение о единстве данного столбца с Suppl. № 39 (1a) подкрепляется единством их текста: «шли с Турови в Козяны / туровские стрелцы Василева прибору Огарева...» и т.д. (состав между рукописями Варшавского архива и Библиотеки Чарторыйского обозначен косой чертой). См.: [8, с. 27 (№ 1)].

⁹ ВСz. № 2893. S. 323–326. Недатированный отрывок без начала и конца 377×280 мм. Водяной знак – перчатка с пятилепестковым цветком ок. 67 мм. Почерк сходен с почерком акта в этом же деле на л. 301–304. Сразу после описания погрома полоцкого жильца Василия Иванова на дороге из Копья – описание событий 30 сентября (1571 г.). Обрывается текст акта на описании событий 17 октября (1571 г.). Далее на с. 325–326 предыдущий отрывок того же акта с описанием событий с 16 августа до 27 сентября: 378×280. Два сстава, проклеенных бумажными полосками шириной ок. 26 мм. Водяной знак на среднем сставе – перчатка с пятилепестковым цветком ок. 68 мм.

[50; 51]¹⁰. По всей видимости, создание переплета и БЧ № 2893 не могло состояться ранее 1848 г. В 1872 г. рукописи были вывезены из Парижа. В библиотеку Чарторийских в Кракове БЧ № 2893 вернулась в 1874–1876 гг. через Курник и Сенявы вместе с другими парижскими рукописями Чарторийских [см. также: 41, s. 92]¹¹. В 1960–1961 гг. рукописи Музея Чарторийских были перевезены в новое здание библиотеки на ул. Св. Марка 17, где находятся по настоящее время [49]. За время бытования сборника БЧ № 2893 к нему обращались лишь немногие ученые. Открыл его, по словам Р. Яворского, М.В. Довнар-Запольский, а впервые опубликовал один документ из его состава Д.И. Довгялло [2, с. 1–5; ср. рец.: 35, s. 357–361. Об этом см.: 41, s. 94. Przur. 23]. В наши дни сборник вызвал широкий интерес польских историков-специалистов по переписке короля Сигизмунда II Августа с литовскими магнатами, казачеству и другим проблемам – И. Грали, М. Яницкого, Р. Яворского, К. Лопатецкого [см. также: 41; 48, s. 44. Przur. 88; s. 193–195, 217–218 et al.; 52, s. XLI, XLVII, L–LI, LV–LVI et al.].

В числе прочих материалов в рукописи БЧ № 2893 сохранились копии с посланий Сахиб-Гирея, Амин-Гирея Салтана, казанского хана Сафа-Гирея и короля Сигизмунда I Старого Сахиб-Гирею (с. 19–24) и рутенские копии переписки Ивана IV с торопецкими воеводами князем Иваном Ивановичем Барбашиним, Дмитрием Семеновичем Воронцовым и Василием Петровичем Борисовым (с. 25–28). Переписка Ивана IV с воеводами обозначена была особым образом по нижнему полю в конце раздела: «Московское дело, когда строили Велиж» (“Sprawa Moskiewska kiedy Wieliz budowali”) (с. 28). В нынешнем виде татарские дипломатические материалы как бы разделены «справой московской», оказавшейся между перепиской с Сахиб-Гиреем и т.д. с одной стороны, и материалами посольства к Сигизмунду II Августу – с другой. Почерк в каждой из этих трех частей особый. Впрочем, судя по сходству водяного знака бумаги, материалы предшествующие «Посольству» (на с. 19–28) могли быть составлены примерно в одно время.

Кодикологические данные позволяют представить бытование публикуемых текстов следующим образом. Материалы третьей части «татарской и московской переписки» составляют отдельный блок-папку и состоят из послания хана Девлет-Гирея королю Сигизмунду II Августу, «слова» хана к королю и посольской речи Арды-Бердея (Арды-Бердя, Тарибердия), подготовленной к аудиенции у короля. Эта подшивка – копия перевода с тюркского языка, выполненного современным писарем. Водяной знак данного сегмента в составе кодекса позволяет предположить, что перед нами рукопись 1570-х гг., несильно отстоящая по времени от момента создания перевода. Язык всех казанско-крымских посланий рутенский, то есть это русский язык Короны Польской и Великого княжества Литовского, который в науке иногда называют староукраинским или старобелорусским. Судя по старательности почерка и отсутствию существенных исправлений, перед нами чистовая ко-

¹⁰ Благодарю директора архива и рукописного собрания Библиотеки Чарторийских в Кракове Я. Новака за консультацию.

¹¹ Р. Яворский принимает 1876 г. как верхнюю границу создания переплета, однако, если в 1872 г. рукопись уже покинула Париж, то запись в кодексе о работе над переплетом именно в Париже противоречит датировке польского исследователя.

пия перевода с тюркского. Нет данных, чтобы ответить на вопросы, где именно и кем осуществлен перевод.

Подборка переписки между польскими и крымскими суверенами свидетельствует о том, что в канцелярии М.Ю. Радзивилла был подготовлен небольшой сборник, посвященный отношениям короля Сигизмунда I Старого с Казанью, Крымом и Москвой. Возможно, в первоначальном виде объем этого сборника был шире¹². К архиву Радзивиллов относится и опубликованный Д.А. Мустафиной, Д. Вашуком, а позднее переизданный И. Гралей и Ю.М. Эскиным комплекс «казанской переписки» из Варшавского архива – рутенский перевод писем, предположительно отправленных казанским ханом Сафа-Гиреем королям Сигизмунду I Старому и Сигизмунду II Августу¹³. Нельзя принять вывод Д.А. Мустафиной, что «грамоты Сафа-Гирея» относятся к Литовской Метрике и происходят непосредственно из великокняжеской канцелярии.

Послания предшественников Девлет-Гирея, как и его послание польскому королю, посвящены войнам с московскими правителями. Д.А. Мустафина предположила, что четыре «послания Сафа-Гирея» Сигизмунду I и Сигизмунду II, обнаруженные в ВА № 3294, относятся к периоду не ранее апреля 1538 г. и не позднее августа 1545 г.

Д. Вашук иначе датировал период возможного возникновения писем из ВА № 3294, сузив его до апреля – декабря 1538 г. Выводы исследователя основаны исключительно на отнесении филигрانی списка к точной дате другого документа со сходным водяным знаком, обнаруженного исследователем в Варшавском архиве: «7 ноября 1538 г.». Эту дату Д. Вашук использует как *terminus* для всех переизданных им вслед за Д.А. Мустафиной источников. И датировка бумаги Варшавской рукописи, и построенный на ней вывод о времени возникновения текстов крайне уязвимы¹⁴. Знак рукописи ВА № 3294 не идентичен опубликованному в альбоме Э. Лауцявичюса¹⁵, зато идентичен варианту «татарской переписки» рукописи БЧ № 2893¹⁶. Близкие варианты, как указали Ю.М. Эскин и И. Граля, в альбоме Ш. Брикe датированы 1526 и 1542–1547 гг. [38, s. 202]. Таким образом, следует предварительно датировать

¹² В состав изучаемой рукописи входит также послание-«ярлык» хана Менгли-Гирея II воеводе киевскому Николаю Юрьевичу Радзивиллу в переводе на русский язык Великого княжества Литовского. Этот источник выходит за хронологические рамки нашей работы и заслуживает отдельной работы. См.: BCz. № 2893. S. 147–148.

¹³ AGAD. AR. Dz. II. № 3294 (далее в тексте статьи принимаем сокращение для данной рукописи – ВА № 3294). См. публ.: [19]. Переиздание писем с сохранением графических особенностей оригинала см.: [3; 38]. Далее ссылаемся на текст по изданию Ю.М. Эскина и И. Грали, в котором исправлены отдельные недочеты публикации Д. Вашука.

¹⁴ Исследователь не обсуждает филиграноведческие проблемы: степень подобия между знаками, возможность залежности бумаги. Очевидно, что точная дата использования известной бумаги недостаточна, чтобы рассматривать данную дату как *terminus* для недатированного текста на бумаге со сходным знаком. Ср.: [2, с. 120]. Критику концепции Д. Вашука см.: [38, s. 193].

¹⁵ В расхождениях между знаками в альбоме и в источнике легко убедиться, сравнив изображения. Ю.М. Эскин и И. Граля также утверждают, что знак ВА № 3294 идентичен названному варианту из альбома Э. Лауцявичюса (“zgoła identyczny”). Это неверно. Ср.: [38, s. 202].

¹⁶ См. Приложение к настоящей работе.

искомый бумажный знак максимально широко, по меньшей мере – со второй половины 1520-х до второй половины 1540-х годов.

Оспаривая точки зрения Д.А. Мустафиной и Д. Ващука, Ю.М. Эскин и И. Граля исходят из предположения, согласно которому в первом послании Варшавской подборки упомянуты события, последовавшие за «дворцовым переворотом» в Казани 25 сентября 1535 г., – приход к власти Сафа-Гирея и Московская война Гирея. Датировки *post quem* письма, по мнению этих исследователей, относятся к 6 января 1536 г. (сожжение казанцами Балахны) и 15 января 1537 г. (осада Мурома). Более поздние события, выходящие за хронологические рубежи зимы – весны 1537 г., по их мысли, в переписке не упоминаются. Общая датировка всей Варшавской подборки перенесена Ю.М. Эскиным и И. Гралей на зиму – весну 1537 г. [38, s. 196–198].

Все названные авторы и ряд исследователей, вскользь упомянувших «переписку Сафа-Гирея», убеждены в том, что комплекс писем из Архива Радзивиллов представляет целостную подборку, которая поддается датировке в рамках узкого исторического периода¹⁷. Однако, на мой взгляд, у нас нет достаточных оснований видеть в чистовой копии из архива Великого княжества Литовского ни единое целое, ни сборник писем за время правления одного Сафа-Гирея. Кроме того, до сих пор не нашли удовлетворительных ответов вопросы, которые неизбежны при датировании посланий. Среди них – почему Сафа-Гирей начинает рассказ о победах над Москвой со своего малолетства в Перекопской орде, то есть событий многолетней давности, если слова казанского хана пишутся во второй половине 1530-х годов? Кто такие «мурза Мамай» и его дети? К какому времени относится казанско-нагайско-астраханский союз против Москвы, упоминаемый во втором послании Варшавской рукописи? Когда старостой городенским был «пан Юрий» из третьего письма? Ответы помогут точнее датировать послания ВА № 3294 и связать их с более широким дипломатическим контекстом.

Документы краковского манускрипта, предшествующие посольским записям за 1571 г., составляют еще одну особую подборку, сходную с варшавскими копиями. Нельзя исключать, что рутенские переводы «грамот Сафа-Гирея» могли быть скопированы около того времени, когда в канцелярии Великого княжества Литовского собирались сведения о взаимоотношениях крымских и польских суверенов. Сходство водяных знаков на уровне идентичности показывает, что татарские «ярлыки» в рукописях ВА № 3294 и БЧ № 2893 представляют собой две части одного комплекса, который примыкает к материалам посольства Девлет-Гирея 1571 г. и, по всей видимости, на каком-то этапе составлял единство с этими материалами. Чтобы ответить

¹⁷ В описи Архива Радзивиллов читального зала Варшавского архива древних актов содержание данной единицы хранения (сигнатуры 3294) обозначено как «Три письма казанского хана Сафа-Гирея польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I Старому». В легенде к первому письму в квадратных скобках указана без каких-либо историографических ссылок дата упоминаемых в письме походов: «за 1536–1545 годы» [40, s. 22]. Иную точку зрения на время возникновения посланий ВА № 3294 высказал Я. Пилипчук. Все источники в публикации Д.А. Мустафиной исследователь обобщил понятием «послания Сафа-Гирея Сигизмунду I Старому» и датировал периодом с 1535 по 1544 г., не приведя никакой аргументации в пользу своей датировки [21, с. 87]. Точка зрения о единстве комплекса «посланий Сафа-Гирея» из Варшавского архива принимается и в тюркологических исследованиях [14, с. 80].

на вопрос о связи названных «ярлыков» с татарской документацией 1571 г., необходимо обратиться к содержанию грамот Варшавского архива и Библиотеки Чарторыйских и попытаться вписать их в историю польско-ордынской дипломатии.

В подборке ВА № 3294 Сафа-Гирей является отправителем только первого послания (с. 1–4). Д.А. Мустафина, а вслед за ней и Д. Ващук, некритично относят слова «От Сапкирея царя» после формулы «Лист писан у Казани» к эсхатоколу первого послания, что вступает в прямое противоречие не только с финальной формулировкой последующего послания, завершающегося словами «Писан у Казани», но и с написанием имени хана. В протокольных словах первого послания оно читается «Сафа Кгирей», тогда как в остальных письмах имя адресанта пишется иначе: «От Сапкгирей царя слово». Это имя Д.А. Мустафина и Д. Ващук толкуют как особое написание имени хана Сафа-Гирей (у Д. Ващука: «Сафи-Гирей»). Согласно Ю.М. Эскину и И. Грале, переписчик ошибочно обозначил этим именем именно Сафа-Гирей. С этим трудно согласиться. Трехкратная ошибка маловероятна, но даже теоретически возможна только в случае, если доказано, что перед нами именно ошибка, а не точное воспроизведение имени другого крымского династа – хана Сахиб-Гирей [38, с. 207. Przym. 52].

В первом послании из подборки речь идет, по всей видимости, действительно о Московских походах самого начала правления Сафа-Гирей, когда он мог еще обращаться к польскому королю как юный казанский правитель, ожидая от него поддержки против Москвы. Начало эпопеи в его рассказе относится еще ко времени, когда Сафа был царевичем «у в Орде Перекопской» [38, с. 203]. И подразумеваются события не 1535–1537 гг., как полагают Ю.М. Эскин и И. Граля, а весны 1521 – весны 1523 г., когда Сафа еще не был казанским ханом. В 1521 г. восстание в Казани привело к власти Гиреев. Московский ставленник Шах-Али вместе с женой бежал из Казани [23, с. 37; 25, с. 269; 26, с. 401; 27, с. 310], и Сафа мог позднее думать, что своего противника Гирей «згубили» [38, с. 204]. В плен были взяты «великого князя послы и гости», а в 1523 г. «царь Саипп-Гирей в Казани... посланника великого князя Василья Юрьевича Поджегина уби» [23, с. 43; 25, с. 270; 26, с. 402; 27, с. 310, 312]¹⁸. О чем и вспоминает Сафа: «Послов есми московских казал помати и до казни посажати, а инших велел есми потратити и землю есми его взял» [38, с. 204].

В Москве позже узнали о союзе Гиреев с Ягеллонами, и в Шумиловском списке Лицевого свода появилась повесть «О лукавом соединении кралеве с Крымским» [23, с. 37–43]. Упоминаемые в письме военные действия находят параллели в сообщениях русских источников о нашествии Мухаммед-Гирей на владения великого князя московского в 1521 г. и последующих войнах, исключая военную кампанию, закончившуюся неудачной для Сафа-Гирей битвой на р. Свияге в августе 1524 г. [23, с. 44; 25, с. 270–271; 26, с. 403. См. также: 32, с. 75–77].

¹⁸ Слова «великого князя послов и гостей» читаются в Вологодско-Пермской летописи, тогда как в ряде официальных летописных сводов слов «послов и» нет. При этом Вологодско-Пермская летопись кратко передает сообщение о кровопролитии, учиненном Сахиб-Гиреем в Казани, и не сообщает о смерти В.Ю. Поджогины.

Письмо Сафа-Гирея завершается новостью о том, что Казанская орда только что присягнула ему, и предложением продолжить военный союз с королем. Таким образом, Сафа-Гирей, впервые в качестве казанского хана, подчеркивал своим письмом Сигизмунду Старому верность военному союзу Гиреев с Ягеллонами и готовность после своего прихода к власти в Казани продолжать антимосковскую политику. Вся совокупность приведенных аргументов позволяет сформулировать новую датировку первого письма Варшавской переписки: весна – лето 1524 г. Один факт как будто противоречит этому выводу. В письме упомянута помощь астраханского хана, который назван по имени «Авдрагман царь». Как предполагают Ю.М. Эскин и И. Граля, подразумевается Абдул-Рахман (в русских источниках – Абдыл-Рахман), правивший в Хаджи-Тархане в 1533–1537 и 1539–1545 гг. [38, s. 206. Przyp. 43]. Если наша датировка верна, то приход на подмогу Сафа-Гирею 1 тыс. воинов от Абд ар-Рахмана (Авдрагмана) следовало бы, по логике повествования, отнести ко времени, несильно отстоящему от даты составления письма. Абд ар-Рахман, согласно другим известным источникам, занимает астраханский трон не ранее 1533 г. До него ханами на Хаджи-Тархане были Абд ал-Керим, Джанибек, Хусейн, Шейх-Ахмед, Касим, Ислам-Гирей и Аккубек. Впрочем, при нашем уровне знаний об астраханских правителях нельзя исключать, что в короткое междуцарствие между Джанибеком и Хусейном или в предполагаемый период правления одного из них кто-то еще мог занимать трон на Нижней Волге¹⁹.

Имя Сафа-Гирея в начале подборки не вызывает сомнений, а финальными словами первого послания следует считать: «Лист писан у Казани»²⁰. Последующие слова (имя хана) механически присоединены в копии к данному письму и относятся ко второму письму, а его отправитель – не Сафа, а Сахиб-Гирей, также правивший в Казани, но в 1521–1524 гг., а затем перебравшийся в Стамбул и в 1532–1551 гг. занимавший крымский престол²¹.

Во втором послании (с. 4–5) хан обращается к королю Сигизмунду I Старому с просьбой оказать финансовую помощь на организацию похода. Следовательно, можно датировать послание временем, непосредственно предшествующим самому походу. Однако речь идет о событиях, в которых приняли участие сын ногайского мурзы Мамай и тысяча воинов от астраханского хана. Из официальной русской летописи можно узнать, о каких событиях идет речь. Под 10 июля 1530 г. говорится о походе великого князя на Казань. При этом хан Сафа-Гирей предпринял ответные действия: «И царь казанский Сафа-Кирей со всеми казанскими людьми, – к ним же прииде на помощь из

¹⁹ Согласно И.В. Зайцеву, порядок правления астраханских ханов известен крайне фрагментарно: Джанибек б. Махмуд занимал астраханский престол с 1514 г. и не позднее, чем до 15 августа 1521 г.; Хусейн б. Джанибек – не ранее октября 1521 и до неизвестного ныне момента в середине 1520-х годов; Шейх-Ахмед б. Ахмед – приблизительно между 1525 и 1528 гг.; Касим б. Сайид-Ахмед – после Шейх-Ахмеда, с перерывом, до лета 1532 г.; Ислам-Гирей б. Мухаммед-Гирей – не позднее мая 1531 г. – не позднее января 1532 г.; Аккубек б. Муртаза – летом 1532–1533 г.; и, наконец, Абд ар-Рахман б. Абд ал-Керим – впервые он правит в 1533 – не ранее конца октября 1537 г. См.: [12].

²⁰ AGAD. AR. Dz. II. № 3294. К. 1–2.

²¹ Имя «Сапкгирей» расшифровывается как «Сап-Кгирей», то есть Сахиб-Гирей. Такое написание имени хана Сахиба («Сап», «Саип», «Саипп») было принято как в Российском государстве, так и в Великом княжестве Литовском. См., например: [24, с. 32].

Ногай Мамай, мырзин сын болшей, со многими людми да Яглыч-князь со многими людми и Азтороканские люди» [23, с. 47; 25, с. 273; 26, с. 406; 27, с. 312]²². По всей видимости, информация, сходная с текстом второго послания из подборки ВА № 3294, стала известна и в Москве. Данное письмо следует отнести к самому кануну Московско-Казанской войны 1530 г. При этом роль Сахиб-Гирея в походе 1530 г. остается дискуссионной, и данный вопрос должен решаться с учетом атрибуции второго письма из Варшавского архива не хану Сафа, а именно хану Сахибу²³.

В третьем письме (с. 5) упоминается староста городенский «пан Юрий», у которого содержался служебник хана Кугурча. Как отметили Ю.М. Эскин и И. Граля, этот пан Юрий – Юрий Николаевич Радзивилл по прозвищу Геркулес [38, s. 207. Przur. 53]²⁴. Однако настораживает, что Ю.М. Радзивилл занимал должность городенского старосты с 1514 г. до момента, когда в 1533 г. Городенское староство выкупила королева Бона. Формально он оставался на уряде до 1534 г. Затем лишь в 1540 г. престарелый литовский маршалок дворный вернул его себе и сохранял вплоть до смерти в апреле 1541 г. [60, s. 335–336, 639 (№ 2333)]²⁵. Если письмо писалось в 1537 или 1538 г., то хан ошибочно называл должность Радзивилла, что уже сомнительно – для отправителя важно было точно указать, у кого в Великом княжестве Литовском содержатся почетные пленники Кучурча и Хусеил. Маловероятно, что это послание возникло между 1534 и 1540 гг., и вполне допустимо, что описываемые в нем события происходили значительно раньше – в начале 1520-х гг., когда и правил в Казани Сахиб-Гирей.

Наконец, следом за ханскими посланиями выступает список заголовков писем от Сахиб-Гирея, аталыка царевича Сафа-Гирея Ярмурчи-бия (Ямгурчи), царицы-жены Сафа-Гирея, мурзы Кавача, мурзы Кидакчи, Намая-улана, Булат-бия и Кадыж-бия (с. 5–6). «Царевичем» Сафа-Гирей был только до того момента, когда в 1524 г. занял Казанский престол, а послание Сигизмунду Старому от царицы-супруги Сафа-Гирея могло быть отправлено не ранее середины 1520-х гг., когда Сафа-Гирей женился на дочери ногайского бея Мамая бен Мусы [38, s. 198]. Таким образом, все письма, перечисленные в приложении к подборке казанских посланий, отправлены в разное время²⁶.

²² Благодарю за консультацию М.В. Моисеева.

²³ М.Г. Худяков полагает, что Сахиб-Гирея с момента его поездки в Стамбул в 1524 г. казанский трон не привлекал. Однако, если это и так, вопрос о влиянии Сахиба на казанскую политику это замечание исследователя не решает. См.: [32, с. 74–75].

²⁴ Я.В. Пилипчук понял слова «пан Юрий староста городенский» буквально, заключив, что здесь упоминается некий «пан Юрий из Гродно». Это недоразумение. В письме названа должность, а не происхождение «пана Юрия». Ср.: [21, с. 86–87].

²⁵ Благодарю за консультацию Н. Слиж.

²⁶ Ориентируясь на выводы Д.А. Мустафиной, выстраивает историю крымско-казанско-литовских отношений Я. Пилипчук. Однако никаких новых аргументов в пользу принятой датировки посланий из ВА № 3294 он не приводит, а лишь пересказывает их содержание. Приложение со списком посольств исследователь рассматривает как «четвертое письмо» со списком казанского посольства Кельдеяра от Ямгурчи, уточняя даже, что речь должна идти о «внушительном представительстве от Казанского ханства». С этим нельзя согласиться. В источнике говорится о гонце Сахиб-Гирея Исмаиле и представителях царевича Сафа-Гирея, царицы «Сафакгиреевой» и представителях мурз, уланов и биев. Этот список не может относиться к одному посольству. Ср.: [21, с. 86–87].

Последовательность писем между собой в Варшавской подборке определяется, по всей видимости, какими-то задачами составителя. Перед нами не-единая по времени составления ретроспектива, причем вряд ли случайно, что первое место в ней занимает письмо Сафа-Гирея, в котором крымский хан обращается к польскому королю как к своему «отцу».

Подборка в БЧ № 2893 состоит из четырех писем. Первое – рутенский перевод «ярлыка» крымского хана Сахиб-Гирея польскому королю Сигизмунду I Старому (с. 19–20). Оно написано вскоре после смерти брата хана, Ислам-Салтана. По мнению В.В. Трепавлова, конфликт разгорелся еще летом 1537 г., тогда же, вероятно, до 25 июля 1537 г. состоялся поход Сахиб-Гирея против его племянника [30, с. 227]. Описанные в послании хана королю гибель Ислам-Гирея и установление единовластия в Орде относятся уже к августу того же года. Письмо Сахиб-Гирея было написано вскоре после этого события, то есть, вероятно, осенью 1537 г.²⁷

Второй «лист», от сына хана, Амин-Гирей-Салтана (с. 20–21), датируется тем же временем, что и первый, поскольку является частью той же посольской миссии – вместе с посланником хана по имени Текеш к польскому королю отправился личный представитель Амин-Гирея Люиш²⁸. Хронологический контекст переписки намечен благодаря словам хана о миссии «доброта пана Оникея Горьността». Королевский посол Оникей Горността, по словам Сахиб-Гирея, принес ему присягу от имени короля о выплате «упоминков» 4 или 5 лет назад («был в нас от чотырех або от пяти лет»)²⁹. Господарский дворянин, державца конявский и дубицкий, ключник виленский О. Горността был направлен к Сахиб-Гирею не ранее 14 октября 1533 г. и не позднее начала 1534 г. [43, р. 74. N. 224; см. также: 59, s. 115 (№ 413)]. Отсчитывая 4 года от конца 1533 или начала 1534 г., можно получить конец 1537 или начало 1538 г.

Датировку писем Сахиб-Гирея и Амин-Гирей-Салтана можно уточнить, что мы и сделаем чуть ниже, когда речь пойдет об ответе короля Сигизмунда I.

Отправителем третьего «ярлыка» был казанский хан Сафа-Гирей (с. 21). Судя по его словам, на момент написания письма он совсем недавно впервые взшел на казанский престол и вспоминал о милости к нему короля, которого называет своим «отцом». Юный Гирей рассказывает об успехах в борьбе с общим врагом, своим и короля – великим князем московским³⁰. Подразумеваются военные действия 1524 г. Таким образом, 1524-м годом и можно датировать послание Сафа-Гирея Сигизмунду I в подборке БЧ № 2893. Этот краткий текст служил верительной грамотой для приема королем казанского посланника Богуша³¹. Перед Богушем Сафа-Гирей уже отправил к королю

²⁷ Приложение I. S. 19–20. Эта датировка подтверждается требованием хана прислать ему «скарб» (то есть дань–«поминки») еще зимой. В противном случае, если до следующего лета «скарб» не будет послан, хан в завуалированной форме грозит обострением отношений с королем.

²⁸ Приложение II. S. 20–21.

²⁹ Приложение I. S. 19–20.

³⁰ Приложение III. S. 21.

³¹ Сохраняют силу сомнения Ю.М. Эскина и И. Грали в правомерности отождествления Богуша и Беиша с Богушем Боговитиновичем, которое допускает Д.А. Мустафина [38, s. 194. Przur. 9]. Впрочем, следует отметить, что в биографии подскарбия земского литовского Богуша Михаила Боговитиновича, написанной В. Кононовичем, ордынское направление полностью отсутствует [15].

Едигера («Ядикгаря»). Поскольку более подробный посольский наказ должен был передать королю Богуш, можно предположить, что таким текст наказа содержится в первом письме из Варшавской подборки, в которой встречается формула: «А послалом до Вашей милости с тым моим листом присяжным подскарбего своего Богуша, а што будет Вашей милости, отцу моему, он мовити, Ваша милость рачи ему верити, бо то есть наша реч» [38, s. 207]. Посланником Сахиб-Гирея к Сигизмунду Старому был также Богуш (Беиш). Возможно, на протяжении ряда лет, по крайней мере, в правление Сахиба и Сафы, в Казани была служба по дипломатическим сношениям с Великим княжеством Литовским и Коронной.

Поскольку содержание первого письма из ВА № 3294 и третьего из БЧ № 2893 близко, они могут быть двумя частями одного собрания, в котором краткий текст БЧ № 2893 был соединен с подборкой ВА № 3294, но по каким-то причинам это собрание «ярлыков» распалось. Следовательно, третий «лист» в краковской рукописи следует датировать весной – летом 1524 г.

Наконец, последнее письмо в БЧ № 2893 (с. 22–24) – ответ короля Сигизмунда Старого на посольство Текеша от Сахиб-Гирея 1537 г.³² Упомянутые в письме короля «князь Булгак» и Василий Тишкевич – это москвит и слуга кн. С.Ф. Бельского «князь Булгак» или, как о нем говорили в Москве, «Булгачко Иванов человек Золотилова, Цветново брат»³³, и староста красносельский, черкасский и каневский Василий Тышкевич, получивший свою должность «старосты черкасского и каневского» как раз в канун переписки – в 1536 г. [58, s. 215 (№ 1598)]. Помимо В. Тишкевича и О. Горностая в переписке короля с крымским ханом назван «Булгак». По московским посольским книгам известно, что «Булгак-князь» 1 ноября 1537 г. отправился из Крыма в Литву, чтобы просить у короля «выход» в размере 60 тыс. зл. угорских. Вернулся он к хану 27 января 1538 г., доставив только «поминки» и предложение

³² Последняя посольская миссия от Ислам-Гирея в Великом княжестве Литовском и Короне Польской появляется в конце лета 1537 г. Согласно реестрам выплат Королевской казны, в пятницу после дня св. Иакова (“*feria sexta post festum sancti Jacobi*”) 1537 г. во Львове находились послы Сахиб-Гирея и Ислам-Гирея (Aslan-Soltan). Поскольку память св. Апостола Иакова отмечалась католической церковью каждый год 25 июля, а в 1537 г. этот день приходился на среду, послы должны были оказаться во Львове уже через день, 27 июля. Во вторник после праздника св. Иеронима (“*feria tertia post festum sancti Ieronimi*”) 1537 г. в Краков прибыл посол от Ислам-Гирея. Память св. Иеронима Стридонского приходится на 30 сентября, следовательно, 2 октября крымский посол был у стен Вавеля. См.: AGAD. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 1. Rachunki królewskie. № 91. К. 63v–64.

³³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 328 об., 330. Показательно, что король говорит о задержании этого князя у себя как представителя («посла») великого князя московского и обещает отправить его только следующим своим посольством к Сахиб-Гирею. По всей видимости, московский агент исполнял посредническую миссию, в которой в 1536–1537 гг. принимал участие и кн. С.Ф. Бельский. Незадолго до того, в апреле 1537 г., Булгак посредничал в переговорах между князем Семеном Бельским и московскими властями, а в документации Бельского сохранились указание о том, что он поменял «Булгаку князю» алтын на серебряный грош. См.: Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. Brev. N:O 352. E 8610:2. Тетрадь номер 50. Л. 2. См.: [11].

«братства и дружбы»³⁴. Согласно актам из архива Великого княжества Литовского, Сигизмунд Старый узнал о гибели Ислама от князя Булгака³⁵.

Приведенные свидетельства позволяют считать датой *post quem non* посланий Сахиб-Гирея и Амин-Гирей-Салтана к королю Сигизмунду I Старому из сборника Библиотеки Чарторыйских 1 ноября 1537 г. По всей видимости, письма были составлены незадолго до начала крымского посольства в Великое княжество Литовское. Ответ короля, вошедший в XIX веке в состав того же сборника «русских актов» из собрания Чарторыйских, был написан никак не позднее середины января 1538 г., когда московский представитель должен был уже отправиться обратно в Крым, а вероятнее – в конце декабря 1537 г. – начале января 1538 г.

Более точные сведения о хронологических рамках и прочих обстоятельствах данного фрагмента крымско-литовской переписки должны быть задачей для специальных исследований³⁶.

Таким образом, письмо Сафа-Гирея врезается в цельную подборку и выбивается из хронологического ряда. Объяснить этот факт можно, обратившись к фразе, приписанной в конце строки после завершения письма Сафа-Гирея: «То лист от короля его милости писанный до царя перекопского и послан с Кракова толмачом Хаиком»³⁷. По всей видимости, перед нами копия подборки, в которой письма в руках переписчика были расположены именно так, и он даже легенду к письму короля Сигизмунда в спешке не отделил от письма казанского хана. Поскольку обе «татарских» подборки восходят к Архиву Радзивиллов и написаны на бумаге одного времени, есть вероятность, что послания в ВА № 3294 являются частью некогда единого комплекса, еще одна часть которого сохранилась в составе обозначенного выше первого раздела «татарской переписки» рукописи БЧ № 2893.

Содержимое подборки писем Варшавского архива доказывает, что крымские и казанские правители относились к польским монархам как к своим союзникам и покровителям. Как следует из первого послания Девлет-Гирея, союзнические отношения, в целом, между Крымом и Речью Посполитой к началу 1570-х гг. сохраняются. В ответ на неизвестное ныне обращение короля Сигизмунда крымский хан оправдывается, что соблюдает договоренности и постоянно причиняет вред Московскому государству («завше без перестанья панству его шкоду чиним»)³⁸. Однако хан не следует традиции своих предшественников и не называет польского короля «отцом своим», как это, напротив, делали Сафа-Гирей и Сахиб-Гирей, обращаясь к Сигизмунду Старому. На этом фоне претензии Девлет-Гирея на покровительство, помощь и финансовые вливания (в том числе «упоминки» за три года) со стороны польского короля могли быть представлены стороной Сигизмунда Августа как бесосновательные. Между тем, послание хана посвящено именно спорам из-

³⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 407 об.–409 об., 414–414 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 15. Л. 180 об.–181, 182 об.–184 об., 230–231 об., публ.: [46, р. 202, 204–206, 253–255].

³⁶ Политический контекст упомянутых в письме короля Сигизмунда I дипломатических миссий и перехват Ислам-Гиреем «упоминков» от короля, предназначенных для Сахиб-Гирея, рассматривался, в частности в: [33, с. 219–221; 43, р. 79–81].

³⁷ Приложение III. S. 21.

³⁸ Приложение V. S. 31.

за не поступающих от короля выплат и завершается сообщением об отправлении к нему посольства Туманука с целью получить положенную дань³⁹.

Датировать первое послание Девлет-Гирея из БЧ № 2893 (с. 31–32) следует, учитывая содержательную близость между первым и вторым посланиями. В обоих говорится о невыплате королем «упоминков» за 3–4 года и упоминаются пограничные конфликты, взаимные диверсии против купцов и разрастающийся посольский конфликт. По всей видимости, оба письма несильно отстоят друг от друга по времени возникновения. При этом первое датировано «у Перекопе» и отправлено с посланником по имени Туманук. Из сообщения российского посла в Крыму А.Ф. Нагого известно, что Девлет-Гирей, готовясь к походу в Московское государство, пришел с р. Альмы в Перекоп 5 апреля 1571 г. [13, с. 271]. Вероятно, в этот день или около 5 апреля и было составлено первое письмо Сигизмунду II.

Второе послание вместе с посольским наказом (с. 33–36) составлено уже «у Полю», на обратном пути после Московского похода и сожжения Москвы 24 мая 1571 г., то есть написано, вероятно, не ранее конца мая – июня 1571 г. Во втором послании Девлет-Гирей ссылается на то, что его решение двинуться на Москву было принято после неудачных переговоров, которые отразились на первом послании из подборки в составе БЧ № 2893. Таким образом, первое из двух посланий составлено около 5 апреля 1571 г. и, вероятнее всего, незадолго до Московского похода. Второе следует датировать на основании хронологической шкалы упоминаемых в нем событий, к чему мы обратимся здесь ниже.

Как ясно из обоих посланий, накануне похода татар на Москву между королем и ханом произошла размолвка. Хан вызвал гнев Сигизмунда II тем, что нарушил посольский обычай, неучтиво принял посла и даже велел его ослепить. Хан отвергает наговоры посла и переносит на него самого и на короля вину за конфликт, обвиняя этого посла в «небылых речах». Речь идет, вероятно, о посольстве короля в канун Московского похода Девлет-Гирея или каком-то более раннем посольстве. Еще в 1569 г. хан Девлет задержал у себя польских послов в качестве заложников до выплаты королем причитающихся Крыму «даров». Летом 1569 г. Селим II на переговорах с польским послом А. Тарановским выступил посредником между Крымом и Речью Посполитой, призвав Девлет-Гирея отпустить послов Сигизмунда II и оправдывая в глазах хана короля, который отказывался воевать с «Московским, который тоже христианин» [37, с. 260–261].

К 1571 г. относится известное по Литовской Метрике письмо короля, переданное Девлет-Гирею Юрием Быковским. Предмет диалога между правителями близок к теме первого послания из сборника Библиотеки Чарторыйских. Согласно королю, накануне к нему приезжал из Крыма посланник по имени Джань-Бек (Зань). Разногласия были сосредоточены на королевской миссии в Турцию. Король настаивал, чтобы Крым выдал королевского представителя Александра Владыку, который был взят ханом в заложники до получения дани и испытал какую-то телесную напасть («зачим и о здоровье пришел»), и ниже: «на здоровью и на очах») [17, с. 309. № 193]. Еще до на-

³⁹ Там же. S. 32.

званного письма развернулся спор, на ком лежит вина за страдания королевского посла. Хан отговаривался, что все произошло не по его указу, а «з воли и допущенья Божого» [17, с. 309]. Речь идет, по всей видимости, о тех же обстоятельствах, которые в послании Девлет-Гирея из архива Радзивиллов названы более подробно. Не названный им по имени королевский посланник – А. Владыка. Он отчитался королю, по словам хана, «якобых я мел его не учтити, яко на посла приналежит, якобых я мел его ослепити и некоторых достатков его водлуг обычаю не полнити. Алем я так его учтил и миловал, яко на посла приналежит. Ласку и жаловане ему есмо казали дати. Але послу не годило бы ся небылых речеи плодити. Такового посла и овшем Пан Бог скарет, котории посол небылых речеи межи двема господари плодит»⁴⁰. Слова короля Сигизмунда Августа в письме 1571 г. упоминают и комментируют это или подобное самооправдание Девлет-Гирея. Другой аргумент позволяет все же считать, что эти слова короля писались не в ответ на послание, которое мы условно датируем 5 апреля 1571 г.

«Упоминки» в письме короля, на которое отвечает хан из Перекопа, были обещаны только за год, на что хан напоминал о своем требовании – прислать дань за 3 года («трох год») ⁴¹. Король в своем письме хану 1571 г. подробнее освещает предысторию спора и напоминает, что хан отрекся от своих договоренностей и требует трехлетних выплат под угрозой разорвать союз. Однако договоренности предусматривают выплаты только за те годы, когда крымский хан ведет войну против общего врага Крыма и Речи Посполитой – великого князя московского. За походы на московские рубежи царь Магмет-Гирей и Сахиб-Гирей и получали добровольные королевские дары. И с самим Девлет-Гиреем уговор был на том же, а он до той поры «в земли Московьской замку ни одного не взял и нам не подал» [17, с. 310]. Тон письма смягчается, когда Сигизмунд Август предлагает принять его великого посла с подарками за 1 год [17, с. 310–311]. Экскурс короля Сигизмунда в данническую дипломатию парирован в обнаруженном ныне послании крымского хана жестким требованием: «упоминки» за год хан принимать отказывается и ждет выплат за все 3 года. Обязанность Крыма вести войну против Москвы обращена в упрек королю, который не выполняет союзнических обязательств и, более того, не сдерживает своих казаков, наносящих ущерб крымским владениям и торговле⁴².

Наконец, последняя прямая параллель между письмом Сигизмунда II Августа в Крым 1571 г. и посланием Девлет-Гирея от начала апреля 1571 г. прослеживается в вопросе о казаческих набегах. Хан возмущается тем, что польско-литовские казаки тревожат крымские владения, и угрожает ответными ударами крымских казаков. Эти слова касаются явно не только «недавних часов», когда разъезды Речи Посполитой разорили и пленили 500 татарских домов, но и долгосрочных отношений, охватывающих период в два-три года и известных по другим польско-литовским источникам [37, s. 264–265]. До сих пор королевские казаки разоряют заднепровские улусы хана и многожды нападали на купцов, возвращавшихся с товарами из Москвы. Хан выставляет счет Сигизмунду II Августу за это более чем на 100 тыс. золотых⁴³. Реакции

⁴⁰ Приложение V. S. 31.

⁴¹ Там же. S. 32.

⁴² Приложение V. S. 31–32.

⁴³ Там же. S. 31–32.

на это требование в письме короля нет, но сам вопрос уже остро звучит. Видимо, 500 татарских домов – это те же самые пленные, которые названы в послании короля татарами, пришедшими «в лихолетье» и взятыми в плен. Их жены и дети в Заднепровье, по словам короля Сигизмунда, были пленены, но король обещает им свободу, если они «всхочут... назад ити» [17, с. 311].

Таким образом, миссия Джань-Бека к королю Сигизмунду и ответная поездка Быковского в Крым предшествуют миссиям Туманука и Арды-Бердея. Это позволяет датировать письмо Сигизмунда II Августа к Девлет-Гирею, отправленное с Ю. Быковским, началом 1571 г., а датой *ante quem* для него считать послание Девлет-Гирея к королю, отправленное с Тумануком, то есть начало апреля 1571 г.

Споры усугубились к 1571 г. из-за возвращения польских послов на родину и новых договоренностей между королем и великим князем московским, которые с 1570 г. соблюдали перемирие, несмотря на то, что в руках московского правителя оставалось несколько замков Сигизмунда II⁴⁴. Как раз во время похода крымского хана, в апреле – мае 1571 г., Сигизмунд II принимал в Вильне царского посла Г.Ф. Мещерского и ратифицировал Московский договор, заключенный его посольством во главе с Я. Кротосским [28, с. 421; 7, с. 316–317; 31, с. 552–555]. В разрастающемся конфликте с Крымом, понимая, что средств в казне нет ни на ведение войны с Москвой, ни на выплату дани Крыму, король Речи Посполитой принял решение продлить перемирие с Москвой и зафиксировать неустойчивое равновесие в дипломатическом кризисе с Бахчисараем. В то же время хан уже в письме накануне выступления против Ивана IV напоминал королю о несдержанных обещаниях продолжать войну против Москвы («обещующися ехати до земли неприятеля, и не ехали») ⁴⁵.

Второе послание Девлет-Гирея и материалы посольства Арды-Бердея к Сигизмунду II открывает перед исследователями крымскую точку зрения на одно из самых драматичных событий в восточноевропейской истории – поход на Москву многотысячного татарского войска и сожжение столицы Российского государства в мае 1571 г. Крымский хан раскрывает в послании польскому королю свои планы, объясняет свои поступки и выговаривает своему союзнику за пассивность. Девлет-Гирей – тонкий политик, отлично ориентирующийся в дипломатической конъюнктуре. Он упрекает Сигизмунда II в попытке рассорить его с султаном Селимом II. Подразумеваются при этом переговоры в Стамбуле, на которых польский посол А. Тарановский добился согласия Селима II призвать Крым отказаться от дани за те годы, в которые татары разоряли владения короля. Насмешка Девлет-Гирея над этими усилиями показывает, что в треугольнике отношений между Москвой, Варшавой и Стамбулом крымский хан понимал, что на него оказывают давление через Стамбул. Гирей обращается к Сигизмунду II, уже имея в руках согласие султана на Московский поход и чувствуя свое превосходство в старых спорах с Варшавой [37, с. 259–267; 4, с. 182–193; 6, с. 202–210; 20, с. 186–187]. По сло-

⁴⁴ В послании «колкос» – ср. польск. *kielkoś*, то есть какое-то количество от двух до десяти. См.: [56, с. 299].

⁴⁵ Приложение V. S. 31.

вам хана, «упоминки», не поступавшие в его казну уже 3 или 4 года, король должен присылать ему два раза в год⁴⁶.

В послании кануна Московского похода Сигизмунду II Девлет-Гирей обращает стамбульские переговоры против короля как признак зависимости самого Сигизмунда II от султана. Канун военных действий Крыма против Москвы ознаменован стычками между татарскими и польско-литовскими казаками. Это оказывается одной из самых болезненных тем в переписке. Хан обязуется сдерживать своих казаков и призывает короля поступить таким же образом, напоминая ему о нарушениях мира с коронных рубежей. На счету королевских сил был разгром 500 татарских домов за Днепром, нападения на московских купцов и причинение им убытков более чем на 100 тыс. зл. Хан напоминает, что султан велел поймать виновных казаков, провел расследование и велел составить реестры ущерба⁴⁷. По всей видимости, в послании, отправленном из Перекопа, судьба пойманных королевских казаков обсуждается как шантажный козырь в политическом торге с Сигизмундом Августом.

Упреки в адрес короля переходят после отчета о Московском походе в гневное обвинение: «И не ведаю, што тому за причина, иж тот неприятель наш и ваш колко замков вас, брата нашего, забрал, а ты с тым неприятелем перемире береш и в приязни з ним вступиеш!»⁴⁸. Хану известно о подготовке или заключении перемирия между королем и великим князем московским в 1570–1571 гг. Когда крымские войска уже наступали на Москву, в Вильне продолжались переговоры. Девлет-Гирей узнал об их результатах и был возмущен или, считая бесспорным свое военное и дипломатическое превосходство, словесно «высился» над своим союзником. В любом случае его призыв к королю не прекращать войну с Москвой звучал и до, и после Московского похода, а следовательно, хан рассматривал свою войну против Ивана IV как стимул и для Сигизмунда II Августа возобновить войну против Московского государства⁴⁹.

В сообщении Девлет-Гирея о своем торжестве над московским царем содержатся уникальные известия, отражающие представления крымского хана о важнейших этапах Московского похода 1571 г. Прежде всего, продуманным выпадом в адрес Сигизмунда II является заявление о том, что поход начался после того, как переговоры между Крымом и Польско-Литовским государством зашли в тупик. Поняв, что король не намерен платить дары – «упоминки», хан двинулся в землю общего врага («неприятеля нашего сполочь-

⁴⁶ Приложение VI. S. 33, 34.

⁴⁷ Приложение V. S. 31–32.

⁴⁸ Приложение VI. S. 33–34.

⁴⁹ Напряженность в отношениях между Крымом и Сигизмундом II Августом сохранялась после того, как староста черкасский кн. М.И. Вишневецкий и воевода серадзский О. Лаский не пропустили турецкое войско, шедшее на Астрахань, через свои земли. В Москву от посла, кн. Г.Ф. Мещерского, из Речи Посполитой уже в июне 1571 г. пришли сведения, что «крымской царь с литовским королем в розмирье же для турских людей, что им король через свою землю дороги к Астарахани не дал» (РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Кн. 9. Л. 420 об., см. также л. 418 об.–419 об., 431–432). Возможно, посол собрал несвежие новости, но на фоне интонаций Девлет-Гирея в переписке с Сигизмундом Августом кануна Московского похода эти «новости» отражают ту же напряженность в отношениях Крыма с Коронной и Литвой.

ного)»⁵⁰. Девлет-Гирей направился прямо к Оке и переправился через нее под Калугой. В изложении Девлет-Гирея исчезает один из главных сюжетов, отразившихся в документации Посольского приказа и в разрядах. Хан не комментирует помощь московских перебежчиков-«изменников» в продвижении по владениям великого князя с Дона и Северского Донца к Молочным Водам и затем на Оку. В дискуссии о том, где именно пересек р. Оку крымский хан, появляется свидетельство самого Девлет-Гирея и наказ его послу⁵¹. В наказе Арды-Бердею маршрут очерчен еще более детально. Татарское войско двигалось «до замку Молкгова, до Белева, до Козелска, до Варатына»⁵². По всей видимости, «Молгвом» названа крепость на р. Молочной – Молочных Водах⁵³. С Молочных Вод войско двинулось на Белев, Козельск и Воротынский. Из русских посольских материалов известно, что во время движения по южным окраинам Московского государства к татарскому войску присоединялись «изменники». Их региональная принадлежность говорит о том, что волей или неволей Девлет-Гирея поддержали дети боярские, несшие службу в захваченных регионах: на Молгове к хану присоединился «галичанин» Ашуй Юрьев сын Сумароков, несколько служилых людей, и в их числе «дети боярские белевцы» Кудеяр Тишенков и Окул Семенов оказались в войске хана в районе Белева. Козельск и Воротынский имели стратегическое значение для хана и, по его словам, были взяты татарами на пути к Калуге. Отдельные дети боярские региона также поддержали татар: «калужане» Ждан и Иван Васильевы дети Юдинковы, «коширяне» Сидор Лихарев Сотник и «серпуховитин» Русин и еще «десять человек их людей» [13, с. 271; 28, с. 425].

Из Белева пленный сын боярский Федор Жуков предлагал хану сразу двинуться на Москву. Судя по посланию Девлет-Гирея Сигизмунду II, хан оценивал поход как стремительный бросок к Москве. Однако упоминаемые в московских источниках советы хану «изменников» – пленным идти на Москву и споры в окружении крымского царя свидетельствуют о том, что, приближаясь к столице, татары разоряли богатые южные регионы Российского государства. Именно на этом фоне было принято решение отправиться на «козельские места» из Белева и лишь затем на Воротынский, Калугу и Серпухов [20, с. 196–197].

Калужскую крепость Девлет-Гирей приказал сжечь. Татары переправились через Оку у Калуги и столкнулись с московским войском под командованием кн. М.И. Воротынского. Видимо, имя Воротынского здесь, как и в рассказе о сражении под Москвой, выступает на месте известного источнику московского происхождения опричного воеводы Я.Ф. Волынского, вое-

⁵⁰ Приложение VI. S. 33.

⁵¹ Ср.: [13, с. 271]. А.А. Зимин полагал, что хан переправился через Оку после разгрома опричного отряда Я.Ф. Волынского под Серпуховом. См. также: [28, с. 425–426, 548]. На основе «Книги Большому Чертежу» и разрядных книг установлен «брод Быстрой» как место «в окрестностях Кром», где в 7079-м, то есть 1571 г., «лезли татаровя». Нельзя исключать, что в каких-то местах татары шли отдельными отрядами и переправлялись через Оку неоднократно. Однако из слов Девлет-Гирея в послании Сигизмунду II следует, что хан направил свое войско «просто до реки Оки» и переправился через реку единожды – под Калугой. См. Приложение VI. S. 33.

⁵² Приложение VII. S. 35.

⁵³ Диграф *кз* в слове «Молкгова» обозначает взрывную *г* в противовес фрикативной *г*.

воды опричников, потерпевших поражение от войска Девлет-Гирея под Серпуховом. Московское войско потерпело поражение, и после него Иван IV с сыновьями Иваном и Федором бежал на Белоозеро⁵⁴. Эта информация приведена и в письме Девлет-Гирея, и в наказе Арды-Бердею, и, видимо, была получена ханом на допросах пленных. Показательно, что именно эта версия была позднее донесена до Рима нунцием В. дель Портико [34, с. 231]. Московские источники сообщают лишь, что царь, опасаясь окружения, уехал из Серпухова в Бронницу и Ростов. В наказе Арды-Бердею Девлет-Гирей подробнее раскрывает события между битвой с «кн. М.И. Воротынским» и побегом Ивана IV. Узнав от пленных о нахождении великого князя, хан двинулся к Серпухову. Царь Иван получил сведения о приближении татар и отступил, по словам русских пленных, в Москву. В наказе Арды-Бердею говорится, что Девлет-Гирей «притягнул», то есть подошел к Москве из Серпухова «девятого дня»⁵⁵. Если исходить из отсчета от 24 мая, когда татарское войско подступило к Москве, из Серпухова хан Девлет-Гирей выдвинулся 15 мая. Можно предположить, что битва под Калугой, отстоящей от Серпухова примерно на 90 км, произошла еще двумя-тремя днями ранее – 12 или 13 мая. Эти сведения заставляют пересмотреть сообщения о роли Ивана IV в событиях, разыгравшихся еще до того, как он – 16 мая – направился из Александровской слободы в Серпухов [ср.: 20, с. 200–202].

На фоне хорошей осведомленности Девлет-Гирея о положении дел в стане противника показательны приведенные им данные о численности русского войска. Его главнокомандующим он считает кн. И.Д. Бельского, у которого в подчинении или в поддержке были другие важные князья («и з некоторыми значными князи») ⁵⁶. Выражение «князи» может быть калькой для обозначения высокопоставленных родовитых придворных, однако титулованная знать занимала первые позиции в московском войске в мае 1571 г. В походе из Москвы к Серпухову командовали сторожевым полком боярин В.П. Яковлев, передовым – кн. М.Т. Черкасский, государевым – кн. Ф.М. Трубецкой. В Москве по улицам стояло войско во главе с кн. И.Д. Бельским. Вторым после него в большом полку был М.Я. Морозов. Полком правой руки командовали кн. И.Ф. Мстиславский и И.В. Шереметев Меньшой. Передовым – кн. М.И. Воротынский и кн. П.И. Татев. Во главе опричного полка был кн. В.И. Темкин Ростовский [13, с. 272; 20, с. 189–190]. Место Бельского после его гибели занял кн. И.Ф. Мстиславский. Ни о ком из опричного руководства

⁵⁴ Приложение VI–VII. S. 33, 36.

⁵⁵ Приложение VII. S. 35, 36. Сохраняется гипотетическая возможность, что, говоря о «девятом дне», Девлет-Гирей подразумевал девять дней, отделявших момент составления наказа Арды-Бердею от подхода крымского войска к Москве. Однако в таком случае неясно, с какого момента отсчитывается время в словах о том, что в окрестностях Москвы татары воевали «ровно шесть недель». Невозможно, что от подхода татар к Москве до отправления ханом посольства к Сигизмунду II прошло и 9 дней, и 6 недель. Невероятно и то, что в последнем случае говорится обо всем Московском походе на 24 мая как о завершенном в течение 6 недель, поскольку из слов Девлет-Гирея ясно, что ограбление городов «около Москвы» после сожжения столицы только началось. Если принять за *datum post quem* исходных посольских материалов не ранее шести недель с момента сожжения Москвы, то слова о «девяти днях» могут относиться только к периоду, затраченному татарами на переход из Серпухова к стенам Москвы.

⁵⁶ Приложение VI. S. 33.

хан не знал или считал, что опричниками командует кн. М.И. Воротынский, в действительности в опричнину не входивший.

Девлет-Гирей приписывает себе победу над крупным московским войском. Впрочем, вряд ли он стремится поразить воображение короля, когда приводит цифры: 40–50 тыс. войска и 5 тыс. стрельцов выступили навстречу татарам, когда они подошли к Москве⁵⁷. Представителю Речи Посполитой Иван IV позднее говорил всего о 6 тыс. русских воинов, готовых противостоять татарам [29, с. 296; 28, с. 425]. Однако показательно, что царь противопоставляет эту цифру той, которая получила распространение в Европе. Ф. Тьеполо слышал от крымского посла, что разгромлено 60-тысячное московское войско [1, с. 388; 28, с. 427]⁵⁸. Анонимный немецкий автор «Краткого достоверного известия и общего обзора прошедших историй и деяний, случившихся в последнее время в 1570 и 1571 годах в Москве и в России» писал о 40 тысячах разбитых москвитях [16, с. 140; 9, с. 194; 20, с. 190–191]. По всей видимости, в обоих случаях перед нами реакции на цифры, которые приводит Девлет-Гирей в своем письме Сигизмунду II и посольском наказе Арды-Бердею. Минимальное число называет сам хан в письме – 40 тыс. Максимальное число, получаемое при сложении «войска» и «стрельцов» в этом сообщении, – 55 тыс. Эту цифру могли «округлить» до 60 тыс., и в таком виде ее услышал царь Иван. Его слова о «6 тысячах» точнее соотносятся с сообщением Девлет-Гирея о первом крупном столкновении с царским войском в районе Калуги. Там, по сведениям хана, татарам противостояло около 10 тыс. воинов⁵⁹. Эта цифра вполне отвечает словам царя Ивана о противостоянии 6 тысяч «моих» 40 тысячам «татар». В реляции Девлет-Гирея в Стамбул приведена именно эта цифра о московской пехоте – 6 тыс., тогда как численность конницы по сравнению с реляцией в Речь Посполитую сокращена до 30 тыс. [9, с. 194; 20, с. 204].

Московское войско не успело стянуться к Серпухову, что и послужило основанием для царского гнева, спешного отступления царя после битвы под Калугой и было одним из самых острых моментов в последующем судебном расследовании [28, с. 424–425]. На пути к Москве татарскому войску приходилось отбивать нападения московских отрядов, что Девлет-Гирей преподносит как особую тактику противника. По стопам москвитов татары вышли к Москве. Хан фиксирует этот момент предельно точно: «И мы якобы о снеданной године о пол о тры приехали есмо до Москвы»⁶⁰. Выражение «о снеданной године» означает буквально *во время завтрака* или *к завтраку*⁶¹. Затем указано точное время «о пол о тры», то есть в половину третьего часа утра. Поскольку в сообщении хана нет указаний на существенные перерывы

⁵⁷ Приложение VI–VII. S. 33, 35. В письме Девлет-Гирей говорит неопределенно о 40 или 50 тысячах воинов, в посольском наказе вновь появляется модус приблизительности, когда говорится о примерно 50 тыс. земцев в битве под Москвой.

⁵⁸ Польский летучий листок от 14 июля 1571 г., вероятно, опирался также на сообщения, доходившие из-под Москвы от крымского хана. Об этом «листочке» и сопровождающих его материалах см.: [10, с. 39–40].

⁵⁹ Приложение VII. S. 35.

⁶⁰ Приложение VI. S. 33.

⁶¹ Ср. польск. *o godzinach śniadanych* в значении – во время завтрака: [47, s. 324].

между последующими событиями, приход татар под стены Земляного города пришелся, видимо, на утро 24 мая. Восход солнца в этот день в Москве произошел около 3.57 утра, следовательно, крымское войско подошло к городу около 6.30 утра и тут же вступило в бой со стрельцами. Они были разгромлены или оттеснены уже через час, то есть, условно, к 7.30⁶². После этого «войско одержаться не могло»⁶³. Русские источники несильно противоречат этим сведениям. Основное сражение закончилось «в пятом часу», то есть около 8.00 утра или чуть позже [20, с. 206]. В посольском наказе драматичный момент битвы за Москву, известный и по ряду других источников, представлен значительно подробнее, чем во втором послании в изучаемой подборке. Хан подошел к Москве с юго-запада и остановился у Новодевичьего монастыря («Девеского монастыря»)⁶⁴. Татары расположились на холме и встретили царское войско. Состав противника описан необычно. По словам хана, 5-ю тыс. опричников-стрельцов командовал кн. М.И. Воротынский, чье имя фигурирует в отчете вместо опричного воеводы кн. В.И. Темкина Ростовского. Основное «великое» 50-тысячное земское войско возглавил кн. И.Д. Бельский, которого Девлет-Гирей или переводчик его наказа путает с дядей царского боярина, известным эмигрантом кн. С.Ф. Бельским.

Царские полки подходили с двух сторон. С «левой руки» к Язуе хан отрядил против опричников двух своих младших сыновей царевичей Адель-Гирея (Адыл- или Адиль-Гирея) и Алып-Гирея (Алп-Гирея), а против земцев по «правую руку» направил своего старшего сына, царевича Магмет-Гирея (Мехмед- или Мухаммед-Гирея). Оба царских войска были разгромлены «на голову». Бельский бежал в «замок». О том, как отбивался передовой полк кн. М.И. Воротынского, в сообщениях хана ничего не сказано, поскольку Девлет-Гирей убежден, что Воротынский возглавлял опричников, а о последующем преследовании Воротынским отходящих крымчаков хан ни словом не упоминает. Согласно разрядным записям, опричный полк во главе с кн. В.И. Темкиным Ростовским стоял «за Неглинною», а земский передовой полк Воротынского – «на Тоганском лугу против Крутицы» [28, с. 427; 20, с. 202–203]. Убежденность Девлет-Гирея в том, что его младшие дети сражались против опричников Воротынского, может быть как ошибкой, так и результатом сражений татар на правом фланге против обоих полков, не выдержавших натиска крымчаков и отступивших⁶⁵. Можно предположить, что в какой-то момент полк опричников и передовой земский полк соединились, но все же не смогли противостоять татарам. Когда царские войска отошли по обе стороны боевых действий, хан отдал приказ поджечь окраины Москвы. Огонь

⁶² Иная хронология битвы предложена В.В. Пенским и Т.М. Пенской, исходящими из предположения, что татарское войско подошло к Москве во второй половине дня 23 мая. Ср.: [20, с. 203].

⁶³ Приложение VI. S. 33.

⁶⁴ Приложение VII. S. 35. В литературе встречается мнение, согласно которому ставка Девлет-Гирея под Москвой находилась неподалеку от с. Коломенского или в самом Коломенском. Материалы переписки хана с Сигизмундом II это мнение не поддерживают. Ср.: [28, с. 426; 20, с. 203].

⁶⁵ См. также ряд полемических замечаний об оценке столкновений московских полков с войском Девлет-Гирея как крупной битве: [6, с. 226–231].

быстро распространился на жилые районы в границах Земляного города и дошел до Кремля.

Слова Девлет-Гирея о том, что татары подожгли город «зо всех сторон», означают, что Москва была окружена татарами. Однако сколько времени ушло на обход кремлевских стен, из текста письма неясно. Можно лишь предположить, что город был подожжен в день прихода татарского войска. Из посольского наказа Арды-Бердею следует, что это произошло сразу после битвы с полками Бельского и Воротынского. Как и ряд других источников, хан обращает внимание на загоревшиеся склады с порохом и амуницией⁶⁶. В начавшихся пожарах погорело много воинов, запылали Кремль, дворцы и казна. Слова «замок ся загорел... и зложенья скарб въ все» в послании Девлет-Гирея являются, видимо, частично искаженным вариантом текста из наказа Арды-Бердею «замок и палаты и скарбы все» (в обоих текстах слова «зложенья» и «палаты» взаимозаменяемы)⁶⁷. Потонуло или сгорело много людей. Часть воинов спаслись из «верхнего замка», уходя через башни и ворота («бронями и вороты»)⁶⁸. Многие утонули, пытаясь переправиться через Москву-реку. Хан, по его словам, решил уйти, не выдержав смрада от сгоревших людей. Из его реляции следует, что причиной ухода послужил не только исходящий от города запах, но и гибель в пожаре «всех» ценностей. Татарам нечем было поживиться на пожарище, и они направились грабить другие земли поблизости от Москвы.

Ряд топонимов, отразившихся в послании и посольском наказе Девлет-Гирея, уточняют сложившиеся представления о течении битвы 24 мая 1571 г. Ставка хана расположилась на холме у Новодевичьего монастыря. Битва против опричников произошла у р. Яузы, которую хан называет «озером». Под Московским замком Девлет-Гирей, по всей видимости, понимает основные укрепления Земляного города. Это позволяет предположить, что сильные пожары начались после того, как огонь охватил склады с боезапасами в укреплениях Земляного города. Особое упорство проявили воины верхнего замка («замочок вышний»), который Девлет-Гирей называет «Болат» (от тюркск. из перс. فولاد, то есть Стальной). Так мог быть назван Московский Кремль. Сам верхний замок сгорел, но часть оставшихся в нем воинов великого князя сумели спастись.

«Ровно шесть недель» татарское войско разоряло окрестности, опустошив ряд городов и уездов. Крымская посольская книга № 13 сообщает о том, что хан ушел из-под Москвы «ввечеру» того же дня, когда город горел, «и, идучи из земли, многих городов уезды вывоевали, а у иных городов и посады пожгли»⁶⁹. Говоря о шести неделях, хан, видимо, подразумевает только набеги,

⁶⁶ Видимо, в значении «склад» приводится слово «спиза», ср. польск. *spiza*: [47, s. 348–349].

⁶⁷ Приложение VI–VII. S. 33, 35. Слово «палац», ср. польск. *palac* – дворец, богатое имя: [57, s. 44–46].

⁶⁸ Приложение VII. S. 36. Слово «бронь», ср. с польск. *brona*, то есть крепостные ворота: [55, s. 438–440].

⁶⁹ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 13. Л. 400, публ.: [22, с. 324]. См. также: [6, с. 226].

осуществленные уже после сожжения Москвы, а следовательно, этот период следует датировать 24 мая – 5 июля 1571 г. Девлет-Гирей заявляет, что в течение этих шести недель взрослых мужчин в плен не брали, убивали всех, а захватывали только женщин и детей. Вероятно, шесть недель отделяли сожжение Москвы от выхода хана Девлета в Поле, откуда и было направлено посольство Арды-Бердея в Речь Посполитую. Если принять сообщение о шести неделях как *datum post quem* составления оригинала второго послания и посольских материалов, то датировать их можно 5 июля 1571 г. или вскоре после этого времени, когда татарское войско находилось в Степи на пути из Московского похода. Из ответа Селима II на победную реляцию крымского хана ясно, что набег и грабежи продолжались все же меньше – 18 дней [9, с. 194; 20, с. 224. Прим. 96]. Между двумя сообщениями может не быть расхождений, поскольку хан говорит все же о разных событиях – Сигизмунду II об общей длительности похода до выхода в Степь, а Селиму II о продолжительности грабежей и порабощения до начала организованного отступления в Степь. Когда 15 июня в селе Братошино Иван IV принимал крымских гонцов, Девлет-Гирей был еще недалеко от Московского государства. Еще 7 июня он отправлял в поход Мастафу-агу, расположившись лагерем на Каменном Броде на р. Уперте недалеко от Тулы⁷⁰. Показательно сходство в содержании обращений к польскому королю и московскому великому князю. Хан обвиняет обоих монархов в трусости, в переводах фигурирует одно и то же оскорбительное «стыд» в адрес обоих от лица хана. Оба должны были платить дары-«упоминки», а по сути – дань в Великую Орду. И обоим, королю и великому князю, крымский хан угрожал на будущее, если они не выполнят его условий.

О реакциях на посольские миссии Туманука и Арды-Бердея в Речи Посполитой еще предстоит узнать подробнее⁷¹. Следы татарских миссий прослеживаются по посольским счетам Короны Польской. Одна из выплат выделена на посла к Девлет-Гирею Юрия Быковского (“Georgii Bykowski”) и относится к 12 июля 1571 г.⁷² Это ответная миссия, однако из скупых бухгалтерских записей Архива Королевской Казны невозможно понять, с кем из татарских гонцов или посланников отправился в путь Быковский.

В той же подборке счетов отложился польскоязычный список московских населенных пунктов, разрушенных во время Московского похода войска Девлет-Гирея 1571 г. под названием «Московские города и замки,

⁷⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 13. Л. 400 об.–401 об., публ.: [22, с. 324–325].

⁷¹ В отчетности Королевской казны сохранились сведения о выдаче дамасской ткани (адамашка) татарскому посланнику (“Nuntio Tartarogum”) по имени Захарий 56 зл. Выплаты на татарских послов назначены за тот год Хашамби-чаушу – 3591 зл. 16 гр. 9 пн., Захарию в размере 4885 зл. 14 гр., Джан-Ахмет Челибею – 840 зл. 24 гр. (AGAD. ASK. Dz. 1. K. 169v, 207v). Выплата послам за 1571 г. включает значительную сумму на московское посольство от 31 марта 1571 г. – 4133 зл. 12 гр. и многократно меньшую – 486 зл. – на татарское. Точной даты этой выплаты в реестре нет. Возможно, татарский представитель был «легким» гонцом, и его миссия относится примерно к тому же времени, что и московское посольство. Впрочем, это – в обеих частях – только предположение (Ibid. № 351. K. 11).

⁷² AGAD. ASK. Dz. 2 (Rachunki poselstw). № 12. K. 16–16v (“Expeditio praecursoris in Ordam ad caesarem Praecopsen[sem] a Sac. M. R-gae”).

опустошенные перекопским царем в 1571 году» (“Miasta y zamky moskiewskie przez czara przekopskiego spustoszone w roku 1571”)⁷³. Список состоит из трех частей – сверху указана одна «Москва, первый город, он же самый главный» (“Moskwa miasto pierwsze ktore yest naglownieysze”). Затем в два столбца приведены на одной странице названия городов. В левом столбце названы Карачев (Karaczow), Орел (Orol), Болхов (Bolhow), Одоев (Odoiow), Лихвин (Lichvin), Мещерск (Mieszczorsk), Мещера (Mosczia), Калуга (Kolurza), Серпейск (Sierpiest), Мосальск (Moszalesk), Воротынский (Wrocimierz), Медынь (Miedyc), Кременец (Кременск) (Krzemieniecz), Можайск (Moszaisko). В правом – Вышгород-на-Яхроме (Wiszogoroth), Нерехта (Niereia), Старица (Staricza), Серпухов (Sierpuchow), Тула (Thulla), Дедилов (Dziedzilow), Новосиль (Nieniowa), Алексин (Alerxein), Ярославль (Jaroslaw), Ростов (Roszowa), Тверь (Thier), Белев (Beliowa). Ныне известных посольских материалов Арды-Бердея 1571 г. было явно недостаточно, чтобы составить этот список. В его основу положен какой-то независимый русский источник, а цель списка, прежде всего, пропагандистская. Он должен был внушить польским властям, насколько масштабным было разорение московского царя. Однако его информация хранит ценные сведения о глубине татарских разъездов, согласуется со словами из московской посольской книги о разорении крымским войском многих городов, посадов и уездов и заслуживает специального источниковедческого исследования.

Сведения о походе многотысячного татарского войска против московитов и сожжении Москвы докатились до европейских летучих листков, депеш, секретных отчетов и исторических хроник. Однако уникальные сведения и предположения Девлет-Гирея о ходе весенне-летней кампании на большей части открытых свидетельств не отразились или отразились очень слабо [42, S. 131–132]. Кн. А.М. Курбский, близкий к королю Сигизмунду II Августу и литовскому канцлеру М.Ю. Радзивиллу Рыжему, неоднократно в своих сочинениях ссылаясь на сожжение Москвы 1571 г. как на трагедию и Божественную кару за грехи царя и Святорусской христианской республики-империи. Однако в упоминаниях Московских походов Девлет-Гирея и роли кн. М.И. Воротынского в их отражении на страницах «Истории о князя великого московского делех» невозможно найти прямых аналогий с сообщениями крымского посольства [18, с. 128, 146, 649 (примеч. 74 об.–⁷⁴), 724–725 (примеч. 87 об.–⁷⁵)]. Отзвуки крымских победных реляций слышны в тайных свидетельствах агентов Священной Римской империи и Папского престола. В стане польского короля очень скоро возникли новые тревоги. В конце июля 1571 г. Сигизмунд II Август делился с герцогом Альбрехтом Бранденбургским сведениями о том, что царь Иван собирается купить вооружение и нанять воинов из Германии⁷⁶.

⁷³ Ibid. К. 24.

⁷⁴ Автор – К.Ю. Ерусалимский.

⁷⁵ Автор – А.В. Виноградов.

⁷⁶ GStA PKB. XX. HA. HVA. Kasten 326. B1. № 1220. F. 1 (Фолиация наша, условная), публ.: Elementa ad fontium editiones. T. XXXII: Documenta ex Archivo Regiomontano ad

Таким образом, мы имеем дело с уникальным свидетельством, доносящим в редакции дипломатического ведомства Великого княжества Литовского отчет крымского хана Девлет-Гирея I о подготовке к походу на Московское государство и результатах военной кампании. Первое письмо Девлет-Гирея Сигизмунду II Августу составлено в Перекопе около 5 апреля 1571 г. Второе хан Великой Орды составил уже из Степи на обратном пути после похода, закончившегося, по всей видимости, не позднее 5 июля 1571 г. В конце июня – начале июля крымский правитель счел поход исчерпанным и отправил посла в Речь Посполитую, стремясь разрушить перемирие между Сигизмундом II и Иваном IV и рассчитывая, что польский король откажется от покровительственной политики в отношении Крыма и вернется к выплате даров, которые не поступали в бахчисарайскую казну на тот момент уже более трех лет.

Можно лишь наметить предварительные итоги для более широкого обобщения. Сборники с крымско-казанской перепиской из Варшавского архива и Библиотеки Чарторыйских восходят к архиву литовского канцлера воеводы виленского М.Ю. Радзивилла и, предположительно, представляют собой часть единой ретроспективной подборки, востребованной в ходе обострения крымско-литовских отношений. Последовательность датированных посланий в ее составе может быть реконструирована следующим образом:

ВА № 3294, с. 5 – Сахиб-Гирей – Сигизмунду I. Около 1521–1524 гг.

БЧ № 2893, с. 21 – Сафа-Гирей – Сигизмунду I. Весна – лето 1524 г.

ВА № 3294, с. 1–4 – Сафа-Гирей – Сигизмунду I. Весна – лето 1524 г.

ВА № 3294, с. 4–5 – Сахиб-Гирей – Сигизмунду I. Июнь – июль 1530 г.

БЧ № 2893, с. 19–20 – Сахиб-Гирей – Сигизмунду I. Сентябрь – октябрь 1537 г.

БЧ № 2893, с. 20–21 – Амин-Гирей-Салтан – Сигизмунду I. Сентябрь – октябрь 1537 г.

БЧ № 2893, с. 22–24 – Сигизмунд I – Сахиб-Гирею. Конец декабря 1537 г. – Начало января 1538 г.

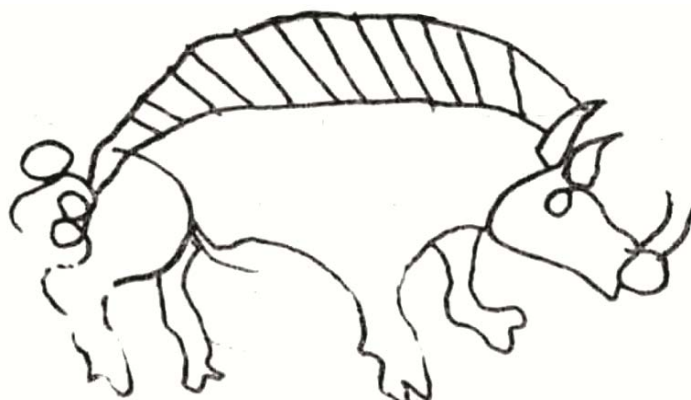
Венчают в известном нам виде эту подборку два послания Девлет-Гирея I Сигизмунду II Августу и материалы посольства Арды-Бердея. Первое послание отправлено ханом еще в канун похода на Москву, около 5 апреля 1571 г., тогда как второе послание и наказ Арды-Бердею венчает успешную для хана войну и относится, по нашему предположению, примерно к 5 июля 1571 г. Судя по этой периодизации, поход Девлет-Гирея длился в общей сложности около трех месяцев. Реляция о походе содержит ряд неизвестных из других источников сообщений о маршруте движения крымского войска и битвах с московскими воеводами. В Посольских счетах Королевской Казны Варшавского архива обнаружен список разоренных ханом 27-ми городов Московского

Poloniam spectantia. III Pars / ed. C. Lanckorońska. Romae, 1974. P. 241 (Сигизмунд II Август – Альбрехту Бранденбургскому. Варшава, 26 июля 1571 г.): “Non unis bonorum hominum, nostrae qui Reipublicae bene volunt, literis certiores facti sumus, sed rumor etiam ipse quasi nos admonet Magnum Moschorum Ducem modis omnibus dare operam, milites ex Germania ut conscribere quam plurimos possit, atque per Illustritatis Vestrae ditionem multos quotidie proficisci, sua ut Moscho nomina dent, intelleximus”.

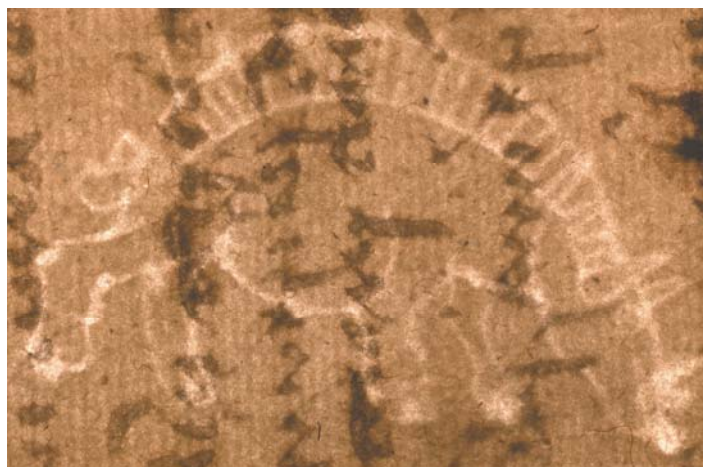
государства. Цель этого списка была, прежде всего, пропагандистская. Впрочем, он отражает не только движение войска к Москве, но и ряд городов с уездами, которые были разорены уже после сожжения Москвы 24 мая 1571 г.

Польско-литовская дипломатия видела в притязаниях крымского хана нарушение дипломатического этикета и подборкой актов отстаивала традиционные иерархические отношения между польскими королями и крымскими ханами, которые победитель Москвы в 1571 г. демонстративно проигнорировал. Одна из задач крымского хана на тот момент заключалась в том, чтобы разрушить перемирие короля Сигизмунда Августа с Иваном Грозным и спровоцировать Варшаву на войну с Москвой. Крымская дипломатия начала 1570-х гг. тесно увязывала договоренности с Речью Посполитой о сотрудничестве и взаимопомощи с перспективой восстановления Казанского и Астраханского ханств и обязательствами польско-литовских правителей выплачивать в Крым дары – «упоминки». Однако своих требований к Ивану IV передать под власть Гиреев Казань и Астрахань хан с Сигизмундом II не обсуждает, отговариваясь накануне похода на Москву неясным намеком об ответственности предыдущих правителей за падение поволжских улусов, а проблему даров превращает в главный предмет шантажа. Призыв к королю вступить в войну с Москвой звучит в посланиях Девлет-Гирея на фоне готовящейся войны христианской лиги против Османской империи, в которой Русское государство, наряду с Речью Посполитой, рассматривалось в Риме как партнер и участник коалиции.

Своим шантажом в адрес Сигизмунда Августа Девлет-Гирей создавал прецедент для возможного в дальнейшем выхода из коалиции с польско-литовским монархом, восстанавливал равенство в дипломатической иерархии между Бахчисараем и Варшавой и попутно разрушал хрупкое равновесие в отношениях Речи Посполитой с Русским государством. Послания Девлет-Гирея Сигизмунду II послужили источником ряда распространившихся в Европе слухов о Московском походе крымских татар, в частности информации В. дель Портико о победе царя Ивана и Ф. Тьеполо о численности московских войск. При этом в сообщениях Девлет-Гирея обнаруживается ряд других уникальных свидетельств, дополняющих наши знания о походе крымского войска и его последствиях и нуждающихся в тщательном источниковедческом исследовании. Заслуживает специального изучения и вопрос о расхождении между победными реляциями, направленными в Речь Посполитую и в Османскую империю. Требуется пересмотра в свете новых данных и вопрос о продолжительности похода 1571 г., его географический охват и масштаб ущерб, нанесенного Русскому государству.

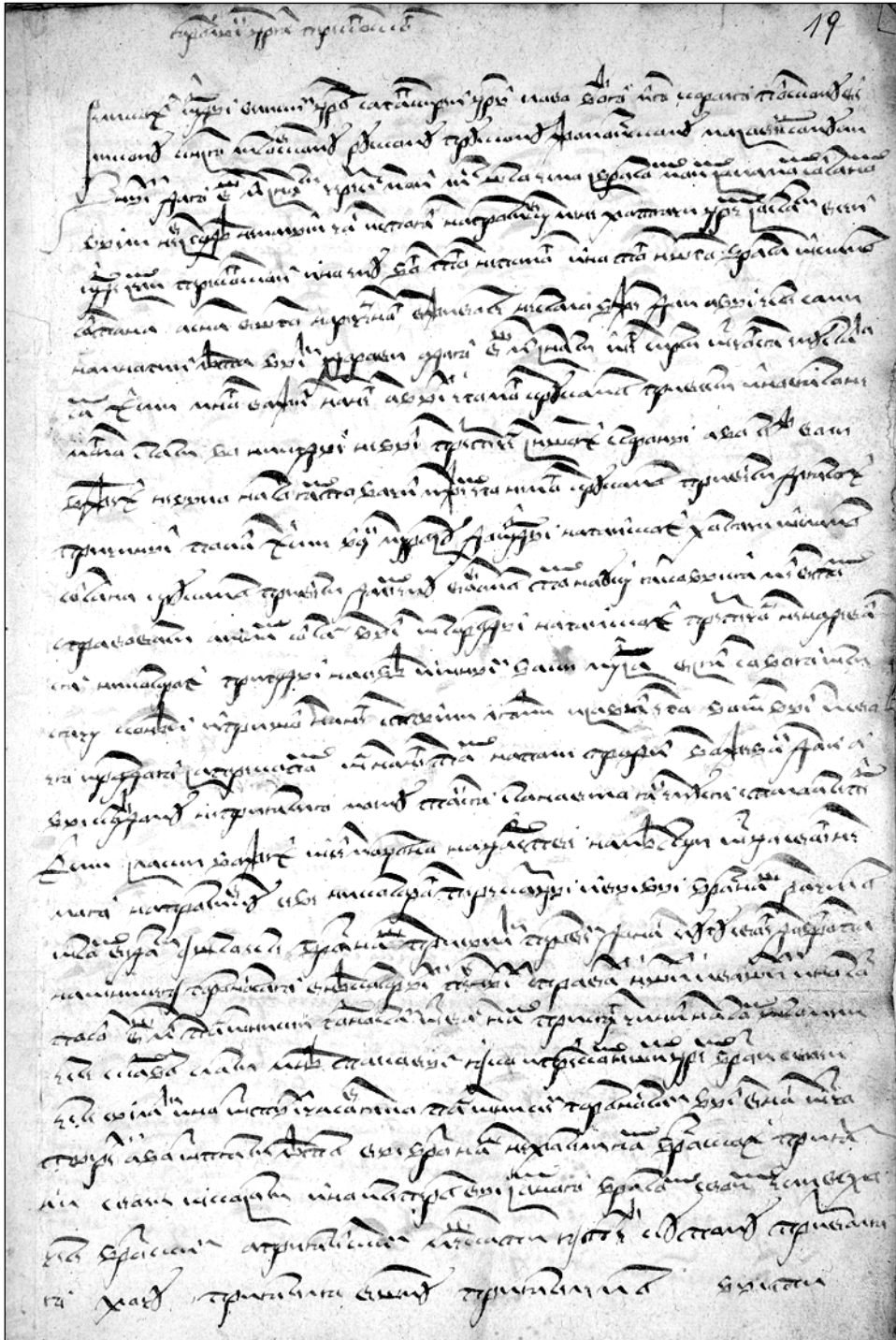
Водяной знак из альбома Лауцявичюс № 3666
A watermark from the Laucevičius album № 3666

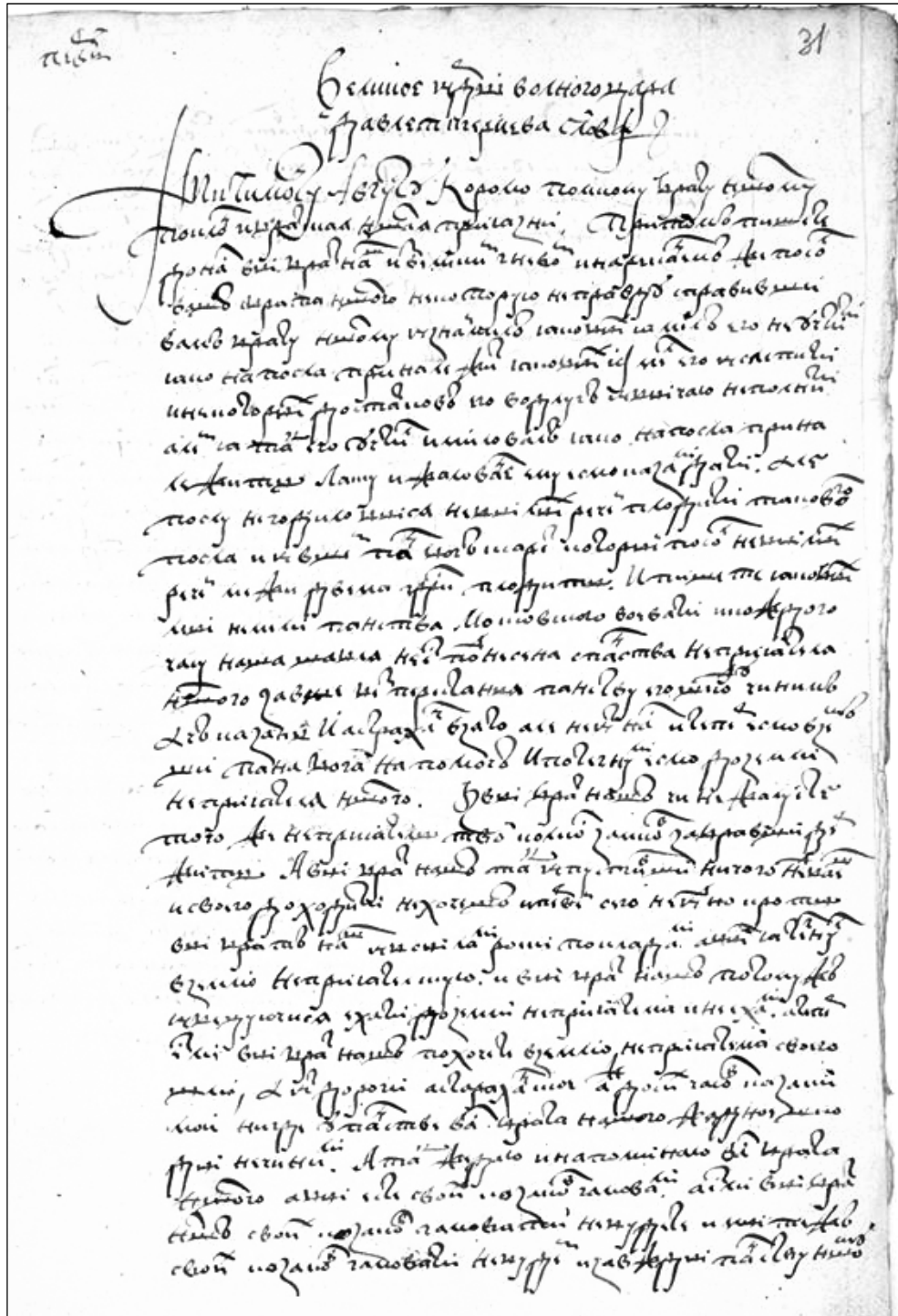
Водяной знак из рукописи AGAD. AR. Dz. II. No. 3294. K. 5
A watermark from the manuscript AGAD. AR. Dz. II. No. 3294. K. 5

Водяной знак из рукописи BCz. No. 2893. S. 19–20
A watermark from the manuscript BCz. No. 2893. S. 19–20

Рукопись BCz. No 2893. K. 19
The manuscript BCz. No 2893. K. 19

Рукопись BCz. No 2893. К. 31
 The manuscript BCz. No 2893. K. 31

Приложение

Тексты публикуются по рукописи Библиотеки Чарторьских в Кракове (Biblioteka ks. Czartoryskich, rękopis 2893, s. 19–24, 31–36).

В публикации-воспроизведении сохранены все кириллические знаки оригинала и титла. На страницах 19–24 буква «е» принята для «е» источника, буква «у» – для «х», буква «я» – для «а». Прочтение сходных по написанию в ряде мест букв «о» и «а», «ю» и «я», «ө» и «в» не комментируется. На страницах 31–36 буква «е» принята для «е», буква «у» – для «х» и «у», буква «я» используется для «а» и отличается от «а». Выносные буквы для обоих фрагментов обозначены подчеркиванием, выносные под покрытием – подчеркиванием и курсивом. Диакритические знаки при передаче текста не учитываются. Публикация выполнена лист в лист, строка в строку. Разбивка на предложения, различие строчных и прописных букв, знаки переноса и все знаки пунктуации привнесены публикатором.

В упрощенной расшифровке сохранена только буква «ѣ», все остальные буквы, вышедшие из употребления, заменены современными аналогами. Устранено деление на строки. Впрочем, реконструкция является условной, поскольку опирается на нормы огласовки современного русского языка с использованием ряда форм, характерных для русской «простой мовы» XVI в. Используется краткий «й», дополняются окончания родительного падежа «-г» до «-го», вносятся конечные смягчения с помощью буквы «ь» (в том числе – вместо буквы «ъ»), конечные «ъ» устранены.

Воспроизведение текстов:

[1]

(с. 19) Ярьлыц црѣ перекодског

Великие Сурды великии црѣ Сагал Кирии црѣ слово. Божю мл-ю королю пол-скому, великому кнзю литовскому, рускому, прускому, жомойтскому, мазовецкому и иных. Даю ви мл знати через сес мои лист, што есмо з братом моим з Асламом Салтаном

были е негодѣ немалыи час. И стоял напротивку мене, хотячи црем зостати всеи

Сурде земли Перекодской. Ино ему Бог тог не помог и на тог ниго брата Ссламъ

Салтана а сна виго нареченног в животе не стало. Бже даи, абы есте сами на многии лѣта были здорови. А даю ви мл знати в ег смерти⁷⁷, вт чог ся ему стала.

Сам еси мног важил на нег, абых его мог к рукамъ привести и на ся то не могло стати, бо никгды не был презпечен з ншое стороны або теж воли Бжие не было на то. Я-м то бачил, иже-м его не мог к рукамъ привести. Для тое причины послал еси Бак-мурозу до Сурды Нагаиское, хотя не Ссламъ Солтана к рукамъ привести. Далем ему во всемь там науку, яко бы ся мел в том справовати. А Сслам Солтан был вт Орды Нагаиское презпечон. Не надевал

⁷⁷ Буква е не читается или ме лигатурой.

ся никоторое пригоды на себѣ. И вныи Баки-мурза взял собою в тысячу конѣи и пришол на нег с тыми людми и забил его Бакии был и своею Сурдою за Перекопом вн на нег там на поли справил. Боже, са се даи, абы кождому неприятелю моему так ся становило, як ему ся стало. Тепер есми з ласки Божие всед мощно на царстве на мѣстци втца своег, не маю напротивку себе никоторог переказцы. И вы бы, брат наш, рачиль в том ведати. А што есте, брат наш, присылали перьвеи до нас слугу своег доброз па-

на Сѳникея Горьностая в нѣкоторых певных справах нших и ваших. И на том посол вш мл пан Сѳникеи Горностаи вт вас нам присягу чинил на том, што мели

есте скарбѣ слати мнѣ таковыи, яко и предком ншим, црем, брати своеи есте съслали. Ино вт тых часов, яко пан Сѳникеи Горьностаи был в нас вт чотырех або вт пяти лѣтъ, вы, брат наш, не хотели нам братское приязни своеи вказати. Ино и теперъ вы зо мною, братом своим, если всхочете братскии а приятелскии мешкати, я теж ку тому призволяю, хочу приятелю вшму приятелемъ быти,

(s. 20)

а неприятелю неприятелем. Сѳслам-Солтаном перьво ся есте вымовляли. А теперъ ся не маете ким вымовляти. А с нами бы есте наконецъ вчинили, если вы, брат наш, будете с нами волю мети братскии а приятелскии мешкати, яко предки вашѣи с предки ншими братскии а приятелскии мешкивали. И вы бы, брат наш, тот скарбѣ мнѣ прислали вт тог часу, которог часу пан Сѳникеи нам вт вас присягу чинил суполна за вси тѣи годы прошлыи. А если бы есте хотели тот скарбѣ ко мне слати, и вы бы зимою ко мне прислали. А если бы пак хотели есте вткладати ещо до лѣта тот скарбѣ к нам слати, тогды бы есте на мѣне не дивили. Послад есми до тебе, брата ншог слугу своег на имя Текеша. Што будет вам словами вт нас мовити, и вы бы ему верили. Писан тот лист у Кидкели.

[II]

Амин-Кгирей-Салтан слово. Божю мл-ю королю подскому, великому кнзю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому мазовецкому и иных даю вш-и мл знати, што ж брат вшеи млсти а втец мой црѣ Сагил-Кирей послал до вш мл гонца своег в здорови вш мл, брата своег, навежаючи в своем павѣдаючи. И я теж для тог послал до вш мл гонца своег на имя Люиша в здорови вш мл, навежаючи а в своем повѣдаючи. А што брат вш мл а втец мой Сагил-Кирей црѣ писал и вказывал до вш мл, брата своег, через посланца своег Текеша, хотячи вшеи млсти приятелемъ быти. Ино я сын ег млсть будучи, видячи ку вам приязнь втца своег, хотячи приятеля вш мл приятелемъ быти а неприятеля вш мл неприязнь свою хочу саблею доводити, бо теперъ з ласки милог Бга брат вш мл а втец мой Сагил-Кирей црѣ неприятеля своег Сѳслам-Салтана казал забити а теперъ в своей моцы всю Сурду мает. Куды хочет, туды ее может поверьнути. Его мл вжо теперъ не мает напротивку себе никото-

роꙗ переказꙗци. А такꙗ кды вш мл всхочеш з братом своим,

(s. 21)

а вѣцом моим, приятелскии мешкати водле стародавнѣоꙗ вбычая, яко предки вш мл с предки нѣшими мѣшкали, буду теж вѣца своеꙗ на то вести, абы завжды был приятеля вш мл приятелем, а неприятеля неприятелемъ. А то вш мл у короткихъ часехъ сами вбачите. А котороꙗ есми слугу своеꙗ послал до вш мл, вѣа бы млеть рачил еꙗ борздо до нас вѣпустити.

[III]

Сѣѣ црѣя Саѣа-Кирея Казанскоꙗ слово. Божю мл-ю королю подскому, великому кнзю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому, мазовецкому и иныхъ, вѣцу моему великому королю. Даю вш мл знати черезъ сеꙗ мои лист, што вш мл, втець мои, рачил мене сыномъ наречи еще кгдымъ был у Ворѣде Перекодскои црѣвомъ. А теперъ з ласки милого Бѣа всел есми на царствѣ Казанскомъ. И будучи на томъ мѣстцу, хотячи вш мл послугу чинити, ходиломъ самъ своею всобою и зо в- сею Сѣрьдою Казанскою до земли неприятеля вш мл московскоꙗ и выпустошил ему землю и колкосъ есми замковъ его взял з ласки милоꙗ Бѣа и за ѣорьтуною вш мл вѣца моеꙗ и хочу еще напередъ вш мл вѣцу моему лѣпшими и верънейшими послугами своими приязнъ свою вказати. А послаломъ до вш мл вѣца своеꙗ посла своеꙗ подскаръбъеꙗ своеꙗ Бѣуша. И казаломъ ему ширеи тоꙗ в приязни мои ку вш мл словомъ повѣдити. И што будетъ вн вѣ мене вш мл словомъ мовити, вѣа бы мл рачили ему вѣрити, бо то сѣ нѣши рѣчи а послаломъ до вш мл мл напередъ тоꙗ посъла моеꙗ гонца своеꙗ на имя Ядикгаря в здорови вш мл навежаючи, а за то вш мл прошу, аж бы вш мл не рачили тыхъ посланцовъ ншихъ у себе долго задерживати а безо мешканя к намъ ихъ вѣпустити. То ⁷⁸ лист вѣ короля еꙗ млети писаныи до црѣя ⁷⁹ перекодскоꙗ и посланъ с Кракова толмачомъ Хаикомъ.

[IV]

(s. 22) Сѣѣ Жикгимоѣта, короля подскоꙗ и далей⁸⁰. Великое Сѣрьды великому црѣю Сагаѣ-Кирею, брату нѣшѣму, што присылад еси к намъ гонца своеꙗ Текеша и словомъ черезъ неꙗ усказал и в вѣрьлыквхъ⁸¹ своихъ писал, иж што еси з братомъ своимъ з Ослам-Салтаномъ был в незгодѣ немалыи часъ, што вн стоял напротивку тебе, брата своеꙗ, хотячи црѣмъ зостати всеи Сѣрьде, земли Перекодскои. Ино Богъ тоꙗ ему не помогъ. И тоꙗ брата твоеꙗ Сѣслам-Салтана в животе не стало. И дал еси намъ, братъ нашъ, знати, вѣ чого

⁷⁸ Перед данным словом в строке отступ в 7–8 букв.

⁷⁹ Буква о частично затерта, буквы цр по затертости.

⁸⁰ Далее отступ в строке в 3–4 буквы.

⁸¹ Выносная в, возможно, затиралась. Буква я исправлена из другой буквы (е?).

ся ему смерть стала, иж Бакеи-муръза, до Гурды Нагаиское еха^вши и подмови^вши съ собою втмен^ну коней, людеи нагаиских, и пришол на ГСлама и забил е^з, бо вн вт Орды Нагаиское преспечон^н был и не над^ввался⁸² вт них некоторое пригоды на себ^ь. И с то^з ты, брат^н наш, Бга еалиш, абы кождому неприятелю твоему та^к ся вт Бога стало, яко ся ему стало. А теперь ты, брат^н наш, з ласки Божее все^д мощно на царьстве на м^ьстцу втца свое^з, не маючи напроти^ку себе некоторо^з переказцы, абы^хмо мы в томъ в^ьдали. Ино, брате, што ГСлам-Салтан, брат^н твои, с тобою, братомъ ншим в незгод^ь был, то ся нищиее причины д^ь-ело вдно з упору а з небачности е^з само^з, иж вн видячи тебе, брата свое^з, вт Бога вышне^з на том^ь столци всажоно^з тебе, брату своему правдиве правым^ь серъцом^ь то^з м^ьсца царьско^з зычити не хотел и проти^в тебе неприязни досы^т не мала вказывал. Што ж Бог вышнии, справедливым^ь тую видячи незгodu, е^з своимъ судом^ь Божимъ и справедливым^ь то^з неприятеля твое^з скарал и тою смертью е^з вморил. То нехай будет^ь у воли е^з св^той⁸³ млсти. Бж^е, даи, абы ты, брат^н наш, на томъ царьском^ь столци супокоине мешкаючи, мно^з

(s. 23)

леть здоро^в был и с нами у братской верьной приязни завдин^н был, бо есма и перьво тебе, брату нш^ьому, как^ь еси на томъ царьском^ь столци сед^ь справедливе и верьне, то^з царьства зычили и теперь то^з тебе верьне справедливе зычим^ь. И што есмо завжды стояли и до ГСлама Салтана через послы и го^нци наши и е^з часто всказывали, напоминаючи е^з, абы вн с тобою, братомъ ншим^ь в доб^ьрой а верьной приязни был и на неприятеля нш^ьо^з и твое^з стояль завдин^н. А тое неприязни свое^е к тоб^ь, брату своему чинити⁸⁴ перестал, бо вн не то^дко тоб^ь, брату своему проти^вности и неприязни чинил, ал^ь и нам^ь за залеца^немъ и присягами своими николи слова свое^з в правде не дер^ьжал. Болшую сказу, ни^жли помоч^ь землям^ь ншим^ь людьми своими чинил. И еще над^ь то послов^ь нших^ь и го^нцов, николи су поми^нки к тоб^ь, брату нш^ьому, не допушал. И тыи впоми^нки в них^ь соб^ь втбирал и великии трудности в томъ посла^мь ншим^ь дельвал, для которое завады и неприязни е^з с тобою, братомъ ншим^ь, николи есмо приязни певное и в^ьсыла^ня через послы ншии мети не могли. А которую приязн^ь и зычность ему е^смо чинили не для то^з, абы вн к нам^ь и к тоб^ь, брату нш^ьому, неприязни чинил, але болши для то^з, абы вн с нами и с тобою, братом^ь ншим^ь и своимъ, у доб^ьрой згод^ь и приязни будучи, на неприятеля ншо^з с нами был^ь завдин^н, ино то^з ничо^з по немъ есмо не взнали. Бж^е, даи, абы кождыи, хто кому братства и приязни и присяги

⁸² Буквы е н из др. букв.

⁸³ Титла нет, однако крышка от буквы т может выступать в функции титла.

⁸⁴ Слово по стертому.

справедливе не здеръжит, тым вт Бгѣ каран был. А што еси пи-
сал до нас и через гонца своег вказал и посла своег вѣликог кнзя Буга-
гака к нам прислал, припоминаючи нам, што есмо перво тог
посылали к тобѣ, брату ншѣому, посла ншог великог пана
Сѹникая Горьностая в некоторых пегных справах нших и твоих
и тог посол нашъ на том тобѣ присезнул, иж быхмо мы⁸⁵ тобѣ,
брату ншѣому мели упоми^нки великии посылати в кож-
дыи год и послѣ тог вт кодка лѣт николи есмо к тобѣ,
брату ншѣому, с тыми упоми^нки не посылали. Ино,

(с. 24)

брате, которыи упоми^нки сужны умовил был тобѣ тог
посол наш дати, мы с тыми упоми^нки послали были
к тобѣ посла ншог великог старосту черькас^ког и каневског
пана Василя Тишкевича. А ты, брат наш, всказал до нас
через посла своег Девей-муръзу, абыхмо мы тог упомино^к
положили в замьку ншѣомъ втчизномъ в Киеве. А ты, брат
наш, мел намъ дати вѣдяти, на котории час мѣли быхмо
тог упомино^к тобѣ, брату ншѣому, послати, и ты, брат наш,
для небезпечности Сѹсламовы самъ же по тог упомино^к
до нас не посылал. А мы тому послу ншѣому пану Василю Тиш-
кевичу расказали пред ся к тобѣ, брату ншѣому, з ыншими упоми^нки
ехати. А так и тог посла ншѣог великог Сѹсламъ-Садган к тебе не допу-
стил. И тыи упоми^нки вси, што есмо были тобѣ, брату ншо-
му⁸⁶ послали, в нег собѣ повтбирал. А теперь ты, брат наш, коли
в том до нас всказал и посла⁸⁷ своег прислал, абыхмо мы с то-
бою, братом ншим, в доброй верьной приязни мешкали и на не-
приятеля ншѣго и твоег с тобою стоял завдин. Мы то вт те-
бе, брата ншѣог, вдичне приимемъ и хочем с тобою, братом ншим, в брат-
стве, в приязни и в вечном миру быти. И вперед в том даючи тобѣ, брату
ншѣому, ведати с тым листом ншим гонца ншѣог и твоег гонца Теке-
ша к тобѣ втпустили есмо, а посла твоег⁸⁸ великог, кнзя Бугага,
ещо есмо при⁸⁹ собѣ задержали для тог, иж хочем к тобѣ, брату ншо-
му з верьною а правдивою приязною с тым послом твоим посла
ншѣго великог с упоми^нки тое зимы, не мешкая, втправити
и послати через которог к тебе, брату ншѣому в всяких речах добрых
и в приязни и в миру вечном ширеи вскажем. И ты бы, брат
наш, в том вѣдал⁹⁰.

⁸⁵ Буква м по др. букве.

⁸⁶ Титла нет.

⁸⁷ После слова затерта выносная л под покрытием.

⁸⁸ Буквы тв лигатурой.

⁸⁹ Буква и сходно с а или о.

⁹⁰ После слова росчерк пера сходно с ъ.

[V]

(s. 31) Первыи⁹¹

Великое Сурды волного цара

Давлет Кгериева слова.

Жикгимонту Августу, королю полскому, брату ншбому поклон и братскаа ншбаа приязни. При томъ пишете до нас вы, брат наш, и з великим гневом и нареканемъ, же посол вашъ, брата ншбого, некоторую неправду справивши вамъ, брату ншбому, визнаимилъ, якобых я мель его не учтити, яко на посла принадлежит, якобых я мел его вслепити и некоторых достатковъ его водлугъ вбычаю не полнити. Алем я так его учтил и миловалъ, яко на посла принадлежит. Ласку и жаловане ему есмо казали дати. Але послу не годило бы с~~а~~ нбылых речеи плодити. Такогово посла и ввшем Пан Богъ скарет, который посол нбылых речеи межи двема гсдри плодитъ. И пишете, якобых мы не мели панства Московского воевати и кожного часу наша шабля не ест поднесена с панства неприятеля ншбого. Завше⁹² без перестанья панству его шкоду чинимъ. Ачь Казань и Астраханъ взато – але не вт нас. И тепер есмо, вземъши Пана Бога на помочь, и потегнули есмо до земли неприятеля ншбого. А вы, брат нашъ, чи не жалуете того же? Неприятель твои, колкос замков забравши, держитъ, а вы, брат нашъ, так впустивши, ничего не дбаеш и своего доходити не хочешъ. И первей сего не вднокротъ вы, братъ наш, вбсылали, роки покладали, абых я тегнул в землю неприятелскую. И вы, брат нашъ, потому жъ вбецуючися ехати до земли неприятеля, и не ехали, а тепер, естли вы, брат нашъ, похочете в землю неприятеля своего шли, а вт дороги Астараханское аж до сих часов казаки мои нигде у панстве вас, брата нашего, жадное шкоды не чинили. А так жедаю и напоминаю вас, брата ншбого, абы есте своих козаков⁹³ гамовали. А естли вы, брат ншбъ, своих козаков⁹⁴ гамовати не будете, и мы тежъ своих козаков⁹⁵ гамовати не будем. И завжды панству ншому

(s. 32)

козаки вшй шкоду чинат. И недавных чсбовъ козаки вшй, пришедши на улусы, побрали в пятсот домов татар и з жонами и з детми, и зо всею маетностю. И тые казаки вных татар девки и жоны поимовали и тепер их⁹⁶ у себе мают, и тепер кождого

⁹¹ *Притисано в левом верхнем углу почерком, современным основному тексту.*

⁹² *Буква ш из се.*

⁹³ *1-я о из а.*

⁹⁴ *1-я о из а.*

⁹⁵ *1-я о из а.*

часу, поза Днeпрю⁹⁷ по уласа подошодши, кони и быдло
 втгоняють. И неводнокрот купцовъ из Москвы идучимъ,
 казаки ваши их громили и маетности им побрали, учинили
 шкоды им болшии, нижли на сто тысячеи золотых чирво-
 ных. Завжды без перестанья казаки вши панству ншбому
 шкоду чинаџ. И вы, брат наш, до того вымовы неслушные
 до насъ втписуешъ. А тых минулых чсбвъ, которые куццы
 у пацтве вашом ест погромленыи. И дошла ведомост до его
 млости цесара турецкого, же котораа кривда стала подданым
 его млости, яко тых козако⁹⁸ поимано и яко тые маетности
 на реистре написано, и козако⁹⁸ меновите имемми визнамено.
 И которым вбычаем справедливост жедана и вдбывано их – едно
 словы. И такъ узнали правду вас, брата ншбого. А вколо
 упоминковъ вы, брат нашъ, вбецуете до нас послати вдного
 году. А я поведаю, же трох год упоминки при вас, брате
 ншбомъ, зостало кроме того году, тот год не личечи, которого
 году я угорнуџ, трех год впоминковъ застало. И посылаю
 посломъ того доброго слугу своего на име Туманука. И вы,
 брат нашъ, абы есте тыи упоминки через того посла
 ншбого прислали, бо послу за гибел нигде нет. А вдного
 году упоминки вы, брат нашъ, до нас не посылайте. И посла
 моего до мене втпусти, а ку тому кому Пан Богъ допоможет,
 кождыи своего доходити будет. Писан у Перекопе⁹⁹.

[VI]

(s. 33) Другии¹⁰⁰

Великое Сурды водного црѧ До-
 влеть Кгиреа слово.

Жикгимонту Августу, королю полскому, брату ншму, поклонъ
 и братскаа нша приазнь. При томъ, што ж первец сего межи нами,
 братомъ ншимъ, никоторые нелюбости и многие речи сѧ
 были показали, и з тых причинъ, иж вы, братъ нашъ, козаковъ
 своихъ гамовати не хочешъ и немало подданых ншихъ козаки
 ваши у полонъ побрали и до сихъ часовъ есмо в нихъ не дбали,
 ино быхмо своимъ козакомъ так же быхмо дозволене вчиниди.
 Але важечи зверхности его млсти цесара турецкого, и яко есте
 вскаржили до его млсти цесра турецкого и посла есте своего за
 росказаньемъ его млсти цесара турецкого вынали, што ж
 есте лепшого собе учинили. А к тому трех або чотырох годъ
 упоминко⁹⁸ не прислали, и тые впоминки в тебе, брата

⁹⁶ Все слово над строкой.

⁹⁷ Выносная буква д расположена над строчными буквами по ближе к началу строки.

⁹⁸ I-я о из а.

⁹⁹ Низ рабочей страницы примерно в 7 строк не заполнен.

¹⁰⁰ Приписано в левом верхнем углу тем же почерком, что и слово Первыи на с. 31.
 Буквы др лигатурой.

ншго, zostали. И вземъши есмо млтвнго Бгѧ на помочъ и злетнвшн всю свою речъ на млстнго Бгѧ его светон млстн, и потегнулн есмо в землю нпрнѧтѧ ншго сполочъного, кнѧзѧ москoвскoго. И прoстo есмо до рекн СѸкы ехалн. И¹⁰¹ СѸкы переехалн есмо под замoкъ Колугою. И подкалнса есмо з воцкoм. И за помoчю Бжѧю воцкн напротнвкy насъ вдержатнса не моглн. И втекъ кнѧз великнѧ аж до столнцы. И тамъ вдержатнсе не могъ. И втекъ и з двѧма сыннн аж на Белoвзѧро. И кнѧз Белскнѧ, вoевoдѧ егo, и з некoтoрынн знѧчнннн кнзн¹⁰² сoрокъ аbo пѧтдѧсѧтъ тнсѧчнн воцкн, а пѧт тнсѧчѧ стрѧцoв. И рoскѧзѧлъ нмъ кнѧз великнѧ, абн сѧ потыкалн з нѧмн. И мы якoбы в снѧдѧннoн годннѧ в полъ в трѧ приехалн есмо до Москвн. И за помoчю млтнго Бгѧ и почалн есмо бнтву. И за вѧдну годнну стрѧцoв побнлн, в¹⁰³ воцкo вдержатнса не моглѧ. И зo вснхъ стoронъ Москoвскoгo мѧстѧ запалнлн. И загорѧлoсѧ гдѧ бнлн порoхн и вшѧлѧкѧ спнжѧ зложoнѧ. И вт того замoкъ сѧ загорѧлъ, и мнoгo воцкн, и всѧ мѧстѧ погорѧлѧ. И зложѧнѧ сѧрбъ вѧ весь погорѧлъ. А нѧболѧн лѧудѧн потoнуло и погорѧло. Рѧдкнѧн сѧ жнѧ zostѧлъ. И Болѧт замoчoкъ вышнннн – и тон сѧ загорѧлъ. Тoлкo тѧѧ лѧудн, кoтoрыѧ в том Болѧт замoчку бнлн, тѧѧ лѧудн вышълн, не погорѧлн. И не вѧдѧю, штo томy зѧ прнчннѧ, нж тот нпрнѧтѧлъ нѧшъ¹⁰⁴ и вѧшъ кoдкo замoкoв вѧсъ, брѧтѧ ншго, забрѧлъ, а ты

(s. 34)

с тѧмъ нпрнѧтѧлѧмъ перѧмнрѧ берѧшъ и ѧ прнѧзнн з ннмъ вступѧшъ. Сорoмѧ и встыду не мѧѧшъ. Я длѧ тoѧ прнчннѧ тѧкoвoю нпрнѧзнъ ему вкѧзѧлъ, тo внъ естъ твоѧн н моѧн нпрнѧтѧлъ. А естлн вы, брѧт нѧшъ, всхoчѧтѧ зo мнoю брѧцкyю прнѧзнъ мѧтн, вы, брѧт нѧшъ, до трѧх год по двоѧ упoмннкн годoвыѧ до нѧсъ прнсылѧлн. А естлн жѧ прнслѧтн похoчѧтѧ, абн естѧ н с тѧмъ послѧнцoмъ моѧмъ, кнѧзѧмъ Тѧрнберднѧмъ, докoнчѧнѧ и перѧмнрѧ нѧпнсѧвшн, н рoкъ поклѧдѧю зѧ пѧтдѧсѧт днн. Абн естѧ н с тѧмъ Тѧрнберднѧмъ до нѧсъ втпустнлн, н сѧгo всѧнънoгo мѧсѧ вoдлѧ пнсѧнѧ н жѧдѧнѧ мoѧгo нѧвчнннѧтѧлн, тo прнсѧгѧ ншѧ нѧ вѧсъ, брѧтѧ ншго, пѧдѧтъ. А пншѧтѧ до нѧсъ, якoбы-х ѧ не мѧлъ чтнтн н мнoвѧтн послѧ вѧшoгo. И тотъ послѧтъ, штo хoтѧтъ, тo вѧмъ, брѧту ншѧмy, мoвнлъ, н зѧ прнчннoю тoгo послѧ тѧкoвѧ¹⁰⁵ нѧлѧбoстъ мѧжн нѧмн вѧрoслѧ. Алѧ штo ж не пoтрѧбѧ вѧлѧ мoвнтн, кoмy Пѧнъ Бoгъ допoмoжѧтъ, тѧпѧр штoкoдвѧкъ мoвнмъ, нѧшн мoвѧнѧ вннѧвѧчъ вбoрoчѧѧтѧ. Алѧ дѧлнѧн Бoгъ, ѧ чѧн пoзнѧстѧ, вт нѧмѧлoгo чѧсy ннколн прѧвднѧвѧ вт вѧсъ, брѧтѧ ншго, нѧпoдннѧтсѧ, ѧ вкoлo звѧтѧжѧнѧ нпрнѧ-

¹⁰¹ По исправленному.

¹⁰² Нет титла.

¹⁰³ Так.

¹⁰⁴ Буква н по в.

¹⁰⁵ Буквы ал из ые.

атела московского рачте запятати у посла моего, бо тот посланец все достаточне вамъ, брату ншбому, визнаимит. И што wh будетъ устне мовити, то властными словы моими. И вы бы есте, братъ нашъ, ему вериди. Писанъ у Полю¹⁰⁶.

[VII]

(s. 35) Поселство цара перекопского через посланца его Ардыбердыя.

Поселства гонца царского до его кр мл. Напервеи воиско ишло до панства Московского до замку Молкгова, до Белева, до Козелска, до Варатына. А СЮку возилиса вышеи Колуги, могло быти и з милю. И притегнули до Колуги места, спалили, толко са замок зосталь. И тамъ была первшал битва ншб с кназемъ Варатинским. И было з ним воиска коло десети¹⁰⁷ тисачей. Людеи тых есмо з ласки Богское побили. И поведили намъ езыки, же кназ велики ест з великим воискомъ у Серпекове. И цар справою шод аж до Серпекова. И кназ великии wt Серпекова з воискомъ своим утекъ аж до стедца своего, до Москвы, и мед з Москвы подкане чинити. И притягнуд цар wt Серпекова деватого днл до столца его до Москвы. А кгда есмо до Москвы притягнули, напервеи есмо приехали до Девеского манастира. И тамъ естъ курган. На том кургане цар его млстъ рачил стояти. А воиско московское¹⁰⁸ против нас выехало: з апричною кназ Воратинский, могло быти коло пяти тисачей стрелцовъ, а з великимъ воиском и з кназемъ Семеном Белским могло быти коло пятидесат тисачей воиска. Ино цар его мл и с правое руки wtправил сына своего царевича Магмет-Кгерия и з его воискомъ¹⁰⁹, а з левое руки цар wtправил сыног своих царевича Адель-Кгерия и другого царевича Алып-Кгерия. З апричною тые царевичи потыкали подле Явузы-взера, и з кназемъ Белским царевич Магмет-Кгерей потыкаль. И за помочью Божею воиска московские вдержатиса не могло, на голову побили. А з некоторыми людми кназ Белский до замку втекъ. И кгда есмо запалили места, и месту горечи, неяко вгонь квалтовныи до замку дошод, где порохи зложоно, там са загорело. И wt того в замку место почало горети на Москве. И яко место замокъ и палацы, и скарбы все

¹⁰⁶ Низ рабочей страницы примерно в 13 строк не заполнен.

¹⁰⁷ 2-я е из л.

¹⁰⁸ Буквы ое из ал.

¹⁰⁹ 2-я о из е.

(s. 36)

погорело, и княз Белский згорел. А Москвы бронами и вороты, кто поспель, то вышоль. А в д Москвы-реки много потонуло же. Не зосталосе жадное холупины. И после того горенья не могли есмо болше и того мешкати, же великии смродь тх горелых людеи. И цар вд Москвы вттегнул, а князь великии, нимь цар до Москвы приехал, а вн втекъ на Белые взера. А што колко Москвы было места, в колко сдеса т попалили. Ровно шест недель вколо Москвы воевали. Дорослых людеи не брали, не брали, всих стинали. А толко есмо жонки, девки, малые дети брали и поло н, яко быдло, есмо перед собою гнали. И хвала милому Бгѹ, в телости есмо у панства свои вышли. И гдѣрь мои рачил мне росказати устне мовити его кр мд, и в листе его царска млостъ рачил писати, абы его кр мд рачил водле стародавного вбычаю приязни братскую мети и трех год упоми нки, которые при его кр млосте зостали, се тое всени абы рачили прислати. А естли его кр мд не похочет з нами приязни братскую мети, тогды кому Богъ допоможесть, кожды своего будеть доходити¹¹⁰.

Критическое издание:

[1]

(s. 19) Ярълык царя перекопского.

Великие Орды великий царь Сагап Кирий царь слово. Божю милостью королю полскому, великому князю литовскому, рускому, прускому жомойтскому, мазовецкому и иных. Даю вашей милости знати через сес мой лист, што есмо з братом моим з Асламом-Салтаном были в незгодѣ немалый час. И стоял напротивку мене, хотячи царем зостати всей Орде земли Перекопской. Ино ему Бог того не помог и на того нашего брата Осламъ Салтана а сына вашего нареченного в животе не стало. Боже, дай, абы есте сами на многии лѣта были здорови. А даю вашей милости знати о его смерти, от чого ся ему стала. Сам есми много важил на него, абых его мог к рукам привести и на ся то не могло стати, бо никгды не был презпечен з наше стороны або теж воли Божие не было на то. Я-м то бычил, иже-м его не мог к рукам привести. Для тое причины послал есми Бакмурозу до Орды Нагайское, хотя не Ослам-Солтана к рукамъ привести. Далем ему во всемъ там науку, яко бы ся мел в том справовати. А Ослам-Солтан был от Орды Нагайское презпечон. Не надевался никоторое пригоды на себѣ. И оный Баки-мурза взял собою о тысячу конѣй и пришол на него с тыми людми и забил его Бакий был, и своею Ордою за Перекопом он на него там на поли справил. Боже, за се дай, абы каждому неприятелю моему так ся становило, як ему ся стало. Тепер есми з ласки Божие осел моцно на царстве на мѣстци отца своего, не маю напротивку себе никоторого переказцы. И вы бы, брат наш, рачил о том

¹¹⁰ Низ рабочей страницы примерно в 12 строк не заполнен.

ведати. А што есте, брат наш, присылали перьвей до нас слугу своего доброго пана Оникея Горьностая в нѣкоторых певных справах наших и ваших. И на том посол вашей милости пан Оникей Горностай от вас нам присягу чинил на том, што мели есте скарб слати мнѣ таковой, яко и предком нашим, царем, брати своей есте съслали. Ино от тых часов, яко пан Оникей Горьностай был в нас от чотырех або от пяти лѣт, вы, брат наш, не хотели нам братское приязни своей оказати. Ино и теперь вы зо мною, братом своим, если всхочете братскийи а приятелскийи мешкати, я теж ку тому призволяю, хочу приятелю вашему приятелем быти, // (s. 20) а неприятелю неприятелем. Ослам-Солтаном перьво ся есте вымовляли. А теперь ся не маете ким вымовляти. А с нами бы есте наконец вчинили, если вы, брат наш, будете с нами волю мети братскийи а приятелскийи мешкати, яко предки ваши с предки нашими братскийи а приятелскийи мешкивали. И вы бы, брат наш, тот скарб мнѣ прислали от того часу, которого часу пан Оникей нам от вас присягу чинил суполна за вси тьи годы прошлыи. А если бы есте хотели тот скарб ко мне слати, и вы бы зимою ко мне прислали. А если бы пак хотели есте откладати ещо до лѣта тот скарб к нам слати, тогда бы есте на мѣне не дивили. Послал есми до тебе, брата нашего слугу своего на имя Текеша. Што будет вам словами от нас мовити, и вы бы ему верили. Писан тот лист у Кидкели.

[II]

Амин-Кгирей-Салтан слово. Божю милостью королю полскому, великому князю литовскому, рускому, прускому, жомойтскому, мазовецкому и иных. Даю вашей милости знати, што ж брат вашей милости а отец мой царь Сагип-Кирей послал до вашей милости гонца своего о здорови вашей милости, брата своего, навежаючи о своем павѣдаючи. И я теж для того послал до вашей милости гонца своего на имя Люиша о здорови вашей милости, навежаючи а о своем повѣдаючи. А што брат вашей милости а отец мой Сагип-Кирей царь писал и вказывал до вашей милости, брата своего, через посланца своего Текеша, хотячи вашей милости приятелем быти. Ино я сын его милость будучи, видячи ку вам приязнь отца своего, хотячи приятеля вашей милости приятелем быти, а неприятеля вашей милости неприязнь свою хочу саблею доводити, бо теперь з ласки милого Бога брат вашей милости а отец мой Сагип-Кирей царь неприятеля своего Ослам-Салтана казал забити, а теперь в своей моцы всю Орьду мает. Куды хочет, туды ее может поверьнути. Его милость вжо теперь не мает напротивку себе никоторого переказцы. А так кды ваша милость всхочеш з братом своим, // (s. 21) а отцом моим, приятелскийи мешкати водле стародавного обычая, яко предки вашей милости с предки нашими мѣшкали, буду теж отца своего на то вести, абы завжды был приятеля вашей милости приятелем, а неприятеля неприятелем. А то ваша милость у коротких часех сами обачите. А которого есми слугу своего послал до вашей милости, ваша бы милость рачил его борздо до нас отпустити.

[III]

От царя Сафа-Кирея Казанского слово. Божю милостью королю полскому, великому князю литовскому, рускому, прускому, жомойтскому, мазовецкому и иных, отцу моему великому королю. Даю вашей милости знати через сесь мой лист, што ваша милость, отец мой, рачил мене сыном наречи еще кгдым был у Ворьде Перекопской царевичом. А теперь з ласки милого Бога осел есми на

царстве Казанском. И будучи на том мѣстцу, хотячи вашей милости послугу чинити, ходилом сам своею особою и зо всею Орѣдою Казанскою до земли неприятеля вашей милости московского и выпустошилом ему землю и колкось есми замков его взял з ласки милого Бога и за форѣтуною вашей милости, отца моего, и хочу ещо наперед вашей милости отцу моему лепшими и вернейшими послугами своими приязнь свою оказати. А послалом до вашей милости отца своего посла своего подскарбьего своего Богуша. И казалом ему ширей того о приязни моей ку вашей милости словом повѣдити. И што будет он от мене вашей милости словом мовити, ваша бы милость рачили ему вѣрити, бо то суть наши рѣчи, а послалом до вашей милости наперед того посылы моего гонца своего на имя Ядикгаря о здорови вашей милости навежаючи, а за то вашу милость прошу, аж бы ваша милость не рачили тых посланцов наших у себе долго задерживати а безо мешканя к нам их отпустить. То лист от короля его милости писанный до царя перекопского и послан с Кракова толмачом Хаиком.

[IV]

(s. 22) От Жикгимонта, короля полского и далей. Великое Орѣды великому царю Сагап-Кирею, брату нашему, што присылал еси к нам гонца своего Текеша и словом через него усказал и в вярльыкох своих писал, иж што еси з братом своим з Ослам-Салтаном был в незгодѣ немалый час, што он стоял напротивку тебе, брата своего, хотячи царем зостати всей Орѣде, земли Перекопской. Ино Бог того ему не помог. И того брата твоего Ослам-Солтана в животе не стало. И дал еси нам, брат наш, знати, от чого ся ему смерть стала, иж Бакеи-муръза, до Орѣды Нагайское ехавши и подмовивши съ собою отменну коней, людей нагайских, и пришол на Ослама и забил его, бо он от Орѣды Нагайское преспечон был и не надѣвался от них никоторое пригоды на себѣ. И с того ты, брат наш, Бога фалиш, абы каждому неприятелю твоему так ся от Бога стало, яко ся ему стало. А теперь ты, брат наш, з ласки Божее осел мощно на царстве на мѣстцу отца своего, не маючи напротивку себе никоторого переказцы, абыхмо мы о томъ вѣдали. Ино, брате, што Ослам-Салтан, брат твой, с тобою, братом нашим, в незгодѣ был, то ся нищие причины дѣло, одно з упору а з небачности его самого, иж он видячи тебе, брата своего, от Бога вышнего на том столци осаженного тебе, брату своему правдиве правым серъцем того мѣсца царьского зычити не хотел и против тебе неприязни досыть не мала оказывал. Што ж Бог вышний, справедливим тую видячи незгodu, его своим судом Божим и справедливим того неприятеля твоего скарал и тою смертью его вморил. То нехай будет у воли его святой милости. Боже, дай, абы ты, брат наш, на томъ царском столци супоконне мешкаючи, много // (s. 23) лет здоров был и с нами у братской верной приязни заодин был, бо есма и перьво тебе, брату нашему, как еси на том царском столци сел справедливе и верне, того царства зычили и теперь того тебе верне справедливе зычим. И што есмо завжды стояли и до Ослам-Салтана через послы и гонцы наши и его часто всказывали, напоминаючи его, абы он с тобою, братом нашим, в добьрой а верной приязни был и на неприятеля нашего и твоего стоял заодин. А тое неприязни свое к тобѣ, брату своему чинити перестал, бо он не толко тобѣ, брату своему, противности и неприязни чинил, алѣ и нам за залецанем и присягами своими николи слова своего в правде не держал. Большую сказу, нижли помочь землям нашим людми своими чинил. И еще над то послов наших и гонцов, николи су поминки к тобѣ, брату нашему, не допущал. И

тыи впоминки в них собѣ отбирал и великии трудности в томѣ послам нашим дельвал, для которое завады и неприязни его с тобою, братом нашим, николи есмо приязни певное и обсылания через послы наши мети не могли. А которую приязнь и зычность ему есмо чинили не для того, абы он к нам и к тобѣ, брату нашому, неприязни чинил, але болши для того, абы он с нами и с тобою, братом нашим и своим, у добърой згодѣ и приязни будучи, на неприятеля нашего с нами был заодин, ино того ничего по нем есмо не взнали. Боже, дай, абы кождый, хто кому братства и приязни и присяги справедливе не здеръжит, тым от Бога каран был. А што еси писал до нас и через гонца своего вказал и посла своего вѣликого князя Булгака к нам прислал, припоминаючи нам, што есмо перво того посылали к тобѣ, брату нашому, посла нашего великого пана Оникея Горьностая в некоторых певных справах наших и твоих, и тот посол наш на том тобѣ присегнул, иж быхмо мы тобѣ, брату нашому, мели упоминки великии посылати в кождый год, и послѣ того от колка лѣт николи есмо к тобѣ, брату нашому, с тыми упоминки не посылали. Ино, // (s. 24) брате, которыи упоминки сукны умовил был тобѣ тот посол наш дати, мы с тыми упоминки послали были к тобѣ посла нашего великого старосту черъкасского и каневского пана Василя Тишкевича. А ты, брат наш, всказал до нас через посла своего Девеи-муръзу, абыхмо мы тот упоминок положили в замьку нашом отчизном в Киеве. А ты, брат наш, мел намъ дать вѣдати, на который час мѣли быхмо тот упоминок тобѣ, брату нашому, послати, и ты, брат наш, для небезпечности Осламовы сам же по тот упоминок до нас не посыла. А мы тому послу нашому пану Василю Тишкевичу рассказали пред ся к тобѣ, брату нашому, з ыншими упоминки ехати. А так и того посла нашего великого Ослам-Салтан к тебе не допустил. И тыи упоминки вси, што есмо были тобѣ, брату нашому, послали, в него собѣ поотбирал. А теперъ ты, брат наш, коли о том до нас всказал и посла своего прислал, абыхмо мы с тобою, братом нашим, в доброй верьной приязни мешкали и на неприятеля нашего и твоего с тобою стоял заодин. Мы то от тебе, брата нашего, вдячне приимеум и хочем с тобою, братом нашим, в братстве, в приязни и в вечном миру быти. И вперед о том даючи тобѣ, брату нашому, ведати с тым листом нашим гонца нашего и твоего гонца Текеша к тобѣ отпустили есмо, а посла твоего великого, князя Булгака, ещо есмо при собѣ задеръжали для того, иж хочем к тобѣ, брату нашому, з верьною а правдивою приязнью с тым послом твоим посла нашего великого с упоминки тое зимы, не мешкая, отправить и послати через которого к тебе, брату нашому, о всяких речах добрых и о приязни и о миру вечном ширей вскажем. И ты бы, брат наш, о том вѣдал.

[V]

(s. 31) Первый

Великое Орды волного цара Давлет-Кгериева слова.

Жикгимонту Августу, королю полскому, брату нашому, поклон и братская наша приязни. При том пишете до нас вы, брат наш, и з великим гневом и нареканем, же посол ваш, брата нашего, некоторую неправду справивши вам, брату нашому, ознаймил, якобых я мел его не учтити, яко на посла приналежит, якобых я мел его ослепити и некоторых достатков его водлуг обычаю не полнити. Але-м

я так его учтил и миловал, яко на посла приналежить. Ласку и жаловане ему есмо казали дати. Але послу не годило бы ся небылых речей плодити. Такового посла и овшем Пан Бог скарет, который посол небылых речей межи двема господари плодить. И пишете, якобых мы не мели панства Московского воевати и кожного часу наша шабля не ест поднесена с панства неприятеля нашего. Завше без перестанья панству его шкоду чиним. Ач Казань и Астрахань взято – але не от нас. И теперь есмо, возьмши Пана Бога на помочь, и потегнули есмо до земли неприятеля нашего. А вы, брат наш, чи не жалуете того же? Неприятель твой, колкость замков забравши, держить, а вы, брат наш, так опустивши, ничего не дбаеш и своего доходити не хочеш. И первой сего не однокроть вы, брат наш, обсылали, роки покладали, абых я тегнул в землю неприятелскую. И вы, брат наш, потому ж обещаючися ехати до земли неприятеля, и не ехали, а теперь, естли вы, брат наш, похочете в землю неприятеля своего шли, а от дороги Астараханское аж до сих часов казаки мои нигде у панстве вас, брата нашего, жадное шкоды не чинили. А так жедаю и напоминаю вас, брата нашего, абы есте своих козаков гамовали. А естли вы, брат наш, своих козаков гамовати не будете, и мы теж своих козаков гамовати не будем. И завжды панству нашему // (s. 32) казаки ваши шкоду чинят. И недавных часов казаки ваши, приходши на улусы, побрали о пятсот домов татар и з жонами и з детми, и зо всею маетностю. И тые казаки оных татар девки и жоны поимовали и теперь их у себе мают, и тепер кожного часу, поза Днепрю по уласа подошодши, кони и быдло отгоняють. И неоднокрот купцов из Москвы идучим, казаки ваши их громили и маетности им побрали, учинили шкоды им болшии, нижли на сто тысячей золотых чирвоных. Завжды без перестанья казаки ваши панству нашему шкоду чинят. И вы, брат наш, до того вымовы неслушные до нас отписуеш. А тых минулых часов, которые купцы у панстве вашем ест погромленыи. И дошла ведомость до его милости цесара турецкого, же которая кривда стала подданым его милости, яко тых козаков поимано и яко тые маетности на реистре написано, и козаков меновите именми ознамено. И которым обычаем справедливость жедана и одбывано их – едно словы. И так узнали правду вас, брата нашего. А около упоминков вы, брат наш, обещуете до нас послати одного году. А я поведаю, же трох год упоминки при вас, брате нашом, зостало кроме того году, тот год не личечи, которого году я угорнул, трех год впоминков застало. И посылаю послом того доброго слугу своего на име Туманука. И вы, брат наш, абы есте тьи упоминки через того посла нашего при-слали, бо послу за гибель нигде нет. А одного году упоминки вы, брат наш, до нас не посылайте. И посла моего до мене отпусти, а ку тому кому Пан Бог допomoжет, кождый своего доходити будет. Писан у Перекопе.

[VI]

(s. 33) Другий

Великое Орды волного цара Довлет-Кгирея слово.

Жикгимонту Августу, королю полскому, брату нашому, поклон и братская наша приязнь. При том, што ж первой сего межи нами, братом нашим, некоторые нелюбости и многие речи ся были показали, и з тых причин, иж вы, брат наш, козаков своих гамовати не хочеш и немало подданных наших козаки ваши у полон побрали и до сих часов есмо о них не дбали, ино быхмо своим козаком так же

быхмо дозволене вчинили. Але важечи зверхности его милости цесара турецкого, и яко есте оскаржили до его милости цесара турецкого и посла есте своего за росказаньем его милости цесара турецкого выняли, што ж есте лепшого себе учинили. А к тому трех або чотырох год упоминков не прислали, и тые впоминки в тебе, брата нашего, зостали. И возьмши есмо милостивого Бога на помочь и злетивши всю свою речь на милостивого Бога его светой милости, и потегнули есмо в землю неприятеля нашего сполочного, князя московского. И просто есмо до реки Оки ехали. И Оки переехали есмо под замок Колугою. И подкалися есмо з войском. И за помочю Божею войска напротивку нас одержатися не могли. И втек княз великий аж до столицы. И там одержатисе не мог. И втек и з двема сынми аж на Белоозеро. И княз Белский, воевода его, и з некоторыми значными князи сорок або петдесят тисечми войски, а пят тисечей стрелцов. И росказал им княз великий, абы ся потыкали з нами. И мы якобы о снаданной године о пол о тры приехали есмо до Москвы. И за помочю милостивого Бога и почали есмо битву. И за одну годину стрелцов побили, а войско одержатися не могло. И зо всех сторон Московского места запалили. И загорелося где были порохи и вшелякая спижа зложона. И от того замок ся загорел, и много войска, и вся места погорела. И зложенья скарб в весь погорел. А наболей людей потонуло и погорело. Редкий се жив зостал. И Болат замочок вышний – и той се загорел. Толко тые люди, которые в том Болат замочку были, тые люди вышъли, не погорели. И не ведаю, што тому за причина, иж тот неприятель наш и ваш колко замков вас, брата нашего, забрал, а ты // (s. 34) с тым неприятелем перемире береш и в приязни з ним вступиеш. Соромы и встыду не маеш. Я для тое причины таковую неприязнь ему оказал, то он ест твой и мой неприятель. А если вы, брат наш, всхочете зо мною брацкую приязнь мети, вы, брат наш, до трех год по двои упоминки годовые до нас присылали. А если же прислати похочете, абы есте и с тым посланцом моим, князем Тарибердием, докончания и перемирия написавши, и рок покладаю за пятьдесят дни. Абы есте и с тым Тарибердием до нас отпустили, и сего осенного месяца водле писанья и жеданя моего невчинители, то присега наша на вас, брата нашего, падеть. А пишете до нас, якобых я не мел чтити и миловати посла вашего. И тот посол, што хотел, то вам, брату нашему, мовил, и за причиную того посла таковая нелюбовь межи нами выросла. Але што ж не потреба веле мовити, кому Пан Бог допоможесть, тепер штоколвек мовим, наши мовенья внивеч оборочаете. Але далии Бог, а чей познасте, от немалого часу николи правдиве от вас, брата нашего, наполнитися, а около звытежена неприятеля московского рачте запытати у посла моего, бо тот посланец все достаточне вам, брату нашему, ознаймит. И што он будеть устне мовити, то властными словами моими. И вы бы есте, брат наш, ему верили. Писан у Полю.

[VII]

(s. 35) Поселство цара перекопского через посланца его Ардыбердыя.

Поселства гонца царского до его кролевское милости. Напервей воиско и шло до панства Московского до замку Молкгова, до Белева, до Козелска, до Варатына. А Оку возилися вышей Колуги, могло быти и з милю. И притегнули до Колуги места, спалили, толко ся замок зостал. И там была первшая битва наша с

князем Варатинским. И было з ним войска коло десети тысячей. Людей тых есмо з ласки Богское побили. И повелили намъ езьки, же княз велики ест з великим войском у Серпекове. И царь справою шол аж до Серпекова. И княз великий от Серпекова з войском своим утек аж до стелца своего, до Москвы, и мел з Москвы подкане чинити. И притягнул царь от Серпекова девятого дня до столца его до Москвы. А кгда есмо до Москвы притягнули, напервей есмо приехали до Девеского монастыра. И тамъ ест курган. На том кургане царь его милость рачил стояти. А войско московское против нас выехало: з апричною княз Воратинский, могло быти коло пяти тысячей стрелцов, а з великим войском и з князем Семеном Белским могло быти коло пятидесят тысячей войска. Ино царь его милость и с правое руки отправил сына своего царевича Магмет-Кгерия и з его войском, а з левое руки царь отправил сынов своих царевича Адель-Кгирея и другого царевича Альп-Кгерия. З апричною тые царевичи потыкали подле Явузы озера, и з князем Белским царевич Магмет-Кгерей потыкал. И за помочью Божею войска московские одержатися не могло, на голову побили. А з некоторыми людми княз Белский до замку втек. И кгда есмо запалили места, и месту горечи, некакось огонь квалтовный до замку дошел, где порохи зложено, там ся загорело. И от того в замку место почало горети на Москве. И яко место замок и палацы, и скарбы все // (с. 36) погорело, и княз Белский згорел. А Москвы бронами и ворота, хто поспел, то вышол. А од Москвы реки много потонуло же. Не зосталосе жадное холупины. И после того горенья не могли есмо болшей того мешкати, же великий смрод тых горелых людей. И царь од Москвы оттегнул, а князь великий, ним царь до Москвы приехал, а он втек на Белые озера. А што колко Москвы было места, о колкосдесят попалили. Ровно шест недель около Москвы воевали. Дорослых людей не брали, не брали, всех стинали. А толко есмо жонки, девки, малые дети брали и полон, яко быдло, есмо перед собою гнали. И хвала милому Богу, в телости есмо у панства свои вышли. И господарь мой рачил мне росказати устне мовити его кролевская милость, и в листе его царская милость рачил писати, абы его кролевская милость рачил водле стародавного обычаю приязни братскую мети и трех год упоминки, которые при его кролевской милости зостали, се тое осени абы рачили прислати. А естли его кролевская милость не похочет з нами приязни братскую мети, тогда кому Бог допоможесть, кождый своего будеть доходить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннинский С.А.* Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. М.; Л.: Академия наук СССР, 1940. Т. 3. С. 305–388.
2. *Беларускі архіў.* Т. 1: (XVI–XVII ст.). № 1. Працы і матар’ялы да гісторыі і архэалёгіі Беларусі. Менск: Інбелкульт, 1927. 301 с.
3. *Ващук Д.* Епістолярна спадщина царя казанського Сафи-Гірея: Листи до польського короля і великого князя литовського Сигізмунда I Старого // Крим від античності до сьогодення: Историчні студії. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 120–127.
4. *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI в. М.: ИРИ РАН, 2007. Ч. 2. 342 с.
5. *Виноградов А.В.* Дипломатическая документация Крымского ханства в XVI веке (1515–1569): К вопросу о современном состоянии публикации // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 626–647.

6. *Виноградов А.В., Малов А.В.* «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех»: Материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // *Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*. М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. С. 202–253.

7. *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. / пер. с польск. Л.И. Леньшиной. М.: Радикс, 1994. 528 с.

8. *Граля И., Эскин Ю.М.* Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А.И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. // *Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод): 1571–1580 гг.* М.; Варшава: Археографический центр, 1998. 288 с.

9. *Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: сб. док. / сост. И.А. Мустакимов; науч. ред. Д.А. Мустафина; под общ. ред. Д.И. Ибрагимова.* Казань: Гасыр, 2008. 464 с.

10. *Дубровский И.В.* Венеция, греки и Московское царство в начале Кипрской войны // *Русский сборник: Исследования по истории России*. М.: Модест Колеров, 2015. Т. 18. С. 21–73.

11. *Ерусалимский К.Ю.* Князь Семен Бельский – землевладелец и политик Великого княжества Литовского // *Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура: зб. навук. арт.: У 2 ч. Ч. 1 / уклад. А.А. Скеп'ян.* Мінск: Беларускае навука, 2017. С. 129–172.

12. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.

13. *Зимин А.А.* Опричнина. 2-е изд., испр. и доп. / предисл. А.Л. Хорошкевич. М.: Территория, 2001. 448 с.

14. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.: Научно-методическое пособие. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. 132 с.

15. *Канановіч У.* Богуш Міхал Багавіцэнавіч – велікакняжацкі дыпламат Жыгімонта Старога // *Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі.* Мінск: ІГ НАН Беларусі, 1999. Вып. 1. С. 31–39.

16. *Капелер А., Скрынников Р.Г.* Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // *Отечественная история.* 1999. № 1. С. 132–144.

17. *Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского / изд. по поручению Императорского Московского общества истории и древностей российских М. Оболенским и И. Даниловичем.* М.: Унив. тип., 1843. Т. 1. XX, 480 с.

18. *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / сост. К.Ю. Ерусалимский; пер. с древнерусского А.А. Алексеев; под ред. Ю.Д. Рыкова. М.: Наука, 2015. 944 с.

19. *Мустафина Д.* Послание царя казанского // *Эхо веков.* 1997. № 1/2. С. 26–38.

20. *Пенской В.В., Пенская Т.М.* «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи...»: Поход Девлет-Гирея I и сожжение Москвы в мае 1571 г. // *История военного дела: исследования и источники.* 2013. Т. 4. С. 183–226. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoj-penskaya_1 (дата обращения: 21.10.2017).

21. *Пилипчук Я.В.* Отношения между Великим Княжеством Литовским и Казанским ханством (1506–1552) // *Золотоордынское обозрение.* 2014. Вып. 3 (5). С. 80–102.

22. *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев; подг. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова.* М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.

23. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с., разд. паг.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве: (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. XL, 328 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с., разд. паг.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.
28. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 576 с.
29. *Толстой Д.* Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам Королевства Польского и Великого княжества Литовского, через их посла переданная // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1847. М., 1848. Кн. 9. Отд. IV. 7 с.
30. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
31. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. 622 с.
32. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: Аврелия, 2004. 277 с.
33. *Черкас Б.* Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. 244 с.
34. *Шмурло Е.* Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1913. Т. 2. Вып. 2. 688 с.
35. *Borzemski K.* Rec. // *Ateneum Wileńskie*. 1930. № 7. Zesz. 1–2. S. 355–365. – Rec. ad. op.: *Беларускі архіў*. Т. 1: (XVI–XVII ст.). № 1. Працы і матар’ялы да гісторыі і архэалёгіі Беларусі. Менск, 1927.
36. *Die Kronen-Wasserzeichen. Findbuch I der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart / bearb. von G. Piccard.* Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1961. 178 S.
37. *Dziubiński A.* Stosunki dyplomatyczne polsko-tureckie w latach 1500–1572 w kontekście międzynarodowym. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 313 s.
38. *Eskin J.M., Grala H.* Girejowie i Wielkie Księstwo Litewskie w latach 1536–1537 // *Świat historia: Studia ofiarowane Prof. Janowi Tyszkiewiczowi / red. M. Nagielski, G. Rostkowski.* Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora, 2016. S. 191–211.
39. *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł “Rudy” (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica”, 2008. 671 s.
40. *Inwentarz zespołu archiwalnego. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów. Dział II (sygn. 3275–3597) (do 1600 r.). Nr zespołu 354 / oprac. Ł. Truściński.* Warszawa: AGAD, 2012.
41. *Jaworski R.* Nieznana korespondencja króla Zygmunta Augusta z Mikołajem Radziwiłłem Rudym i Ostafim Wołłowiczem z lat 1550–1571 ze zbiorów Biblioteki Czartoryskich // *Studia Źródłoznawcze*. 2003. T. 41. S. 91–108.

42. *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt / M.: H. Lanz, 1972. 298 S.
43. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. XXXII, 1049 p.
44. *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius: Mintis, 1967. 288 p.
45. *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius: Mintis, 1967. 580 p.
46. Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 15: (1528–1538). Užrašymų knyga 15. Vilnius: Žara; Kaunas: Spindulys, 2002. 448 p.
47. *Linde S.-B.* Słownik języka polskiego. Cz. 3. Vol. 5: R–T. Warszawa: Drukarnia XX Pijarów, 1812. 704 s.
48. *Łopatecki K.* Organizacja, prawo i dyscyplina w polskim i litewskim pospolitym ruszeniu (do połowy XVII wieku). Białystok: Instytut badań nad dziedzictwem kulturowym Europy, 2013. 660 s.
49. *Nowak J.* Udział Akademii Umiejętności w sprowadzeniu Zbiorów Czartoryskich do Krakowa (1873–1876) // Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. 1977. R. 23. S. 153–159.
50. *Pezda J.* Rostkowski D. // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1989–1991. T. 32. S. 164–165.
51. *Pezda J.* Rutkowski A. // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1991–1992. T. 33. S. 215–216.
52. Popisy wojskowe pospolitego ruszenia Wielkiego Księstwa Litewskiego (1524–1566) / wstęp i opracowanie G. Lesmaitis; tłum. z języka litewskiego B. Piasecka; red. naukowa K. Łopatecki. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2016. 435 s.
53. *Ragauskienė R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (apie 1515–1584). Vilnius: Valstybės žinios, 2002. 448 p.
54. *Siniarska-Czaplicka J.* Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku. Wrocław et al.: Ossolineum, 1969. XV, 41 s., tabl. CCXXVIII.
55. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 2: Bańczysty – Butynkować się. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1967. XII, 528, 5 s.
56. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 10: K – Korzyść. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1976. XIV, 674 s.
57. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 23: P – Phy. Warszawa: Instytut badań literackich, 1995. X, 436, 14 s.
58. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4: Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie: XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby; oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk. Warszawa: DiG, 2003. 412 s.
59. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo Wileńskie XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby; opr. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk; przy współpr. U. Jemialianczuka i A. Macuka. Warszawa: DiG, 2004. 764 s.
60. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. Województwo Trockie XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby; opr. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk, A. Haratym; przy współpr. A. Macuka i J. Aniszczanki. Warszawa: DiG, 2009. 687 s.

Благодарности

Завершить эту работы было бы невозможно без ряда поездок для работы в польских архивохранилищах при грантовой поддержке по программам “Thesaurus Poloniae” (Międzynarodowe centrum kultury, 2012) и “Artes liberales” (Uniwersytet Warszawski, 2016). Выражаю благодарность коллегам, высказавшим ряд ценных замечаний и внесшим содержательные уточнения в публикуемую статью. Прежде всего – А.В. Виноградову, Иерониму Грале, Александру Казакову, В.Ю. Кацу, С.Н. Кистереву, Гедиминасу Лесмайтису, Каролу Мазуру, М.В. Моисееву, Янушу Новаку, С.В. Полехову, Анастасии Скепьян, Наталии Слиж, Наталии Старченко, С.Ю. Шокареву, Мареку Яницкому, Мариану Яскуле, а также С.М. Каштанову и участникам научного семинара под его руководством в РГГУ.

Сведения об авторе: Константин Юрьевич Ерусалимский – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (125993, Миусская пл., 6, Москва, Российская Федерация). E-mail: kerusalimski@mail.ru

Поступила 07.07.2017 Принята к публикации 24.11.2017
Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Anninskiy S.A. Rassuzhdenie o delakh Moskovii Franchesko T'epolo [On the Muscovite Affaires by Francesco Tiepolo]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archives]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1940. Vol. 3, pp. 305–388. (In Russian)
2. *Belaruskii arkhiv*. Vol. 1 (XVI–XVII st.). No. 1. *Pratsy i matar'yaly da gistoryi i arkeologii Belarusi* [Belarus' Archive. Vol. 1, 16–17 c., no 1: Works and Materials on History and Archaeology of Belarus]. Minsk, Inbelkul't, 1927. 301 p. (In Belarusian)
3. Vashchuk D. Epistolyarna spadshchina tsarya kazans'kogo Safi-Gireya: Listi do pol'skogo korolya i velikogo knyazya litovskogo Sigizmunda I Starogo [Tsar Safa-Giray's Correspondence: Letters to Polish King and Grand Duke of Lithuania Sigismund I The Elder]. *Krim vid antichnosti do s'ogodennya: Istorichni studii* [Crimea from Antiquity to the Present: Historical Studies. Kyiv: Institute of History of Ukraine]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni, 2014, pp. 120–127. (In Ukrainian)
4. Vinogradov A.V. *Russko-krymskie otnosheniya: 50-e – vtoraya polovina 70-kh godov XVI v.* [Crimean-Russian Relations in the 1550s – second part of the 1570s]. Moscow, IRI RAN, 2007. Part 2. 342 p. (In Russian)
5. Vinogradov A.V. Diplomaticeskaya dokumentatsiya Krymskogo khanstva v XVI veke (1515–1569): K voprosu o sovremennom sostoyanii publikatsii [Diplomatic Documentation of the Crimean Khanate in the 16th century (1515–1596): To the Question about the Current State of Publishing]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4. No. 3, pp. 626–647. (In Russian)
6. Vinogradov A.V., Malov A.V. «Soshlis' s nimi u Voskresen'ya v Molodekh»: Materialy o pokhode Devlet-Gireya I na Moskvu 1572 g. v Krymskoy posol'skoy knige

1571-1578 gg. ["Fought with Them near the Resurrection in Molodi": Materials on Devlet-Giray's War against Moscow in 1572 in the Book of Crimean Embassies from 1571–1578]. *Edinorog": Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Unicorn: Materials on the Military History of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. Moscow, Kvadriga, 2011. Is. 2, pp. 202–253. (In Russian)

7. Gralya I. *Ivan Mikhaylov Viskovatyy: Kar'era gosudarstvennogo deyatelya v Rossii XVI v.* [Ivan Mihajlov Viskovatyy: The Career of a Politician in 16th century Russia]. Per. s pol'sk. L.I. Len'shinoy. Moscow, Radiks, 1994. 528 p. (In Russian)

8. Gralya I., Eskin Yu.M. Gramoty i «Obidnyy spisok» polotskogo voevody kn. A.I. Nogteva-Suzdal'skogo 1571–1572 gg. [Messages and "A List of Injuries" of the Polock Voevoda Prince A.I. Nogtev-Suzdalsky in 1571–1572]. *Dokumenty Livonskoy voyny (podlinnoe deloproizvodstvo prikazov i voevod): 1571–1580 gg.* [Documents of the Livonian War (the original records management of the orders and the voevods): 1571–1580]. Moscow; Warsaw, Arkheograficheskiy tsentr, 1998. 288 p. (In Russian)

9. *Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI–XIX vekov iz drevle-khranilishch Turtsii: sb. dok.* [Documents on the 16th–19th centuries' History of the Volga-Ural Region in Turkish Archival Collections: Collection of Documents]. Sost. I.A. Mustakimov; nauch. red. D.A. Mustafina; pod obshch. red. D.I. Ibragimova. Kazan, Gasyr, 2008. 464 p. (In Russian)

10. Dubrovskiy I.V. Venetsiya, greki i Moskovskoe tsarstvo v nachale Kiprskoy voyny [Venice, Greeks and Muscovite State in the Beginning of the War for Cyprus]. *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies on the History of Russia]. Moscow, Modest Kolerov, 2015. Vol. 18, pp. 21–73. (In Russian)

11. Jerusalimski K.Yu. Knyaz' Semen Bel'skiy – zemlevladelets i politik Veli-kogo knyazhestva Litovskogo [Prince Semen Belskii as a Landowner and Politician of the Grand Duchy of Lithuania]. *Vyalikae Knyastva Litojskae: palityka, ekanomika, kul'-tura: zb. navuk. art.: U 2 part.* [The Grand Duchy of Lithuania: Politics, Economy, Culture. Collected Research Papers. In Two Parts]. Part 1. Uklad. A.A. Skep'yan. Minsk, Belaruskaya navuka, 2017, pp. 129–172. (In Russian)

12. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. 2-e izd., ispr. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 303 p. (In Russian)

13. Zimin A.A. *Oprichnina* [Oprichnina]. 2-e izd., ispr. i dop. Predisl. A.L. Khoroshkevich. Moscow, Territoriya, 2001. 448 p. (In Russian)

14. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.: Nauchno-metodicheskoe posobie* [Turkic-Tatar states in the 15th and 16th centuries: Methods of Research]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2004. 132 p. (In Russian)

15. Kananovich U. Bogush Mikhal Bagavitsienavich – velikaknyazhatski dyplamat Zhygimonta Staroga [Bogush Michal Bogovitinovich as a Diplomat of Grand Duke Sigismund the Elder]. *Shtogodnik Instytuta gistoryi NAN Belarusi* [Annual of the Institute of History of NAS of Belarus]. Minsk, IG NAN Belarusi, 1999. Is. 1, pp. 31–39. (In Belarusian)

16. Kappeler A., Skrynnikov R.G. Zabytyy istochnik o Rossii epokhi Ivana Groznogo [A Forgotten Source about Russia of Ivan the Terrible's Epoque]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1999. No. 1, pp. 132–144. (In Russian)

17. *Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo* [The Book of Embassies of the Metrics of the Grand Duchy of Lithuania]. Izd. po poru-cheniyu Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh M. Obolenskim i I. Danilovichem. Moscow, Univ. tip., 1843. Vol. 1. XX, 480 p. (In Russian)
18. Kurbskiy A.M. *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo* [The History of the Grand Duke of Moscow]. Sost. K.Yu. Erusalimskiy; per. s drevnerusskogo A.A. Alekseev; pod red. Yu.D. Rykova. Moscow, Nauka Publ., 2015. 944 p. (In Russian)
19. Mustafina D. Poslanie tsarya kazanskogo [Tsar of Kazan's Letter]. *Ekho vekov* [The Echo of the Ages]. 1997. No. 1/2, pp. 26–38. (In Russian)
20. Penskoj V.V., Penskaya T.M. «Yaz dei deda svoego i pradeda nyne zdelal lutchi...»: Pokhod Devlet-Gireya I i sozhzhenie Moskvyy v mae 1571 g. [“I Have Done It Better Than My Grandfather and Great-grandfather...”: The War of Devlet-Giray I and Burning Moscow in May of 1571]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [The History of Warfare: Researches and Sources]. 2013. Vol. 4, pp. 183–226. Available at: http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoy-penskaya_1 (last access – 21.10.2017). (In Russian)
21. Pilipchuk Ya.V. Otnosheniya mezhdru Velikim Knyazhestvom Litovskim i Kazanskim khanstvom (1506–1552) [Relations between the Grand Duchy of Lithuania and Kazan Khanate (1506–1552)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014. Is. 3 (5), pp. 80–102. (In Russian)
22. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg.* [The Book of Embassies of Relations between Muscovite State and Crimea, 1567–1572]. Otv. red. M.V. Moiseev; podg. teksta A.V. Malov, O.S. Smirnova. Moscow, Fond «Russkie Vityazi», 2016. 400 p. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 13. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13: The So-Called Patriarshaya or Nikonovskaya Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 544 p. razd. pag. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 19. *Istoriya o Kazanskom tsarstve: (Kazanskiy letopisets)* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 19: The History of the Kazan Tsardom (Kazan Chronicler)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. XL, 328 p. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 8. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 8: The Continuation of the Voskresenskaya Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2001. 312 p., razd. pag. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 20. *L'vovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 20: The Lvovskaya Chronicle]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 704 p. (In Russian)
27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 26. *Vologodsko-Permskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 26: The Vologodsko-Permskaya Chronicle]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2006. 432 p. (In Russian)
28. Skrynnikov R.G. *Tsarstvo terrora* [The Tsardom of Terror]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 576 p. (In Russian)
29. Tolstoy D. Rech' tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha k panam radam Korolevstva Pol'skogo i Velikogo knyazhestva Litovskogo, cherez ikh posla peredannaya [The Oration of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilevich to the Panowie Rada of the Polish Crown and Grand Duchy of Lithuania, Sent through Their Aambassador]. *Chteniya*

v *Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh* [Readings in the Imperial Society of the History and Antiquities of Russia]. 1847. Moscow, 1848. Book 9. Otd. IV. 7 p. (In Russian)

30. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [The History of the Nogai Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2001. 752 p. (In Russian)

31. Khoroshkevich A.L. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy serediny XVI veka* [Russia in the System of International Relations in the middle of the 16th century]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2003. 622 p. (In Russian)

32. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. Moscow, Avreliya, 2004. 277 p. (In Russian)

33. Cherkas B. *Ukraina v politichnikh vidnosinakh Velikogo knyazivstva Litovs'kogo z Krims'kim khanatom (1515–1540)* [Ukraine in Political Relations of the Grand Duchy of Lithuania with Kazan Khanate (1515–1540)]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2006. 244 p. (In Ukrainian)

34. Shmurlo E. *Rossiya i Italiya. Sbornik istoricheskikh materialov i issledovaniy, kasayushchikhsya snosheniy Rossii s Italiy* [Russia and Italy. Collection of Historical Materials and Studies on Relations between Russia and Italy]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1913. Vol. 2. Is. 2. 688 p. (In Ukrainian)

35. Borzemski K. *Rec. Ateneum Wileńskie*. 1930. No. 7. Zesz. 1–2, pp. 355–365. – Rec. ad. op.: *Belaruskі arkhiv*. Vol. 1: (XVI–XVII st.) [Belarusian Archive. Vol. 1: (16th–17th centuries)]. No. 1. Pratsy i matar'yaly da gistoryi i arkheologii Belarusi. Mensk, 1927. (In Belarusian)

36. *Die Kronen-Wasserzeichen. Findbuch I der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart*. Bearb. von G. Piccard. Stuttgart, Verlag W. Kohlhammer, 1961. 178 p. (In German)

37. Dziubiński A. *Stosunki dyplomatyczne polsko-tureckie w latach 1500–1572 w kontekście międzynarodowym*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 313 p. (In Polish)

38. Eskin J.M., Grala H. Girejowie i Wielkie Księstwo Litewskie w latach 1536–1537. *Świat historia: Studia ofiarowane Prof. Janowi Tyszkiewiczowi*. Red. M. Nagielski, G. Rostkowski. Pułtusk, Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztor, 2016, pp. 191–211. (In Polish)

39. Ferenc M. *Mikołaj Radziwiłł "Rudy" (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa*. Kraków, Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica”, 2008. 671 p. (In Polish)

40. Inwentarz zespołu archiwalnego. *Archiwum Warszawskie Radziwiłłów*. Dział II (sygn. 3275–3597) (do 1600 r.). Nr zespołu 354 / oprac. Ł. Truściński. Warszawa, AGAD, 2012. (In Polish)

41. Jaworski R. Nieznana korespondencja króla Zygmunta Augusta z Mikołajem Radziwiłłem Rudym i Ostafim Wołowiczem z lat 1550–1571 ze zbiorów Biblioteki Czartoryskich. *Studia Źródłoznawcze*. 2003. Vol. 41, pp. 91–108. (In Polish)

42. Kappeler A. *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes*. Bern; Frankfurt / Moscow, H. Lanz, 1972. 298 p. (In German)

43. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston, Brill, 2011. XXXII, 1049 p.

44. Laucevičius E. *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.* Vilnius, Mintis, 1967. 288 p. (In Lithuanian)
45. Laucevičius E. *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas.* Vilnius, Mintis, 1967. 580 p. (In Lithuanian)
46. *Lietuvos Metrika.* Kn. Nr. 15: (1528–1538). Užrašymų knyga 15. Vilnius, Žara; Kaunas, Spindulys, 2002. 448 p. (In Russian, Lithuanian)
47. Linde S.-B. *Słownik języka polskiego.* Cz. 3. Vol. 5: R–T. Warszawa: Drukarnia XX Pijarów, 1812. 704 p. (In Polish)
48. Łopatecki K. *Organizacja, prawo i dyscyplina w polskim i litewskim pospolitym ruszeniu (do połowy XVII wieku).* Białystok, Instytut badań nad dziedzictwem kulturowym Europy, 2013. 660 p. (In Polish)
49. Nowak J. Udział Akademii Umiejętności w sprowadzeniu Zbiorów Czartoryskich do Krakowa (1873–1876). *Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie.* 1977. R. 23, pp. 153–159. (In Polish)
50. Pezda J. Rostkowski D. *Polski Słownik Biograficzny.* Wrocław et al., Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1989–1991. Vol. 32, pp. 164–165. (In Polish)
51. Pezda J. Rutkowski A. *Polski Słownik Biograficzny.* Wrocław et al., Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1991–1992. Vol. 33, pp. 215–216. (In Polish)
52. *Popisy wojskowe pospolitego ruszenia Wielkiego Księstwa Litewskiego (1524–1566).* Wstęp i opracowanie G. Lesmaitis; tłum. z języka litewskiego B. Piasecka; red. naukowa K. Łopatecki. Białystok, Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2016. 435 p. (In Polish)
53. Ragauskienė R. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (apie 1515–1584).* Vilnius, Valstybės žinios, 2002. 448 p. (In Lithuanian)
54. Siniarska-Czaplicka J. *Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku.* Wrocław et al., Ossolineum, 1969. XV, 41 p., tabl. CCXXVIII. (In Polish)
55. *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Vol. 2: *Bańczęsty – Butynkować się.* Wrocław et al., Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1967. XII, 528, 5 p. (In Polish)
56. *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Vol. 10: *K – Korzyść.* Wrocław et al., Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1976. XIV, 674 p. (In Polish)
57. *Słownik polszczyzny XVI wieku.* Vol. 23: *P – Phy.* Warszawa, Instytut badań literackich, 1995. X, 436, 14 p. (In Polish)
58. *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy.* Vol. 4: *Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie: XIV–XVIII wiek.* Pod red. A. Rachuby; oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk. Warszawa, DiG, 2003. 412 p. (In Polish)
59. *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy.* Vol. 1: *Województwo Wileńskie XIV–XVIII wiek.* Pod red. A. Rachuby; opr. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk; przy współpr. U. Jemialianczuka i A. Macuka. Warszawa, DiG, 2004. 764 p. (In Polish)
60. *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy.* *Województwo Trockie XIV–XVIII wiek.* Pod red. A. Rachuby; opr. H. Lulewicz, A. Rachuba, P.P. Romaniuk, A. Haratym; przy współpr. A. Macuka i J. Aniszcanki. Warszawa, DiG, 2009. 687 p. (In Polish)

Acknowledgments

I would like to express my gratitude to the programs “Thesaurus Poloniae” (Międzynarodowe centrum kultury, 2012) and “Artes liberales” (Uniwersytet Warszawski, 2016) whose support was crucial for research travels to Poland. I am also thankful for remarks and corrections in the article to Alexander Vinogradov, Hieronim Grala, Alexander Kazakou, Vladimir Katz, Sergey Kisterev, Gediminas Lesmaitis, Karol Mazur, Maxim Moiseev, Janusz Nowak, Sergey Polekhov, Anastasiya Skepian, Natalia Slizh, Natalia Starchenko, Sergey Shokarev, Marek Janicki, Marian Jaskuła, Sergey Kashtanov and to all the participants of the latter’s seminar in the RSUH.

About the author: Konstantin Yu. Erusalimskiy – Dr. Sci. (History), Docent, Professor at the Chair for history and theory of culture at the Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya pl., Moscow 125993, Russian Federation.). E-mail: keralsimski@mail.ru

*Received July 7, 2017 Accepted for publication November 24, 2017
Published December 29, 2017*

УДК 904(470.57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.921-926

**УРОЧИЩЕ КАЛА-ТАУ – СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК
АРХЕОЛОГИИ И ЭПИГРАФИКИ ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ*****И.М. Габдрафиков***

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра РАН
Уфа, Российская Федерация
ildargab@yandex.ru*

Цель исследования: Описание Старокалмашевского городища и Старокалмашевского надмогильного камня с арабской эпитафией, найденного в середине XX века в непосредственной близости от городища, не только как памятников средневековья, но и как объектов исторического наследия, свидетельствующих о непрерывном процессе этно-культурогенеза в Западном Приуралье вплоть до нового времени.

Материалы исследования: На примере Старокалмашевского городища, расположенного в урочище Кала-тау (Чекмагушевский район Республики Башкортостан), а также Старокалмашевского надмогильного камня рассматриваются проблемы средневековой истории, этно- и культурогенеза Западного Приуралья. Дается комплексная характеристика этим памятникам археологии и культуры. В статье отмечается важность сохранения этих объектов как важной составляющей коллективной исторической памяти местного населения и всего Волго-Уральского региона.

Научная новизна: Приведены новые материалы, в т.ч. рассказы старожилов о происхождении вышеуказанных археологических памятников. Дается анализ надписи на надгробной плите, в т.ч. ее новое прочтение. Делается вывод о преемственности населения этой территории в течение длительного времени.

Ключевые слова: Золотая Орда, татары, археология, Башкортостан, эпиграфика, эпитафии, ислам

Для цитирования: Габдрафиков И.М. Урочище Кала-тау – средневековый памятник археологии и эпиграфики Западного Приуралья // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 921–926. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.921-926

**KALA-TAU HILL AS A MEDIEVAL MONUMENT OF ARCHAEOLOGY
AND EPIGRAPHY IN THE WESTERN URALS*****I.M. Gabdrāfikov***

*Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev,
Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation
ildargab@yandex.ru*

Objective: To provide a description of Starokalmashevo hillfort and the Starokalmashevo gravestone with an Arabic epitaph found in the mid-20th century in close proximity to the site of ancient settlement. They are here described not only as monuments

© Габдрафиков И.М., 2017

of the Middle Ages, but also as objects of historical heritage testifying to the continuous process of ethno-culturogenesis in the Western Cis-Urals up to modern times.

Research materials: The author considers the issues of medieval history, ethno- and cultural genesis of the Western Cis-Urals in light of the example of the Starokalmashevo hillfort, located on the hill of Kala-tau (Chekmagushevsky district of the Republic of Bashkortostan), as well as the Starokalmashevo gravestone. The author provides a complex description of these archaeological and cultural monuments and points out the importance of preserving these objects as an integral part of the local population and the entire Volga-Ural region's collective historical memory.

Research novelty: The author presents new materials, including the stories of community elders about the origin of the above-mentioned archaeological sites. He analyzes the inscriptions on the tombstone, including its new reading, and draws a conclusion about the continuity of the population of this territory for a sustained period.

Keywords: Golden Horde, Tatars, archaeology, Bashkortostan, epigraphy, inscription, Islam

For citation: Gabdrafikov I.M. Kala-tau Hill as a Medieval Monument of Archaeology and Epigraphy in the Western Urals. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 921–926. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.921-926

Эпоха средневековья – важный период в истории формирования этнического состава Западного Приуралья. Отдельные ее аспекты нашли отражение в ряде обобщающих работ по истории Башкортостана и в изданиях, посвященных непосредственно этому хронологическому периоду. Для решения этой проблемы исключительно большой научный интерес представляет Старокалмашевское городище, исследовавшееся на протяжении нескольких лет археологическими экспедициями под руководством Н.А. Мажитова, Г.И. Матвеевой, В.В. Овсянникова, И.М. Акбулатова. Это уникальный памятник эпохи средневековья, одно из наиболее изученных укрепленных поселений, археологически документирующее сложные процессы миграций и этнического взаимодействия древних народов региона. Находки характерных фрагментов керамики и вещей, а также стратиграфия оборонительных сооружений свидетельствуют, что городище функционировало со второй половины VIII до XIV в.

Старокалмашевское городище расположено в урочище Кала-тау («город-гора») на безымянном ручье, левом притоке р. Чекмагуш, левого притока р. Калмашка, в 2 км западнее от деревни Булгар, Старокалмашевского сельсовета Чекмагушевского района Республики Башкортостан, на высоком мысу, высотой 32 метра от уровня воды. Площадка городища представляет собой ровную плоскую возвышенность, поросшую чилигой. У подножья городища протекает небольшой ручей. Склоны очень круты и труднодоступны. С напольной стороны оно защищено валом и рвом. Длина площадки 130 м, ширина у вала 50 м. Общая площадь городища около 6500 кв. м.

Старокалмашевское городище впервые было упомянуто в работе Г.В. Вахрушева [2, с. 46]. Поскольку он использовал материалы своих предшественников, этот памятник был известен еще до революции. Свидетельством тому являются дошедшие до наших дней рассказы старожилов окрестных сел о судьбе остатков городища. По их словам, раньше на вершине

горы стояли руины старинной крепости, укрепленной каменной стеной. Когда эти земли оказались в руках русских помещиков, они использовали камни городища для строительства хозяйственных построек. Старожилы села Старокалмашево рассказывают, что на месте слияния рек Чекмагуш и Калмаш, в километре ниже горы Кала-тау, помещик Верегин построил хутор. На хуторе руками крепостных крестьян и строителей он построил десятки дворов для скота (коровники, свинарники, конюшни) и амбары для хранения хлеба из камня, добытого с развалин крепости Кала-тау [1, с. 59–60].

Старокалмашевский надмогильный камень (надгробная плита).
Фото предоставлено автору директором Чекмагушевского районного
историко-краеведческого музея А.Х. Басыровым

The Starokalmashevo gravestone.
The photo has been provided to the author by the director
of Chekmagushevsky regional historical museum of local lore A.Kh. Basyrov

Позднее информация о памятнике вошла в картотеку памятников археологии, составленную Б.А. Коишевским и опубликованную И.А. Талицкой: «Близ деревни [Старокалмашево], на горе Кала-тау, находится городище с валом» [6, с. 61].

К XIV в. господствующей религией Золотой Орды становится ислам, окончательно вытеснивший языческие культы. В связи с этим вызывает большой интерес надмогильный камень 40-х годов XIV века, до сих пор ошибочно датированный 1442–1447 гг. В 1950 г. чекмагушевский краевед Г.К. Воробьев рядом с Кала-тау обнаружил надмогильный камень (надгробную плиту), который в настоящее время хранится в фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, а его копия имеется в краеведческом музее Чекмагушевского района. В 1984 г. журнал «Советская этнография» сообщал: «В первом этнографическом зале выставлен любопытный памятник, который как бы сочетает в себе культурные традиции двух эпох. Это каменная надмогильная плита, переданная школьным музеем с. Чекмагушево Башкирской АССР. На камень нанесено множество знаков, большинство которых аналогично буквам древнетюркской рунической письменности. Значительно позже, в XIV в., поверх этих знаков арабским письмом выполнена обычная эпитафия» [4, с. 80].

Эта одна из самых ранних мусульманских надмогильных плит в Приуралье. Вся поверхность плиты покрыта тамгами. Поверх нее (?) в XIV в. была выбита арабским шрифтом эпитафия в честь Кукляра сына Буги. Два похожих надгробных камня XIV в. были найдены и у д. Мавлютово соседнего Кушнаренковского района. На основе анализа надписей на этих плитах казанский исследователь Г.В. Юсупов пришел к выводу, что употребление в тексте С и Ч (как и в современном татарском языке) вместо характерных для башкирского языка фонем «h» и «c» «восходит к болгарским временам, а не является только результатом позднего влияния казанско-татарского языка» [7, с. 122]. Это позволяет говорить о преемственности средневекового населения Западного Приуралья с более ранними жителями края.

Как отметил С.Г. Кляшторный, изучивший этот памятник, на камень нанесено множество знаков, большинство которых аналогично буквам древнетюркской рунической письменности. С.Г. Кляшторный считает, что значительно позже, в XIV в., поверх этих знаков арабским письмом была выполнена обычная эпитафия [3, с. 67]. Казанский историк И.М. Миргалеев уточнил время изготовления надписи на камне. По его мнению, на нем указан 747 год хиджры, который соответствует 24.04.1346–12.04.1347 гг. [5]. Также он считает, что знаки на камне являются родовыми, семейными или же личными тамгами и нанесены позже надписи на арабице. Далее мы приводим сведения о камне и надпись в прочтении И.М. Миргалеева: «Камень-песчаник, правая часть отколота, нижняя часть, к сожалению, утеряна, возможно, осталась в земле. Параметры камня: высота 89 см., ширина 45–50 см., толщина 10–12 см., на лицевой и левой боковой части нанесены тамги, иногда и «наложены» друг на друга, что указывает, что тамги наносились в разное время. Арабский текст написан четко, красиво, несмотря на неполную сохранность (не сохранились нижние строки, 3 и 7 строки отколоты), она достаточно легко читается» [5].

Текст арабской графикой

اغوذ بالله من الشيطان الرجيم
بسم الله الرحمن الرحيم
ز الله ن
بوغا اوغلى كوكلار بلкسي
قولوغ مبارك بولسون
تاريخ يتى يوز قرق يتيدا
ننك اون اوجم

Транскрипция

1. Әгузе билләһи мин әш-шайтан-ир-ражим
2. Бисмиллаһ-ир-Рахман-ир-Рахим
3. з(?) Аллаһу н(?) к(г)(?)
4. Буга углы Күкләр билгесе
5. Кутлуг мөбәрәк булсун
6. Тарих йити йүз к(ы)р(ы)к йитидә
7. ... (айы)ның ун өчендә ...

Перевод

1. Я прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана
2. Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!
3. Аллаху
4. Надмогильный знак Кукляра, сына Буги
5. Пусть будет благословенным и чистым
6. По летоисчислению семьсот сорок седьмого (года)
7. ... месяца тринадцатого (дня) ...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахунов М.Г. Иске Калмаш авылы тарихы. Уфа, 2014. 264 б.
2. Вахрушев Г.В. Памятники природы, старины и искусства Башкирии // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926. № 1. С. 40–51.
3. Ишбердин Э.Ф. Камень с «загадочными» знаками // Советская тюркология. 1980. № 2. С. 64–67.
4. Кузеев Р.Г., Пиеничнюк А.Х., Бикбулатов Н.В. Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР // Советская этнография. 1984. № 3. С. 75–82.
5. Миргалеев И.М. Старокалмашевская надмогильная плита и вопросы этнической интерпретации населения Приуралья в средние века // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 176–180.
6. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 27. М., 1952. 225 с.
7. Юсупов Г.В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 120–121.

Сведения об авторе: Ильдар Махмутович Габдрафиков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (450077, ул. К. Маркса, 6, Уфа, Российская Федерация). E-mail: ildargab@yandex.ru

Поступила 04.09.2017 Принята к публикации 28.11.2017

Опубликована 29.12.2017

REFERENCES

1. Ahunov M.G. *Iske Kalmash avyly tarihy* [The History of the Village of Old Kalmashevo]. Ufa, 2014. 264 p. (In Tatar)
2. Vahrushev G.V. Pamjatniki prirody, stariny i iskusstva Bashkirii [Monuments of Nature, Antiquity and Art of Bashkortostan]. *Bashkirskij kraevedcheskij sbornik* [Collection of Papers on the Bashkir Local History]. Ufa, 1926, no. 1, pp. 40–51. (In Russian)
3. Ishberdin Je.F. Kamen' s «zagadochnymi» znakami [A Stone with “Mysterious” Signs]. *Sovetskaja tjurkologija=Soviet Turkology*. Moscow, 1980, no. 2, pp. 64–67. (In Russian)
4. Kuzeev R.G., Pshenichnjuk A.H., Bikbulatov N.V. Muzej arheologii i jetnografii Bashkirskogo filiala AN SSSR [Museum of Archaeology and Ethnography of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences]. *Sovetskaja jetnografija=Soviet Ethnography*. Moscow, 1984, no. 3, pp. 75–82. (In Russian)
5. Mirgaleev I.M. Starokalmashevskaya nadmogil'naya plita i voprosy etnicheskoy interpretatsii naseleniya Priural'ya v srednie veka [Gravestone of Staro-Kalmashevo Village and Issues of Ethnic Integration of Cis-Uralic Population in the Middle Ages]. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2017, no. 6, pp. 176–180. (In Russian)
6. Talickaja I.A. Materialy k arheologicheskoy karte bassejna r. Kamy [Materials for the Archaeological Map of the Basin of the Kama River]. *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR=Materials and Researches on Archaeology of the USSR*. No. 27. Moscow, 1952, 225 p. (In Russian)
7. Jusupov G.V. Dve nadgrobnye nadpisi s drevnego bashkirskogo kladbishha [Two Funerary Inscriptions from the Ancient Bashkir Cemetery]. *Voprosy bashkirskoj filologii = Questions of Bashkir Philology*. Moscow, 1959, pp. 120–121. (In Russian)

About the author: Ildar M. Gabdrafikov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (6, K. Marx Str., Ufa 450077, Russian Federation). E-mail: ildargab@yandex.ru

Received September 04, 2017 Accepted for publication November 28, 2017

Published December 29, 2017

ХРОНИКА

УДК 94

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.927-930

ПО СЛЕДАМ ВЕЛИКОГО ТАТАРСКОГО ПУТИ (ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В ПОЛЬШУ 7–8 ИЮНЯ 2017 ГОДА)

Э.Г. Сайфетдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
adulya2@yandex.ru*

7 июня 2017 г. делегация Института истории им. Ш. Марджани АН РТ выступила с докладами на международной конференции «Великий татарский путь». Программа международной конференции была приурочена к «620-летию поселения татар в Великом княжестве литовском». Делегацию из Татарстана представляли директор Института истории Рафаэль Хакимов, заместитель директора Института истории по научной работе Радик Салихов, заместитель директора Института истории по международному сотрудничеству Марат Гибатдинов, главный научный сотрудник Института истории Лилия Габдрафикова, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Эльмира Сайфетдинова. Была презентована книга «Золотая Орда в мировой истории» и экземпляр этой книги на английском языке был передан президенту Национального Центра Культуры Татар Речи Посполитой – Ежи Кучиньски-Шахуневичу.

8 июня 2017 года в городе Варшава (Польша) состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ и Варшавским архивом древних актов. В рамках Круглого стола были обсуждены вопросы совместного сотрудничества в области исследования и изучения архивных документов по истории татар. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ также передал в архив семитомник «История татар с древнейших времен» и коллективную монографию «Золотая Орда в мировой истории» на английском языке.

Ключевые слова: международная научная конференция, история татар, польские архивы, татарские материалы, международное научное сотрудничество

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г. По следам Великого татарского пути (отчет о поездке в Польшу 7–8 июня 2017 года) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 927–930. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.927-930

**FOLLOWING THE GREAT TATAR WAY
(A REPORT ON THE TRIP TO POLAND, JUNE 7–8, 2017)**

E.G. Sayfedinova

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
adulya2@yandex.ru*

On June 7, 2017, the delegation of the Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences made presentations at the international conference, “The Great Tatar Way”. The program of the international conference was timed to coincide with the “620th anniversary of the settlement of the Tatars in the Grand Duchy of Lithuania”. The delegation from Tatarstan included Rafael Khakimov (the director of the Institute of History), Radik Salikhov (deputy director of the Institute of History for Scientific Work), Marat Gibatdinov (deputy director of the Institute of History for International Cooperation), Liliya Gabdrafikova (senior research fellow at the Institute of History), and Elmira Sayfedinova (senior research fellow at the Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates). The Tatar delegation presented the book, “The Golden Horde in World History”, and a copy of the book’s English translation was handed over to the President of the National Center for Culture of the Tatars of the Commonwealth.

On June 8, 2017, the Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences signed an agreement on cooperation with the Warsaw Archives of Ancient Acts. Regarding this, issues of joint cooperation in the field of research and study of archival documents on the history of the Tatars were discussed within the framework of the Round Table. Also, the Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences presented a seven-volume “History of Tatars from Ancient Times” and a monograph, “The Golden Horde in World History”, in English.

Keywords: international research conference, history of the Tatars, Polish archives, Tatar materials, international research cooperation

For citation: Sayfedinova E.G. Following the Great Tatar Way (a report on the trip to Poland, June 7–8, 2017). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 927–930. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.927-930

7 июня 2017 г. делегация Института истории им. Ш. Марджани АН РТ выступила с докладами на международной конференции «Великий татарский путь». Программа международной конференции была приурочена к «620-летию поселения татар в Великом княжестве литовском». С приветственным словом выступили: президент Национального Центра Культуры Татар Речи Посполитой Ежи Кучиньски-Шахуневич, проректор Гданьского университета Арнольд Клончиньски, ректор Гданьской Школы Высшей (ГШВ) Исидор Собчак, декан факультета общественных наук Тадеуш Дмоховски, директор Института ОРИЕНТ доктор Андрей Лимар.

Во главе делегации из Татарстана был директор Института истории Рафаэль Хакимов, который в своем докладе рассказал о современном состоянии исследований по истории татар и Золотой Орды. Была презентована книга «Золотая Орда в мировой истории», и экземпляр этой книги на английском языке был передан президенту Национального Центра Культуры Татар Речи Посполитой – Ежи Кучиньски-Шахуневичу. Также Р. Хакимов акцентировал внимание на формах популяризации историко-культурного наследия татар среди молодежи во всемирной сети Интернет. Был представлен фильм о краткой истории татарского народа, который подготовлен при научном содействии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Заместитель директора Института истории по научной работе Радик Салихов выступил с докладом «Изучение историко-культурного наследия татарского народа». Р. Салихов рассказал об активной деятельности Института истории в процессе сохранения и популяризации памятников культуры и истории, татарских некрополей.

Заместитель директора Института истории по международному сотрудничеству, заведующий Центра истории и теории национального образования Марат Гибатдинов представил в своем докладе вклад Института истории в изучение материалов по истории и культуре татар в зарубежных архивах, рассказал об основных проектах и планах реализации плана по исследованию зарубежных архивов.

Главный научный сотрудник Института истории Лилия Габдрафикова представила свой доклад «Польские татары в Казанской губернии в годы Первой мировой войны», в котором рассказала о результатах своей исследовательской работы, в рамках которой она изучала историю жизни и быт татар польского происхождения во время Первой мировой войны, а также представила список польских татар Казанской губернии. Старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Эльмира Сайфетдинова в своем докладе «Политические отношения между Польско-Литовским государством и Золотой Ордой в конце XIV – начале XV вв.» определила основные политические моменты межгосударственного сотрудничества Польско-Литовского государства и Золотой Орды. Одной из участниц данной международной конференции выступила магистр Майре Межуева из Калининграда, которая рассказала о проблеме этногенеза литовских татар.

В заключение конференции состоялась дискуссия, в которой с речью выступили представители научных кругов Гданьска и татарской диаспоры Польши, поблагодарившие Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ за продвижение идеи популяризации истории татарского народа в мировое общество.

8 июня 2017 года в городе Варшава (Польша) состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ и Варшавским архивом древних актов. В рамках Круглого стола, в котором, с одной стороны, участвовала делегация Института истории, а с другой стороны – директор Архива древних актов Хуребт Вайс, профессор Д. Колодзейчик, польские ученые Наталия Кроликовска, Анжей Глива, Ан-

жей Закржевски; обсуждались вопросы совместного сотрудничества в области исследования и изучения архивных документов по истории татар. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ также передал в архив семитомник «История татар с древнейших времен» и коллективную монографию «Золотая Орда в мировой истории» на английском языке.

Сведения об авторе: Эльмира Гаделзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ **ORCID:** orcid.org/0000-0002-7138-1256, **ResearcherID:** **K-2746-2017** (420111, Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

*Поступила 20.09.2017 Принята к публикации 24.11.2017
Опубликована 29.12.2017*

About the author: Elmira G. Sayfedinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** orcid.org/0000-0002-7138-1256, **ResearcherID:** **K-2746-2017** (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

*Received June 20, 2017 Accepted for publication November 31, 2017
Published December 29, 2017*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

All the materials of the “Golden Horde Review” are available
under Creative Commons “Attribution” 4.0 license

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2017. Т. 5, № 4

GOLDEN HORDE REVIEW. 2017. Vol. 5, no. 4

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 10.12.2017 г. Формат 70×108 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 15,0 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>